

КГБ. 5(253 б)
К 89

Евгений Кузнецов

**СИБИРСКИЙ
ЛЕТОПИСЕЦ**

Евгений Васильевич

КУЗНЕЦОВ

СИБИРСКИЙ

ЛЕТОПИСЕЦ

Сказания и догадки о христианском имени Ермака

Начало сибирских городов: *Исторический набросок*

Сибирский летописец: *Летопись конца XVII
и начала XVIII столетия, веденная в Тобольске*

Летопись Щетининых (1743—1777)

Тобольский кремль и одна из тайн его

О хлебной торговле Тобольска в 1744 году
(*По бумагам Полицмейстерской конторы*)

Тревога в Сургуте в 1745 г.: *Из уцелевших от пожаров бумаг
Тобольской полицмейстерской конторы*

Бытовые черты тоболяков XVIII столетия:
(*По архивным документам*)

Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири

Монахиня Прокла: Княжна Прасковья Григорьевна
Юсупова (*Новые материалы для биографии*)

Первые кабаки в Сибири

Воздушные страхи Тобольска в старину

Тобольск в дни воцарения императора
Николая Павловича (*По архивным сведениям*)

Находка ружья покорителя Сибири

Святые ворота в старом Тобольске: 1686—1759

Нападение на полицмейстера Бабановского:
Из тобольской старины

Тяжелая память прошлого: (*Старые листки о старых людях*)

Указатель литературных трудов Е.В. Кузнецова (1866—1896)

К 65 50253
к 89

Евгений Васильевич

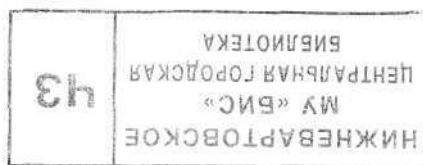
КУЗНЕЦОВ

СИБИРСКИЙ

ЛЕТОПИСЕЦ

Под редакцией С. Г. Пархилевича

Составитель Ю. Л. Мандрика

Нижневартовское

МУ "БИС" /

инв. бл. S C H\

**Издательство Ю. Маиприки
Тюмень, 1999**

ББК 63.5 (2)

К 89

К 89 КУЗНЕЦОВ Евгений Васильевич

Сибирский летописец/Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень: Издательство Ю.Мандрики, 1999. — 368 с. — [Приложение к журналу «Лукич»].

В книгу незаслуженно забытого тобольского историка и краеведа Е.В. Кузнецова-Тобольского вошли наиболее значительные его работы, которые при жизни автора появились в виде отдельных изданий. Некоторые статьи взяты из периодики того времени.

Книга адресована тем, кто интересуется историей края, историей Сибири.

Издательство Ю. Мандрики (издание), 1999.

ISBN 5-93020-024-6

A handwritten signature in cursive script, likely reading "Е. В. Кузнецов". The signature is written in dark ink on a light background.

**Кузнецов Евгений Васильевич
(1848 - 1911)**

Евгений Кузнецов**считал себя пионером**

В конце девяносто третьего года прошлого столетия на страницы многих сибирских газет выплеснулась скандальная история: в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» стали публиковаться заимствованные из других изданий материалы. «Новоиспеченный тобольский печатный орган, — писал «Енисейский листок» (1893. №40), — мы не без основания назвали «историческим», потому что действительно, чуть ли не с каждым его номером случаются истории». Вначале ТГВ напечатала новеллу «Тарасьич», которая появлялась раньше в «Сибирском вестнике» под иным именем: «Старый пикетчик». Затем было опубликовано стихотворение некоего омича А. Ленского «Желание», которое как впоследствии выяснилось, уже было знакомо читателям «Восточного обозрения», но фамилия у автора публикации ранее была совсем иная. И, наконец, совсем вопиющий случай, передовая статья неофициальной части ТГВ была позаимствована из «Делового корреспондента»... При этом вышеназванная газета делала вывод: «Так как «Неоф. часть Тоб. губ. вед.» мнит себя газетой... то, пожалуйста, когда вы будете читать вышеприведенное стихотворение, не краснейте за эту quasi редакцию quasi газеты...».

Как у нас сейчас любят говорить, только ленивый не писал об этом. «Енисейский листок», «Сибирский вестник», «Степной листок»... Но никто не хотел прислушаться к голосу «обвиняемого». А ему было что сказать.

Во-первых, рассказ «Тарасьич» «составляет собственность нашего редактора, и, естественно, мог быть напечатан без согласия «Сибирского вестника» (ТГВ. 1893. №43. С. 689). Во-вторых, что касается трех стихотворений, то «два раза редакция была нагло мистифицирована, а один раз произошло простое недоразумение...».

Редактором «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей» в то время был Евгений Васильевич Кузнецов*. Он и пытался «оживить» провинцию.

Но коллеги из других газет ставили эти попытки под сомнение. Публикации авторов из других городов считали не больше чем вымыслом. По их мнению, все, что было в «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей» — «наше, тобольское, доморощенное...». И причина для этого была: зависть. Новоиспеченному редактору практически новой газеты удавалось то, что оказалось не по зубам коллегам — быть талантливым журналистом, безудержно способным редактором, умеющим организовать вокруг своего «органа» пишущих людей.

Его завистливые коллеги и не скрывали своей желчи: «...мы не знаем ни одного официального органа в провинции, который бы представлял собою действительно орган общественной и литературной жизни. Мы свидетели таких попыток в Томске и Тобольске — создать из неофиц. части Губ. вед. литературный орган. Но несмотря на массу энергии и усилий, употребленных на оживление такого органа прессы в Томске, все труды кончились полным неуспехом. Что же касается и сейчас продолжающихся попыток в Тобольске. ...»

Евгений Кузнецов последнее время перед уходом в отставку служил в Томске. Возвратясь на родину в Тобольск и возглавив неофициальный отдел местных ведомостей, он пытался сделать то, что не удалось томичам: удалить хотя бы частично бюрократический налет с официальной газеты. Вот что он писал о программе своей газеты: «Мы прекрасно сознаем ответственность и важность своих задач и не обманываемся насчет своих сил — мы являемся чуть ли не первыми пионерами коренного реформирования установившихся порядков обработки административного участка нивы печатного слова... Как пионеры мы еще одни, нас мало, и потому еще мы — не совсем сильны. Тем более тяжел наш путь, что нам приходится бороться не только, как вся-

* См. подробнее о нем: Мандрика Ю.Л. Его биография — сплошное белое пятно//Литературные фантомы. Тюмень, 1997. С. 272—276.; Мандрика Ю.Л. Кузнецов-Тобольский и -Красноярский//Лукич. 1998. 4.2. С.3-6.; Мандрика Ю.Л. Рояль стоял в кустах//Лукич. 1999. Ч. 1. С. 151-152.

кому пионеру, с чисто естественными препятствиями, но еще выдерживать травлю со всех сторон вместо сочувствия и поддержки, и тем более досадную травлю, что ведется на основании таких неважных и несущественных, а иногда и просто непредусмотримых промахов...»*.

При жизни Евгения Кузнецова его деятельность, в т.ч. творческую, так и не смогли оценить земляки. Говорят, что это может сделать только Время.

Сегодня изучением «Тобольских губернских ведомостей» времен Кузнецова-Тобольского занимаются почему-то только москвичи. Его Время к нам еще не пришло. Хотя, глядя на содержание этого тома, он все-таки писал о нас вчерашних. И для нас. Чтобы помнили пионерский возраст Сибири.

Ю. Мандрика

* ТГВ. 1893. №.43. С. 691.

Сказания и догадки

о христианском имени Ермака

Насколько для нас темны родословие и начальная жизнь покорителя Сибири, настолько же загадочно и имя его. Празднуя юбилей трехсотлетия Сибири, мы по привычке продолжали воспевать «храброму витязю Ермаку вечную память», будучи убеждены, что такого имени в великой семье христиан не было и нет. Но иначе быть не могло: имея перед собою целый перечень совершенно разнородных имен, присвоенных знаменитому юбиляру, мы и тогда не знали, да не знаем и теперь действительного имени его.

За время трех веков упомянутый перечень составили следующие семь имен: Ермак, Ермолай, Герман, Василий, Ермил, Тимофей и Еремей.

Оставаясь вдалеке от претензии с точностью указать действительное имя покорителя Сибири, мы в предлагаемой статье намерены только свести в одно общее сказания сибирских летописей и историков, по которым составился приведенный перечень имен, и выразить свои догадки, какое из имен тех следовало бы признать за христианское имя Ермака.

I

Начнем с первоисточников.

Считаемые за первые сибирские летописи Строгановская и Есиповская никаким христианским именем покорителя Сибири не называют; в первой летописи, озаглавленной «Повестью о взятии Сибирских земли», составленной около 1600 года неизвестным автором и названной Строгановскою историком Карамзиным, под 1579 г. говорится: «В лето 7087 году априля в 6 день, слышаху бо сия Семен и Максим Строгоновы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков Ермака Тимофеева с товарищи...»

— и далее: «Тогож году июня в 28 день... приидоша с Волги атаманы и казаки Ермак Тимофеев Поволской с товарищи...»*; во второй же летописи, или «Истории о Сибирстей земли и о Царствии», законченной в 1636 году, составителем которой был дьяк Савва Есипов, перед 1581 г. сказано: «Избра Бог не от славных муж, ни от царска повеления воевод, а вооружи славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына...»**.

За этими летописями Ермаку не дают никакого христианского имени и некоторые другие, так, «Летописец вкратце», составленный в 1669 году по татарским и бухарским преданиям при тобольском воеводе Петре Годунове, при упоминании о донских казаках говорит: «В них же старейшина атаман рекомый Иермак и иные многие атаманья»***; в статье же «Описание новья земли сиречь Сибирского царства» неизвестного автора, сочинение которой, по определению А.Х. Востокова¹, отнесено ко времени после 1683 года, сказано: «По 28 лете взятия Казанского царства, з Дону восташа самовольныя казаки с атаманом Ермаком Тимофеевым сыном...», или же: «Он, атаман донской, Ермак с товарищи, рускую силу посланных побил...»****. Какое имя присваивают Ермаку летописи, остающиеся не изданными, которых в московском архиве Министерства иностранных дел хранится до шести экземпляров, сказать не можем; в заглавиях же трех из них покорителем Сибири именуется атаман Ермак Тимофеев*****. Затем в заглавии одной из семи таких же летописей, хранящихся в числе рукописей археографической комиссии, упоминается также Ермак Тимофеев сын Поволский*****. Этим же именем — Ермак Ти-

* Сноски, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены в конце книги на С. 358-366. К словам, обозначенным астериском (*), имеются примечания автора, которые помещены внизу страницы. — *Прим. издателя.*

Летопись Строгановская//Прил. к «Покорению Сибири» П. Небольсина. 1849. Гл. VIII и IX. С. 21-23.

** «Летопись Саввы Есипова» в том же издании. Гл. VII. С. 24.

*** Продолж. древ. российск. вивлиофики. 1791. Ч. VII. С. 195.

**** *Титов.* Сибирь в XVII в.: Сборник старин, русск. статей о Сибири. Изд. Г. Юдина. 1890. Ч. VII. С. 57-58.

***** *Пуццлло.* Указат. дел. и рукопис., относящ. до Сибири. 1879. С. 2, 97-98, 104.

***** *Барсуков.* Рукописи археогр. комиссии. 1882. №№ 24, 31, 70, 72, 213, 227.

мофеев сын — называют его летопись, оказавшаяся в 1874 году в Барнауле*, и некоторые другие.

Первым из христианских имен присвоено Ермаку имя Ермолая. Это сделано в конце первой половины XVII века летописью неизвестного автора, названной «Новым Летописцем», где говорится: «Един же от них казаков старейшина атаман Ермолай, да с ним шесть сот человек», или же: «А ко атаману Ермолаю и к казаком посла (государь) многое жалованье в грамотах повеле Ермолая именовати Князем Сибирским»**.

Спустя полстолетия в летописи, названной Миллером «Тобольским Летописцем», Ермак именуется уже Германом: «...и в таковой храбрости Герман в дружине своей Ермаком прослав и атаманом наречен...»***. По времени составления летописи тобольским боярским сыном Семеном Ремезовым появление этого имени нужно относить к самому концу XVII века.

Затем появившаяся через долгое время другая летопись, доведенная до 1760 года и названная Карамзиным «Новою», составление которой ранее академиком Фальком² приписано тобольскому ямщику Илье Черепанову, передавая первую подробные сказания о роде Ермака, присвоила ему имя Василия. «В некоторой сибирской истории³, — говорится там, — упомянуто о роде атамана Ермака, а писатель той истории при ней своего имени не объявил. Он и начал тем свою историю, якобы сам о себе Ермак объявил о происшествии своей природы. Дед его был города Суздаля посадский человек, а жил в великой скудости и искал своей нищете перемены; старался сыскать себе пропитание: того ради переехал он в город Володимир; именем звали его Афанасей Григорьев сын, а прозванием Аленин; и ту в Володимере вскормил он дву сынов, которых именами звали первого Родионом, а другого Тимофеем, и с ними кормился извозом; и в некоторое время оной Афанасей был из найму в подводах у некоторых воров на муромских лесах и с ними пойман, сидел в тюрьме и по случаю из оной тюрьмы бежал; а более в городе жить ему было нельзя, то он взял с собою жену и детей и с ними пере-

* Томск, губ. вед.. 1874. №№ 46 и 47.

** Новый Летописец, составлен, в царст. Михаила Феодор. Издан по списку кн. Оболенского. Мск., 1853.

*** Летоп. Сибирская краткая (Кунгурская). Изд. Зоста. 1880. С. 3.

ехал в уезд поволской и там вскоре умер, а дети его Родион и Тимофей от скудости своей искали себе лучшего пропитания, переехали жить на реку Чусову в вотчины Строгоновы и оттого они прослыли Повольские, где у них родились дети. У Родиона было два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея дети: Таврило, Флор да Василей»*.

Согласно сказаниям этой летописи, представляющей единственный источник сведений в отношении родопроисхождения Ермака, в составленном позднее при Тобольском архиерейском доме «Кратком показании о воеводах и губернаторах и прочих чинах...» под 1581 г., сказано: «Сибирское царство взято Ермаком Василием Тимофеевым», далее под 1584 г. покоритель Сибири два раза называется именем Василия**.

Что касается имени Ермила, то ни одна из летописей его не упоминает. Имя это недавно присвоено Ермаку автором исследования о заселении Сибири Буцинским***⁴.

Наконец существуют упоминания, добавляющие к именам Ермака еще имена Тимофея и Еремея. Они сделаны: первое — в записках о путешествии по Сибири профессора Фалька в 1786 г., где ученый этот, неизвестно почему, а быть может, и по одной простой ошибке говорит, что «завоеватель Сибири Тимофей был сын бедного суздальского купца...»****; второе же — М.П. Пуцилло в 1881 году в статье, посвященной вопросу о происхождении Ермака, где сказано: «...что касается именованя его Ермаком, то не беремся решить, есть ли Ермак полуимя от Ермолая или Еремея, или это есть не более, как одно из тех прозваний, какие в допетровское время были в большом ходу»*****.

Сибирские синодики упоминали покорителя Сибири с дружиною только под двумя именами: Ермака и Ермолая. В одном списке Есиповской летописи 1636 года говорится:

* Сибир. Летопись: Список библиот. Тобол, дух. семин. (под № 1655). С. 1; некоторые выдержки этой летописи помещены в «Сибир. вест.» (1821. Ч. XIV. Кн. 5. С. 289-294 и др.), «Тобол, губ. вед.» (1858. №X° 32, 33 и 41) и «Тобол, епар. вед.» (1882. №№ 21-24; 1883. №№ 3 и 8; 1884. №№ 7-9, 13).

** Краткое показание... 1792. С. 3.

*** Буцинский. Заселение Сибири и быт перв. насельников. Хрк. 1889. С. 1-2.

**** Фальк. Запис. путешес. от С.-Петерб. до Томска. Т. VI. СПб. 1824.

***** Пуцилло. К вопросу кто был Ермак Тимофеев — покорит. Сибири//Русск. вест. 1881. Кн. XI. С. 281.

«В лето 7129 (1621 г.)... поставлен бысть в Сибирь, в Тоболеск, первый архиепископ Киприан бывы прежде на Хутыни архимандрит; и во второе же лето первопрестольства его воспомяну атамана Ермака Тимофеева сына с дружиною; и повеле разспросити казаков, како они приидоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили погани? Казаки же принесоша к нему писание, како приидоша в Сибирь, и где у них были бои, и где казаков и ково именем у них убиша. Он же добрый пастырь попечение имея от них и повеле убитых имена написать в церкви Софеи, Премудрости Божией, в соборный синодик, и в православную неделю кликати повеле с прочими пострадавшими за православие вечную память, а имена их в синодик вписаны»*. Самый синодик приводится в другом списке этой летописи 1641 года, где сказано: «Синодик казаком написано сие: ...атаману Ермаку сотоварищи его которые побииени с ним казаки по Вагаю реке на перекопи от нечестивых от Кучума царя вечная память и возглас болшей»**. Тот же синодик несколько подробнее приведен и в Черепановской летописи: там поминовение покорителя Сибири произносится именем атамана Ермака Тимофеевича, сына Повольского; дружина же его занесена без означения имен и поминается с разделением на «убиенных» при главной битве с Маметкулом, смерти Кольцо и смерти самого Ермака. Но в той же летописи по окончании упомянутого синодика, приведенного под 1622 г., и после помещенного далее списка сибирских воевод того времени и сведений о промыслах городов Тюмени и Мангазеи, помещено следующее поминовение, несомненно представляющее содержание того же, но уже современного летописи, синодика: «Помяни, Господи, пострадавших твоего ради имене святого и кровь свою проливших по благочестии, победивших в Сибири безбожного царя Кучума, атаманов Ермолая, Иоанна, Никиты, Иакова, Матфея и дружины их: Сергея, Иоанна 3, Андрея 3, Тимофея 2, Иоакима, Григория, Алексия, Никона, Михаила, Тита, Феодора 2, Иоанна 2, Артемия, Логина, Иоанна, Владимира, Василия 2, Лукиана, Иакова, Саввы, Петра 2 и прочую их дружину, а имена ты, Господи, веси, согрешения их пре-

* Летоп. Саввы Есипова. Изд. Небольсина. Гл. XXXV. С. 88.

** Летоп. Саввы Есипова. Изд. Спасского. 1823. Гл. XXXIII.

зри и сподоби всех их небесного твоего царствия»*. Последний синодик, кроме Тобольска, был распространен и по другим местам обширной Сибирской епархии, что подтверждает такой же синодик, найденный недавно в архиве Нерчинско-Успенской монастырской церкви. В этом синодике, писанном старинным полууставом, с вычурными заставками и киноварью, после царей, царевен и великих князей имеется почти тождественная приведенному выше запись: «Помяни, Господи, души пострадавших твоего ради имене святого и кровь свою проливших по благочестии: победиша в Сибири безбожного царя Кучума» — и вслед за этим записано имя Ермолая**.

При сказаниях летописей и синодиков нелишне упомянуть, как называли покорителя Сибири старинные иностранные известия. Перечислим и последние. В «Истории о Сибири, или сведениях о царствах Сибири» латинской рукописи около 1680 г., приписываемой известному славянскому деятелю Юрию Крижаничу⁵, говорится: «В числе многих бежавших тирании царя Ивана Васильевича... был один разбойник именем Ермак»***. Знаменитый географ Николай Витзен⁶ в трактате «Северная и Восточная Татария», первое издание которого относится к 1692 г., пишет: «Около ста лет тому назад жил один бравый казак Ермак Тимофеевич родом из Мурома». Позднее Адам Бранд, находившийся в свите Избрандеса⁷ при посольстве последнего в Китай, в записках о Сибири упоминает, что «известный разбойник Ермак Тимофеевич во время царствования царя Ивана Васильевича разбойничал в его странах...», сам же Эбергард Избрандес говорит, что в то царствование «в Московии появился некто Ермак Тимофеевич, начальник воровской шайки...». Затем Филипп Табберт, находившийся в числе пленных шведов в Сибири и известный в литературе под фамилией Страленберга⁸, в изданном в 1739 году сочинении «Северная и восточная часть Европы и Азия» называет покорителя Сибири «беглым донским казаком Ермаком, бывшим хорошим наездником»****.

* Сибир. Летопись: Список библиот. Тобол, семин. С. 86, 88.

** *Еписк. Мелетия*. Подлинное христианское имя покорителя Сибири Ермака Тимофеевича//Иркут. Епарх. вед. 1888. № 37. С. 393—396.

*** *Титов*. Сибирь в XVII в.: Сборник старин, русск. статей о Сибири. Изд. Г. Юдина. 1890. С. 164-165.

**** *Тыжнов*. Обзор иностран. известий о Сибири 2 половины XVI в.// Сибирск. сборник: Прилояс. к «Восточ. обозрению». 1887. С. 135, 137; 1890. С. 44, 46 и 54. Из этих известий мы приводим только те,

Таким образом, и эти известия, подобно начальным сибирским летописям, Ермаку никакого другого имени не давали.

II

История Сибири, появившаяся в половине XVIII столетия, упомянутых летописями и синодиками имен Ермака не касалась и значения им не придавала.

Миллер, начиная свои сказания о завоевании Сибири, после упоминаний о грабежах донских казаков, посылке на них в 1577 году войска со стольником Мурашкиным и побеге преследуемых говорит: «Между сими убежавшими казаками был атаман Ермак Тимофеев с товарищи...». Вообще имя это Миллером⁹ неизменно повторяется во всей его истории, даже и в тех местах, где описываются, например, душевные и телесные качества Ермака, смерть его, поминовение и проч.*. Заметим, что хотя этот историк и относился с особым доверием к Ремезовской летописи, предпочитая ее сведения известиям других «простых» летописцев, однако ж, присваиваемым этой летописью именем Германа Ермака не назвал. За всем тем, закончив уже труды свои по «Описанию Сибирского царства», Миллер, видимо, вдумываясь в значение слова «Ермак», остановился на имени, даваемом покорителю Сибири новым летописцем: по одному известию, в московском архиве Министерства иностранных

которые более сходны с сибирскими летописями и более поэтому вероятны; в числе же их есть и такие, которые не только не называют Ермака по имени, но не приписывают ему и завоевания Сибири. Таково, например, известие упомянутого в том же «Обзоре» Тыжнова, голландского географа Исаака Массы (1612 г.). Кроме того, в малоизвестной книге данцигского жителя Готарда Артхуса (1606 г.) есть статья «Повестное описание королевств Себерии, Самоедии и Тингоезии», где завоевание Сибири также обходится без Ермака, а приписывается людям из рода Аники, крестьянина по происхождению. Книгу Артхуса считают, впрочем, переводом труда того же Массы, хотя года издания их и не подтверждают этого. Затем живший в Тобольске в плену французский офицер Белькур (1770-1773), передавая в записках своих рассказ о завоевании Сибири, опровергает ошибки по этому предмету Вольтера и называет завоевателем Сибири уже никому неведомого яицкого казака Нечаева. *Пытин*. Сибирь и исслед. ее // Вест. Европы. 1888. Кн. IV. С. 702-703, 705; Кн. V. С. 235.

* *Миллер*. Описание Сибир. цар. 1750. Гл. II. § 22; Гл. III, §§ 64, 65, 68 и др.

дел хранится экземпляр этого «Описания», лично принадлежавший автору, где на странице 92 против § 22, т.е. против начала сказаний об Ермаке, рукой историка сделана припись: «Ермолай полуименем Ермак»*.

По примеру Миллера имя Ермака повторяют и последующие историки прошедшего столетия: Фишер¹⁰ говорит, что «в числе... разбойников был некто именем Ермак Тимофеев...»**; Щербатов¹¹, что «между сими производящими разбои донскими казаками был единый Ермак Тимофеев сын...»***.

Начиная с настоящего столетия сказания историков о покорителе Сибири изредка сопровождаются уже толкованиями имени его, хотя, впрочем, начало этому положено тою же, сравнительно с другими многоречивой, летописью Черепанова. После приведенного выше сказания о роде и имени Ермака летописец истолковывает последнее слово как прозвище. По этому толкованию «он, Василей, назван был от товарищей Ермаком для его оказанных услуг при варении артельной каши, а ермак по их назывался дорожный артельный таган, либо по волгскому наречию также ермаком жерновый ручной камень называется, которым знаменованием те ж его к артелям услуги показывает»****.

Историк Карамзин, сказав, что к «числу буйных атаманов волжских принадлежали Ермак (Герман) Тимофеев, Иван Кольцо***** и другие, придал этим в отношении имени Ермака вероятие известию Ремезовской летописи, хотя затем несколько раз назвал этот источник «весьма баснословным», объясняя, что составитель его «пользовался народными преданиями, догадывался, вымышлял»*****. Далее названный историк, приведя дословно черепановское сказание о роде и имени Ермака, называет и это последнее «сказкой», ничем не объясняя оснований этого замечания, за которым снова напоминает, что Ремезов¹² именует Ермака Германом*****.

* Пуцилло. Вышеуказ. соч. С. 277.

"Фишер. Сибир. история. 1774. Кн. I. Отд. 1. § 10.

*** Щербатов. История российск. от древн. времен. 1789. Т. V. Ч. 3. Кн. XIII. С. 2.

**** Сибир. Летопись: Список библиот. Tobol, семин. С. 1 (оборот).

***** Карамзин. История госуд. Российск. 1819. Т. IX. Гл. VI. С. 380.

***** Там же. Прим. 644, 657, 670, 698 и др.

***** Там же. Прим. 664.

Небольсин, более других изучавший сибирские летописи, не разделяет замечания историка и, также приводя сказание Черепанова, именующего Ермака Василием, говорит: «Об этом известии нельзя, кажется, сказать вместе с Карамзиным «это сказка — думаю» потому уже, что у нас в календаре нет православного имени Ермак, которое знаменитый историограф, следуя Ремезову, переводит словом Герман; а во-вторых, и в приписке к летописи Саввы Есипова к прозванию Ермака тоже прибавлено прозвание Повольского. Но так как приводимое известие согласуется и с отчеством Ермака, и со свидетельством летописи, и с неизвестным чувством, которое манило Ермака с Волги на Каму, а между тем не подтверждается никакими более положительными доказательствами, то для оценки этого известия мы можем только ограничиться известной поговоркой *si pop e vero — e ben trovato*, а между тем мы сами чувствуем, что тут есть зародыш правды в том отношении, что между Ермаком и Пермью должна быть какая-нибудь неразрешенная еще тайна»*.

Историк Словцов¹³, замечая, что «потомство будет спрашивать, кто такой был Ермак», приводит в разрешение этого вопроса сказания Черепанова, именуя Ермака Василием**.

Следуя Небольсину и Словцову, тем же именем Василия называет Ермака и исследователь сибирской старины Абрамов; по отношению же к имени Ермак Абрамов¹⁴ замечает, что в старину было обыкновение давать людям имена по их нравственным качествам с прибавлением христианского отчества***.

Затем историки Ригельман****, Броневский*****, Соловьев*****, Костомаров*****, а за ним Щеглов*****¹⁵, Андриевич***** и другие или повторили сказания Че-

* Небольсин. Покор. Сибири. Гл. V. С. 65-66.

** Словцов. Истор. обоз. Сибири. 1886. Введ. к кн. I. С. 18-19.

*** Абрамов. Ермак — покор. Сибири//Тобол, губ. вед. 1866. №№ 18-22; Чтен. в общ. ист. и древ. рос. 1867. Кн. IV. Отд. 5. С. 1-25.

**** А. Ригельман. История или повествование о донских казаках... 1778 года//Чтен. в общ. ист. и древн. российский. 1846. №№ 3-4.

***** Броневский. Истор. дон. войска. I. С. 60-61.

***** Соловьев. Истор. Рос. 1856. Т. VI. С. 424-432.

***** Костомаров. Рус. истор. в жизнеопис. 1873. Вып. 3.

***** Щеглов. Хронолог, переч. дан. истор. Сибири. 1883. С. 26-27.

***** Андриевич. Истор. Сибири. 1889. I. Гл. I. С. 8.

репановской летописи, не касаясь оценки вероятия их, или же продолжили употребление имени Ермак*, обходя молчанием значение его; Щеглов, впрочем, в одной из своих статей**, приведя отрывок Черепановской летописи о церковном поминовении Ермака, говорит: «В приведенном отрывке любопытно преобразование имени Ермака в Ермолая, что объясняется, разумеется, тем, что в православных святцах имени Ермака нет; но почему же тогда не заменить его было настоящим его именем Василия?».

После долгого перерыва толкования имени Ермака снова повторились. Перед наступлением юбилея трехсотлетия Сибири М.П. Пуцилло в упомянутой уже статье, посвященной вопросу о происхождении Ермака, коснулся и имени его. Приведя в связи с летописными сказаниями отзыв Небольсина о вероятности известий по этому предмету Черепановской летописи, названных Карамзиным «сказкой», исследователь этот говорит: «Мы со своей стороны полагаем также, что это не сказка. Напротив, правдоподобность этих биографических известий заслуживает более внимания, чем те сбивчивые и отрывочные показания, которые приведены нами выше. Вот почему было бы крайне желательно найти ту некоторую сибирскую историю, о которой говорит Черепанов»***. Но, не решаясь категорически признать то или другое из имен, приписываемых Ермаку, и упоминая лишь о возможности образования последнего имени тем обычаем, по которому в допетровское время появлялись имена вроде Алмаза Иванова, Гуляя Золотарева и т.п., г. Пуцилло приводит, между прочим, следующее сообщение: «В памятниках народной поэзии не раз воспевался Ермак Тимофеев и покорение им Сибири. Так, в песне «Ермак взял Сибирь», находящейся в древних российских стихотворениях, собранных Киршей Даниловым, описан поход Ермака, а в замечательном издании «Русские народные картинки», собранном и описанном Д. Ровинским, можно

* А другие умалчивали даже и об этом имени: так, например, ученый историк И.Н. Болтин говорит, что «Сибирь завоевал казак с 1500 побродяг, в промысле разбойничества упражнявшихся». Примеч. на историю древн. и нынеш. России Г. Леклерка (1788. Т. П. С. 144).

** Кое-что, имеющее некоторое отношение к 300-летию Сибири//Сибирь. 1882. № 49.

*** Пуцилло. Вышеуказ. соч. С. 281-283.

видеть, что среди народа личность Ермака Тимофеева связана с бытиной об Илье Муромце, которому Ермак приходится племянником. С ним Илья Муромец освобождает Киев от Батыя Батыевича и бабищи Мамаевны. Племянником же Ермак приходится и великому князю Владимиру. Далее встречаются картинки, где целовальники и кулачные бойцы именуются Ермаками, Ермошками. По замечанию Д. Ровинского, в народе целовальники и кулачные бойцы звались Ермаками, т.е. Еремками; под этими же именами они участвуют в похоронной процессии погребения кота»*.

Спустя немного времени другой исследователь — Енгальчев — объяснил, что имя Ермак в устах народа то же самое, что Ермолай, что можно и доселе слышать в русских деревнях, например, в Тамбовской губернии**. Затем слово Ермак считают переделкой от имени Ермолая и некоторые другие исследователи, как, например, А. Никитский*** и епископ Мелетий****.

Из толкования г. Никитского видно, что имя Ермак встречается в новгородских писцовых книгах XVI века и есть действительное христианское имя, которое повторяется там так часто, что всякая мысль о каком-либо прозвище должна быть отложена в сторону как совершенно неосновательная. «Форм, — объясняет г. Никитский, — в которых имя Ермак встречается в тех книгах, две: настоящая — Ермак и уменьшительная — Ермачко. И та, и другая из них встречаются как без отчества, так и с отчеством и даже с прозвищами. Так, с одной стороны, мы читаем: «Д. Онисимово: дв. Ермак Нестерков» (Писц. кн. I, 573); «Д. Поля... дв. Родивоник, дв. Левоник, дв. Ермак Осташевы» (I, 657); «Д. Полагино: дв. Ермак Болан» (I, 674); «Д. Пугачеве... дв. Ермак Потапов, сын его Кирилко» (II, 709); «Д. Голышино ж: дв. Ермак Оксенов да брат его Гридка» (II, 710); «Д. на Чермне: дв. Ермак Ивашков» (II, 729). С другой стороны, в тех же писцовых книгах мы находим: «Д. Лошаково: дв. Ермачко, дв. Сенка Ивашковы» (Писц. кн. I, 508);

* Пуццлло. Вышеуказ. соч. С. 276-277.

** Еще об имени Ермак//Москов. вед. 1883. № 49.

*** Никитский. Заметка о происхожд. имени Ермак//Журн. Минист. народ, проев. 1882 (май). С. 135-138.

**** См. сноску ** на С. 14 настоящего издания.

«Д. Подъяблонье: дв. Фомка, дв. Ермачко Еремейковы» (I, 516); «В Боровичском же погосте в вопчей деревне в Налцах... дв. Ермачко Рубец» (I, 525); «Д. Папышево: дв. Матфейко Кузмин, дв. Ермачко Пахомов» (I, 594); «Д. Сруги... дв. Ермачко Родивониковы» (I, 641). «Гораздо труднее, — говорит Никитский далее, — решить вопрос, какое из христианских имен преобразовалось в имя Ермак? Новгородские писцовые книги, однако, и здесь дают нам самые положительные указания, которые не оставляют ни малейшего сомнения, что имя Ермак есть не что иное, как, по выражению Миллера, полуимя от имени Ермолай. Припомним сначала, что когда при перечислении крестьян писцовым книгам приходится упомянуть о двух или нескольких братьях и детях одного из них, то последние обозначаются обыкновенно притяжательным от имени того, от которого они происходят. Так, например, мы читаем: «Селцо Яковличи: дв. Клишко, дв. Игнатко Васковы да Клишков сын Перша» (Писц. кн. II, 692) или: «Д. Красное: дв. Микифорик, дв. Павлик Иваниковы, дв. Микифоров сын Власко» (II, 737). Приложим теперь это соображение к следующему отрывку из писцовых книг: «Д. Опуево: дв. Матвейко, дв. Тараско Осташевы, дв. Гаврилко, дв. Михаль, дв. Васко Осташевы, дв. Титко, дв. Сидорик, дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко» (II, 704). В этом отрывке притяжательное «Ермачков» равнозначительное, как мы уже раньше показали, с притяжательным «Ермаков», должно быть по вышеизложенному отнесено к одному из братьев Сенкиных; а так как этимологически оно может быть поставлено в соответствие только с одним именем Ермолка, то ясно, что Ермачко, а следовательно, и Ермак есть полуимя от Ермолая».

Засим что касается подобного же заключения преосвященного Мелетия, епископа Селенгинского, по которому «вульгарное слово "Ермак" образовалось от имени Ермолая», то заключение это основывается на упомянутом выше синодике архива Нерчинского монастыря, где Ермак назван Ермолаем.

Самым позднейшим толкованием имени Ермака было толкование Буцинского, который в свою очередь именует Ермака Ермилом. Толкование это довольно своеобразно, а потому и приводится дословно: «Летописное известие, что

будто бы завоеватель Сибирского царства получил свое имя, или точнее кличку, от артельного котла, который по-татарски назывался «ермак», не заслуживает никакого вероятия: «Ермак» — не кличка, а есть испорченное христианское имя Ермил. С этим именем нам не раз приходилось встречаться, когда мы в «Сибирском приказе» прочитывали так называемые «именные списки» разного чина сибирских людей. Из этих списков оказывается, что имя Ермак носил не один победитель Кучума, а многие казаки, посадские люди и крестьяне; даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича, часть которых потом составила в Тобольске особую «старую сотню» пеших казаков, два казака были ему тезками; один остяцкий князь, принявший при крещении имя Ермила, также назывался Ермаком. Заметим, между прочим, что это имя варьируется на разные лады: «Ермак», «Ермачек», «Ермачко» и «Ермачишка». Происхождение последних уменьшительных названий, мне кажется, следует объяснять тем, что имя Ермак было слишком громким в истории Сибири, а так как московские люди низших классов всегда писались уменьшительными или искаженными именами, то и рядовым сибирским казакам и крестьянам казалось зазорным называться «Ермаками», и они большею частию писались «Ермачками» и «Ермачишками», но сотник казацкий и староста посадских людей могли уже называться «Ермаками», хотя, впрочем, этим полным именем назывались и некоторые крестьяне. В Сибири многие деревни и урочища получили свое название от имени Ермак, хотя эти деревни и урочища не имели никакого отношения к Ермаку Тимофеевичу; например, под самым Тобольском (по дозорной книге 1623 г.) при речке Мостовой была деревня «Ермакова», а при р. Плоской — деревня «Ермачкова»; эти деревни так назывались потому, что основателем первой был крестьянин Ермак, а второй основателем был конный казак Ермачек. Считаем нужным предупредить читателя, что имя Ермак нельзя производить от имени Ермолая: в списках казаков и крестьян это имя встречается или в своем настоящем виде, или в испорченном «Ермошка» и «Ермолка». В Сибири есть деревня «Ермолкина»; туринский татарин, принявший христианство и получивший при крещении имя Ермолая, так и писался Ермо-

лаем, а юрты его при реке Нице назывались «Ермолаевыми». Но имени Ермил мы ни разу не встречали в списках сибирских обитателей, хотя нам пришлось просмотреть более сотни именных списков казаков, посадских людей и крестьян — не встречали, очевидно, потому что оно всегда заменялось «Ермаком» и «Ермачком» и т.п. Поэтому в некоторых народных песнях, относящихся к покорителю Сибирского царства, он совершенно верно называется Ермилом: «Атаманом быть Ермилу Тимофеевичу» читаем в одной песне, или в другой: «Говорил-то нам Ермил Тимофеевич: «Уж вы слушайте, братцы, послушайте, дайте мне, Ермилу, думушку придумати» («Песни», собр. П. Киреевским, вып. 6-й, стр. 25, 28, 36 и 37)».

«Итак, — заключает г. Буцинский, — настоящее христианское имя знаменитого казака Ермил, а прозвание его Ермаком не имеет никакого отношения к котлу и есть только обычное искажение христианского имени. Отсюда все замечания историков, что «скромная должность кашевара не могла удовлетворить Ермака, жаждавшего более независимой, широкой, удалой жизни» и т.д., мы должны считать не более как риторическими фразами»*.

Наконец, ныне к вопросу об имени Ермака одной из сибирских газет прибавлена следующая «библиографическая справка» (В.К-шева): «Несомненно это слово в корне своем не чисто славянское. Но хотя в нем слышатся и монгольские звуки, тем не менее имя Ермак и раньше нашего Ермака Тимофеевича появлялось уже в истории в связи с судьбами славянского мира. В 454 году в Панонии, нынешней Венгрии, на берегу Нетады, происходила кровавая битва между словакским князем Ардарихом и сыновьями Атиллы — гуннского царя (самое слово «царь», по мнению А. Быкова, происходит от монгольского слова «ссар») — Елаком и Ермаком. Ардарих остался полным победителем, и побежденный Ермак увел гуннов в черноморские степи, где они, и прежде уже полуславяне, слились с приволжскими славянами и образовали Хазарское царство со столицей Атиль»**.

* См. сноску *** на С. 12 настоящего издания.

** Сибирск. вестн. 1891. № 37. — Справка более ни о чем не говорит и заканчивается неверной данной (Р.М. 1891. № 3) на труд А. Быкова «Славяне и тевтоны».

Этим толкования, а с ними и розыски действительного имени Ермака заканчиваются.

III

В приведенную выше литературу имен покорителя Сибири не вошло очень немногое*, но сгруппированные в ней сведения вполне достаточны для ознакомления с теми разноречиями, какими обставлен вообще вопрос о христианском имени Ермака. Поэтому, не доискиваясь того, что осталось для нас по упомянутому вопросу неизвестным, мы коснемся тех обычаев, по которым у предков наших славян появлялось много имен с непонятными для нас значениями, вызывалась необходимость иметь иногда по два и по три имени, делить эти имена на явные и тайные и проч.; коснемся, потому что напоминание о таких обычаях может иметь некоторое значение в занимающем нас вопросе и, так сказать, облегчать трудность догадок о действительном имени Ермака.

Но говоря о именах племен славянских, нельзя обходить молчанием имен и других народов: те перевероты, какие производились в именах последних, были во многом сходны с тем, что происходило с именами славян.

У германских племен, как только они являются на поприще истории, личные имена означали какое-нибудь свойство душевное или телесное, или же выражали какую-нибудь мысль, а следовательно, были имена знаменитые: таковы, например, имена Карл (муж крепкий, или стремительный), Людовик (воин, или достойный похвалы), Вильгельм (защищай, или будь защищен), Алфред (великий защитник), Вольдемар (славный господин) и т.п. Но когда германцы, утвердившись на римской почве и просветившись христианством, познакомились с римской гражданственностью, этот род имен должен был исчезать и заменяться именами христианскими или римскими. Однако ж это делалось нелегко. Всякий народ не скоро оставляет свои прежние предания и не вдруг отказывается от прежних своих верований и обычаев, которые дороги для него, как насле-

* Как, наприм., статьи «Догадка о прозвище Ермак» (Иркутск, епарх. ведомост. 1883. № 1) и «О прозвании Ермака Тимофеевича» (Казачий вест. 1883. № 19).

дие предков. Германцы, не привыкшие к длинным римским именам, не могли слышать их в первобытной их чистоте и переделывали по-своему, обращая, например, Laurentius, Mauritius, Maximilianus, Benedictus в Lorenz, Moriz, Max, Bendekes и т.д. В этой переделке новые имена часто искажались до неузнаваемости: так, например, у иных из германских народов греческое имя Александр обратилось в Кассандр, у итальянцев — в Alessandro, Sander, у англичан — в Sandre, Sanny, Ellik; Маргарита обратилась у немцев в Гретхен, Meta, у итальянцев — в Chita, у французов — в Margot, у англичан — в Mez Peggy; Варвара (Barbara) у французов — в Babet, Babette, у англичан — в Bab. Случалось иногда и то, что в той же переделке образовывались имена сложные, в которых одна половина состояла из имени христианского, а другая — из имени языческого.

Между тем христианское учение, соединяя с наречением младенцу имени святого высокое значение, поставляет этим принявшего имя святого под особенное его покровительство, призывает особенную помощь его. Но какое родительское сердце не пожелает, чтобы у его сына или дочери было как можно более небесных покровителей и защитников. Отсюда в римско-католических государствах (а впоследствии и в лютеранских) произошел обычай давать новорожденному как можно более имен. С течением времени множество имен христианских, носимых одним человеком, было признано за знак благородного происхождения его. Набожные португальцы, испанцы и итальянцы особенно отличаются наречением одного младенца несколькими именами: так, родившийся в 1799 г. испанский инфант получил при крещении 54 имени; позднее сыну португальского претендента Дона Мигуэля дано при крещении до 30 имен. К этому обычаю присоединилась еще новая особенность: считать христианские имена нераздельно — и мужскими и женскими. Имя Марии, например, у французов — самое любимое и общее как для мужчин, так и женщин, и его носили многие из знаменитых мужей (Вольтер, Вебер и др.)*.

* *Морошкин.* О фамильных именах у европейских народов//Журн. Минист. нар. проев. 1854/ X. LXXXIV. Отд. 2. С. 129-131, 133, 137, 140 и др.

Подобные же перевороты, но в более сложных формах, мы видим и на именах славян особенно с того времени, когда Русь призвана была князем Владимиром ко святому крещению и когда потребовалась замена прежних языческих имен новыми христианскими, в которых звучали языки еврейский, сирский, греческий, латинский и др. Последние имена казались народу чем-то чуждым, непонятным, неудобопроизносимым. В этих именах народ не только не мог уловить какой-нибудь смысл или значение, но даже не всегда мог и выговаривать их правильно; язык его запинался на них. Но творческая сила духа народного брала свое: она силилась овладеть этой массой чуждых слов, преобразовать их, сообразно гению своего языка, и дать им внешний вид и образ своих народных имен. От этого происходило следующее: 1) если в христианских именах находились звуки, сходные со звуками славянских имен, то, не додумываясь до того, соответствуют ли по смыслу первые последним, народ переделывал христианские имена на свои славянские; в этой переделке из Тихона являлся Тита, из Георгия — Юр, Юрий, Яр; из Нила — Мил, из Мирона — Мирша, Родиона — Родя, Родька, из Лазаря — Лазута и т.д.; 2) если славянский язык не представлял слов, созвучных с христианскими именами, то последние просто запросто ломались и укладывались в свойственные гению того языка увеличительные и уменьшительные формы, преобразовываясь уже до того, что трудно становилось найти в них даже начальную тему; в этих случаях Гликерия, например, называлась Лушкою, Евдокия — Дунькою, Пантелеймон — Пантюхой, Агриппина — Грушею, Грушкою, Грунею, Груняшей; Терентий — Терехой, Терехом, Торохом и т.д. и 3) если же при христианских именах в святцах встречались еще имена нарицательные, выражавшие или звание, или подвиг святого, то те, которым давались такие имена, в жизни употребляли не сами имена, а стоящие при них предикаты; от этого выходили имена Постников, Постничков, Воинов и т.п.*.

Такой переделкой имен народ старался осмыслить их для себя, отчего вместо того значения, какое имели те име-

* *Морошкин*. О личных именах у русских славян//Изв. археолог, общ. 1863. Т. IV. Вып. 6. С. 518-520.

на в христианском мире, им придавалось уже свое значение, чисто туземное. Таковы имена Трофим (переделявалось Троша, Трошка, означало — троха, трошить, кроха, крошить), Борис (Боря — бор), Матфей (Мотя, Мотюха — мот, моток, мотать), Терентий (Тереха — терять), Стефан (Степа, Степуха, Степаха, Стенька — степь, степать, щепать, стень), Симеон (Семен, Сенька — семя, сень), Иаков (Яша — яшный), Константин (Костя — кость), Антоний (Тоня — сеть, тонуть), Николай (Коля — кол, колье), Елисей (Елеся; корень лес-, лас-, откуда — лесть, ласка, ластиться; как и Лазарь, Елеся — льстец, пролаза), Фома (Хомка — хомяк), Сергей (Серега, Сережка — серьга), Козьма (Кузьма, Кузька, Кузенька — кузнъ, кузов) и проч. К некоторым из этих имен в отношении распространенности указанного при них славянского значения можно приводить если не доказательства, то вероятные догадки: переделка, например, имени Фома в Хомку — «хомяка», выработала прозвище Шемяки, ставшее народной кличкой всякого недогадливого и неловкого судьи; или же — разъяснение имени Козьма словами «кузнъ» (кузница) и «кузов» (мешок), по народному воззрению, в противоположность Козьме-бессребреннику образовало сказания «о Кузьме-скоробогатом», объяснение просто: кузнец может ковать деньги, а кузов хранить их* и т.п.

Однако ж церковь старалась помогать народу в стремлении понять смысл христианских имен: появлялись так называемые алфавиты, азбуковники и другие руководства, вызывавшиеся, главным образом, потребностью осмыслить и уяснить действительное значение тех имен. В предисловии к одному из таких алфавитов — «Книге премудрой, имеющей в себе 24 языка», — говорилось: «Прежде закона и в законе неции, иже по благодати древних родов человецы, даяху детям своим имена, якоже отец и мати восхощет, или от образа отрочати, или от времени, или от вещи, или от притчи. Яко же сей человек римлянин, видя отроча свое мирно, нарицаше имя ему Климент, по-римски бо Климент, а по-русски Милосерд или Тихомирин. А от времени сие есть: рождьшемуся Фалеку во дни разделения, и того

* *П. Безсонов.* «Заметка» в приложении к книге «Песни, собран. П.Н. Рыбниковым». Ч. П. Иск., 1862. С. 534.

ради наречен бысть Фалек, ибо Фалек разделение толкуется. А се по прилучаю: Сарра, жена Авраамля, до девяти-десяти лет неплоды бе и в старости от Бога слышавше родиши сына, возмеяся, глаголя: сие ли мне сотворих Господь! Рождыши сына и нарече имя ему Исаак, по-еврейски Исаах, а по-русски Смех или Радость. А от вещи сие есть: в Риме бедревце зело благоуханно, по-римски нарицашеся Лавренциус, и любляше римляне древо то, и даяху детям своим имя то, еже мы глаголем: Лаврентий. Тако бо словяном прежде крещения и св. писания разумения, даяху детям своим имена, якоже хотяху, иже суть сия: Важен, Богдан, Третьяк и подобные сим. А понеже мы ныне, ноши неверия уже мимошедшей и свету истинного благоразумия осиявшу благодатию святого крещения, не к тому от притчей, или от вещей наречение имен приемлем, но по имени настоящего дне святого, на него же память родихомся, или крестихомся»*.

Но подобные разъяснения мало достигали цели и, несмотря на требование духовенства, чтобы при крещении все принимали христианское имя, русские продолжали переделки и искажения христианских имен и наряду с последними употребляли даже имена языческие. Выше замечено уже, что народы не вдруг расстаются со своими верованиями и убеждениями, а потому и по принятии христианства долго следуют своим прежним обычаям и поверьям, оставаясь, таким образом, двоеверными. Так было и с нашими предками в отношении личных их имен. Вероятно, отцы и матери после крещения детей считали для себя священным являться к волхвам, чтобы получить от них вместе с обаяниями и другое имя для своих детей, которое становилось рядом с христианским именем и получало право гражданства. Поэтому в сфере церковно-духовной русский имел христианское имя, но в общежитии, в рядной записи, закладной, писцовой книге он назывался народным именем. С двуименностью этой мы встречаемся на первых же страницах летописца. Знаменитый паломник XII века игумен Даниил упоминает о русских князьях под двумя именами — народным и христианским, например, Святополк—Михаил, Володимер—Василий, Олег—Михаил, Святослав—Панкратий**.

* *Морошкин*. О личных именах у рус. славян//Изв. археолог, общ. 1863. Т. IV. Вып. 6. С. 521-522.

** *Там же*. С. 525.

в XV и XVI веках, мы встречаем множество непонятных имен, которые употреблялись в деловых бумагах вместо имен христианских, и знакомимся с широким распространением нового обычая: кроме христианских имен, давать людям имена по их нравственным свойствам. По замечанию Карамзина, царь Иван Грозный и духовенство его времени, желая истребить обыкновения древние, противные святой вере, не коснулись в Стоглаве этого обычая: не только простолюдины, но и знатные сановники, уже считая за грех называться Олегами, или Рюриками, назывались в самых государственных бумагах Дружинами, Тишинами, Истомами, Неудачами, Хозяйками единственно с прибавлением христианского отчества. Сей обычай казался царю невинным*. Раз принятое, помимо имени христианского, какое-либо другое имя, было ли оно языческое, или народное, оставалось неизменным уже во всю жизнь носившего его и принимало такое употребление, что замена его другим именем, хотя бы и действительным христианским, становилась как бы невозможной. В Сибири уже после эпохи Ермака между воеводами, головами и дьяками встречались такие имена: Посник Вельский, Нечай Порфирьев, Боим Болтин, Беяница Зюзин, Неупокон Кокошкин, Чеботай Челищев, Влук Пушкин, Курдюк Давыдов, Грязной Бартенев, Ждан Кондырев и другие. Несомненно, что носившие такие имена имели, кроме их, и имена христианские, но последние оставались без употребления даже и в таких документах, которые составляло передовое тогдашнее духовенство — духовенство, например, тобольского архиерейского дома**. Заметно, однако же, что в течение XVII века такие имена мало-помалу начинают выходить из употребления, а к концу его почти совсем исчезают, перешедши в простые прозвища. Поводы, по которым образовывались такие имена, были весьма разнообразны и не всегда могут поддаваться объяснению: иногда эти имена указывали на родину или место происхождения (например, Галичанин, Устюжанец, Торопчанин), иногда на ремесло или занятие (Калашник, Рогозинник, Щепетильник), иногда на свойство человека, на теле-

* Карамзин. IX. С. 463.

** Наприм., в «Кратком показании о воеводах...» (1792), откуда (С. 5, 6, 11, 32, 41, 48, 61, 66 и 78) выписаны упомянутые имена.

сный недостаток (Лихач, Плакса, Немта, Безносой), а иногда выражали они насмешливые клички (Мерзлая голова, Набезденежье, Овсяной разум) и т. под.

К этому необходимо прибавить, что в старых документах нередко встречается употребление одновременно двух христианских имен: так, например, в Никоновской летописи пишется: «Яко родися днесь, отче, у великаго князя Василия на Москве сын Тимофей, а нарекоша имя ему Иван», или: «Родися великому князю сын Гавриил и нарекоша его Василий Парийский». Известно также, что знаменитый Хмельницкий имел два имени: Богдана и Зиновия; царевич Димитрий носил еще имя Уара, следовательно, тоже два христианских имени*. Иногда бывало по три имени — народное и два христианских: одно явное, а другое тайное, известное только тому, кто носил его. Это делалось по верованию в возможность предостережения себя от лихих людей — волхвов и чародеев, которые, зная имя, данное при крещении, могли делать носившему его всякий вред; прикрываясь же другим именем, вреда этого можно было избегать. К такой многоименности могли быть и другие причины: например, тяжкие преступления, желание укрыться от каких-либо преследований и т.п. Случалось, что человека, которого все знали за какого-нибудь Ивана, после кончины на погребении называли Павлом и тут только узнавали его имя**.

Не имел ли двух имен и «велеумный ритор» наш Ермак?

IV

При разнообразии толкований слова «ермак» можно отлично определять и начало употребления его, как имени. Однако ж мы привыкли думать, что до появления на Волге удалого Ермака слово это в значении имени было вовсе неизвестно; привыкли же так думать потому, что, кроме донесения царю Ивану Грозному чердынскому воеводы Пелепицына и посланной, по получении его, царем 16 ноября 1582 года грамоты Строгановым***, не знали ни одного офи-

* *Морошкин*. О личн. именах у рус. славян. С. 529.

** *Забелин*. Русск. народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. 1880. Ч. IV. С. 537-538.

*** *Миллер*. Гл. III. Вын. к § 3.

циального акта, который бы подтверждал употребление упомянутого слова в именном значении до сибирских походов Ермака. Напротив, теперь оказывается, что покоритель Сибири вовсе не был первым носителем имени Ермака. Мы не хотим этим сказать, что имя Ермак было в употреблении в первые века по Рождеству Христову, так же, как не думаем по приведенной выше справке* называть Ермаком и сына непобедимого царя гуннов Ирнака, однако можем считать за доказанное, что имя Ермак задолго до времен царя Грозного имело уже распространение по всему Московскому царству. Это достаточно подтверждают нам новгородские писцовые книги**. Независимо этих документов, на то же распространение имени Ермак находятся и другие указания. Имя Ермака встречалось, например, в донском казачестве и послужило для историка последнего Броневого поводом к сообщению, хотя и сомнительному, что казацкий старшина качалинской станицы, носивший имя Ермака и избранный в это звание в 1577 году, был не кто иной, как будущий покоритель Сибири, появление которого вообще на Дону относится будто бы к 1570 году***. Кроме того, имена Ермака найдены по спискам русских ратников, бывших в конце июля 1581 года под Могилевом на-Днепре, т.е. во время битв нашего Ермака с ратью Маметкула на Тоболе

* См. сноску ** на С. 22 настоящего издания.

** См. сноску *** на С. 19 настоящего издания.

*** См. сноску ***** на С. 17 настоящего издания. — Нелишне заметить, что Ригельман — автор «Повествования о донских казаках», 1778 г. (См. сноску ***** на С. 17 настоящего издания.), доискиваясь верных сведений о казацкой древности, останавливается на мнении Татищева о происхождении донских казаков от черкес, пришедших в южную Россию из Кабарды и смешавшихся здесь с украинцами, которые, удалившись из Польши, назвались татарским именем казаков, сообщенным ими и пришельцам. Далее, по сообщению «Повествования», они построили на Дону г. Черкасск и, укрепившись в нем, стали на стороне русских и вели нередко против татар и турок наступательные войны. Во главе таких удалцов стоял будто бы и наш Ермак Тимофеевич, бывший под царской опалою. Любопытно, что в краткой летописи донского войска, приложенной к «Донскому календарю на 1874 год», в списке донских атаманов под 1579—1584 гг. помещен и Ермак, хотя о том, когда и каким путем он попал в число донских казаков, летопись умалчивает. Такое известие летописи невольно наводит на нелюбимую донцами мысль, что в донских атаманах был другой Ермак, а отнюдь не покоритель Сибири, который в указанные годы, живя сначала у Строгановых, а затем выполняя свои подвиги на Туре, Тоболе и Иртыше, не мог быть одновременно и на Дону, оставаться же без атамана на целые годы донцы не могли.

у юрт Бабасанских и устья реки Турбы, и по спискам людей, состоявших в 1582 году на царской службе в Перми. Это ввело в ошибку даже историка Костомарова, заключившего, подобно Бронеvскому, что упомянутый в обоих документах Ермак был одним лицом, которое вскоре явилось в роли того же покорителя Сибири*. Далее по спискам населенных мест видно, что, кроме центра действий Ермака — нынешних губерний Казанской, Пермской и Тобольской, где до тридцати разных селений получили и сохраняют названия «Ермаков», «Ермачат», «Ермаковых» и «Ермаковских»**, такие же названия носят многие населенные места, вошедшие в районы отдаленных от этого центра губерний, куда имя сибирского Ермака могла принести разве только появившаяся почти через два уже века после завоевания Сибири краткая история его: так, в губерниях Смоленской шесть деревень называются «Ермаками», три — «Ермачками» и одна «Ермаковой»; Олонецкой — шесть же деревень зовутся «Ермаковыми» и «Ермаковскими»; Московской — два селения зовутся «Ермаковыми»***. Такие же названия встречаются между населенными местами и по некоторым другим губерниям.

Сопоставляя приведенные сведения с летописным толкованием имени Ермак в значении «дорожного тагана» и «жернового камня», называвшихся по летописи на Волге «ермаками», мы встречаемся с полной неосновательностью того толкования. Для снискания такой употребительности, какую, по сведениям тем, имело это имя на Руси, одних названий им столь ничтожных предметов, каковы таган или камень, было совершенно недостаточно. Можно согласиться, что названия этих предметов «ермаками» послужили для разбойничьей шайки Ермака выражением нравственных качеств или физической крепости последнего, обратившимся в прибавку к носимому им христианскому имени и оставшимся единичным случаем уличной клички по ним будущего завоевателя Сибири. Но допустить, что те же таганы и камни, носившие, притом, названия «ермаков» толь-

* См. сноску ***** на С. 17 настоящего издания.

** Списки населенных мест. Спб., 1866. Т. XIV. С. 207; 1871. Т. XXXI. С. 395; Т. LX. С. 175.

*** Списки населенных мест. Спб., 1868. Т. XL. С. 453; 1879. Т. XXVII. С. 205; 1862. Т. XXIV. С. 42, 68.

ко по одному Поволжью, заключают в этих названиях корень имен людей, явившихся родоначальниками селений, раскиданных вдали от Поволжья, притом таких людей, которые ничего общего с деятельностью Ермака не имели, было бы, по меньшей мере, не правдоподобно. Если же к этому прибавить еще известную легенду об основании Казани, по которой местное название котла, или тагана, переводится не «ермаком», а «казаном»*, то упомянутое толкование слова «ермак», по примеру Карамзина, действительно может быть названо «сказкой». Есть, впрочем, одно малоизвестное объяснение, старающееся усилить в этом толковании значение тагана передаваемыми летописью услугами Ермака «при варении артельной каши». По этому объяснению Ермак был душой своей дружины, кошеваром, а «кош» и у запорожцев XVIII столетия, сохранивших уставы военного братства, был духовной и вещественной связью и скрепой витязей и в походе, и в становище; по нему и атаманы назывались «кошевыми»**. Но и это то же, что «не люблю — не слушаю»: упоминаемые объяснением «кош», а летописью «кашу» нужно различать.

Таким образом, примеры новгородских книг, в связи с другими указаниями опровергая происхождение слова «ермак», как разбойничьей клички или прозвища, приводят к мысли, что слово это было имя и, несомненно, имя христианское, употреблявшееся в обычной в старину переделке в населении Московского царства ранее эпохи покорителя Сибири, и что от людей, называвшихся Ермаками, усвоили себе названия многие дожившие до нас селения, раскиданные и по Сибири, и по России. Между тем вопрос о том, какое именно христианское имя следует разуметь в имени Ермака, остается неразрешенным.

В вопросе этом из помещенных нами выше сведений заслуживают более внимания только два толкования гг. Никитского и Буцинского, имеющие основой своей архивные документы, которыми и располагают к тому, чтобы ближе коснуться значения их.

Оба толкования не сложны. Г. Никитский, ссылаясь на новгородские писцовые книги XVI века, представляющие

* *Пинегин*. Казань в ее прошедш. и настоящем. Спб., 1890. II. С. 16.

** *Завалишин*. Описание Западной Сибири. Мск., 1862. VIII. С. 332.

множество упоминаний имени Ермака в двух формах: настоящей «Ермака» и уменьшительной «Ермачка», приходит к заключению, что имя Ермак есть переделка от имени Ермолай. Те из новгородских писцовых книг, на которые ссылается Никитский, составляют собственно одну «Переписную оброчную книгу деревской пятины», изданную лишь в двух томах*, которая относится не к XVI, а к концу XV века, или, точнее, ко времени около 1495 года. Заключающаяся в этой книге именная перепись населения 61 погоста названной пятины сделана уменьшительными именами насельников, между которыми показано множество имен, изуродованных современной переделкой до того, что назвать те имена правильно теперь могли бы разве только сами носители их. Таковы, например, имена Аристик, Еска, Изикейко, Мичюра, Нероник, Окулец, Окулко, Онкипко, Палка, Сидко, Тиманик, Труфаник, Харка, Юшко, Филистик и другие. Ко многим из таких уменьшительных имен по созвучию подходят несколько имен в правильном виде, например, к имени Аристик — Аристарх, Аристовул, Аристоклий, Арис; к имени Палка — Павел, Павлин, Палладий, Папила, Папий; к имени Филистик — Филикс, Филимон, Филип, Филит, Филофей и другие. Но какое именно из последних имен следует разуместь в тех «Аристике», «Палке» и «Фидистике» — этого не сказали бы нам и сами составители деревской переписи. В общем ряду тех имен весьма часто встречаются и имена «Ермола», «Ермолка», «Ермачко» и «Ермак», имен же Ермолая и Ермила ни в настоящей форме, ни в уменьшительной Ермолайка и Ермилка между теми именами вовсе нет, хотя, например, созвучное им имя Еремея везде показывается или «Еремкой», или «Еремейком». Происхождение имени Ермак от имени Ермолая г. Никитским, как видели мы, основывается на том, что встречаемые в названной переписи при перечислении крестьян упоминания нескольких братьев и детей одного из них обозначаются обыкновенно притяжательным от имени того,

* Новгородские писц. книги, издан, археогр. комиссией. Переписная оброч. книга дерев, пятины, около 1495 г. Т. I. Сдб., 1859. III+III+906 с.; Т. 2, 1862. IV+890 с. — Книги эти, считаемые самыми древнейшими, были подробно описаны в ст. *Кл. Неволлина* «О пятинах и погостах новгородских» (Запис. Имп. рус. геог. общ. 1853. Кн. VIII. Прил. VIII. С. 187-242).

от которого они происходят: например, «дв. Титко, дв. Сидорик, дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко». По объяснению Никитского в приведенном примере притяжательное Ермачков, относимое к одному из братьев Сенкиных и поставленное в соответствие только с одним именем Ермолка, показывает, что Ермачко, а следовательно, и Ермак, есть полуимя от Ермолая. Но, объясняя эту переделку Ермолая в Ермака, Никитский всего не договорил, не договорил того, что имя Ермолай, переделываемое в Ермака, как показывает приведенный пример, превращалось еще в слово «Ермолка», но что это бывало не всегда, как показывает, например, такая запись той же деревской книги: «Д. Столп: дв. Федко, дв. Ермачко Сидоровы, да Федков сын Ермачко, а Ермачков сын Гридка, сеют ржы...»*. Здесь, как видим, дело обходится уже без «Ермолки», а потому и притяжательное «Ермачков» для толкования имени Ермак от Ермолая, или Ермолки, теряет всякое значение. Засим не договорил г. Никитский и того, что в слове «Ермолка» можно равносильно Ермолаю разуместь и имя Ермила, так как другой уменьшительной формы для этих обоих имен перепись деревской пятины не дает. Допустить, что имени Ермила в XV веке не существовало — нельзя, так как оно явилось в употреблении с именем Ермолая одновременно в том общем числе греческих имен, какие перешли к славянам с принятием христианства: имена эти установились в память мученика Ермила, пострадавшего в царствование Ликийя в 312 году и священномученика Ермолая, пострадавшего от Максимилиана в 296 году по Рожд. Христ. и в переводе с греческого означают: Ермил — «из лесу Ермиа», а Ермолай — «народовещатель».

У Буцинского другие доводы. Ссылаясь на рассмотренные им в московских архивах именные списки разного чина сибирских людей, но не приводя из них ни одного буквального примера, как это делает Никитский, названный исследователь приходит к убеждению, что имя Ермак составляет переделку имени Ермила и что его нельзя производить от имени Ермолая потому, что в списках тех последнее имя встречается или в своем настоящем виде, или в испорчен-

* Там же. Т. II. С. 792.

ном «Ермошка» и «Ермолка», а имени Ермила в списках нигде нет, очевидно, потому, что оно всегда заменялось Ермаком.

При всем желании, если не согласовать эти два разно-речивые толкования, то хотя установить в известной степени вероятность того или другого, мы не находим к этому возможности. По настоящему мнению указываемые в этих толкованиях источники, хотя и архивные, кроме одной распространенности на Руси имени Ермака, ничего не выясняют. Живя в Сибири, рукописная старина которой истреблена пожарами, и не располагая поэтому такими материалами, которые дали, например, Буцинскому для исследуемого предмета московские архивы, мы с целью ознакомления с образованием имени Ермак от упомянутых выше христианских имен за время, близкое к жизни покорителя Сибири, просматривали несколько печатных книг населения г. Тобольска XVII и XVIII столетий, изданных по материалам тех же архивов. По книгам этим в XVII столетии в населении Тобольска людей под именами Ермолаев и Ермилов вовсе не показывается, а означено десять человек (пятидесятник, казак, барабанщик, сторож, два посадских и четыре десятника), которые одинаково названы «Ермолками»*; напротив, в XVIII столетии по книгам тем людей под именами «Ермолок» уже не встречается, а означено четыре человека Ермолаями и один Ермилом**. Это свидетельствует, что до XVIII ст., когда известным указом Петра I воспрещено было употребление в документах полуимени, «Ермолками» писались безразлично и Ермолаи, и Ермилы. Мало этого: двум называемым именам есть немало других созвучных имен и одного же с ними греческого происхождения; к таковым принадлежат Ерасм, Ераст, Ермипп, Ермий, Ермоген, Ермократ, Ерм, Ерос; или же: Иеракс, Иероним, Иерон, Иерофей и др. Как сказать, что словом «Ермолка» при столь широком его употреблении не означалось если не

* Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII ст. 1885. С. 51, 53, 54, 57, 58, 63, 76 и 90. — Почти то же самое показывают сотная, писцовая и переписная книги XVII ст. по Устюгу Великому; там в четырех случаях упомянуто имя «Ермолка» и в одном «Ермолайко»; Ермилов же и Ермаков не показано. (Устюг Великий: Матер. для истории города XVII и XVIII ст. 1883. С. 3, 130, 161, 291 и 150.)

** Тобольск: Материалы для истории... С. 118, 120, 125, 129 и 130.

всех, то хотя некоторых и из этих имен? Толкования гг. Никитского и Буцинского этого не предусматривают. Далее, по отношению к именам Ермолая и Ермила необходимо заметить, что имена эти празднуются церковью по одному разу в год (26 июля и 13 января) и одинаково малоупотребительны; по крайней мере их нельзя сравнивать в употреблении с именами, показываемыми по церковному месяцеслову несколько раз, например, именами Федора, Петра, Александра (30, 26 и 24 раза) и друг. Таким образом оказывается, что относить имена «Ермолок» исключительно к одному имени Ермолая нельзя, невозможно допустить, что в населении Тобольска за целое столетие пережило десять Ермолаев и не было ни одного Ермила. Если же предполагать, что оба эти имени должно подразумевать скрывающимися в именах Ермаков, то и этих последних имен по книгам там вовсе не показано, стало быть, и они заключаются в тех же «Ермолках». Но так или иначе сопоставляя эти замечания с рассматриваемыми толкованиями, мы получаем в результате одну, неподдающуюся разъяснению, путаницу: выходит, что в приведенном Никитским примере — «...дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко» — «Ермолкой» вместо Ермолая мог быть и Ермил, так как «Ермолками» писались безразлично оба эти имени, тогда как по Буцинскому «Ермолкой» этим должен быть уже, безусловно, Ермолай, ибо в «Ермолку» превращалось только это имя. Короче, толкование Никитского становится как бы принадлежностью Буцинского, а толкование последнего переходит в собственность первого. Словом, получается то, от чего по поговорке «заходит ум за разум».

Но нелишне коснуться и прочих частей толкования Буцинского. Что Ермак есть испорченное имя Ермил, исследователь свидетельствует тем, что по упомянутым им спискам сибирских людей имя это носили многие казаки, посадские люди и крестьяне, что имя это варьировалось на «Ермачков» и «Ермачишек» и что от него же получили названия многие населенные места Сибири. Все это почти уже доказано, но говорит только о той же несомненной распространенности имени Ермака да обычном в старину превращении его в уменьшительный вид. Далее толкование передает известие, что «один остяцкий князь, принявший при

крещении имя Ермила, также назывался Ермаком». С известием этим мы знакомы, но только в одной части его, именно — что в роде обдорских князей за время царствования Михаила Федоровича действительно был князь Ермак, сын князя Мамрука и внук князя Василия, крещенного в Москве при царе Федоре Ивановиче. О роде этом в свое время извлекаемы были сведения из старых дел бывшей березовской воеводской канцелярии и хранящихся у князцов царских грамот упомянутым уже нами Н.А. Абрамовым, но той подробности, чтобы сын Мамрука, носивший имя Ермака, был назван при крещении Ермилом, мы нигде не встречали*.

В толковании имени Ермак извращением от Ермила подробность эта весьма важна, но дать ей вероятие на слово мы не можем: источник, откуда взята она, г. Буцинским не объявлен. Судя по тому, что в старину царями нередко давались людям почетные прозвища, которые оставались при них навсегда и переходили даже в потомство, как фамильные названия, можем только предположить, что и остяку, сыну князя Мамрука, было дано Михаилом Федоровичем имя Ермак в виде подобного же прозвища, как это сделано, например, в 1564 году царем Грозным, назвавшим одного мордвина Дружиною**. Наконец последняя часть толкования г. Буцинского упоминает народные песни, где покоритель Сибири действительно называется Ермилом. Но, по нашему мнению, и это указание переделки или происхождения имени Ермака от Ермила также не доказывает. Историческая верность песен, воспевающих Ермака, в общем, весьма сомнительна: довольно заметить, что песни те часто мешают Ермака со Стенькой Разиным, Ванькой Каином и Гришкой Отрепьевым и дают ему в товарищи каких-то Самбура Андреевича да Анофрия Степановича; одна песня вместо летописной фамилии Аленина, придает ему фамилию Бургомирова; другая, и самая распространенная из тех песен, «Ермак взял Сибирь» называет местом гибели героя р. Енисей*** и т.п.

* Абрамов. Опис. Березов. края//Тобол. губер. вед. 1858. № 20. С. 375 и 376. — Нет упоминаний князя Ермила и в ранних сведениях об остяцких князьях, имеющих, наприм., у Миллера (Ежемесяч. соч. 1764, гл. 6, § 34), Новикова (Древ. вивл. Ч. III под 7141 г.) и др.

** См. сноску ** на С. 29 настоящего издания.

*** Древние русский. стихотвор., собран. Киршею Даниловым. С. 122; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. П. С. 230-232 и др.

По всему этому оказывается, что назвать Ермака по-христиански вовсе не легко, даже и зная, что имя это имело на Руси общее употребление. К тому же по тем примерам употребления этого имени, какие указаны выше, заметны некоторые особенности, зарождающие даже сомнение, было ли имя Ермак имя христианское. Прежде всего оказывается, что имя Ермак не имело такой распространенности, такого почета, какими пользовались некоторые другие имена. Возьмем для примера имя Иоанна, переделывавшееся в Ивана, или Ивашку. Это имя, переводимое с еврейского словом «благодать», с незапамятных времен было, или, лучше сказать, жило на Руси решительно святой необходимостью. По преданию первые наши христиане, отрождаясь водою, молили себе благодати, и крестители их нарекали всех Иоаннами: «без благодати и крещения не знати». Такое предание весьма сходно с истиной, так как имя Иоанна празднуется церковью в течение года 61 раз и, превратившись в Ивана, стало столь популярно, что от молитвы перешло к песне, от песни — в повесть, сказку и везде стало не переменным. Не то мы видим в употреблении имени Ермака. Имя это не было почетным и носилось исключительно казаками, посадскими людьми, крестьянами, вообще в низших классах людей; в классах же высших оно не появлялось и ни одного боярина, наместника, воеводы, головы и даже дьяка с этим именем неизвестно. Поэтому и в сибирских летописях, кроме покорителя Сибири, не упоминается под именем Ермака ни одного из высших служилых лиц. Исключение представляет только известие одной из тех летописей, что в 1626 году в числе строителей Качинского, или Красноярского острога между другими был тобольский атаман Ермак Евстафьев*, но это показывает лишь употребление того имени между казаками, к которым несомненно принадлежал и Евстафьев. Засим становится очевидным, что в высших классах не существовало и переделок в имя Ермака созвучных ему правильных имен, хотя бы, например, того же имени Ермолая: так, пермский князь Ермолай Вымский, отец князя Василия, ходившего в 1465 году с устюжанином Василием Скрыбой

* *Новиков.* Записки к сибир. истории служаш.//Др. рос. вивлиоф. 1788. Ч. III. С. 145.

воевать Югру, ни в летописях, ни в синодиках Ермаком не именуется, а везде называется Ермолаем; сын же его — Ермолаичем и Ермоличем*. Далее: с именем Ермака неразрывно связано употребление имен «Ермола* и «Ермолка» — слов, имеющих чисто татарские звуки**, каких не чуждо и самое имя Ермак. Все это сближает с мыслью о том, не имело ли происхождение упомянутых имен какого-либо соотношения к той веренице разных обычаев, какие предки наши задолго до Ермака унаследовали от татар.

Известно, что Карамзин еще напоминал о некоторых следах татарщины в обычаях русского народа, но замечание историка*** скоро стало забытым; мало того, некоторые начинали даже отвергать возможность дурного влияния на наших предков татар. Татарские элементы, затаившиеся в русской жизни, стали понемногу выясняться только недавними исследованиями****. Благодаря этому, татарщина сказала у нас во многом. Яснее всего она сказала в смене древней русской одежды на ту татарскую, которая покрывала наших предков с головы до ног и которая и доныне носится нами в виде, например, азяма, армяка, башлыка, башмака, зипуна, кафтана, клобука, колпака, темляка и т. под. Перед татарщиной стушевывались даже церковные обычаи: бояре, приходя в церковь, стояли в татарских тафьях, что воспрещено уже собором 1551 г.*****. Одев наших предков по-своему, та же татарщина стала вытеснять из русской жизни и «правду по закону святу». Появились ругательства и битье, доныне напоминающие себя унаследованными от татар словами башка, карга, дурак, канда-

* А Дмитриев. Архангелогород. летоп. под 1465 г.//Пермская старина. 1889. Вып. 1. С. 159, 164 и др.

** Хотя в упомянутой уже нами «Заметке» Безсонова (См. сноску * на С. 26 настоящего издания) слову «Ермолка» дано такое толкование: «Ермолай — Ермолка (шапка, шляпа, полагаем, что это от ермы и «шляпы земли греческой»)», но этим дело и кончается (С. LXXXV); в «Энциклопедических же словарях* (Даля и Толля) слово это истолковывается проще: «Ермолка, ермолочка — скуфья, скуфейка, легкая шапочка вплоть по голове, без околыша, или какой-либо прибавки; особенно того вида, как нашивали ее евреи (еломок)».

*** Карамзин.. V. Прим. 401.

**** Например, Вельяминова-Зернова (Исследов. о касимов. царях), Хартаха (Истор. судьбы крымских татар), Савваитова (Опис. стар. царек, утварей), Шевырева (Истор. рус. слов) и др.

***** Карамзин. IX. С. 458.

лы, кнут, катать, бузоват и проч. Далее вошли в употребление казна, караул, сундук, сарай, ям, харч, правеж, ярлыки, чины. Появились, наконец, бои и кабаки, а с ними родился и особый люд кулачных бойцов и кабацких целовальников, для которых, можно думать, с той же татарской стороны перешли и общие названия, или клички «Ермаков» и «Ермошек», сохраняемые и доныне в некоторых редких памятниках народного творчества.

Хотя выше нами и приведено уже известие об этих кличках, которых при суждении об имени Ермака, быть может, и не без основания коснулся г. Пуцилло*, но повторить об этом здесь, при изыскании пути к открытию значения этого имени, мы находим нелишне. Могло быть, что и покорителю Сибири в года его буйной молодости была присвоена кличка Ермак или в значении кулачного бойца, или же силача. Заметим, что люд кулачных бойцов — люд особого закала — мог чаще встречаться в том вольном казачестве, сменившем на Руси вольные дружины бродников, начало которого восходит ко временам татарского ига. Само имя казака перешло к нам от тех же татар, называвших им, в противоположность большим и знатным родам, наиболее бедную часть народа, обреченную на бесприютное скитальческое существование. Сословие вольных казаков, в котором мог ютиться люд кулачного ремесла, связывалось у нас вообще с бездомками, бобылями, чернорабочими ватагами. Это был народ разных состояний, полуоседлый, не признававший над собой никакой власти, народ притом особой смелости и отваги, которому почему-либо было тяжело оставаться на родине и который во вторую бедственную половину царствования Ивана IV, укрываясь для грабежей на Волге, в береговых утесах и дремучих борах самарской луки, выпустил из среды своей на историческую сцену знаменитого Ермака**.

Но пусть упоминание наше о кличках кулачных бойцов Руси останется упоминанием, вызываемой же им догадке о том, чтобы клички эти были корнем имени Ермака, мы не можем дать значения уже потому, что, кроме одних народных картинок, свидетельствующих о существовании тех кличек, для такой догадки не предвидится никакой основы.

* См. сноску * на С. 19 настоящего издания.

** *Иловайский*. Ермак и покорение Сибири//Рус. Вест. 1889 (сент.)-

Для дальнейшего разрешения занимающего нас вопроса необходимо, стало быть, искать другого пути.

V

Не помогут ли нам назвать покорителя Сибири действительным его именем сибирские летописи и синодики?

Не рассчитывая вообще на какие-либо указания в этом вопросе признаваемых за древнейшие летописей Строгановской и Есиповской, как не дающих Ермаку никакого другого имени, мы не можем, однако, не назвать в этом случае первоисточником синодика Тобольского собора, заведенного при первом сибирском архиепископе Киприане. Хотя в общем ряду сибирских летописей этот памятник и малозаметен, но значение, какое имеет он для нашего вопроса, от него неотъемлемо.

По Есиповской летописи упомянутый синодик составлен по такому документу, достоверность которого несомненна. Это было полученное архиепископом Киприаном в 1622 году от остававшихся еще в живых сподвижников Ермака «писание, како (они) приидоша в Сибирь и где (у них) с погаными были бои и ково имянем у них убиша»*. Первообраз этого синодика до нашего времени не сохранился, но известно, что Миллер при составлении «Описания Сибирского царства» пользовался им, особенно при исчислении убитых казаков Ермака, времени смерти Кольцо** и проч.; в последующих же трудах о Сибири этот историк отзывался, что «письменное известие, казаками архиепископу поданное, должно почитать за основание, по которому после другие писать продолжали» и что поэтому синодик тот следует считать за «подлинное историческое доказательство»***. Все это позднее приводило некоторых исследова-

* См. сноску * на С. 13 настоящего издания.

** Миллер. Гл. П. §§ 81 и 93; III. §§ 41, 49.

*** Продолж. Сибир. истор.: Гл. VIII, §§ 16-17//Ежемесячн. сочинен, и извест. о учен. делах. 1764 (май). С. 398-400. — Да и вообще старинные синодики заключают в себе немало важнейшего для истории: синодик, наприм., свияжского Богородицкого монастыря содержит в себе даже список жертв опал за время Иоанна Грозного; в синодике вологодского Спасо-прилуцкого монастыря записано 3750 человек, казненных за то же время, в том числе 52 лица княжеского рода. Происхождение таких списков объясняется тем, что Грозный, желая быть вместе и строгим, и милосердным, каз-

телей, изучавших сибирские летописи, к предположению, что если составитель синодика не был автором Строгановской летописи, то полученное им «писание» могло служить для этой летописи основой*. Не входя в оценку этого предположения, не согласующегося с догадками историков Карамзина и Соловьева о появлении упомянутой летописи в конце XVI века** и не отдаваясь тем от своего предмета, мы в усиление значения синодика в вопросе об имени Ермака считаем нелишним добавить, что во время составления синодика между живыми сподвижниками Ермака встречались такие люди, которые знали Ермака не только за время покорения Сибири, но гораздо ранее, быть может, далее с самого начала походов его на Волге. Такими сподвижниками были, например, Таврило Иванов и Гаврило же Ильин: о первом в грамоте царя от 23 февраля 1623 года тюменским воеводам Долгорукову и Редрикову о назначении его тюменским атаманом, между прочим, говорилось: «Служил-де он... в Сибири сорок два года, а прежде того он служил нам на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы...»***; о втором же тобольские казаки в 1632 году отправляли к царю челобитную, в которой вместо назначенного над ними начальником тобольского боярского сына Богдана Аршинского просили, чтобы царь «за прежние их службы и за кровь велел ведать их по прежнему атаману Гаврилу Ильину», который, подобно Иванову, служил с Ермаком «в поле 20 лет и 50 лет в Сибири»****. Стало быть, служба при Ермаке Иванова и Ильина началась с 1560-х годов, т.е. когда у Ермака не родилось еще и мысли о походе на Сибирь.

нил опальных и в то же время раздавал милостыни, делал вклады в разные обители, чтобы молились о душах погибших, о которых и рассылались сведения по некоторым монастырям; в этих сведениях, заносившихся в синодики, кроме имен казненных, означались иногда даже места, бывшие театром казней, упоминались роды казней и проч. (Казанск. губ. вед., 1847. №№ 2-3; Тетрадь, а в ней имена писаны опальных//Чтен. в общ. ист. и др. российск. 1859. № 3.

* Наприм., Спасского (Сибирск. вест, Ч. I. Спб., 1824. С. 118), Небольсина (Покор. Сиб. 1849. С. 8), Абрамова (Журн. Мин. нар. проев. 1849. № 10) и др.

** Карамзин. IX. Прим. 644; Соловьев. VI. Доп. С. XX.

*** Миллер. IV. Вын. под § 94.

**** Буцинский. V. С. 108 и 109.

могло быть и этого. Хотя имя это в правильном виде своим знали и сподвижники Ермака, знало и духовенство старой Сибири, но переделка этого имени на современный лад, снижавшая широкую употребительность по всей Руси, осталась неприкосновенной и при занесении его в синодик архиепископа Киприана. Причина простая. Отсутствие школьного образования в духовенстве начала XVII ст. и вообще малограмотность, редко шедшая далее изучения букваря*, не могли представлять для него различия в том, будет ли в церковном синодике стоять в правильном виде, например, имя Георгия, или же в искажении на современный лад Гридики. Хотя в сфере церковно-духовной, как замечено выше, предки наши и старались сохранить христианские имена, употребляя имена народные только в общежитии, но в то немудреное время употребление в церковных документах имен извращенных и даже имен языческих и татарских бывало нередко. Тобольский архиерейский дом, как видели мы, даже позднее времени Ермака, оставляя в стороне христианские имена сибирских воевод, голов и дьяков, показывал их именами в роде Беляницы Зюзина, Чеботая Челищева, Курдюка Давыдова и т.п.**. По другому известию в синодике Николо-Угрешского монастыря в дворянских родах помещен род Болтина Балма Федоровича***, т.е. чисто татарское имя. Наконец, употребление в старину подобных имен встречается даже в церковных обрядах. Так, например, известно, что при поступлении в монашество, или калугерство старое имя переменяется на новое. Последнее имя принято выбирать такое, чтобы оно начиналось с той самой буквы, с какой начиналось и первое имя. Между тем по списку надгробных памятников Троицко-Сергиева монастыря, составленному в XVII веке, видно, что в роде Осорьиных был некто Собота Иванович, преставившийся 7081 года. Этот Собота, как инок, назван был Симеоном****. По всему этому и внесение архиепископом Киприаном в начальный синодик Тобольского собора извращенного имени Ермака никому, полагаем, странным не покажется.

* *Смирнов.* Истор. москов. славяно-греко-латин. академии. 1855. С. 3.

** Сноска *** на С. 12 настоящего издания.

*** *Пуццлло.* С. 283.

**** *Морошкин.* С. 526 и 527.

Но время, однако ж, делало свое. Благодаря уменьшению в сибирском духовенстве невежества, с годами обратили на себя внимание как искажение имени сибирского героя, так и установление провозглашения по этому имени «вечной памяти», касавшееся на первых порах Тобольского софийского собора*. По Ремезовской летописи мы знаем, что при третьем сибирском архиепископе Нектарии (1636–1640) это установление перешло в особый церковный обряд поминовения покорителя Сибири с дружиною в неделю православия, который введен был в исполнение уже по всей сибирской епархии**. С этим обрядом, само собой разумеется, представились уже и поводы к замене имени виновника его тем правильным церковным именем, какое началось словом Ермак. Вслед за установлением упомянутого обряда преемником Нектария на сибирскую архиерейскую кафедру 1 января 1641 года прибыл архиепископ Герасим, назначенный на этот пост из игуменов Велико-Новгородского Богородице-Тихвинского монастыря — один из образованнейших людей тогдашнего духовенства. По одному книжному памятнику, вышедшему из-под пера этого мужа, остававшегося в Сибири до смерти (16 июля 1650 г.), можно безошибочно заключать, что и в первой половине XVII столетия, несмотря на отсутствие школ, в передовом сибирском духовенстве, хотя и весьма редко, находились же люди, достигавшие через одно самоучение высокой для своего времени образованности. Мы хотим сказать о составленном этим архипастырем «Алфавите неудоб. разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенского языка». Эта рукопись, разделенная на две части***, заключает в первой славянскую грамматику, а во второй — алфавитный словарь с толкованиями слов, вошедших в славянские книги с языков греческого, еврейского, арабского, армянского, египетского, польского и других. В связи с вве-

* Сноска * на С. 13 настоящего издания.

** Крат. Сибир. лет. Изд. Зоста. 1880 С. 135.

*** По словам биографа архиепископа Герасима А.К. Недосекова, рукопись эта, принадлежащая библиотеке Тобольского кафедрального собора, писана полууставом; на нижних полях листов ее находится собственноручная красивая, полууставная же надпись преосвященного Герасима: «Сия книга, глаголемая алфавит, сибирского архиепископа Герасима 7153 г.» (Тобол, епарх. ведом. 1887. №№ 19–20. С. 376–377.

дением обряда поминоения Ермака с дружиною в неделю православия памятник этот может достаточно свидетельствовать о том, что при архиепископе Герасиме искажение дорогого для Сибири имени покорителя ее могло казаться уже совершенно нетерпимым. Если этот архиепископ находил необходимым столь беспримерный для его времени способ ознакомления своей паствы со всем непонятным для нее при богослужениях, то, несомненно, не мог не требовать и правильного поминоения при них в новоустановленном обряде имени, какое современная переделка преобразовала в слово Ермак. Благодаря этим обстоятельствам, в распрос-транившихся по сибирской епархии синодиках появляется правильное имя Ермака. Образец этих синодиков нам представляет синодик Нерчинско-Успенской монастырской церкви, найденный в архиве этой церкви селенгинским преосвященным Мелетием. По этому синодику имя Ермак называется именем Ермолая*. Такой нее образец упомянутых синодиков мы находим и в Черепановской летописи: «Помяни, Господи, — говорится там, — пострадавших... атаманов Ермолая, Иоанна, Никиты, Иакова, Матфея и дружины их...»**. Эти образцы синодиков показывают, что благодаря начальной сибирской иерархии имя Ермака давным-давно было раскрыто; показывают и то, что наряду с этим именем упомянутая иерархия совершенно правильно означала по синодикам и имена ближайших соратников Ермака — атаманов Ивана Кольцо, Никиты Пана, Якова Михайлова и Матфея Мещеряка. Затем, благодаря примеру той же иерархии, правильное имя покорителя Сибири появилось и в местных летописях, по крайней мере, неизвестный современник архиепископа Герасима, названный «Новым Летописцем», уже называет Ермака «старейшим атаманом Ермолаем». Отсюда выходит понятно и то, что могло быть основанием для отца сибирской истории Миллера определить значение слова Ермак полуименем от Ермолая***.

Таким образом, приведенных указаний, думаем, достаточно для того, чтобы отнести все остальные, присваиваемые Ермаку имена, вроде Германа, Ермила и подобных, к

* Сноска ** на С. 14 настоящего издания.

** Сноска * на С. 14 настоящего издания.

*** Сноска * на С. 11 и сноска * на С. 16 настоящего издания.

области фантазий. Нельзя сделать этого только по отношению к тому из последних имен, которым называет Ермака Черепановская летопись, т.е. имени Василия. Этому имени летописцем предпосылается целая родословная Ермолая Тимофеевича, относящая его по происхождению к посадским людям города Суздаля Алениным и называющая имена даже деда и прадеда его. Но, к сожалению, появление таких известий относится только к концу прошедшего столетия, или времени выпуска самой летописи, и основывается лишь на «некоторой сибирской истории», писатель которой «своего имени не объявил», и которая, прибавим, ни ранее, ни после составления летописи, несмотря на истечение более уже столетия, ничем документальным не подтверждена. Тем не менее отвергать правдоподобность упомянутых известий трудно: передаваемые ими сведения, хотя и в немногом, но согласны с другими наиболее достоверными указаниями в отношении отчества Ермака и жизни его на Чусовой; наконец почти тождественные Алениным фамилии, как, например, фамилии Аленевых и Олениных, встречаются и в старинных документах тех населенных мест, с которых началась историческая известность Ермака: по писцовой и переписной книгам Устюга Великого под этими фамилиями показано несколько семейств посадских людей и между прочим два подьячих митрополичьих дел*.

Исходя из приведенных нами ранее сведений о двуименности предков наших и делении имен их на явные и тайные, едва ли можно допустить ошибку, если сказать, что и покоритель Сибири, кроме явного имени Ермолая, имел еще имя тайное, каковым и было имя Василия. Быть может, последнее было то имя, которое дано ему при крещении. Но те преследования, какими сопровождались молодые годы нашего героя — годы его разбойничества — могли представлять ему немало поводов, чтобы скрывать его настоящее имя, заменяя его именем Ермолая. Хотя в Сибири, когда ему прощены были все старые вины, скрывать это имя, по-видимому, уже не было оснований, да если имя это и осталось секретом при жизни его, то по смерти секрет этот могли раскрыть оставшиеся в живых сподвижники его, но,

* Сноска * на С. 12 настоящего издания. А также: Устюг Великий: Матер. для ист. города XVII и XVIII ст. 1883. С. 100-102, 105, 150, 161 и др.

однако ж, этого могло и не быть. Не нужно забывать, что с завоеванием Сибири имя Ермак стало именем знаменитым, а потому и прежнее, хотя бы и действительное имя старого волжского атамана могло отойти уже на задний план; напоминать же о нем значило бы набрасывать на победителя Кучума тень мрачных воспоминаний о разбойничьих похождениях, словом, воскрешать в высоконравственном образе завоевателя Сибирского царства ненавистного разбойника.

Но — «чем дальше в лес, тем больше дров». Давно известно, что эта народная поговорка в некоторых случаях одинаково может быть применима как в житейской практике, так и в области истории. И в последней есть вопросы, разрешение которых и заманчиво, и желательно, но судьба которых странна: чем более стараются их разрешить, тем более они запутываются. Таким же кажется нам и вопрос о тайном имени Ермака. Быть может, со временем кому-либо и посчастливится найти ту «некоторую» таинственную историю, о которой упоминает Черепановская летопись, и тогда, несомненно, вопрос этот получит разрешение. Теперь же будем пока довольны тем, что по приведенным в своих догадках указаниям в имени Брмолая Тимофеевича нам сказалось то явное христианское имя, которое носил славный покоритель Сибири и которое следует разуместь в вульгарном слове «Ермак».

Начало сибирских городов

Исторический набросок

Городское дело старинной русской Сибири принадлежит к числу тех малоисследованных сторон, какие во многом представляет первоначальный быт здесь русских насельников. Как по той важности, какая придана была этому делу правительством вслед за окончанием походов Ермака, так и по тому значению, какое имело оно в дальнейших фазисах колонизации новопокоренной окраины, подробности возникновения между улусами полудиких инородцев первых русских городов должны были составить многосложный отдел истории Сибири. Однако ж последняя передает одну сухую и нередко разноречивую хронологию годов основания и имен основателей тех городов. По сибирской истории мы знакомее, пожалуй, с родословием татарских князей и ханов и вернее выясним, чему можно давать вероятие из походов какого-нибудь Тайбуги или Мамета, чем расскажем, например, подробности основания главы сибирских городов — Тобольска. Всею виной пожары 1626 и 1643 годов, истребившие без остатка архивы Сибирского приказа, Казанского дворца и Тобольской приказной избы. В этих хранилищах находились те драгоценные материалы, какие могли проливать полный свет не только на своеобразную жизнь русских насельников «Кучумова юрта», но, быть может, и на самую легендарную жизнь «велеумного ритора» Ермака. Там же, несомненно, заключались и истреблены беспощадным огнем и материалы для истории первоначального устройства сибирских городов. Поэтому единственным источником для ознакомления с городским делом Сибири служат те отрывочные сведения, какие заключаются в «Описании Сибирского Царства» и «Ежемесячных сочинениях» Миллера и частью в трудах Фишера и

Словцова. Несмотря на истечение почти полутора столетий со времени издания Миллером первого труда к сведениям его по городскому делу Сибири прибавлено очень немногое. Да и это немногое, заключавшееся в очерках сибирской старины Спасского, Абрамова, Кострова, Шаглюкова и друг., помещалось большею частью в тех недолговечных периодических изданиях, которые весьма скоро обращаются в трудно находимые библиографические редкости. Хотя после Миллера осталось и немало исторических материалов, не вошедших в упомянутые труды его, но материалы эти до сего времени не изданы, а объемистые портфели их, хранящиеся в одном из столичных архивов, для нас недоступны. Только в недавнее время сибирская история дополнена несколько двумя трудами, вышедшими, к слову сказать, на далеком юге России, в Харькове и частью Очакове и изданными в одном случае на лепту харьковского университета. Мы говорим о «Заселении Сибири» П.Н. Буцинского и «Истории Сибири» В.К. Андриевича. Но займемся тем, о чем начали.

Известно, что царь Иван IV, получив от атамана Кольцо¹⁵ с товарищами в 1583 году первые известия о покорении Сибири, не вникнул достаточно в трудность положения оставшейся в Искере дружины Ермака и хотя послал на помощь ей воевод Семена Волховского и Ивана Глухова с незначительным числом ратных людей, но последние явились в Сибирь только осенью 1584 года, когда от недостатка продовольствия в стане завоевателей начиналась уже смертность. Ошибка Грозного, имевшая последствием попытку татарских князей к возвращению отнятых владений, была поправлена уже при Федоре Ивановиче: в первые два года нового царствования в Сибирь было отправлено несколько воевод с отрядами ратных людей, с прибытием которых ряд правительственных мер к укреплению здесь русского владычества принимается с основания городов.

Начало городскому делу в Сибири положено было первым же из воевод нового царя Иваном Мансуровым постройкой осенью 1585 г. при Оби, вблизи устьев Иртыша, *Обского городка*¹⁶. Этот городок был как бы прообразом будущих сибирских городов. Он построен был при подошве высоких гор, называвшихся Белыми, состоял из несколь-

ких хижин, обнесенных палисадником, и служил зимним пристанищем Мансурова, отложившего за недостатком сил поход свой на вновь захваченную татарами столицу свою Искер. За постройкой этого городка, который, как временную только стоянку воеводы, вернее считать острожком, со следующего года дело основания сибирских городов повелось с такою быстротою, что к концу царствования Бориса Годунова — менее чем в двадцать лет — на северо-западе Сибири были уже построены следующие города: в 1586 году *Тюмень*, в 1587 — *Тобольск*, в 1589 — *Лозва*¹⁷, в 1592 — *Пелым*¹⁸, в 1593 — *Березов* и *Сургут*, в 1594 — *Тара*, в 1596 — *Нарым* и *Кетпск*, в 1598 — *Верхотурье*, в 1600 — *Мангазея*, в 1601 — *Туринск* и в 1604 году *Томск*.

Посвящая предлагаемые заметки делу начального устройства этих городов, за исключением тех из них, которым не суждено было иметь будущности, оговариваемся, что заметки эти при скудости материала многого не дадут, но представят лишь начальный набросок общих деталей этого дела.

Начало сибирских городов было почти одинаково с началом городов Древней Руси. То же возведение деревянных стен и земляных рвов и валов, какое было как бы моментом зарождения русских городов, составляло такой же момент и по отношению к городам Сибири. Как в русских городах, устройство укреплений, окаймлявших избранный для жительства центр и привлекавших к черте своей население, вызывалось исключительно потребностью безопасного убежища — следствием перехода народа из кочевого состояния в оседлое, — так и в Сибири оно являлось на первых порах такой же потребностью обеспечения незваных пришельцев от нападений туземных племен. Хотя давность, отделившая возникновение этих городов между собою на несколько веков, и не могла передать на города Сибири тех начальных условий, под которыми росли и развивались города Древней Руси, тем не менее сибирские города во многом целостно приняли один из типов русских городов.

В глубокой древности славянский город назывался «градом» и означал место, обведенное оградой, например частоколом, плетнем, и это слово было однозначительно со словом

«огород». Построить город значило вначале обвести загороду и укрепить ее рвами, называвшимися «греблями»*. С течением времени такие города выработали два главных типа: городов-посадов и городов-укреплений. Первый тип городов представляли те из них, которые образовывались во время преобладания около укрепленных мест земледельческого элемента: посады и слободы, окружавшие укрепление, в черте которого, никем не населенной, в мирное время отправлялись лишь религиозные обряды, а во время нападения врага спасалось население, образовывали города-посады. Второй тип городов представляли те города, которые образовывались с развитием дружинного элемента или появлением князей и их бояр-дружинников: началом их были укрепления, воздвигавшиеся на совершенно не населенных местах, куда основатели-князья садили своих представителей-посадников, сменившихся после наместниками и волостелями, с частью дружины. Разница состояла в том, что в первых городах дружинный элемент появлялся впоследствии, и город возникал или после, или одновременно с посадом или слободой, так что зародышем такого города служила деревня; в последних же городах дружинный элемент появлялся вначале, и город образовывался исключительно из закладывавшегося укрепления, центр которого населялся одновременно «воями» дружинниками, а земледельческие посады и слободы появлялись за стенами его, окаймляясь новыми укреплениями, уже впоследствии**.

Характер образования городов последнего типа, принадлежавший в большинстве случаев городам выселенцев — русских колонистов, с юго- и северо-запада на северо-восток Руси перешел в общих чертах и на основание первых городов Сибири. Явившийся на смену городских посадников, наместников и волостей новый служилый класс воевод и голов при посылке на службу в новопокоренный край, набирая лично или чрез других правительственных агентов войско из служилого класса и вольных охочих людей и отправлялись в Сибирь, прежде выполнения своей главной

* *Костомаров.* Начало единодерж. в Древн. Руси: Истор. моногр. и исследования. Спб., 1872. Т. XII. С. 31-32.

** *Дитятин.* Устройство и управление городов России. Спб., 1875. Т. 1. С. 111-114.

миссии, т.е. приведения инородцев известной местности под «высокую царскую руку», приступал к основанию и постройке города, при которых первую заботою было обведение избранного места укреплениями.

Укрепления городов были различны: или город обводился земляным валом, на котором воздвигалась деревянная стена или тын, или же последние стояли на плоской земле, а за ними уже делался вал; или же стена или тын присыпаны были хрящом, т.е. смесью камней, песку и земли. Стены делались бревенчатые и устраивались с окнами и «боями»: первые назначались для наблюдения за приближением неприятеля, а последние — для стрельбы в узкие отверстия из пушек и пищалей. По стенам устраивались башни и выступы разных очертаний, носившие названия «выводов», «кружал», «обломов»¹⁹ и проч., представлявшие различные приспособления для обороны на случай осады города. Устройство башен и выступов было неодинаково: они делались или о четырех, или же о шести углах, которые составляли длину одного бревна и имели форму высокого амбара, покрытого тесовою остроконечною крышею; в высоту же имели от 5 до 10 и более сажен. В башнях и выступах делались иногда сверху чердаки, клетки или караульни, а внизу — ворота, отчего такие башни назывались «проезжими». Главная башня с большими въездными воротами называлась «вестовою», потому что на ней висел вестовой колокол и был караул, наблюдавший за наступлением неприятеля; прочие же башни, на которых по временам, особенно во время опасности, находился также караул, назывались «сторожевыми», а те башни, которые устраивались на углах стен — «наугольными». По башням и выступам расставлялись пушки и пищали.

Общий вид городов имел различные формы: иногда город строился в виде треугольника, иногда же — четырехугольника, суживаясь или расширяясь в разных направлениях, смотря по удобствам местности. В большинстве случаев города старались расположить так, чтобы около них находилась и естественная защита, например, вода или ущелья, а потому часто одна сторона стены, а иногда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту*.

* *Костомаров*. Очерки жиз. и нрав, великор. народа. 1887. Т. XIX. С. 8-12.

Лучшим примером укрепления сибирских городов могли служить незадолго пред тем построенные городки ближайших соседей Строгановых Камгорт и Кергедан, основанные в 1558 и 1564 годах на местах древних чудских поселений. Насколько заботились тогда об укреплении городов, показывает следующий отрывок грамоты Иоанна IV от 2 января 1564 года о построении Кергедана, известного более под именем Орла-городка: «и яз царь и великий князь... велел есми... на Орле, на волоке, у росолу, другой городок собою ж поставити, стены сажень по тридцать, а с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины место камнем закласти, а пищальники и сторожи для береженья и на том другом городке собою ж дръжати, а в обеих городках велел есми ему собою ж наряд скорострелкой, пушечки и пищали затинные и ручницы сделати незаписным мастером, которых собе Григорей приговорит из найму и у себя Григорью тот наряд дръжати»*.

Со временем устройство городских укреплений изменялось. Города обносились иногда двумя бревенчатыми стенами, шедшими параллельно одна другой с незначительным промежутком; для большей же крепости в промежутке этом клались кресты из деревянных балок, которыми и связывались обе стены. Звенья, составлявшие внешнюю стену города и связывавшиеся между собою концами, назывались «городнями»²⁰, а звенья внутренней стены — «пригорками». «Городни» с «пригорками» связывались сверху перекладами наподобие матиц, по которым настился пол — «заборало», на котором свободно можно было стоять, ходить и действовать оружием.

Вслед за возведением укреплений городов, предназначавшихся в первое время для жительства воевод, духовенства и прочего служилого класса, около городов воздвигались и так называемые «остроги»²¹, отводимые для жительства прочих городских обывателей. Чрез известное расстояние от своих стен город снова окружался с двух или трех сторон в виде подковы новою стеною, на которой так же, как и на городских стенах, устраивались башни. Это было то же самое, что по отношению к городам-укреплениям Древней Руси представляли посады и слободы. Остроги или ок-

* Дополн. к акт. истор. Т. 1. С. 171.

ружали весь город и назывались в этом случае «большими острогами», или же устраивались в некотором отдалении от города и назывались «малыми острожками».

Таков был внешний план постройки первых сибирских городов. Но что же именно представляли внутренности этих городов? Ниже, по возможности, мы это выясним, а теперь пока коснемся тех периодов, какие принято различать между предками сибирских городских поселений — городами Древней Руси. В истории этих городов различаются обыкновенно два периода: первый, начинающийся задолго до IX века, т.е. времени появления на Руси варяжских князей, и оканчивающийся началом XIII века, или временем завоевания Руси монголами, когда русские города играли в жизни страны важную активную политическую роль, напоминавшую роль средневековых муниципий Запада; второй же — от половины XIV в. до конца XVIII ст., когда город, потеряв значение самостоятельного политического организма, превратился в конгломерат ничем между собою не связанных тяглых общин*. Из этих двух разнородных эпох — возвышения и упадка русских городов — появление городов Сибири должно быть отнесено к эпохе последней. По свидетельствам писцовых книг, все города тогдашней Руси, за исключением разве Москвы, Новгорода и Пскова, не представляли собою чего-либо выдающегося ни по количеству населения, ни по благосостоянию его, а вместе с тем и ни по внешнему виду или благоустройству: в конце XV и начале XVI веков были города, на посадах которых число дворов, как, например, в Копорье, не шло дальше двенадцати, самое население которых ограничивалось двенадцатью же тяглыми душами; в огромном же большинстве городов число посадских, торгово-промышленных людей и земледельцев не шло дальше 100—200 человек. Период смутного времени сильно повлиял на количество городского населения, и посадки многих и многих городов обратились «из-за жива в пусто». Большинство этого немногочисленного населения не пользовалось даже и средней руки благосостоянием, рискуя не сегодня-завтра «в конец погибнуть». Вообще же города по внутреннему виду отличались от сел и деревень разве только количеством изб-хором да церквей, оставаясь в этом виде до конца указанного периода**.

* *Дитятин*. I. 108.

** *Там же*. 120, 130.

Такие сведения о русских городах времени завоевания Сибири могут давать достаточное понятие и о том положении, в каком должны были находиться первые сибирские города в первые года по основании. Если окрепшая уже после татарских погромов Русь представляла в то время свои городские поселения жалкими деревушками, то что же, спрашивается, могли представлять собою города, воздвигаемые горстью неопытных строителей в лице сибирских ратников, благосостояние которых, состоявшее в небольших запасах хлеба, сопровождалось нередко продолжительными голодовками? Поэтому замечания некоторых исследователей сибирской старины, по которым первые города Сибири, строившиеся «без расколочки домов, без линий, без всякого понятия о градском зодчестве»*, составляли «лачужки, землянки и избы»**, улицы которых «были затоплены грязью, завалены навозом и падалью»***, едва ли не составят приблизительно верного понятия о начальном виде сибирских городов.

Начальная постройка городов производилась исключительно ратными людьми отрядов, присылавшихся из Москвы. Насколько эти отряды были малочисленны, видно из того, что у первых пособников Ермака — воевод Волховского и Глухова — было в распоряжении только 500 человек, у воеводы Мансурова, основавшего Обской городок, — 100 стрельцов, у строителей Тюмени Сукина и Мясного — 300 человек; уже ко времени основания Тобольска число ратных людей было увеличено дополнительными отрядами, так что основатель его, письменный голова Чулков, располагал ратью в 500 человек****. Из этих отрядов, составлявших 1400 человек, первые два отряда еще до основания Тюмени и Тобольска, значительно сократившиеся от недостатка продовольствия и неудач, после скорой смерти Волховского и неожиданной гибели самого Ермака вовсе оставили Сибирь, а потому для основания названных городов оставалось уже 800 человек, к которым могли присоединиться разве толь-

* *Словцов*. Истор. обоз. Сибири. Спб., 1838. I. С. 189.

** *Небольсин*. Покорение Сибири. Спб., 1849. С. 111-112.

*** *Серафимович (Шашков)*. Очерки нрав, старин. Сибири//Отеч. зап. 1867. X. С. 697.

**** *Миллер*. Опис. Сибир. царства. 1750. Гл. III. §§ 35, 75; IV. §§ 2, 8.

ко ничтожные остатки дружины Ермака. Но и та рать не могла быть в полном составе обращена на дело городского строения: явившись в незнакомый край, столицу которого за гибелью победителя снова заняли прежние владельцы, русские пришельцы, несомненно, должны были считать для себя важнее городской постройки дело защиты себя от постоянно грозивших им нападений татар, для чего требовались и рассылка разведочных партий, и установление сношений с племенами покоренных уже остяков и вогулов, и вообще меры к утверждению своего шаткого еще владычества. Все это приходилось в первое время выполнять тем же 800 человекам, выделяя из себя для строения городов уже самое ничтожное число. Поэтому, отвлекаясь разными необходимостями службы, эти строители-ратники или производили работы свои наскоро, второпях и как попало, или даже оставляли начатые города недостроенными. Это сказалось на постройке ими первого же города Тюмени. Не прошло и 10 лет со времени основания города, как тюменским воеводам наказывалось уже выдать жалованье тюменским жителям «за городское строение». Упоминая о царской грамоте по этому предмету, данной в 1595 году, Миллер полагает, что это городское строение состояло в возобновлении пришедшего в ветхость начального города, основанного Сукиным*, хотя по другим, более основательным сведениям, тут можно разуместь постройку стен острога**. Стало быть, или спешная работа ратников-строителей вскоре же потребовала переделки, или же город оставлен был недостроенным, так как при нем не было сделано острога, что, как замечено выше, всегда входило в условия правильного устройства тогдашних городов. По тем же причинам случалось иногда, что начатые города строились по несколько лет. Так строился, например, Пелым, основанный в 1593 году воеводой Петром Горчаковым: не прошло и четырех лет со времени основания города, как один из преемников Горчакова в 1597 году уже доносил царю, что башни в остроге все развалились, ров от Пелымки-реки засыпался и ему достраивать город нечем, потому что служилые люди целое лето заняты другими службами, а черные люди па-

* Миллер. Ежемесяч. соч. 1764. С. 5.

** Буцинский. Заселение Сибири... 1889. 86.

шут пашни; из донесения же другого воеводы, сделанного в 1617 году, видно, что крепостное строение почти совсем сгнило и отчасти обвалилось, но вскоре после этого, в 1621 году, Пелым выгорел, и новый город строили уже жильцы-вогулы и служилые люди из Тобольска*. Сознавая на первых порах ведение городского дела ратными людьми не достигавшим незамеченных целей, правительство обращалось и к опытам постройки городов на государеву казну, как показывает, например, основание Верхотурья. Грамотой царя Федора Ивановича, данной 15 декабря 1598 г. строителям города Василию Головину и Ивану Воейкову велено было заехать в Пермь и «взять у Сарыча Шестакова 300 р., а на эти деньги нанять посошных людей пеших, конных и плотников со всякою посошною снастью по договору, почем наймутся, и поруки на них взять крепкия с записями, чтоб им город и острог делать и, не доделав, от городского и острожного дела не сбежать». Но строить город наймом оказалось слишком дорого: по смете для постройки требовалось нанять 550 человек на три месяца, и постройка обходилась в 3120 р. Поэтому правительство разочло, что лучше строить новый город «по указу», чем «по договору», и приказало воеводам «доправить» на всей пермской земле посошных, конных людей и плотников, назначив этим рабочим самую минимальную плату**.

Но приведенные примеры понесенных при постройке Тюмени и Верхотурья казною расходов были, кажется, единственными случаями, где правительство решилось заменить ратных людей людьми наемными. По крайней мере, при дальнейшей постройке городов строителями их оказываются те же ратники с той разницею, что силы их постоянно освежались и увеличивались новыми дополнительными отрядами, и к городскому делу привлекались уже местные ясачные татары и остяки, а из Перми набирались незначительные партии плотников. Так, например, при постройке в 1594 году воеводой князем Андреем Елецким г. Тары, главная миссия которого состояла в том, чтобы «Кучюмацаря истеснить», в войске Елецкого, состоявшем из 1741 человека конных и пеших ратных людей, было, между про-

* *Миллер.* Ежем. сочин. С. 395; *Буцинский.* С. 163.

** *Миллер.* V. Грамота, пом. в выноске под § 20.

чим, до 600 человек местных ясачных татар и 20 человек «пермич-плотников», назначенных для постройки нового города*. Но из всех этих строителей самыми выгодными для казны считались инородцы, что вызывало посылку их при отрядах ратников даже в места, от улусов их отдаленные: так, из росписи ратников того же Елецкого видно, что в числе их были, например, инородцы из Тюмени, Верхотурья, Табаров, Кошуков и других отдаленных местностей; при постройке Томска в числе ратных людей, данных строителям его, казачьему голове Гаврилу Писемскому и боярскому сыну Василию Тыркову, из Тобольска, Березова и Сургута, участвовали 100 человек обских остяков под командой князца Онжи**²².

Вообще строители сибирских городов по тому разноплеменному сброду, из какого составлялись воеводские отряды при следовании в Сибирь, представляли самую разнообразную смесь разных наций: кроме преобладающего большинства русских, тут были и немцы австрийские и ливонские, и шведы, и поляки, и литовцы, и латыши, и мордва, и черемисы, и даже французы.

Нелишне заметить, что при всех почти первоначальных постройках сибирских городов участвовали и остатки рати Ермака, составившей потом в Тобольске особую «старую сотню» пеших казаков; так, из челобитной царю Михаилу Федоровичу тюменского конного казака Гаврилки Иванова о назначении его атаманом, приводимой в грамоте царя от 23 февраля 1623 г. тюменским воеводам Долгорукову и Редрикову, между прочим, видно: «Служил-де он... в Сибири сорок два года, а прежде того он служил нам на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли и Кучума-царя с куреня сбили, а царство Сибирское нам взяли и мурз, и татар разорили, и он-де был посылал с Ондреем с Воейковым на нашу службу на того же Кучума-царя и Божией-де милостию и нашим счастьем тово царя Кучума на Оби-реке погромили и его убили, и жены его, и дети взяли. Да его же-де посылали на Алея-царя боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов с воеводою с Назырьем Изъединовым и того-де Алея-

* Миллер. IV. §§ 54-56.

** Там же. V. § 45.

царя взяли и жен, и детей поймали. Да он же-де в Сибири ставил Томской городок при воеводе Гавриле Писемском; да он же-де ставил город Тюмень при воеводе Василье Сукине; да он же-де посылай был в Кузнецы для нашего ясаку и первый-де ясак взяли; да он же-де Тобольский городок ставил при воеводе Даниле Чулкове; да он же-де Тарской городок ставил при воеводе при князе Андрее Елецком; да он же-де ставил Пелымской город при воеводе при князе Петре Горчакове; да ево же-де посылал на нашу службу боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов, головством на калмыцких людей, и они-де калмыцких людей погромили и жен, и детей в полон взяли»*.

Считая города свои पहले всего пунктами обороны при набегах шаек бунтовавшего Кучума и вообще возмущениях сибирских инородцев, повторявшихся под воспоминаниями о прежней независимости почти во все продолжение XVII века, ратники-строители при основании городов руководились только простыми практическими соображениями о том, чтобы города те действительно представляли возможные удобства в стратегическом отношении; остальные же условия будущего благосостояния городских поселений считались второстепенными. Но и указываемые соображения не могли быть вполне осуществляемы, так как при малочисленности рабочих рук искусственное окаймление новых городов достаточными укреплениями было невозможно. Поэтому под города в большинстве случаев избирались обыкновенно места, укрепленные самой природой, на высоких крутоярах и буграх или мысах, окруженных оврагами или реками, чтобы первые представляли удобства для отражения нападений туземных племен, а последние — для рыбной ловли; не забывалось при этом и то, чтобы при новом поселении были и места для пашни и сенокоса.

По достижении пункта, предназначенного для города, первой заботой строителей, кроме заготовления леса, было ограждение этого пункта укреплениями. Кроме общих упоминаний актов того времени о стенах и рвах, какими окаймляемы были города, сами подробности возведения тех укреплений за первое время городов совершенно неизвестны.

* *Миллер.* IV. Выноска под § 94.

Сведения об этих укреплениях относятся уже ко времени царствования Михаила Федоровича и по отношению к первым городам представляют следующее:

Тюмень, основанная, по летописи, 29 июня 1586 г.* на правом, или южном берегу Туры, представлявшем возвышенный на 10 сажен от уровня воды луг, при впадении в эту реку с юга же р. Тюменки заложена была на восточном берегу последней, так что одной стороной прилегала к возвышенному берегу р. Туры, а другими двумя к р. Тюменке. Значит, только одна сторона была доступна и не имела естественного укрепления, а потому воеводы окопали ее рвом; по найденному же в одном из портфелей Миллера документу, город после возобновления его в 1622 году имел в окружности 260 саж. и был обнесен стенами, на которых возвышались две башни с проезжими воротами и шесть башен, называвшихся «глухими»; городские стены были вышиной от земли «до обламок» $1\frac{x}{2}$ саж. и от обламок до кровли 1 саж., а ширина стен — $1\frac{1}{2}$ саж. Острог был обнесен двумя стенами в 1,048 саж.: одною — от города подле р. Тюменки, а другой — от этой последней до р. Туры; по этим стенам также построено было несколько башен, из которых две проезжих, шесть глухих, одна четвероугольная на столбах с воротами к р. Туре и, наконец, одна башня о шести углах. «А крепость у города и острога, — говорит тот же документ, — с одной стороны река Тура, с двух сторон речка Тюменка, а с нижней стороны с приезде сибирские дороги от Туры до Тюменки от поля устроены надолбы тройные»**.

Об укреплениях Тобольска мы располагаем еще позднейшими сведениями, относящимися уже к 1646 г., когда здесь произошел переполох по случаю известий о намерении идти войною на город кочевавших по Тоболу и Ишиму калмыков. Из осадного листка, составленного в городе и представлявшего программу отражения неприятеля, видно, что для отражения неприятеля под командой 6 боярских детей и 4 казачьих атаманов назначена была рать из казаков, литовцев, разных служилых отставных и посадских людей до 1700 человек. Из этого же листка видно, что, кроме осыпи

* Крат. Сиб. лет. (Кунгур.). С. 121.

** Буцинский. IV. С. 84, 86-87.

и стены, город обнесен был несколькими башнями и воротами, из которых упоминаются башни Быкасовская, Наугольная, Воскресенская и Казачья и ворота: двое Воскресенские, Казачьи, Пермские и Базарные. Башни имели боевые окна; такие же окна устроены были и в воротах, из которых Пермские ворота имели этих окон два ряда — верхний и нижний. Во всех башнях и воротах, имевших между собою расстояние от 125 до 200 и 250 саж., было по одной пушке с запасом ядер, пуль и пороха. Можно думать, что стены города были двойные, из которых первая окружала сам город, а вторая острог, потому что отдельно от общей городской стены в листке том упоминается еще другая стена — в 20 саж. от Базарных ворот, по всему вероятно, стена острожная, что подтверждается и тем еще, что по листку артиллерия города от артиллерии острожной показана особо*.

Тара, по сведениям 1624 года, имела такие укрепления: место, занимаемое городом вокруг, 164 саж., в город вели двое ворот — Спасские и Водяные, в разных местах крепости поставлено 5 башен, а между башнями — не стены, как в других городах, а «городни», которых было 116; в крепости же раскат круглый о 8 углах, а на раскате медная полуторная пушка. Острог имел вокруг 500 саж., по острогу 6 башен, из них 4 с проезжими воротами и две глухие, а на башнях стояли 2 медные пушки, одна пищаль железная скорострельная и 4 пищали железных «волконеек»**.

За возведением укреплений со внешних сторон приступаемо было к возведению внутренних городских строений.

Первым делом считаемо было сооружение храмов. О начальной архитектуре и вообще первом виде сибирских храмов точных сведений весьма мало. По некоторым упоминаниям все церкви, по тогдашнему обыкновению, были «древяны клетски», некоторые имели «верх шатром», согласно с господствовавшим в тогдашней Руси архитектурным стилем***. Строясь наскоро, второпях, храмы часто не имели даже печей. Так, в 1607 г. верхотурский воевода жаловался царю Василию, что в Троицком соборе служба

* Сибирский вест. 1821. Ч. 14. С. 289-294; *Словцов*. I. 118-119.

** *Буцинский*. VI. С. 149-150.

*** Пермская старина: Сборник А. Дмитриева. 1889. Вып. 1. С. 130.

бывает только летом, а зимою совершается в съезжей избе, и просил о разрешении построить теплый храм; разрешение было дано, но теплый храм поставлен не отдельно, а в виде пристройки к соборной церкви*. В более многочисленных городах случалось, что церкви, кроме домов моления, служили иногда местами торговых сборищ. Так, в Тобольске, передовом городе тогдашней Сибири, поп Григорий Пятка во главе своего прихода в 1637 г. бил челом государю: «В 1613 г. в Тобольске воздвигнут храм во имя Всемиловейшего Спаса с приделом твоего государева ангела преподобного Михаила Милетского, и подле паперти того храма на могилах разными людьми поставлены полки, где продают мясо и рыбу, и от тех, государь, полк твоему богомолью великое утеснение, и во время службы от людского кричанья не слышно и самого пенья, а от собак бывает великая скверна; мертвых от тесноты погребать негде, а у архиепископских ворот положены многие мертвые; да подле паперти, государь, стояли две полки, и Федька Казанец на месте тех полк в 1632 г. поставил две лавки вплоть подле папертной стены и теми лавками заставил многие могилы, а самая паперть от них сгнила**.

За храмами главными зданиями городов считались приказные избы, где сосредоточивалось управление города, посада и всего уезда; перед сенями этой избы ставилась пушка. Вблизи приказной избы строился воеводский двор, ограживаемый забором или забором с разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, как-то: горницами, избами, погребом, ледником, мыльною, поварнею. Затем следовали дворы священников и церковнослужителей. Далее был казенный погреб, для хранения зеленой казны «пороху», пушечный амбар, где хранились свинец в свиньях²³, пули, ядра и оружия. Для этих хранилищ делались здания земляные, а иногда вместо особых построек они помещались в стенах и башнях или же во внутренних пристройках к стенам. Кроме этих зданий, в городе были государева житница, откуда раздавались служилым хлебные запасы или хлебное царское жалованье, и тюрьма, помещаемая иногда в деревянной избе, врытой в

* Буцинский. П. С. 20.

** Там же. VIII. С. 292.

землю и огороженной тыном, иногда же в срубе, засыпанном совершенно землей; в городе же были и избы служилых стрельцов, пушкарей, затинщиков и других служилых и частных лиц, особенно дворян и детей боярских*.

Более всего, по крайней мере царскими грамотами, обращалось внимание на укрепление городов и устройств хлебных запасов. Так, между прочим, при построении Тар-града в 1594 г. воеводой Андреем Елецким требовалось: «а пришед на Тар-реку присмотреть под город место: где пригоже быти новому городу, туто и место очистить и город построить; а делать город и лес возить всею ратью, всеми людьми и конными, и пешими; а сделать бы город во всех местах в стенах, и в городищах сажен около в полтретьяста и больше-то по месту смотря, да острог делати сажен в триста и четьреста и, смотря по людям, и до пятисот сажен»**. Такая же грамота дана была и на основание Томска. «Построить город место высмотрити, где пригоже, и на чертеж начертить и велети место очистить, и испрося у Бога милости город поставити в крепком месте, а делать город и лес велети возити, начав собою и с головами, и с сотники, и с всемирными людьми, а велеть на городовое дело лес ронить легкой, чтобы вскоре город сделать, и житницы на государство ревы запасы велеть поставить, и государевы запасы в житницах велеть устроить, а велети наперед устроить казенные погребы и житницы; а поставя город и по городу наряд пушечные запасы в казну устроая, и караулы на городе построая крепкие, поставити в городе храм во имя Живоначальных Троицы, да предел с трастотерпец христовых Бориса и Глеба, а другой предел Федора Стратилата»***.

Благодаря отсутствию определенных планов на постройку городов и предоставлению этого дела всецело усмотрению воевод, людей некомпетентных, города строились, того тесно и скученно, что при скором наплыве в них населения представляли невозможность дальнейших построек от устройства ограждений их стенами. Так, в Туринске по плану основания его в 1600 году и даже после расширения

* Костомаров. С. 19-20.

** Небольсин. IX. 117.

*** Грамота эта, очевидно, представляющая уже не первый список подлинника, хранящаяся у томского старожила П.А. Пушкарева, была напечатана в «Сибирской газете» (1884. № 8. С. 206-207).

1603 году было не более 360 саж., и образовалась такая теснота, что ямщики били челом государю, чтобы перенести их дворы на то место, где остяцкий князь Епанча²⁴ «с товарищи», почему инородцы переселились в Енбаев юрт за 5 верст от острога, а на месте юрт их в 1601 г. возникла русская Ямская слобода*. Какое ничтожное пространство занимало, например, Верхотурье, видно из того, что даже после расширения острога в 1606 г. вдвое против прежнего, он имел в окружности только 630 саж.; при первом же построении, как видно из одной воеводской отписки 1603 г., «места под дворы давали навеликия — детям боярским вдоль и поперек по 8 саж., а стрельцам по 5 с.»**.

В устройстве городов, т.е. возведения всего необходимого для жилья, воеводы-строители устанавливали сношения с окрестными туземцами, вызывая их в новопостроенные города. Эти сношения были как бы необходимой обрядностью открытия новых городов и сопровождались по тогдашнему времени своего рода торжественностью; так, например, грамотой на имя строителей Томска, Писемского и Тыркова наказывалось по постройке и укреплении города пригласить с окрестных волостей князьков и мурз с людьми их, «по скольку человек пригоже; а как к ним тех волостей ясачные люди в новой Томской город приидут и им самим в съезной избе быти в цветном платье, и служивые всякие б люди в те поре при них были (в) цветном же платье»***. По понятиям того века, платья ярких цветов внушали к носившим их уважение, и при торжественных случаях, особенно когда нужно было действовать на народ, цари приказывали начальствующим лицам одеваться в цветное платье; преимущественно же употреблялись цвета красные и более всего «червчатый» (красно-фиолетовый), употребление которого распространялось даже на рясы лиц духовного звания****.

* Буцинский. III. 63.

** Там же. П. 19.

*** Сибир. Газ. 1884. № 8.

**** Костомаров. IX. С. 95-96. — Одежды воевод составляли: верхнюю, или накидную — опашень, охабень, однорядка, ферезея, епанча и шуба. Опашень была летняя одежда, однорядка — осенняя и весенняя. Они были широкие, длиною до пят, с длинными рукавами, застегивались пуговицами и делались большею частью из сукна. Епанчи и шубы покрывались сукном и шелковыми тканями: первые делались без рукавов и без прорех для рук, накидывались на плечи и расстегивались

По сборе окрестных инородцев в город воеводам предписывалось обращаться с ними с большею ласкою и обнадеживать, что с ними будут жить дружно, а потому и они должны жить спокойно по своим местам и приходить в город, как к себе домой, хотя в то же время воеводы предупреждались держать себя против них с большою сторожкостью, как вообще против врагов*, причем воеводам наказывалось, как свидетельствует упомянутая выше грамота о построении Томска, угощать их на казенный счет — «накормить и напоить гораздо как мочно».

Главной целью созыва в новопостроенные города инородческих князей и подданных их служило обложение созываемых ясаком, которому предшествовал привод их к присяге. Обычай присяги строго соблюдался как русскими, так и татарами, хотя последние при благоприятных обстоятельствах нередко и нарушали данную присягу.

С обычаем присяги, называвшимся по древним актам «шертью», «ротой крепкой»²⁵, народы сибирские были знакомы задолго до эпохи Ермака: так как князь Иван Васильевич, посылая рать с воеводами Семеном Курским, Петром Ушатым и Васильем Бражником²⁶ на югорскую землю, напоминал им и о приведении югорского народа к присяге «по их вере»***; послы Кучума Тамас и Аиса, бывшие в Москве с грамотой Кучума в 1571 году «за государя своего Кучума-царя и за всех его лучших людей, и за всю землю сибирскую крепко есмя шерть учинили...», хотя присяга эта была вскоре же нарушена***.

Какими именно обрядностями сопровождалась присяга татарских и вообще инородческих племен Сибири — достоверно сказать по неимению положительных сведений трудно. Несомненно одно, что присяга та имела разные обрядности. В числе последних было «лизание кровавой сабли»,

пуговицами или завязывались завязками, и подбивались мехами. При этих одеждах употреблялись высокие шапки, означавшие знатность породы и сана, из дорогих мехов, которые были кверху шире, а книзу уже пояса; привешивались и шпаги, причем все знатные и вообще служилые привешивали шпаги и выходили из домов не иначе, как с палкой или тростью, которая обделывалась точеным набалдашником. (Там же. С. 93-94, 98, 100 и др.).

* Забелин. I. С. 568.

** Небольсин. 19.

*** Словцов. I. XX.

которую или держали во время присяги над головой присягающего, или рубили его собак*; кроме того, в знак скрепления даваемой клятвы «пили воду с золота»**. О первой обрядности с саблей одна из сибирских летописей, передавая об экспедиции пятидесятника Ермака Брязги для покорения инородческих волостей, лежащих вниз по Иртышу, между прочим, говорит: «И приехав в первую Аремзянскую волость и городок крепкий (Брязга), взял боем и многих лутчих моргеней повесил за ногу и расстрелял, и ясак собрал за саблю, и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя-царя, чтоб им служить и ясак платить по вся годы, а не изменять»***.

По тому значению, какое придавалось присяге при приведении в подданство инородческих племен Сибири, есть некоторые основания предполагать, что в числе обрядностей, сопровождавших присягу, русские воеводы могли применять и тот порядок, какой установлен был для присяги русских подданных на верность своему царю. Подкрестные записи того времени показывают, что на верность, например, царю Годунову, а по смерти последнего семейству его, верноподданный, между прочим, присягал: «На следу всяким ведовским мечтаньем не испортити и ведовством по ветру**** никакого лиха не посылати, и следу не вымати ни которыми дела». Очень может быть, что и в присягу сибирских татар при основании городов входило требование заклинания от насылки ветру и выемки следа. На это предположение наводит, между прочим, поведение татар во время осады Грозным в 1552 году Казани, описываемое князем Курбским²⁷. По словам этого современника в указываемое время «татары на войско христианское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по облежании града, егда солнце начнет восходить, въздут на град всем нам зрящим ово престарев-

* Соб. Госуд. грам. и договор. Т. II, IV. №№ 145 и 197.

** Соловьев. История Рос. V. С. 94-95.

*** Сибир. летоп. (Кунгур.). С. 73.

**** Карамзин. XI. Прим. 5; Костомаров. XIX. С. 277-278. — Насылка по ветру состояла в том, что лихой колдун, знавший искусство возбуждать ветры и направлять их куда угодно, своими заговорами производил ветер, потом бросал по ветру пыль и примолвлял, чтоб так понесло пыль на такого-то человека, чтоб его корчило, мяло, раздувало, сушило и пр.; выбранный же из-под ног след замазывали в печи, и оттого иссыхал тот, из-под чьей ноги взят был след. (Там же).

шие их мужи, ово бабы и начнут вопияти сатанинские слова, машуще одеждами своими на войско наше и вертящееся неблагочинне. Тогда абие восстанет ветер и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такой дождь и сухие места в блато обратятся, и мокроты исполняются; и сие точно было над войском, а по сторонам несть, но точно по естеству аера случашеся»*. Не избегли, подобно казанским татарам, не только подозрений, но и обвинений в способности волшебства и сибирские татары; так, например, вскоре по основании Томска два татарина — Ишкиня и Кутугай, проживавшие при впадении Томи в Обь, были заподозрены в чародействе, причем у них отобран был камень, от которого будто бы бывает мороз и вода**; академик Фишер, путешествуя по Сибири, в письме ботанику Кошкарову писал: «...татары посредством некоторого корня могут производить дождь и ветер, когда им угодно; я желал бы, чтобы ты о сей вещи, хотя ложной и суеверия исполненной, расспросил обстоятельнее и самые растения и корни сберег»***.

После угощения и привода городских гостей к присяге им нередко раздавались подарки, состоявшие обыкновенно из цветных сукон по большей части красных цветов, до чего сибирские инородцы были большие охотники. Эти подарки назывались государевым жалованьем и распространялись только на князьков и лучших людей инородческих землиц. Приохочиваясь этим, городские гости со временем и сами стали являться в города с подарками и поминками, состоявшими из дорогих мехов****.

Главной целью созыва в новопостроенные города инородческих князей и подданных их, как уже и замечено выше, служило обложение созываемых ясаком. В первое время постройки городов ясак взимался с инородцев по усмотрению воевод, хотя это продолжалось недолго: в первые же годы царствования Федора Ивановича количество яса-

* Сказн. Курбск. Т. 1. С. 133; *Сахаров*. Сказан, русск. нар. I. Кн. II С. 7.

** Камень этот, отобранный у Ишкени основателем Томска Писемским, хранился сначала в Тобольске скрытым в казенный погреб, а затем по грамоте царя Шуйского от 17 августа 1610 г. воеводами Волынским и Новосильцевым отправлен был в Москву. Подробности в моей «Заметке о волшебном камне» (Сиб. вест. 1890. № 18).

*** *Спасский*. Сибир. вести. 1819. Т. III. Ч. VI. С. 102.

**** *Забелин*. I. 571.

ка, требовавшегося с новопокоренных инородческих земель Сибири, было определено в 5000 сороков соболей, 10000 черных лисиц и полмиллиона белок*. Московское правительство, назначив общую цифру ясака, предоставило вначале распределение частей его между инородцами усмотрению воевод; с подчинением же управления сибирскими делами сначала дьякам, а затем учрежденному Сибирскому приказу**, заведование делом ясака поставлено было уже последним. В общем, распределение ясака шло весьма неравномерно: так, например, на нарымских остяков наложен был столь большой ясак, что с каждого взрослого мужчины приходилось 11 соболей, с туринских вогул — от 10 до 12 соболей, отчего инородцы, не имея возможности доставить требуемого, покупали недостающее число у купцов гораздо дороже существовавшей цены и сдавали в казну***.

Заботы правительства о достаточном сборе ясака, целостном доставлении его в Москву и неутайке сборщиками видны из царских грамот при первой закладке городов; так, например, грамота о построении Тары говорит: «А что с которого городка и с волостей, и с кого именем государева ясаку возьмут соболей и лисиц, и шуб собольих, и белых, и бобров, и то все велети записывати в книги подлинно, порознь по статьям; а имати в ясак на государя соболи и бобры добрые, и лисицы черные, а худых соболей и лисиц, и бобров в ясак не имати»****.

* *Миллер*. Сиб. Ист. С. 326-327.

** Из дел Сибирского приказа, сохранившихся в московском архиве министерства юстиции, видно, что в 1594 году, т.е. чрез семь лет по основании Тюмени и со времени основания Березова, сибирскими делами заведывали дьяки Щелкаловы, игравшие при Федоре Ивановиче большую роль, а с 1596 года, т.е. со времени основания Нарыма и других последующих городов, сибирские дела приказаны были дьяку Ивану Вахrameеву, имевшему под своим ведением особую четь, называвшуюся по его имени; в актах же, изданных археографическою комиссией, Сибирский приказ упоминается в августе 1614 г. в челобитной Беляницы Зюзина (А.А. Эксп. Т. III. № 42), хотя в то время сибирскими делами заведовал еще Приказ Казанского двorca, имевший особый Сибирский стол, как видно из неизданных документов, и только в 1637 г. приказ Сибирский является самостоятельным, в документах которого встречаются указания на существование при нем особого учреждения государевой «Купецкой Палаты», называвшейся еще «Казенной Соболиной Палатою», главными деятелями ее были купчины гостиной и суконной сотен. (Вопрос о приказе купецких дел//Ж. Мин. нар. прос. 1889 (февр.). С. 247-248; 1889 (март). С. 182.

*** *Фишер*. Сиб. Ист. 1774. Кн. I. от. 4, § 7 и II, §§ 12 и 13.

**** *Небольсин*. IX, 118.

За ясаком следовала организация в новых городах населения. Воеводы, закончив строение городов и прием гостей, избирали по вольному голосу из всей рати охотников, желавших остаться в городах навсегда в жильцах. Из таких вольных людей устраивалась городовая дружина. Это была партия человек в 50 конных и человек 100 пеших казаков и стрельцов. У казаков был главный атаман, а у стрельцов — сотник. Оба вместе они и управляли дружиной. Иногда всей дружиной управлял стрелецкий голова. В иных, более значительных городах воеводство поручалось сыну боярскому. Вообще в начальники избирались люди добрые, смысленные. В их руках сосредотачивалось все существо самого города: первое — суд и управа над подвластным населением, второе — защита населения от врагов, третье — сбор дани, отыскивание новых даней, новых волостей и земель для приведения их под государеву высокую руку. Всем дружинникам, горожанам раздавались подгородные земли и угодья с наказом, чтобы вперед всякий был хлебопашец для того, чтоб город сам мог кормить себя, ибо привоз запасов из Руси был делом весьма затруднительным*.

Организация населения была последним событием в общем деле зарождения и вступления в жизнь первых городов Сибири, которой мы и заканчиваем заметки свои.

* Забелин. I. 567 и 568.

Сибирский летописец

**Летопись конца XVII и начала XVIII столетия,
веденная в Тобольске**

Между фундаментальными памятниками сибирского летописания, состоящими из четырех главнейших летописей: Строгановской, неизвестно кем составленной, дьяка сибирского митрополита Саввы Есипова и тобольских боярского сына Семена Ремезова и ученого ямщика Ильи Черепанова — существует немало старинных рукописных работ, названных некоторыми из историков «простыми летописцами». Это весьма краткие, не представляющие цельных рассказов, записи, веденные по отдельным местам и как бы только для одной местной памяти, которые вернее можно назвать летописцами «служилыми», так как содержание их по большей части касается одних официальных известий, вроде назначения и смены воевод и дьяков, проезда посланников, следователей и т.п. К таким летописцам можно отнести, например, «Книгу Записную» 1688 г., принадлежащую библиотеке Тобольского собора и напечатанную с неизвестно кому принадлежавшего списка ее в «Древней Российской Вивлиофике» Новикова 1788 г. (Ч. 3. С. 104-288), или же «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и проч. чинах», изданное в первой сибирской типографии В. Корнильева (Тоб., 1792. 84 с.) и проч. В общем, такие летописцы не представляют существенного материала для истории Сибири, но они интересны в том отношении, что сообщают иногда известия о разных событиях, которые остались или незамеченными, или же незаписанными даже компетентными летописцами, какими были Ремезов или Черепанов. Таковы, например, упоминаемые в

«Историческом обозрении Сибири» Словцова 1838 и 1842 гг. две Иркутские летописи (кн. I. С. XII. С. 279, 301, 354, 407, 502, 506, 510, 557, 558 и 560; кн. П. С. 59, 432, 434 и 475), летопись Енисейска (I. С. XII, 228. П. С. 473 и 474) и некоторые другие. Хотя об одной из Иркутских летописей историк и отзывался, что «она походит на станционную записку о приезде и выезде чиновников, да о приходе и отходе казенных караванов», однако ж эта летопись дала ему из прошлого Иркутска немало таких известий, какие для истории оставались неизвестными.

К последнему роду летописей принадлежит и предлагаемая летопись, веденная неизвестным лицом в Тобольске и носящая заглавие «Сибирский летописец». Летопись эта, обнаруженная в первый раз в Соликамске, хотя и была уже однажды напечатана в журнале «Северный архив» за 1826 год (Ч. XIX. №№ П. С. 109-139; Ч. III. С. 221—251), но может считаться или забытою, или же вовсе неизвестною большинству читающего люда.

Обстоятельства находки «Летописца» в Соликамске и появления его в печати были следующие:

В 1810-х годах истекающего столетия вблизи к Сибири — в Перми — привелось проживать будущему историографу русского флота и историку трех первых царей из дома Романовых Василию Николаевичу Берху. Во время десятилетней почти службы там советником казенной платы В.Н., занимаясь археолого-историческими изысканиями, совершил несколько поездок по Чердынскому и Соликамскому уездам, результатом которых было, между прочим, издание редко встречающейся ныне книги «Путешествие в города Чердынь и Соликамск» (Спб., 1821; 12+234 стр.). Проводя немало времени в Соликамске, Берх ознакомился там со всеми местными любителями старины, сблизившись особенно с теми из них, которые владели какими-либо древними документами, раскрывавшими историю города. Из новых знакомых историка значительным запасом таких редкостей обладал именитый гражданин Соликамска Акинфий Трофимович Ливонов. Этот-то Ливонов, между прочим, и подарил Берху старинную рукопись с заглавием «Сибирского летописца». Спустя после сего некоторое время, новый владелец рукописи снял с нее список и препроводил его к одному из издателей «Северного архива»,

которыми были тогда Булгарин и Греч при следующем письме: «Посылаю вам «Сибирский летописец», подаренный мне Соликамским именитым гражданином Ливоновым. Надобно полагать, что какой-нибудь тобольский гражданин, любитель отечественной истории, собрав разные сибирские летописцы, выбрал из них любопытнейшие места и дополнил оные разными происшествиями по 1715 год. Судя по почерку, должно заключить, что Летописец сей писан в веке Петра I довольно четкою рукою. В редких только местах не мог я читать, и там поставлены у меня точки».

Когда и как летопись попала в Соликамск, Берх или не любопытствовал, так как Сибирь в круг его исследований не входила, или же не получил на это сведений от Ливонова, быть может, и не знавшего верной истории ее. Но в данном случае можно допустить одну вероятную догадку. Старый Соликамск более всех закамских городов останавливал на себе внимание историков: так, в 1745 г. там проживал историкограф Миллер, позднее же жили: в 1769 г. — археолог-путешественник Рычков, в 1771 г. — профессор Лепехин и другие. Кроме заезжих ученых, соликамцы и сами интересовались вообще стариной и любили даже вести летописи. Это видно из того, что упомянутым же Верхом там приобретено было три летописи, веденные старожилами Саватием Арефиным, Василием Лучниковым и Никитой Арефиным: первый был охотник до законов, второй до метеорологических наблюдений, а третий писал церковную историю. Выбрав из этих летописей все любопытное, Берх составил одного общего «Соликамского летописца» и издал его в конце названного выше «Путешествия» (С. 203–234). Отсюда можно догадываться, что кто-либо из Соликамских грамотеев, заинтересовавшись «Сибирским летописцем» в то время, когда проживал там историкограф Миллер, портфели которого тогда уже переполнены были сибирскими рукописями, мог взять его у последнего для снятия списка, или же Миллер и сам как-либо случайно оставил его в Соликамске.

«Летописец» веден с 1590 по 1715 гг. и включает в себе 136 статей, большая часть которых касается исключительно Тобольска, причем описываемые события нередко передаются с такими точностью и полнотою, каких можно ожидать только от очевидца описываемого. В некоторых

случаях составитель, означая время и место события названием, например, части города или улицы, где случилось оно, уже не упоминал своего, быть может, родимого Тобольска, так как не думал, чтобы в записях его могла идти речь о каком-либо другом городе. Начальное содержание «Летописца» показывает, что источником для него составитель имел другие летописи, из которых, как замечено Верхом, и «выбрал любопытнейшие места», со второй же половины и до конца «Летописец» представляет уже оригинальный труд, в который составителем более вносилось то, что он видел своими глазами и по которому следует согласиться с отзывом Берха и о том, что он «писан в век Петра I», т.е. в конце XVII и начале XVIII столетий.

В общем, содержание «Летописца» довольно разнообразно и в некоторых случаях даже исправляет или дополняет самую пространную и многоречивую из сибирских летописей, именно летопись ямщика Ильи Черепанова. Приведем на это примеры. Все почти пожары Тобольска, начиная с пожара 14 августа 1643 г., и особенно пожар 29 мая 1677 г. в «Летописце» описаны с такими подробностями, которых у Черепанова вовсе нет, почему можно безошибочно заключить, что о существовании этого «Летописца» Черепанов не знал; о пожаре, например, описанном у Черепанова под 1662 г., «Летописец» говорит, что это было 17 мая, под 1684 г. он рассказывает о пожаре, которого в Черепановской летописи не показано; пожар, бывший, по последней летописи, 6 июня 1701 г., «Летописец» описывает 1 июня и т.п. Далее, по истории тобольских церквей, «Летописец» также сообщает немало нового: так, например, в Тобольске заложены были церкви: 12 июля 1675 г. Троицкая, в которую 19 сентября 1676 г. перенесены были из собора тела архиепископов Макария и Герасима и к которой в 1676 г. пристроена придельная церковь во имя Феодора Стратилата; 14 июня 1677 г. — новая церковь в Знаменском монастыре, 24 июня 1677 г. — Вознесенская церковь в городской стене, 1 июня 1685 г. — новая церковь в Знаменском же монастыре, 1 июля 1686 г. — церковь во имя Владимирской Богородицы и другие. Ничего этого Черепановым не поведено. Наконец, в «Летописце» приведено немало подробностей и о других событиях, которые в Че-

репановской летописи или вовсе не описаны, или же описаны и не верно, и не полно. Так, под 1668 годом «Летописец» гораздо полнее Черепанова рассказывает возведение в Москве архиепископа Корнилия в митрополита; 22 октября 1709 г. описывает вовсе неизвестное Черепанову празднование в Тобольске победы под Полтавою; 8 октября 1712 г. дает подробности путешествия и приезда в Тобольск сибирского губернатора М.П. Гагарина, о чем Черепанов неправильно и кратко упоминает под 6 октября 1705 г., и т.д.

Но извиняя Черепанову незнание им «Сибирского летописца*», оставшегося при жизни его еще в рукописи, нельзя умолчать о том, что этот памятник старины был неизвестен многим даже и в то время, когда был уже напечатанным в «Северном архиве», его не знали и многие из лиц, посвящавших усиленные труды на изыскание древностей и обработку сибирской истории. На это существуют факты, для образца которых здесь довольно указать на то освещение, какое дает «Летописец» таинственной истории существования будто бы в Тобольске известного угличского колокола. Еще в сороковых годах настоящего столетия одним из немногих знатоков сибирских церковных древностей в нескольких повременных изданиях сообщен был слух, что «угличский колокол разбился и его перелили» (Маяк. 1845. № 11; Москвитянин. 1849. № 9; Ярослав, губерн. вед. 1850. № 5 и др.). На чем основан был такой слух — неизвестно, но с того времени в защиту подлинности существования в Тобольске колокола с титулом «угличского» образовалась целая литература, под тон которой тот же почтенный археолог, присоединившись к кругу лиц, оспаривавших оглашенный им слух, чрез некоторое время в одной из статей своих о колоколе в раздумье ставил такой вопрос: «...но отчего же, однако ж, ни в одной из сибирских летописей, как напечатанных, так и остающихся еще в рукописях, ни одним словом не упомянуто ни о разбитии, ни о переливке угличского колокола, тогда как о ссылке его в Тобольск упоминается в каждой, и тогда как в иной из них (например, черепановской) словоохотливый летописец говорит и о всякой мелочи?» (Тобол, губерн. вед. 1858. № 11). На этот вопрос никем из споривших о колоколе не было дано никакого ответа и, очевидно, потому, что никто из них не знал о

существовании занимающего нас «Летописца». А между тем этот «Летописец» давным-давно покончил с вопросом о злополучном колоколе, рассказывая под 1677 годом о бывшем 29 мая в Тобольске пожаре, он, между прочим, говорит: «...а на соборной колокольне большой колокол, что государское жалованье, в 110 пуд, и колокол литейной, что лит в Тобольске, в 35 пуд, и колокол благовестной в 30 пуд, что государское жалованье прислан Киприяну, архиепископу первопрестольнику, и колокол часобитной углицкой — все раздалось и растопилось без остатку».

О существовании названного «Летописца» печать впервые упомянула только в 1883 году: несколько мелких замечаний о содержании его приведено было в статье о «Сибирских летописях» О-ва, напечатанной в «Восточ. обозрении» того года (№ 44, стр. 11 и 12), которыми, если не считать двух-трех упоминаний «Летописца», сделанных кое-где (например, в статье «Сибирь и исследования ее» А.Н. Пынина в «Вестн. Европы» 1888, т. IV, стр. 642), и все сведения о нем заканчиваются.

Приведенные обстоятельства, давая «Сибирскому летописцу» в ряду сибирских летописей особое значение, послужили для нас поводом к новому изданию его, которое, полагаем, и не будет оставлено без внимания людьми, интересующимися прошлым Сибири.

Лета от сотворения мира и Рождества Христова 7098 (1590)

По указу Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича, всея России самодержца, велено быть в Сибири, в Тобольске, первому воеводе, князю Володимиру Васильевичу Масальскому-Кольцову. В то время благодетельный царь Феодор Иоаннович, наипаче распространяя свою праведную молитву, видя такое дарование Божие над собою, и за те его праведные молитвы подает ему Бог вся полезная распространяющуюся его царствию, посылаху многие люди в сибирскую землю и многие орды к Сибирскому царству подведоша, разные языцы и грады, поставиша в Сибири в 100 и 101 годах: Тару, Сургут, Березов, Томской, Нарым... и иные многие грады.

7100 (1592)

По убиении благоверного государя царевича и великого князя Димитрия Иоанновича, сосланы с Углича в Сибирь многие люди, и поставиша град Пелым и угличскими людьми насадиша.

7104 (1596)

В Тобольске воевода князь Меркурий Александрович Щербатов да князь Михаиле Волконский, письменный голова Михаиле Нивов.

7106 (1598)

В Тобольске воеводы Ефим Варфоломеевич Бутурлин, письменные головы Василий Нелединский да Иван Никитин, сын Ржевский.

По указу царя Бориса Феодоровича в Сибири из Тарского города ходиша воеводы за царем Кучумом и его нашли на станах его, побита и взяша у него осмь цариц да три царевича и многий полон. Царь же Кучум утече не со многими людьми, цариц же и царевичев прислаша к Москве. Царь же Борис Феодорович тех посланников пожаловал великим жалованьем, а к воеводам послал с золотыми. Цариц и царевичев повел беречь; падата им корм велий, чтоб им никакой скудости не было.

7108 (1600)

В Сибири и Тобольске воеводы: окольный Семен Феодорович Сабуров и Алексей Фомин, сын Трегубов; дьяк Тимофей Витовтов.

В Сибири в новом городе, на Верхотурье, воеводы Василий Головин да Иван Васильев, сын Воейков.

Посланы в Мангазею и в Енисею воеводы: князя МIRON Михайлов Шаховской да Данило Хрипунов, а велено им в Мангазее поставить острог и до указу велено им там быть, а до них послан был проведывать Мангазею при царе Феодоре Иоанновиче Феодор Дьяков.

7109 (1601)

Посланы с Москвы воеводы: князь Василий Михайлович Масальский-Кольцов да Влук Евстафьевич Пушкин. И

поставиша в Сибири в Мангазее град Мангазею, а в то время в Тобольске был воевода Федор Иванович Шереметев с товарищи, и из Тобольска с ними послано 100 человек служилых людей.

Воеводы в Тобольске: Федор Иванович Шереметев да Евстафий Михайлович Пушкин, дьяк Тимофей Кудрин; головы: Григорий Образцов, Амвросий Милюков и Евстафий Пушкин.

7110 (1602)

При вышеупомянутых воеводах явился в Сибири, в Тобольске, святитель Христов Николай Чудотворец, повелевая во свое имя воздвигнути церковь на Прямом взвозе, и по его явлению церковь воздвигнули.

7111 (1603)

Воеводы в Тобольске: князь Андрей Васильевич Голицын да Никита Михайлович Пушкин, дьяк Василий Панов, письменные головы: Постник Андреевич Вельской да Василий Гаврилович Хлюнов.

7114 (1606)

Воеводы в Тобольске: князь Роман Федорович Проскуров да Иван Иванович Внуков, дьяк Иван Голенищев, письменный голова Владимир Вешняков.

7116 (1608)

По указу царя Василия Иоанновича всяя России в Тобольске воеводы: окольный Михайле Михайлович Салтыков да Борис Иванович Нашекин, дьяк Нечай Федорович Порфирьев, письменные головы: Мирон Тимофеев Хлопов да Александр Иванович Шаблыкин. И окольный Михайло Михайлович Салтыков, не доехав до Тобольска, в Верхотурье умре.

7121 (1613)

По указу Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всяя России Самодержца, воеводы в Тобольске: князь Иван Петрович Буйносов-Ростовский да Наум Михайлович Плещеев; дьяк Нечай же. Нечай в

Тобольске умре, на его место дьяк приехал во 122 году Иван Булыгин; да письменный голова Василий Наумов, сын Плещеев.

7124 (1616)

Воеводы в Тобольске: боярин князь Иван Семенович Куракин, всей Сибири первый боярин, да с ним товарищ князь Григорий Иванович Гагарин; дьяк Иван Булыгин и Богдан Губин. Князь Григорий Иванович в Тобольске умре. Того ж года в Тобольске начали быть кружечные дворы, а до тех мест кружечных дворов не было в Сибири, и многие люди испропилися и иные и дворы свои испропили.

7125 (1617)

Поставлен в Сибири Кузнецкий острог, а приказные люди посланы были из Тобольского города и во 126 году велено быть в Кузнецком воеводам Ивану Тимофеевичу Бобарыкину да Осипу Герасимову, сыну Аничкову.

7126 (1618)

Посланы из Тобольска Пелымского города сын боярский Петр Албычев да сотник стрелецкий Черкас Рукин, а с ними служилые люди; и велено им на Енисее поставить новый Енисейский острог и до указу им тамо быть и государев ясак собирать, и их велено переменить, на их место посылаемы были из Тобольска дети боярские, и во 130 году в новый Енисейский острог послан воевода с Москвы Яков Игнатьев, сын Хрипунов.

7128 (1620)

Воеводы в Тобольске: боярин Матвей Михайлович Годунов, да князь Иван Федорович Волконский, да дьяк Иван Щепыров.

7130 (1622)

Был в Тобольске сыщик князь Федор Андреевич Елецкой, дьяк Яков Булtrimов; сыскивали про боярина и воеводу, про князя Ивана Семеновича Куракина и про иных сибирских воевод.

7131 (1623)

По указу Великого Государя и по грамоте преосвященный Киприан, архиепископ Сибирский и Тобольский, из Тобольска поехал к Москве и поставлен в митрополиты на Крутицы, а с Крутиц послан в Великий Новгород. На митрополию в Тобольск в архиепископы поставлен Макарий, архиепископ во 132 году, и преосвященный Макарий, архиепископ Сибирский и Тобольский, с Москвы в Тобольск приехал в том же году, апреля, в первый день.

7132 (1624)

Воеводы в Тобольске: боярин и воевода князя Юрий Яншеевич Сулешев да Федор Кириллович Плещеев, дьяки Иван Герасимов Мартемьянов, Данила Леонтиев; головы письменные Григорий Суховидов да Никита Беглесов. В том же году в Тобольске сыщик Иван Володимиров, сын Спасителей, сыскавал про боярина про Матвея Михайловича Годунова.

7133 (1625)

Воеводы в Тобольске: боярин и воевода князя Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Мирон Андреевич Вельяминов, дьяки: Иван Федоров да Степан Усольцев. И боярин князь Дмитрий Тимофеевич умре в Тобольске, а на его место приехал в 134 году воевода князь Андрей Андреевич Хованский. Письменные головы Богдан Поликарпов Лупандин да Семен Васильев, сын Чаплин.

7136 (1628)

Поставлен Красноярский острог, а острог ставить послан был Андрей Андреев Дубенский, а из Тобольска посланы были с ними служилые люди. Того ж года в Сибири князь Алексей Никитин Трубецкой да Иван Васильевич Волынской, а на его место дослан товарищ Григорий Алексеевич Загряжской да дьяки Яков Собакин да Емельян Евсеев.

7139 (1631)

Воеводы в Тобольске: князь Федор Андреевич Телятевской да Федор Иванович Погожев; дьяки: Дмитрий Прокофьевич да Наум Петров; головы: Степан Борисов Юрьев, да Федор Иванович Шарапов, да Алексей Юрьев Мартюхин.

7141 (1633)

Воеводы в Тобольске: князь Андрей Андреевич Голицын да Данило Андреевич Замыцкой; дьяки: Леонтий Полуектов да Семен Копылов; головы: Тимофей Владычнин, Василий Александров и Петр Августов Смышляев. Того ж года был в Тобольске сыщик Федор Иванович, сын Боярский-Голенищев, да с ним Иван Иванов, сын Патракеев, сыскивали про воеводу про князя Федора Андреевича Телятевского.

7143 (1635)

Воеводы в Тобольске: стольник и воевода князь Михайло Михайлович Темкин-Ростовской да Андрей Васильевич Волинской; дьяки: Дорофей Пустынников да Григорей Протопопов; письменные головы: Андрей Афанасьевич Вологов да Матвей Володимиров Долгово-Сабуров.

7144 (1636)

Июля в 25 день явися Пресвятая Богородица некоей жене, повелевая в Тобольском уезде, на Абалаке²⁸, подле церкви Преображения Господня, во Свое имя другую церковь воздвигнути честного и славного Ее Знамения, иже в Великом Новграде и по тому явлению на Абалаке церковь воздвигнули во 145 году, и по явлению Пресвятой Богородицы образ Ее в той церкви поставиша; от того образа многие чудеса, и тако уставиша празднество праздновати.

7147 (1639)

Воеводы в Тобольске: князь Петр Иванович Пронский да Федор Иванович Ловчиков; дьяки: Иван Трофимов да Андрей Галкин; письменные головы: Аникий Сидоров Бунаков, Станислав Ульянов Баскаков. Того ж года послан с Москвы стольник и воевода Петр Петрович, сын Головин, да Матвей Богданов, сын Глебов, дьяк Ефим Филатьев; письменные головы: Еналей Леонтьев, сын Бахтеяров, да Василий Данилов, сын Поярков²⁹, на великую реку Лену. А велено ему в Якутах поставить острог, а до указу Великого Государя в том остроге быть на воеводстве; и воевода Петр Головин с товарищи во 149 году на Лене острог поставили Якутский, а до него на Лене острог был же, а ставил его енисейский сын боярский Иван Галкин.

7151 (1643)

Воеводы в Тобольске: князь Григорий Семенович Куракин да князь Михаиле Семенович Гагарин, дьяки: Иван Переносов да Григорий Лукин, головы письменные: Алексей Андреев Коковинской да Григорий Леонтьев Семичев. И дьяк Иван Переносов во 154 году в Тобольске умре. Того ж года, августа против 14 числа, в ночи, в ночи в 3 часу, в Тобольске бысть пожар большой, сгорел город и соборная, и приходская церкви, святой двор и воеводские, и гостинные дворы, и тюремный двор, и посад на горе весь по девич монастырь.

7156 (1645)

Мая в 13 день, заложен в Сибири град Тобольск, деревянный, рубленный, и совершен во 154 году³⁰. Того ж года, июля в 14 день, по благоволению отца своего государева и по умолению всех православных христиан взыде на свой царский престол Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, и на Москве весь народ Ему, Великому Государю, крест целовали, а с Сибири в Тобольск приезжал приводить к крестному целованию воевод и весь народ Тобольского города и иных городов людей стольник князь Иван Григорьевич Ромодановский да подьячий Степан Дорофеев Коренкин во 154 году, ноября в 7 день.

Того ж года по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малые и Белыя России Самодержца, в Тобольске воеводы: боярин и воевода Иван Иванович Салтыков да стольник князь Иван Семенович Гагарин; дьяки: Дмитрий Прокопьев да Третьяк Васильев; головы: Андрей Тихонов Секерин да Андрей Федоров Захарьин. Того ж года заложена в Тобольске соборная церковь.

7157 (1649)

Воеводы в Тобольске: стольник и воевода Василий Борисович Шереметев да Тимофей Дмитриевич Лодыгин, дьяки: Третьяк Васильев да Василий Атарский, головы: Григорий Спешнев да Степан Скворцов.

X

7158 (1650)

Преставися в Тобольске Герасим, архиепископ Сибирский и Тобольский.

7159 (1651)

Привезли с Москвы в Сибирь, в Тобольск, к соборной церкви Софии Премудрости Божией большой колокол во 110 пуд. И того ж года поставлен на Москве в Сибирь, в Тобольск, во архиепископы из Боровска Пафнутьева монастыря игумен Симеон, а в Тобольск приехал 160 года, декабря в 20 день.

7160 — 1652

Воеводы в Тобольске: стольник князь Семен Иванович Хитров да... Федорович Болтин; дьяки: Богдан Обобуров да Григорий Углев; письменные головы: Иван Леонтьев Полуктов да Никифор Иванов Елдезин. И Никифору по государственой грамоте велено быть на Тюмени на воеводстве.

В том же году в великую субботу по указу Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и по благословению святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея России, пожалован белою шапкою Тобольского Знаменского монастыря архимандрит Иосиф и впредь будущие по нем архимандриты.

7162 (1654)

По государственой грамоте поехал из Тобольска к Москве Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский, генваря в 22 день, а во 163 году, декабря в 24 день, преосвященный Симеон в Тобольск приехал.

Послан с Москвы от Великого Государя в Китайское государство посол Федор Иванов, сын Байков, а из Тобольска приехал чрез Ямышево озеро, а с ним посланы были тобольские служилые люди. А преж сего посылай был в Китайское государство Петр Ярышкин.

7164 (1656)

Воеводы в Тобольске: стольник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовский; дьяки: Богдан Обобуров и Григорий Углев, голова Иван Полуехтов...

7166 (1658)

Ноября 6, в нощи, был в Тобольске пожар, и сгорело юрт татарских 260 да 25 дворов русских.

7167 (1659)

Мая в 23 день, в вечерни в Тобольске от молнии в Знаменском монастыре загорелась церковь Знамения Пресвятой Богородицы, и от той церкви и другая церковь, теплая, Трех Святителей, и колокольная на Святых вратах, и кельи, ограда — все погорели. Того ж года, мая в 25 день, прислано с Москвы в Сибирь, в Тобольск, государево вино горячее и учили с того числа быть кружечные дворы на горе и под горою, и во всех сибирских городех.

Декабря в 13 день, прислана патриарша грамота Симеону, архиепископу Сибирскому и Тобольскому, велено слушать литургию, а был в запрещении целое лето.

Того ж года, в Тобольске боярин и воевода князь Иван Андреевич Хилков да стольник Одинец Михайлович Беклемишев; дьяки: Герасим Головин да Семен Румянцев; головы письменные: Кирило Семенов Дохтуров да Варфоломей Головин. И Одинец Михайлович в Тобольске умре, а голова Кирило Дохтуров взят к Москве, а в его место велено быть Борису Маркову. Того ж году послана в Сибирь государева казна, медные деньги преж на Тюмень и в Тобольск того ж года, и в низовые города. И торговали в Сибири медными деньгами 4 года — по 171, по июль месяц, по 15 число. А с того года заказано медными деньгами торговать на Москве и во всей России, и почали торговать по-прежнему серебряными деньгами с 172 года, октября... числа.

7169 (1661)

По государеву указу присланы с Москвы в Тобольск русские люди и немцы: полковники и подполковники, и майоры, и ротмистры, и порутчики; а велено в Тобольске прибрать рейтарского строю 1000 да солдат 1000, да 500 человек стрелков и выучить рейтарскому и солдатскому строю. И для того строю взяти изо всех сибирских городов тобольского разряду в те чины служилые люди и их дети, и братья, и племянники, и из гуляющих людей в те чины иманы и учены; а прибрано было всех рейтар и солдат 1700 человек. Того ж года поставили в Сибири, в Тобольске, новый острог кругом всего посада.

7170 (1662)

Был в Тобольске хлеб дорог, купали мирскую четь в 20 пуд ржи в 20 рублей на медные деньги. — Того ж года, мая

в 17 день, был пожар в Тобольске: под горою загорелись в юртах на дворе у Сваткула Адлина хоромы, и от того выгорели татарские юрты все без остатка по самую речку Курдюш-ку³¹ по обе стороны, и мосты, и церковь Божией Владимирской Богородицы, и колокольня, и русских людей дворы, и лавки, и кузницы. И от того пожару городовая угловая башня загоралась, и из соборной церкви, и по всем дворам, и на горе из лавок в погребы и за острог убирались, и милостию Всевышнего Спаса сохранен был град от того пожару.

В том же году послан был с выборными с татары... полковник Дмитрий Полуехтов против башкирцев; бой у них с ними многий был, на Синаре реке и под слободами, по 175 год.

7172 (1664)

Воеводы в Тобольске: боярин князь Алексей Андреевич Голицын да стольник Григорий Федорович Бутурлин; дьяки: Иван Чернеев да Степан Ячуков; письменный голова Иван Афанасьев Селиверстов.

В том же году на Москве сшел ночью с Вологодского подворья безвестно Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский, а сшел февраля в 15 день, и февраля в 19 день объявился архиепископ Симеон за Яузою, в Божедонском монастыре. Того ж года, июля в 24 день, поставлен на Москве в Сибирь, в Тобольск, во архиепископы из Нова-града архимандрит Корнилий. — И в 173 году, февраля в 24 день, приехал Корнилий, архиепископ Сибирский и Тобольский, в Тобольск на свой святительский престол.

7175 (1667)

Воеводы в Тобольске: стольник Петр Иванович Годунов да стольник же князь Федор Федорович Вельский; дьяки: Григорий Жданов да Михаиле Посников; голова Иван Селиверстов.

7176 (1668)

По указу Великого Государя и по грамоте поехал к Москве из Тобольска Корнилий, архиепископ Сибирский и Тобольский. — Того же года, мая в 22 день, на Москве возведоша преосвященного Корнилия, архиепископа Сибирского и Тобольского, на превысочайшую степень и поставиша

в митрополиты царствующему граду Тобольску и всей Сибири первопрестольником на праздник Обретения честной главы Иоанна Предтечи. — А ставили его вселенские патриархи и московские, и дан ему саккос и трикирии ко осенению, и белый клобук, и в титле ему прибавлено *Кир*, а степенью он митрополита ж пожалован четвертою: первый Новгородский, второй Казанский, третий Астраханский, четвертый Сибирский. И преосвященный Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, после поставления отпущен с Москвы в Сибирь, в Тобольск, со Антиохийским патриархом Макарием, а велено ему патриарха проводить до Казани; а из Казани велено проводить патриарха Макария Казанскому митрополиту Лаврентию до... А в Тобольск приехал Корнилий митрополит на свое святительское первопрестольство в 177 году, декабря в 20 день.

7178 (1670)

В Тобольске был сыщик Андрей Павлович Акинфиев да дьяк Иван Давыдов; а велено им сыскивать про стольника и воеводу Петра Ивановича Годунова, и быть им в Тобольске на воеводстве до приезде боярина и воеводы князя Ивана Борисовича Репнина с товарищи.

7180 (1672)

Приехал от Великого Государя в Сибирь Его Государев думный дворянин Яков Тимофеевич Хитров³², а товарищ с ним — сын его Венедикт да подьячий с приписью Еремей Полянской. А велено ему в Сибири, на Синаре реке и на Уральских горах, искать и проводывать серебряной руды; а на Уральских горах, на речках на Томах и город поставить, и немцы с ним были. А из Тобольска посыланы с ним были дети боярские, и рейтары, и литва, и конные с полковником и с начальными людьми от всех городов, опричь понизовых городов. И были они в Сибири во 182 году и ничего серебряной руды не сыскали, и по Государеву указу думному дворянину велено ехать с товарищем к Москве, а город на Уральских горах сжечь.

Марта в 25 день того ж, 180, года, в 8 часу дня, в Сибири, в Тобольске в городе, сгорела церковь Вознесения Господня и городовые стены, в восточную сторону стена, да башня четверо-

угольная сгорела ж. Того ж года разломали башню, а на том месте поставили церковь Вознесения Господня с приделы.

7181 (1673)

Велено боярину князю Ивану Борисовичу Репнину из Тобольска ехать к Москве, а в Тобольске велено быть воеводе с Верхотурья, стольнику Федору большому Григорьевичу Хрущеву, да дьякам прежним, В том же году воеводы в Тобольске: боярин Петр Михайлович Салтыков да стольник Иван Федорович Пушкин; дьяки: Федор Протопопов да Григорий Михайлов Головин; головы: Иван Гаврилов Ушаков да Иван Никитин Тютчев.

7182 (1674)

Апреля 18 дня, в великую субботу, в 10 часу дня, в Тобольске в Знаменском монастыре святительские хоромы сгорели. Того ж года, июля в 12 день, преосвященнейший Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, поставил на своем святительском дворе палату первую каменную.

7183 (1675)

Преосвященнейший Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, поставил и освятил церковь Живоначальные Троицы, брусную, на своем святительском дворе и всякими церковными утварями украсил, да к той же церкви доспета трапеза брусная в 6 сажен.

7184 (1676)

Января, против 4 числа, в 10 часу ночи, судом праведного Бога, Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, сея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, не стало; оставя земное царство, отыде на вечное блаженство и покой небесного царствия. Отходя с сего света, благословил на царство Российское и скипетр державств Московского и Киевского, и Владимирского, и Новгородского царств, Казанского и Астраханского, и Сибирского, и всех государств Российского царства вручил в самодержавство старшему сыну своему, благоверному Государю Царевичу и Великому Князю Федору Алексеевичу; и по благословению отца своего Государева Царь и Великий Князь Федор Алек-

сеевич взыде на свой царский престол в Московском государстве. Бояре и воеводы, и думные ближние люди, стольники и дворяне, и стряпчие, и жильцы, дьяки и головы стрелецкие, всяких чинов люди ему, Великому Государю, крест целовали. В Сибирь, в Тобольске, приезжал приводить к крестному целованию боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков с товарищи и весь народ града Тобольска и иных городов сибирских людей; а приехали в Тобольск в том же году, февраля, в 29 день, и по Государеву указу боярин и воевода князь Тимофей Афанасьевич весь народ города Тобольска и иных городов к крестному целованию за великого государя привел. Того ж года, марта, в 3 день, приехал с Москвы в Тобольск стольник князь Иван Петрович Козловской; а велено ему приводить к крестному целованию в Тобольске боярина и воевод, и весь народ. Князю Тимофею велено приводить в понизовых сибирских городах томского разряда, а тобольского разряда в города и в остроги велено послать письменных голов, а в слободы послать тобольских детей боярских и подьячих. Того ж года велено боярину и воеводе Петру Михайловичу Салтыкову из Тобольска ехать к Москве, а товарищу его, стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Пушкину, да дьякам велено быть в Тобольске до приезда в Тобольск боярина и воеводы Петра Васильевича большого Шереметева с товарищи. В том же году по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича в Тобольске воеводы: боярин Петр Васильевич большой Шереметев, да стольник Федор Протопопов, да Григорий Михайлов. Того ж года приехал в Тобольск из Китайского государства посланник Николай Гаврилов, сын Спафарий³³, а послан с Москвы в Китайское государство в 7183 году чрез Енисейское и Даурию, а из Тобольска посланы с ним были тобольские дети боярские и служилые люди.

Сентября в 19 день, преосвященнейший Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, принес мощи из-под соборной церкви Софии Премудрости слова Божия прежних архиепископов Макария да Герасима Сибирских и Тобольских в новосозданную церковь Живоначальной Троицы, что у него на дворе вновь построена. А под соборною церковью с погребения Симеона архиепископа с 7160 года мая с 13 числа лежали 23 лета и 4 месяца, и 6 дней. Того ж года

Корнилий, митрополит в Тобольске, у новосозданной церкви у Живоначальной Троицы в трапезе брусной приделал церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, царского ангела тезоименитого. А празднуется в 8 день июня; а освящена на июня в день...

7185 (1677)

Мая в 29 день, в 13 часу дня, судом праведным божьим от молнии, от первого удара громкого загорелся в Тобольске в Знаменском монастыре у церкви вверх престол Знамения Пресвятой Богородицы, и в той же чети от другого удара громкого, от молнии же загорелся на горе у церкви входа во Иерусалим, что за волю Воскресения Христова, что на торговой площади шатер с восточной стороны, да у церкви же Живоначальной Троицы, что у гостиного двора, шатер же. А у церкви Николы Чудотворца высокого да городовая башня, что от Квасной; и в то время у Николы Чудотворца крест осекла, и залили квасом, а башню тако ж вверх разломали ж и залили же. И от того молнийного запаления от Воскресения Христова и от Троицы Живоначальной разгорелся пламень великий Божиим поущением и гневом его праведным град рубленый Тобольск и Приказные палаты, старая и новая, что на городе недовершенная, и церковь Вознесения Христова, и боярский двор со светлицы, и казенные анбары, и соборная апостольская церковь Софии Премудрости Божией. А церковь Живоначальной Троицы, новосозданная, приукрашенная, что на святительском дворе, и церковь 40 мучеников... Сенная и Софийская колокольня, и митрополю кельи, и палаты, и светлицы, и все служебные кельи и приказы, и ограда, и дворец, и гостиный двор, и таможня, и лавки, и тюремный двор, и богадельня, и у церквей колокольницы, и меньшого дьяка двор, и от того двора меньшого дьяка по той же улице в Никольский проход, по трем улицам позади Софийского двора и около Никольской церкви к Казанским вратам мирских жилых дворов у всяких чинов людей 102 двора, и острог, что от собора к Николаю Чудотворцу, да две башни острожные, что на базарном взвозе, выгорели без остатка. А на соборной колокольне большой колокол, что государское жалованье, в 110 пудов, и колокол литейный, что лит в Тобольске, в 35 пудов, и колокол благове-

стный в 30 пудов, что государское жалованье, прислан Киприану, архиепископу первопрестольнику, и колокол часобитный угличский — все раздалось и растопилось без остатку.

А в Знаменском монастыре от того молнийного воспаления сгорели три церкви: церковь теплая трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Злотоуста, да церковь Казанской Богородицы холодная — все вдруг загорелись, и архимандрические старые и новые кельи, и колокольная, и больница, и хлебная, и сушило, и братских шесть келий, а в Преображенской церкви два яруса лесных икон сгорело же. А из соборной церкви и от приходских Божия милосердия иконы и книги и прочая утварь, Божию милостию сохранися и государская казна большой снаряд цела же. Того ж, 185 года, июня в 12 день, почали острог ставить в Тобольске по городской стене, где стоял рубленный город, и поставили в пять дней. Июня же в 14 день, заложили в Тобольске в Знаменском монастыре церковь Знамения Пресвятой Богородицы на том месте, где была Преображенская церковь. Июня ж в 24 день, в неделю обложена в Тобольске церковь Вознесения Господня да придел Алексея, человека Божия, на старом месте в городской стене в углу; а освящена бысть того ж года, августа в ... день.

7186 (1678)

Преставился в Сибири, в Тобольске, преосвященный Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, а погребен бысть во 187 году, июня в 17 день, с прежними властями, а погребал его Павел, митрополит Сибирский и Тобольский, а до погребения Корнилий, митрополит, лежал в Знаменском монастыре в церкви.

В том же году велено боярину Петру Васильевичу большому Шереметеву да стольнику Ивану Ивановичу Стрешневу ехать из Тобольска к Москве, а в Тобольске воеводе велено быть с Тюмени стольнику Михаилу Семеновичу Квашнину да дьяку прежнему Григорью Михайлову до приезда в Тобольск боярина Петра Васильевича Шереметева да стольника Михаила Иванова Глебова. В том же году в Тобольске: боярин Петр Васильевич Шереметев да стольник Михаил Иванович Глебов, дьяки Алмаз Чистого да Перфилий Оловянных, письменные головы Иван Лукьянов Талызин и был на Таре воеводством да Дмитрий Григорьевич Ушаков.

Того ж года, апреля в 28 день, в неделю Фомину в Тобольске в святительском дворе заложена церковь во имя Живоначальной Троицы, а совершена и освящена того ж 187 года, августа в 30 день. Того ж года, мая в 4 день, в неделю третью по Пасце, в Тобольске заложена церковь во имя великого архиерея Николая Чудотворца на прежнем месте, да в приделе великомученика Димитрия Солунского, а совершена и освящена бысть во 188 году, декабря в 3 день. Того ж года рукоположением преосвященного Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, поставлен в Енисейский св. монастырь архимандрит Матфей, и дана ему белая шапка, а до того в Енисейске архимандриты были без белых шапок. Того ж года, июля в 1 день, в седьмую неделю по Пасце, заложена в Тобольске церковь во имя Живоначальной Троицы на прежнем месте, что была у прежнего гостиного дворца, освящена марта в 21 день 188 года. Того ж года, июня в 13 день, в пяток 8 недели по Пасце, в Тобольске заложена церковь во имя Входа во Иерусалим на прежнем месте, что на торговой площади, а совершена во 189 году, июля в 5 день. Того ж года, июля в 6 день, в Тобольске заложена церковь во имя преподобного Сергия, а освящена бысть во 188 году, сентября в 23 день. Того ж года велено боярину Петру Васильевичу Шереметеву ехать к Москве из Тобольска, а в Тобольске велено быть товарищу его стольнику Михаилу Ивановичу Глебову, дьяком Алмазу Чистого да Перфилю Оловянникову до приезда в Тобольск боярина Алексея Семеновича Шеина да Михаила Васильевича Приклонского.

В том же 188 году, марта в 18 день привезены с Москвы в Тобольск к соборной церкви три колокола большие: один 160, другой 103, третий 40 пудов, а с Москвы посланы те колокола в Тобольск во 187 году. — В том же году в Тобольске стольник Алексей Семенович Шеин да Михаиле Васильевич Приклонский, дьяки прежние — Алмаз Чистого да Перфилий Оловянников, головы письменные: Иван Федоров Сабуров, Григорий Максимов Резанов.

Того ж года заложены в Тобольске на Софийском дворе палаты каменные, а совершены во 189 году. — В том же году на Абалаке от молнийного запаления загорелася церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы. В том же

году заложена церковь на Абалаке во имя Преображения Господня, а совершена и освящена бысть того же года, августа в 1 день, и св. образа поставиша в ню. — Того ж года, августа в 7 день, в Тобольске бысть пожар, загореся под горою у Софийского свозу; и от того пожара разгореся пламень велий и, досягнув пламенное дыхание из-под горы на гору до градские стены, и от того в градской стене разгореся у церкви Вознесения Господня верх под маковицею, и от того пламени по градской стене и горе град Тобольск деревянный, приказная палата и на башне часы и всякое градское здание, и под горою от того сгоре церковь Пресвятой Богородицы Владимирской, и колоколья, и мост, и ряды, что на мостах у дворов русских, и татарских юрт много.

Во 189 году по городской стене поставиша острог, а в остроге приказная палата и проезжая башня. — В том же году, октября, в ... день, заложена церковь под горою во имя Пресвятой Богородицы на том месте, где была колоколья, а совершена и освящена того ж года. — В том же году, мая в ... день, в неделю св. жен Мироносиц заложена в ограде, в стене церковь Вознесения Господня; а совершена и освящена во 191 году. Того же года, июля в ... день, заложена церковь во имя Живоначальной Троицы подле градской стены на прежнем месте, что у прежнего гостиного двора; а совершена и освящена во 191 году. — Того ж года, июля в 3 день, в Тобольске почали ров копати, где быть соборной церкви каменной.

7189 (1681)

По указу Великого Государя и по грамоте поехал из Тобольска письменный голова Иван Федоров, сын большой Суворов, в Томск на воеводство. А велено ему быть в товарищах с князем Иваном Михайловичем Масальским, а в Тобольск с ним послано детей боярских и служилых людей, и татар 400 человек, да к тем в прибавок велено послать татар и из Томска, и из Енисейска, с Красного яру и из Кузнецкого острогу, а велено ему, воеводе Ивану Суворову, идти с теми людьми в степь на киргизов, которые Великому Государю изменили. И воевода Иван Суворов из Тобольска на киргиз поехал, ходил в 190 году, мая с 9 числа, и бысть в степи июня по 7 число; и бои были с киргизцы

многие; и на тех боях побито русских людей: тобольских детей боярских 9 человек да служилых людей татар 15 человек, и всех тобольских и всяких городов служилых людей побито и переранено человек со сто и больше, и с киргизами на тех боях договору не было; и о том писал к Москве к Великому Государю в 191 году киргизский князец Ярениячко, и Великому Государю прислан ясаку бобр да 100 соболей; и тот борб, соболи посланы к Великому Государю.

7190 (1682)

Декабря в 3 день, в Тобольске: боярин Алексей Андреевич Голицын, стольник Кирила Аристархович, дьяк прежний Алмаз Чистого да другой — Федор Злобин, головы письменные: Родион Пименов Орлов да Никита Яковлев Владыкин.

И во 191 году на Алмазове месте Чистого велено быть дьяку Федору Злобину, а на Федорове место Злобина прислан дьяк Афанасий Парфенов. — Того ж года по указу Великого Государя поехал из Тобольска к Москве преосвященный Павел, митрополит Сибирский и Тобольский.

Того ж года, апреля в 27 день, судом праведного Бога преставился благочестивый Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, оставя земное царство, отъиде на небесное блаженство и покой небесного царствия, а то Его Государева представление по общему совету и по умолению святейшего Иоакима, патриарха Московского и всея России, и прочих архиереев, и по челобитью касимовских и сибирских царевичей, и бояр, и окольных, и думных ближних людей, и скипетр державных Московского, Киевского, Владимирского и Новгородского царств, Казанского и Астраханского, и Сибирского, и всех государств Российского царства и всея Великия и Малыя и Белья России самодержавство восприяли братья Его Государевы, благочестивые и Великие Государи Царевичи Великие Князья Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцы. И им, Великим Государям, в Московском государстве и касимовские, и сибирские царевичи, и бояре, и окольное, и ближние думные люди, и всяких чинов люди служилые обещались и св. Евангелие и крест целовали. А в Сибирь, в

Тобольск, приезжал с Москвы приводить к крестному целованию Великих Государей стольник князь Иван Петрович Львов, в том же в 190 году, июля в 21 день, с богомольными грамотами и привести к крестному целованию боярина и воеводу князя Алексея Андреевича Голицына с товарищи и весь народ царства Сибирского, г. Тобольска и окрестных городов. И того ж дня, в приезд его в 6 число, учили в Тобольске благовестить в соборе в большой колокол в один; и в блавест пришел в соборную и апостольскую церковь боярин и воевода князь Алексей Андреевич Голицын с детьми, и товарищи, и головы, и дети боярские, и стольники, и стрельцы, и атаманы казачьи, и всяких чинов люди града Тобольска, и все православные христиане от мала и до велика. И пришед в соборную и апостольскую церковь стольник князь Иван Петрович Львов, и поставили в соборной церкви посреди налож, и, став у налож, стольник князь Иван Петрович Львов и говорил боярину и воеводам князю Алексею Петровичу Голицыну с товарищи, и во весь народ о преставлении Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и воцарении Великих Государей Царевичей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев, и обо всем. И боярин с детьми, и с товарищи великим государям служить обещались и пред св. Евангелием веру учинили, и св. Евангелие, и крест целовали; да того ж дня приведены головы и тобольские дети боярские, и подьячие по грамоте Великих Государей, а народ весь града Тобольска и иных городов военных по многие дни тако же веру дали и обещались Великим Государям служить и на том, и потом св. Евангелие и крест целовали. Царским венцом и диадемой Великие Государи Цари и Великие Князья Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцы, венчались в Московском государстве во святых велицей соборной и апостольской церкви от рук великого архиерея святейшего Иоакима, патриарха Московского и всея России.

Того ж года, июня в 25 день, в неделю на память благоверного и благочестивого св. князя Петра и св. княгини Февронии, нареченных во св. крещении Давида и Февронии, Муромских новых чудотворцев, и того дня в соборной

церкви праздновали Пресвятой Богородице Владимирской, а в Томской и Енисейской велено послать из Тобольска города письменных подьячих и тобольского разряда в слободы послать тобольских детей боярских, а велено в городах и слободах привести к вере воевод и всяких чинов людей по грамоте Великих Государей.

Того ж года писец Лев Миронович Поскочин писал и мерил в Тобольском уезде в слободах и селах, и в деревнях земли, а с Москвы в Сибирь приехал во 188 году.

7191 (1683)

Генваря 3 дня, приехал с Москвы в Тобольск преосвященный Павел, митрополит Сибирский и Тобольский, ездил к Москве по указу Великих Государей. — Того ж года, марта в 21 день, приехал с Москвы в Тобольск стольник Василий Петрович Бахметев. Послан в Тобольск к боярину Алексею Петровичу с милостивым словом. — Того ж года, апреля, в 22 день, в Тобольске почали св. соборную церковь каменную и клали, верх же церкви не доклали немного не до головы; и во 192 году, июня в 27 день, падоша у церкви столбы и обломились своды и верх весь паде внутрь церкви. Во 193 году почали опять созидать соборную церковь. Совершена и освящена во 193 году, декабря в 26 день. — Того ж 191 года, июля в 22 день, почали ров копать, где быти соборной колокольне каменной, и заложили.

7192 (1684)

Велено боярину Алексею Андреевичу Голицыну из Тобольска ехать к Москве наскоро, а в Тобольске велено быть товарищу его Кирилу Аристарховичу да дьякам Федору Злобину да Афанасью Парфенову до приезда в Тобольск боярина Петра Семеновича Прозоровского с товарищи. Того ж года прислана в Тобольск Великих Государей грамота, а велено в Тобольском уезде прибрать из пеших казаков 500 человек и поверстать в службу, и послать в Даурскую землю; и по указу Великих Государей служилые люди прибраны, и учинены им оклады по 5 руб. человеку да по пищале, и посланы те люди в Даурскую землю в том же 192 году.

Того ж 192 года по указу Великих Государей в Тобольске: боярин князь Петр Семенович Прозоровский, стольник

князь Борис Алексеевич Солнцев-Засекин; дьяки прежние: Афанасий Парфенов, Федор Калинин; головы письменные: Василий Богданович, сын большой Плохого, да Степан Васильевич Августов.

Того ж года привезен в Тобольск с Москвы колокол большой в 300 пудов.

Того ж года бысть гром велий, и в том грому из тучи паде камень, иже просторечием зовом *громова стрела*; удари камнем в церковь Николая Чудотворца, иже на Прямском взвозе, и прошибло у церкви в северную сторону верх на шее у большой главы, и оттоле паде на паперть Димитрия Солунского и прошибло верх, и бысть тот камень внутри церкви в приделе и побилло немного.

7193 (1685)

Июня в 1 день, по благословению Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, заложена в Знаменском монастыре церковь каменная во имя Знамения Пресвятой Богородицы.

7194 (1686)

Сентября в день заложены в Тобольске на Софийском дворе святые врата каменные и образ между соборной церковью и святыми вратами; а на вратах церковь Сергия Чудотворца, каменная, а совершена и освящена в 196 году.

В том же году в Сибири, в Даурах, под Албазинский острог пришли китайские люди войною и острог разбили до основания, и выжгли, и воеводу Алексея Толбузина и служилых людей в полон взяли, и возили с собою многие дни и отпустили их, Алексея и служилых людей.

И в том же году из Нерчинского острога стольник Иван Астафьев, сын Власов, послан на прежнее Албазинское место с Алексеем Толбузиным и велел в крепком осмотре поставить город и укрепить великими крепостями, и тот город поставлен во 199 году. Того ж года велено боярину Петру Семеновичу Прозоровскому из Тобольска ехать к Москве, а в Тобольске велено быть Борису Андреевичу Солнцеву-Засекину до приезда в Тобольск боярина Алексея Петровича Головина с товарищи.

Того ж года прислана с Москвы в Тобольск осьмина медная и четверик³⁴, а велено в Тобольске Великих Госуда-

рей в казну в житницах хлебные запасы в приход принимать и в расход давать, и на торгах мирским людям продавать в те осьмины, а в прежние осьмины казенных четвертей принимать в приход и в расход давать, и на торгах в прежние четверики продавать не велеть.

Того ж года в Тобольске: боярин Алексей Петрович Головин, стольник Богдан Данилович Глебов; письменные головы: Григорий Фролов, сын Синявиц, да Иван Спешнев; дьяки: Гервасий Столетов, Максим Данилов. — Того ж года по указу Великих Государей и по грамоте поехал из Тобольска к Москве преосвященный Павел; а с Москвы в Тобольск приехал во 195 году.

Того ж 194 года, февраля 24 дня, боярин и воевода Алексей Петрович Головин поехал с Москвы в Тобольск; прислана к нему в дорогу Великих Государей грамота, что указали по даурским вестовым отпискам выбрать в сибирских городах разных людей и отдать в полк окольниковому и воеводе Федору Алексеевичу Головину: в Тобольске 500 человек, а на Тюмени — 100 человек, из Томского — 100 человек, из Нарымского — 30, из Енисейского — 100, из Илимского — 170 человек, да к тому прибрать в Енисейске, в Братском, в Иркутском и Илимском 400 человек; и воеводе ратных людей отдать Алексею Петровичу Головину; и воеводам от себя писать, и для приему ратных людей послать к ним, воеводам, тобольских детей боярских и, приняв у них, воевод, ратных людей и приехав в Енисей, быть с ними в Енисейске до приезду окольного Федора Алексеевича Головина. И по тому Великих Государей указу Алексей Петрович Головин с товарищи учинил для приему ратных людей послал к ним в Тобольск детей боярских.

Того ж 194 года приехал с Москвы в Тобольск окольный Федор Алексеевич Головин да с ним стольник Алексей Сидоров, сын Синявин, да 5 человек дворян московских жильцов, да 2 подьячих: один Государственного посольского Приказу, другой Большой Казны, а по проезжей грамоте Великих Государей велено во всех сибирских городах давать великому и полномочному послу окольниковому Федору Алексеевичу Головину по его присылкам ратных людей и ссуды, и всякие судовые и хлебные припасы, и подводы без всякой мешкоты; а буде в Енисейске и в Томске, и в иных городах ратные

люди выбраны и в полк к нему присланы будут стары и дряхлы, или за судами, или за судовыми и хлебными припасами, и за подводы учинится ему хлопотание, и о том он, Федор Алексеевич, отпишет к Великим Государям к Москве, и за то быть им, воеводам, от Великих Государей в опале.

А ему ж, великому и полномочному послу окольникову Федору Алексеевичу, велено по указу Великих Государей и по грамоте ведать енисейского разряду всех даурских городов и остроги, и слободы, а в товарищах у него быть нерчинскому воеводе Ивану Астафьевичу, да с ним велено быть дьяку Ивану Юдину, который был в Енисейске. И Федор Алексеевич с московскими и тобольскими полками из Тобольска пошел в даурские остроги на 23 дощениках с великим урядством. — Того ж года, апреля против 26 числа, в 6 часов ночи волею Божиею учинился пожар, загорелся под горою в кузницах двор, и выгорело от Знаменского монастыря по Прямской взвоз: русских людей всяких чинов — 600 дворов, да церковь Пресвятой Богородицы Владимирской, и мосты, и лавки, да татарская слобода вся без остатку. И от того пожара загорелась на горе церковь Вознесения Господня и Приказная палата, и ту церковь и Приказную палату, и город едва отстояли московские стрельцы полка окольного Федора Алексеевича Головина; и в том пожаре в анбарах у всяких чинов русских людей пригорело хлебных запасов. Таков был пожар страшен, что горели дощеники, в которые собирались люди с животами и хотели ехать по Иртышу; и те дощеники и с житом, пловучи, сгорели без остатка.

Того ж 194 года, мая в ... день, в Тобольске, в Успенском монастыре, в девичье прежнюю церковь Успения Пресвятой Богородицы с места сломали, а на месте заложили новую церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы да придел Николая Чудотворца, а совершена и освящена во 195 году.

Того ж года, июля в 1 день, заложена в Тобольске под горою церковь во имя Владимирской Богородицы на прежнем месте; а совершена и освящена во 195 году.

7195 (1687)

Октября в 3 день, присланы с Москвы в Тобольск Великих Государей грамоты боярину Алексею Петровичу Головину с товарищи, а в них именование Великих Государей и титу-

ло написано: от Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великой Государыни, благоверной Царевны и Великой Княжны Софии Алексеевны, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев; и с того числа по приказу боярина Алексея Петровича Головина с товарищем Шульгиным тобольские дети боярские и служилые люди, и татар в Царской слободе, а тюменские дети боярские и служилые люди татар стояху в слободе Царева городища³⁵, а слободские служилые стояху в разных слободах, кийждо в своей сотне; и послуша той приход воинских воровских людей*, Василий Шульгин с ратными людьми, не сождався тюменских служилых людей и слободских беломестных казаков, с тобольскими служилыми людьми, которые с ним были, до Ялуторской и Суерской слободы³⁶ с беломестными казаки за теми воинскими людьми погнал; и тех воинских людей сугости июля в 27 день в степи у озера Семикуля, и в том месте с государевою казною с порохом у русских людей телега подломилась на степи; ратные же русские люди в том месте стаща, место же не крепко; погани же наступиша на русских людей, и бысть с ними бой великий; грех же ради наших в то время бысть дождь велий, и у русских ратных людей ружья замочило. Погани же наступиша с копья, многолюдством; было бо их тысячи с три; а русских людей малолюдство: только ста с полчетверта, и укрепиться в том месте негде, потому что в том месте степь и место не крепко; и побиша погании Василия Шульгина, русских людей и татар, которые были с ним, Василием Шульгиным, а иных в полон взяли; и с той осады русских людей никто не ушел, разве которые из полону убегаху. А тюменский сын боярский Иван Молчанов с детьми боярскими и служилыми людьми, и с татары, и слободскими беломестными казаки во вспоможение Василию Шульгину не успели, и, не дошед до того побоища близ, возвестиша им полонники, что Василий Шульгин с ратными людьми побиты, а иные в полон взяты, а воровские воинские люди пошли в степь, и тюменские и слободские служилые люди за ними в степь, в даль не пошли, воротились назад в Ялуторскую слободу и стояли для обережи до осени. Велий бой! В то время в Тобольске и в Исетских слободах бысть опать велик, и стояху караулы на острогах, и отъез-

* Здесь должен быть пропуск.

жие от воинских людей крепкие, погании же побегоша в свою землю наскоро; да еще погани и побегоша на града Тобольска воеводы ближний стольник Андрей Федорович Нарышкин с товарищи, попечение имея, а врученных им людей посылаху в города и остроги, и слободы Государские указы, повелеваху быть всяким жителям со всяким опасательством и бережением, и города, и остроги крепити всякими утверждениями, и прихода оных врагов проведывать, дабы погании безвестно не пришли и какого зла не учинили.

Того ж года и в то ж время в июле месяце приходили воинские воровские люди казачьей орды и калмыки под слободу, что вверх по Иртышу реке построена вновь была выше Тарского города.

Того ж года привезен с Москвы в Тобольск колокол большой в 500 пудов, а с Москвы он послан в 199 году, везен в судах до Уткинской слободы³⁷; и в Уткинской слободе в уезде стоял год; а из Уткинской слободы вверх на вершину Нейвы-реки волокли людьми, а с вершины Нейвы-реки реками препроводили до Тобольска.

Того ж года по указу Великих Государей и грамоте посланы из Тобольска за Лену в Якутск на службу тобольских детей боярских 25 человек да тюменских детей боярских 25 человек. До того в Якутском на Лене служилых и тяглых людей померло многое число.

7201 (1694)

Великие Государи Цари и Великие Князья Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцы, указали ближнему стольнику и воеводе Андрею Федоровичу Нарышкину быть на своей государственной службе в Сибири, в Тобольске, полковым и осадным воеводою.

Того ж 202 года по указу Великих Государей ближний стольник и воевода Андрей Федорович Нарышкин с товарищи посылал в слободы для бережи от воинских людей с дворянином с Борисом Черницыным из Тобольска ратных людей и из Тюменя, а велено тем ратным людям быть на государевой службе с великим бережением в Ялutorской слободе, тобольским дворянам, детям боярским и служилым, и татарам на Царево городище с головою Артемьем Обольяниновым, и того года Бог помиловал; воинские во-

ровские люди под те слободы не приходили; только немногие воровские неведомые люди приходили под Чумлядскую слободу³⁸ и прочь отошли, а ратные люди стояли на бережи до осени на караулах.

7203 (1695)

Ноября, в 23 день, поехал преосвященный Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский, на Тюмень и по слободам, и в Туринский острог, и на Верхотурье, а с Тюмени поехал на Устницу декабря в 6 день, а на Устницу приехал декабря в 7 день, а в Нижней Ницынской слободе быв, стоял за обедней декабря, в 8 день.

Того ж 203 года, в марте, велено другому дворянину Василью Борисовичу Бухвостову ехать из Тобольска к Москве, а на месте его велено быть ближнему стольнику и воеводе Андрею Андреевичу Нарышкину.

7206 (1698)

В феврале по указу Великого Государя велено из Тобольска ближним стольникам и воеводам Андрею Федоровичу и сыну его Андрею Андреевичу Нарышкиным ехать к нему, Великому Государю, к Москве, а в Тобольске велено быть с Тюмени стольнику и воеводе Титу Васильевичу Раевскому.

Февраля в 28 день: в Тобольске ближний боярин и воевода князь Михаиле Яковлевич да стольник князь Петр Михайлович Черкасские; дьяки: Иван Обрютин да прежние Афанасий Герасимов, а дьяк прежний Алексей Протопопов в Тобольске в 206 году, июня в 30 день помре.

В марте по указу Великого Государя прислана в Тобольск грамота и во все сибирские города у духовных дел софийским детям боярским быть не велено, а велено быть архимандритам и игуменам, и протопопам, и попам добрым и искусным.

Приехал в Тобольск с Москвы переписчик, московский дворянин Иван Качалов, и переписывал, и накладывал в Тобольском уезде и в городах, и в слободах десятинную пашню и денежные оброки.

7208 (1700)

В генваре прислана в Тобольск грамота: велено на Москве во всей России писать во всяких государских делах и

числить год от Рождества Христова 1700, и впредь по вся годы писать сей год непременно от Рождества Христова, а не от сотворения мира.

1701

Июня, в 1 день, бысть в Тобольске пожар: загорелось под горою в юртах, и от того сгорели юрты все, и базарный мост, и лавки по мосту, и таможня, и дворы, а от речки Курдюмки до Прямского взвозу — двор с 500, и от того пламени кинуло на гору на Софийский двор, и загорелась старая Соборная и ветхая церковь, и от той церкви в ограде церкви и кельи деревянные, и у башен верхи, и гостинный двор, и лавки, и церкви Воскресения Христова и Всемило-стивого Спаса, и Верховных апостол Петра и Павла, и Успенский девичий монастырь, и в нем церкви и кельи, и на горе всяких чинов жителей дворы, и воеводский, и девичий дворы выгорели до земляного валу, и Воскресенская башня. Только на горе осталось от того пожара город, Приказная палата, Вознесенская церковь, боярский двор да церковь Николая Чудотворца, что на Прямском взвозе, да около той церкви осталось дворов 40 и больше.

Сентября 13 дня, преставился в Тобольске ближний стольник и воевода князь Петр Михайлович Черкасский.

1702

Сентября в ... день, по указу Великого Государя приехал в Тобольск с Москвы из Сибирского Приказа думный дьяк Андрей Андреевич Виниос да с ним стольник Алексей Иванович Калинин, дьяк Афанасий Герасимов да Сибирского Приказу старых подьячих два человека: Никифор Козмин, сын Зыков, Андрей Васильев, сын Фролов, да молодые Яков Петров, Семен Киреев, а в Тобольск ехал по Исетским слободам и был в Тобольске до первого зимнего пути; и в том же году, в ноябре месяце из Тобольска поехал к Москве через Тюмень и по Ницынским слободам.

По грамоте Великого Государя велено в Тобольске по соль к Ямышу озеру послать на государевых подрядных дощениках; а торговых дощеников по соль отпускать не велено, а соль продавать из казны в первый год по 2 алтына по 4 деньги пуд, на Таре — по 2 алтына по 2 деньги пуд, а впредь на ту соль положить

цену по рассмотрению ближнего боярина и воеводы князя Михаила Яковлевича Черкасского; и по привозе от Ямыша озера той соли посылало на продажу во многие сибирские низовые города: и на Тюмень, и в Туринск, и Тобольского уезда в остроги и слободы, а в низовых городах велено продавать ту соль по 5 алтын пуд, а на степные озера отпускать соль не велено.

1703

Апреля в 20 день, по указу Великого Государя и по грамоте из Воинского Приказу прислан в Тобольск Поместного Приказу дьяк Андреян Григорьев, сын Ратманов, да с ним 7 человек подьячих, 20 солдат для набору вновь в солдаты в Тобольске и на Тюмени, в Туринске, на Верхотурье и тех городов в уездах, и в Кунгурском уезде. И по тому указу Андреян Ратманов в солдатскую службу набрал 11000 и больше. И в 704 году, генваря 1 числа, из тех солдат велел послать половину к Москве и в С.-Петербург и в Нарву, а другая половина оставлена во вторую посылку. — Первой посылки солдатам давать жалованье по 3 рубля. Везли тех солдат из городов и слобод до Соликамской.

Заложена в Тобольске в городе Приказная палата каменная, совершена в 704 году.

Заложены на горе гостиный двор и таможня каменные; совершены в 705 году.

Заложены в Тобольске две церкви деревянные: Всемилоственного Спаса и Верховных апостол Петра и Павла, а совершены и освящены того ж года.

Заложена церковь в монастыре под горою деревянная во имя Пресвятой Богородицы Казанской, совершена и освящена в том же году.

1704

Генваря в ... день, прислана с Москвы грамота да статьи о крепостных делах, велено: всякие крепости писать и пошлины брать у крепостных дел по тем статьям, и писать на гербовой бумаге.

По указу Великого Государя в Тобольске с ближним боярином и воеводою князем Михаилом Яковлевичем Черкасским быть в товарищах сыну его, ближнему стольнику и воеводе князю Алексею Михайловичу Черкасскому.

Заложена в Тобольске на горе в девичьем монастыре церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, деревянная, брусчатая; совершена и освящена в 706 году. Строил ту церковь Филофей митрополит.

1705

Прислана в Тобольск грамота из Приказа земских дел, велено: в Тобольске и во всех сибирских городах служилым всяких чинов людям, кроме крестьян, брить бороды и усы, а платье носить: кафтан и камзолы, и штаны, и чулки, и башмаки, и сапоги немецкие, и для того в Тобольске выбраны целовальники и поставлены в разных местах в воротах и в торгу, и брали за русское платье по 4 гривны с платья.

1706

Генваря в ... день, по указу Великого Государя и по грамоте велено: в Тобольске и во всех сибирских городах и уездах с государевых, с посадских и с архиерейских, и монастырских крестьян с 20 дворов набрать рекрут, солдат, и платье и корм дать с тех дворов; и, набрав, поставить на стану, где надлежит, и по тому указу те рекруты выбраны и были на станциях учены солдатскому строю, и в 1709 посланы к Москве.

По указу Великого Государя прислан с Москвы из Сибирского Приказу в Тобольск московский дворянин Яков Филиппов, сын Жеребцов, сыщиком про соболиную и мягкую рухлядь³⁹, и был в Тобольске год целый, и в 1708 году взят к Москве.

В Тобольском уезде, сверх Тобола и Исети-реки, в слободах воевали башкирцы и многих русских людей в слободах побивали, и в полон брали, и скота отганивали.

В Тобольске на горе заложена церковь каменная Всемилоственного Спаса подле деревянной церкви.

Того ж года прислан с Москвы в Тобольск и во все сибирские города стольник князь Василий Иванович Гагарин для лучшего усмотрения во всех государевых делах, и бысть в низовых городах по 711 год. Сыскивал про многих воевод, а в Тобольск приехал чрез Барабу с Тары, и в Тобольске приказано Палате во всяких делах имя его писати — оберкомендант. И в том же году поехал из Тобольска к Москве.

1709

Октября в 22 день, по указу Великого Государя прислана в Тобольск грамота, что шведского короля войска под Полтавою побито и в полон много взято, и было молебное пение и у соборной церкви на площади, и у боярского двора, и на яру, и подле оружейного двора из пушек из 42 стрельба была великая, такой стрельбы николи же в Тобольске не бывало.

По указу Великого Государя присланы из Москвы в Тобольск и на Верхотурье, и на Пелым, и в Туринск, и на Тюмень стольник Иван Фомин Бибииков да капитан Иван Устинов Дашков, да с ним Сибирского Приказа подьячие старый Никифор Протопопов, Максим Афанасьев и с ним 10 человек солдат для набору вновь в солдатскую службу; и велено им набрать 8000 и больше из всех чинов, а Ивану Бибиикову велено быть в Туринске воеводою.

1710

Поставлен в Сибирь, в Тобольск, в митрополиты Иоанн, архиепископ Черниговский. В Тобольск приехал августа 14, а прежний митрополит Филофей в 709 году посхимился сентября, в 12 день ночи; а по прибытии своем построил соборную церковь и иконостас и написал святые иконы, все вновь зело изрядно.

По указу Великого Государя посланы были для поиска на воров изменников башкирцев драгунский полковник Леонтий Парфентьев, подполковники Степан Текутьев и Федот Матигоров, да с ними тобольские и тюменские дворяне, и дети боярские, и литовцы, и новокрещенные по списку, и конные казаки, и юртовские служилые люди — татары; всего у них было в полку разных людей тысяч с восемь, и ходили на их башкирские жилища, и многих башкирцев побили, и в полон аманатов⁴⁰ брали, и юрты их жгли.

1711

По указу Великого Государя приезжал с Москвы в Сибирь до Верхотурья для управительства во всяких государственных челобитчиковых делах сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, при нем дьяки Яков Щетинин и Афанасий Герасимов; и в том же году, декабря в 7

день, с Верхотурья поехал к Москве, а из Тобольска со всяким доношением ездили к его губернской светлости дьяки Леонтий Шокуров и Иван Бахтин.

1712

По указу Великого Государя в Тобольске и в иных городах, и в острогах, и в слободах с дворовых и с посадских, и с монастырских крестьян и бобылей выбрано в солдаты с 20 дворов по человеку да на жалованье им по 5 рублей с полтиною человеку; и посланы те рекрутские солдаты к Москве с тобольскими и с иных городов дворянами.

Октября в 8 день, по указу Великого Государя приехал с Москвы в Тобольск сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, при нем дьяк, офицеры, драгуны и солдаты. Из Туринска плыли рекою до Тобольска на 4 дощениках; под его светлостью дощеник обит красными сукнами весь, и на оных дощениках поставлены знамена и пушки. В Тобольске и на Тюмени, и в Туринске встреча ему была зело изрядна. Стрельба из пушек была немалая, и на приезд во всех городах своей губернии жаловал всяких чинов людей государевым жалованьем, прибавочными и вновь окладами и чинами и государевым погребом питьем многим. А в Тобольске Приказную Палату приказал писать — Большая канцелярия, а для управительства велел быть в Канцелярии Семену Прокопьевичу Карнову, дьякам: Ивану Бахтину, Максиму Романову, Якову Щетинину, Афанасью Усталкову, а дьяку Леонтию Шокурову велено быть на Кунгуре комендантом; и с приезда его губернаторского во всяких сибирских городах велено прежних воевод писать комендантами. А дьяк Афанасий Герасимов в 713 году послан к Москве, а обер-коменданту Ивану Фомину Бибикову велено быть на Березове комендантом.

1713

Декабря в ... день, по указу Великого Государя в Сибири губернатором князь Матвей Петрович Гагарин из Тобольска поехал к Москве. До Тюмени с ним ехал преосвященный Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири, для свидетельства св. мощей, а с Тюмени приехал в Краснослободский острог генваря в 4 день 714 года, ночевал у комен-

данта Степана Васильевича Ракитина, изволил кушать с обер-комендантом Семеном Прокопьевичем Карповым и с прочими гг. подполковниками, и с москвичи, и с тобольскими многими дворяны, и с офицеры; и его губернская светлость, в Краснослободском остроге будучи, многих жаловал московских и тобольских, и иных городов начальных людей и прочих чинов государевым жалованьем прибавочным и вновь окладами; краснослободских священников пожаловал по прошению г. коменданта Степана Васильевича Ракитина, велел им отвести близ Краснослободского острогу пашенной земли 5 десятин да еще давать руги по 6 рублей, дьячку — 2 рубли, пономарю — рубль, просвирне — рубль, а преж сего тем священникам жалованья не бывало, а обер-комендант отпустил в Тобольск с ним дьяка Афанасья Усталкова и велел для управительства быть в Тобольск, а дьяк Иван Бахтин его губернаторскую светлость провожал до Соликамской, и всегда в городах встреча его светлости была зело изрядна.

1714

В июне в Тобольске дьяк Иван Бахтин умре. — Того ж года в Тобольске заложена церковь на горе Святителя Христова Николая каменная; сентября, в 14 день, присланы в Тобольск для сыску про бунтовые слободские дела с Тюмени комендант Борис Васильевич Дырлаков да из Туринска стольник Митрофан Иванов, сын Воронцов-Вельяминов, а были в Тобольске декабря до последних числ и уехали из Тобольска на прежние свои места.

Декабря в 29 день, губернатор сибирский князь Матвей Петрович Гагарин приезжал в Тобольск и был в Тобольске генваря до 14 дня 1715 года. Из Тобольска по посылке из С.-Петербурга поехал к Москве и в Тобольске приказал быть для управления обер-коменданту Ивану Фомичу Бибикову.

Послан из Санкт-Петербурга лейб-гвардии подполковник Иван Дмитриевич Бухальцов да с ним: майор, 2 человека капитанов, 6 человек поручиков, адъютант, 6 человек прапорщиков, а велено ему в Тобольске прежнего набору да и вновь набрать солдат 2500 драгун со всех чинов и идти им в степь.

Того ж года преосвященный... Феодор ездил на низ для крещения вотяков⁴¹.

1715

В генваре прислан из Санкт-Петербурга стольник Степан Федорович Павлов да с ним подьячий и драгуны для розыска в Тобольске, в слободе против челобитья слободских крестьян на комендантов и на переписчиков, и на других в обидах и во взятках.

В феврале по присланным указам велено в Тобольске и в других городах служилого чина набрать солдат, а с посадских людей и с дворовых, и с архиерейских, и монастырских крестьян с 20 дворов рекрута, также в острогах и слободах с крестьянских дворов, а, набрав тех рекрут, отдавать в команду г. командира Бухальцова, и о том в города и остроги посланы дворяне и дети боярские, а в слободах велено выбирать комендантам и прикащикам.

Летопись Щетининых (1743—1777)

Сибирь вообще не богата летописями, и весьма ограниченное число этих памятников давнопрошедшего, какие известны к нашему времени, возбуждает невольный интерес ко всякой памятной книжке, простому дневнику или какой-либо заурядной записи простых, обыденных, но давних событий, несмотря даже на очевидную часто неполноту их или отрывочность. В общем такая письменная и нередко малограмотная старина не представляет существенного исторического материала, но тем не менее любопытна: интерес к ней возбуждается в том отношении, что она касается иногда событий, ускользнувших от внимания завязтых летописцев, или оставшихся последним почему-либо неизвестными, дополняет мелкими подробностями биографии прежних деятелей и проч., и проч.

С этой стороны не лишена некоторого интереса и летопись, веденная в прошедшем столетии в Тобольске дяконом кафедрального собора Федором Яковлевичем Щетининым, начатая в 1743-м и законченная, после частых перерывов, в 1777 году.

Подробности родословия летописца нам неизвестны, знаем только, что он имел сына Дмитрия Федоровича, служившего священником при том же кафедральном соборе и умершего в первой четверти настоящего столетия, и что род Щетининых в духовенстве Тобольской епархии ныне уже не встречается.

Подлинник летописи Щетининых хранится в настоящее время у директора 3-й казанской гимназии А.Д. Иноземцева, одного из потомков Щетининых по женской линии. Некоторыми сведениями летописи в 60—70-х годах пользовался при своих трудах по истории сибирской иерар-

хии покойный законоучитель Омского кадетского корпуса, протоиерей А.И. Сулоцкий*, но полное содержание ее до настоящего времени остается неизвестным.

Года два назад другим потомком Щетининых, бывшим помощником сургутского окружного исправника А.Д. Иноземцевым нам любезно сообщен был точный список упомянутой летописи и, благодаря этому, мы пользуемся возможностью передать ниже содержание этого памятника старины и тем сохранить его для лиц, интересующихся давно-прошедшими событиями Тобольска.

Летопись заключает в себе следующие записи:

1743. Зачата Благовещенская церковь**.

1745. Зачата Архангельская церковь. Прибыл генерал-лейтенант и кавалер Василий Алексеевич Мятлев***.

1748. Июля 8. Освящен придел Благовещенской церкви во имя св. Прокопия и Иоанна Юродивых. Сентября 6. Освящена теплая Архангельская церковь.

1749. Апреля 11. Зачата Рождественская церковь****.

1754. Зачата Сретенская церковь*****.

1755. Декабря 1. Митрополит Сильвестр отбыл из Тобольска в Суздаль*****.

1757. В великий пост отбыл губернатор Мятлев в Москву. Октября 21 сгорела церковь Захарьевская и ряды.

1758. На 21 ноября в 6 часов пополуночи прибыл в Тобольск митрополит Павел П. Ночевал две ночи в Знаменском монастыре. В воскресенье, 22 числа, шел из него церемониалом на гору и служил в холодном Успенском соборе

* При составлении, например, статей: «Встреча в Тобольске в старину вновь прибывших преосвященных» (Чтения в общ. истор. и древн. Российск. 1864. № 3. С. 52-61), «Заметки к церемониалу погребения тобольского архиепископа Варлаама I» (Тоб. губ. вед. 1871. №№ 20, 21) и др.

** По другим сведениям Благовещенская церковь заложена в 1735 году выходцами из Устюга, освящена же, как и показывается в летописи далее, в 1748 г. (Тоб. епархия. 1892. Ч. П. Вып. 4. С. 10).

*** Едва ли это верно: по «Списку воеводам и... архиереям» Ст. Мамеева, прибытие В.А. Мятлева в Тобольск показывается 28 февраля 1754 года. (Календ. Тоб. губ. на 1890 год. С. 48).

**** По «Описанию церквей и монастырей Тоб. епархии» (Тобол, епархия. Ч. И. Вып. 4. С. 10) церковь эта показывается построенной в 1744 г.

***** По тем же сведениям «Сретенская (Пятницкая) церковь построена в 1754 г.» (Тоб. епархия. С. 10).

***** Эта запись исправляет неверность упомянутого выше (смотри выше сноску ***) «Списка», где на стр. 58-й отбытие из Тобольска Сильвестра показано 6 дек.

литургию. Тогда было весьма холодно. Прибыл из Нерчинска генерал, тайный советник Федор Иванович Соймонов*.

1759. Пристроен к церкви Архангельской придел во имя трех святителей. Зачата Воскресенская церковь. Июля 5 выгорела береговая улица. Сентября 19 освящена Сретенская церковь**.

1760. Зачата каменная колокольня Благовещенской церкви.

1761. Апреля 1 освящена холодная Рождественская церковь***. Сентября 12 освящена теплая Крестовоздвиженская церковь.

1762. Апреля 28 освящена холодная церковь Богородице-Рождественская. Окончена колокольня Благовещенской церкви. Октября 27 освящен придел Сретенской церкви во имя великомученицы Параскевы****. Ноября 10 освящен придел Воскресенской церкви во имя Димитрия Ростовского.

1763. Зачато большое крыльцо у Архангельской церкви. Октября 24 освящен придел Воскресенской церкви во имя св. Захария и Елизаветы. Февраля 4 отбыл в Москву г. губернатор Соймонов*****. Отобраны вотчины у Знаменского монастыря. Ноября 15 прибыл в Тобольск лейб-гвардии Семеновского полка пример, генерал-поручик и разных орденов кавалер Денис Иванович Чичерин†††††.

1765. Сентября 10 горело около Рождественской церкви.

1766. Июня 4 наводнение иртышевской воды было ужасно: промыло архиерейский пруд за валом, снесло три моста городских: Никольский, Шаблинский и у Кокуя.

1767. Город Тобольск был распланирован. Августа 4 дня отбыл в Москву г. губернатор Чичерин. Сентября 2 освящена под колокольней Благовещенской церкви малая церковь мученика Мины.

* По тому же «Списку» время прибытия Соймонова показано 21 сентября 1757 г. (С. 48 и 49).

** См. сноску ***** на С. 110 настоящего издания.

*** См. сноску **** на С. 110 настоящего издания.

**** См. сноску ***** на С. 110 настоящего издания.

***** Едва ли верно и это: Соймонов, по сенатским сведениям, уволен от должности 30 января 1762 года.

††††† Новое сведение, исправляющее неточность «Списка воеводам и... губернаторам» о прибытии Чичерина в конце ноября. (Кал. Тоб. губ. на 1890 г. С. 49).

1768. Генваря 11 в $\frac{3}{4}$ 4 часа пополудни отбыл в Москву митрополит Павел II. Когда вышел из своей кельи, пошел сначала в теплый собор Антония и Феодосия, потом в холодный Успенский и, приложась к местным иконам и престолу и возшедши на амвон, произнес прощальную речь; потом, вышедши из собора, отправился в Знаменский монастырь и, приложась в Преображенском соборе к св. иконам и побыв в архимандричьей келье хотя и недолго, выехал из города. Звон церковей сопровождал уезжавшего архипастыря до самого выезда из города. Марта 28 прибыл обратно в Тобольск г. губернатор Чичерин. Приказано по выносе из Абалака образа Богоматери в Тобольск ставить его в Преображенскую церковь села Преображенского. Октября 5 освящена Богоявленская-Владимирская церковь. Зачата каменная ограда Рождественской церкви. Октября 12 освящена Казанская церковь в Знаменском монастыре. Ноября 19 освящена Воскресенская церковь.

1769. Февраля 5 освящена церковь малая Николая Чудотворца в монастыре Знаменском. Марта 5 на первой неделе поста, в четверток прибыл в Тобольск епископ Варлаам и остановился в монастыре Знаменском. Не мешкавши полчаса преосвященный отправился к часам. В субботу служил в Казанской церкви литургию. На завтра, 8 числа, в воскресенье, в 7 часов пополудни начали в Успенском соборе благовестить на собор. По трех переводах священноцерковнослужители всех церковей пошли с процессией в Знаменский монастырь. Епископ отправился в церковь. Здесь по облачении в святительные ризы отправился с церемониалом в собор и, дойдя до Богоявленской церкви, начал служить молебен. От самого уличного моста, по Прямоному взвозу, по обе стороны расставлены были ели, середина была устлана супеском и ельником. Над входом в башню была поставлена картина, на коей было изображено шествие Варлаама в город, сопровождаемое множеством народа. Наверху написаны были слова: *«Варлааме! Варлааме! Гряди во Имя Мое! В сей ты стране овцы Моя храни и заблудшие звери искорени!»*. От башни до Софийского собора было устлано красным сукном. По приходе в кремль епископ был встречен г. губернатором Чичериным. Певчие его одеты были в белое платье с нашивными в приличных местах прекрасными цветами. На голо-

вах у них было подобие венцов, а в руках держали ветви с цветами. Преосвященный вступил в собор. Началось православие и вслед за православием литургия. Произнесена речь приветственная преосвященному. По окончании литургии был молебен Успению Богородицы при звоне колоколов и пальбе из пушек. У кельи своей преосвященный был встречен двумя монахами: один держал образ Успения Богоматери, а другой на блюде хлеб и соль. — Августа 12 прибыл полк из Селингинска. На востоке явилась комета; мера хвоста ее простым глазом была усмотрена в 2 аршина длины. Течение имела с прочими звездами. — Сентября 5 горело за Монастырской речкой. — В октябре было очень теплое время, отчего, когда лед стал на Иртыше, его изломало так, что ездили на лодках за реку. Окончательно уже Иртыш покрылся льдом октября 16.

1770. Привезены в Тобольск 4 колокола к церквям: в монастырь Знаменский в 91 пуд, в Благовещенскую церковь в 125 пуд. 25 ф., к Рождественской — в 126 пуд. 33 ф., в Воскресенскую — в 99 пуд. 5 ф. и в собор Успенский восемь небольших. — Июля 23 освящена церковь во имя Марии Египетской под колокольной в Абалакском Знаменском монастыре. — Зачата каменная ограда Архангельской церкви. Освящен придел Благовещенской церкви во имя великомученицы Екатерины*.

1771. Апреля 1 освящен придел Спасской церкви во имя Иоанна Милостивого**. — Сентября 28 освящена холодная церковь Крестовоздвиженская.

1772. В августе, вследствие указа, запретившего хоронить тела умерших при местных церквях, стали погребать их за валом. — Сделана позлащенная глава на Преображенском соборе в Знаменском монастыре. — Октября 14 архимандрит монастыря Знаменского Михаил отбыл в Казань для посещения в епископа иркутского.

1773. Генваря 13 прибыл архимандрит Михаил архиепископом иркутским из Казани. Михаил 20 числа служил в Знаменском монастыре литургию в неделю мытаря и фарисея. Когда поехал из монастыря служить литургию в со-

* См. сноску ** на С. 110 настоящего издания.

** По «Описанию церквей и монастырей Тоб. епархии» (С. 9) построена в 1763 году.

боре, до самого собора ехал при звоне колоколов от всех церквей. У собора был встречен протоиереем, который держал крест на блюде, и двумя священниками в облачении. Генваря 27 в неделю Блудного сына, Михаил служил в соборе и посвящал во дьякона. Февраля 4 он служил у Сретенской церкви и посвящал во священника. Февраля 11 отбыл в Иркутск. Во время его проезда по городу звон был в одном только Знаменском монастыре. — Июля 6 выпал град величиной (материей) в куриный желтыш. — Октября 25 прибыл в Знаменский монастырь из Киева архимандрит отец Илья. — Декабря 25 с 1 часу, т.е. в полночь, до самого свету лил дождь.

1775. Мая 24 освящена церковь Апостоло-Андреевская. — Мая 14. С этого времени купцом может быть тот, у кого есть более 500 рублей. — Мая 20. Соль продаваема была по 35 коп. пуд. — Августа 5 заложена каменная церковь за валом во имя семи отроков Ефесских*. — Августа на 27 с полуночи пошел снег, а на 28 замерзли все лужи.

1776. Стали строить в Тобольске здания на каменном фундаменте. — Зачата каменная ограда у Благовещенской церкви. — Августа 5 освящена Завальная церковь Семи отроков. — Ноября 12 шел с полчася дождь.

1777. Февраля 12, с 3-го часу пополудни до самого вечера шел дождь. Февраля 28 в 6 часу пополудни шел дождь. — Марта 1 весь день шел дождь.

* В постройке этой церкви принимал особенное участие губернатор Д.И. Чичерин.

Тобольский кремль и одна из тайн его

В местном говоре имя «кремль», принадлежащее той части Тобольска, которая, заманив на свои красивые утесы назад тому более трех столетий письменного голову Данила Чулкова с горстью стрельцов, явилась местом заложения города, давным-давно уже забыто, и нынешние тоболяки, зная мало свое прошлое, словно совсем не признают у себя существования такой древности.

Но обновляя в памяти своих горожан прошлое Тобольского кремля — той тобольской красоты, с отнятием которой Тобольск походил бы на совсем убогого искалеченного старца, мы должны, однако ж, ознакомиться прежде с общей историей и значением старинных русских кремлей; это необходимо нам и для лучшей передачи той тайны этого кремля, которая составляет главную цель нашей заметки.

В более позднее историческое время многолюдные и важнейшие в стратегическом отношении русские города старинной Руси обносились не одним, а несколькими параллельными рядами укреплений, причем каждому укреплению давалось особое название: так, например, важнейшая центральная или внутренняя часть крепости называлась *днешним городом*, или *детинцем*, а впоследствии *кремлем*, или *кремником*; наружные же, периферические ограждения назывались *окольным городом*, *охабнем*, *городом кромным*, или *кромом*.

Слово «днешний» по объяснению филологов-архологов происходит от древнеславянского «дне» — внутри, внутренний, от древнерусского слова «дна» — матка (uterus), внутренность, а это в свою очередь от санскрит, dha — доить, питать, dhena — дойный, также сущ. питание, подкрепление. *Днешний* город в этом смысле означает центр,

важнейшую часть подкрепления. То же значение имел и *детинец*. Происхождение этого названия ставят в связь со словом «*дети*» (дитя), предполагая, что при осаде городов *детинец*, как внутренняя, наиболее безопасная часть укрепления, предназначался для охранения детей.

Появление в русских летописях впервые слова, «*кремль*» относится к 1331 году: по одной летописи «в лето 6839 месяца мая 3 был пожар в Москве, погорел город *Кремль*»; в других же летописных списках город этот называется *Кремник*. Многие думают, что *кремль* — слово татарское. Однако ж, трудно предположить, чтобы наши предки заменили родное слово «*детинец*» татарским названием. Предположение это подкрепляется более тем, что и сами татары в то время еще не строили у себя каменных укреплений. Благодаря этому о значении слова «*кремль*» возникла другая гипотеза. Стали думать, что татарское слово «*кремль*», крепость, наоборот, взято с русского языка. Что же касается того, что ранее 1331 г. оно не встречается в русских летописях, то это обстоятельство объясняется старой привычкою наших предков к названию *детинец*, как синониму *кремля*. По чисто филологическим толкованиям слово «*кремль*» сближается с церковнославянским *кремы*, *кремык*, твердый, жесткий камень, *кремень*. Один из исследователей прошлого славян Миклошич производит древнерусское *кромы* — ящик, цитадель и *кремль*. Другой исследователь Шимкевич по поводу этого слова говорит: «Можно полагать, что было слово «*кремый*», крепкий и что от него произошло название *кремня*, который, между обыкновенными камнями, отличается своею крепостью. Отсюда же слово «*кремль*», т.е. самая крепкая часть в городе. Оттого, по разности мест, говорили еще *крем* и *кремник*». Этому же мнения держался и наш историк Карамзин.

Таким образом, по приведенным толкованиям *кремлем* должна была называться каменная ограда или стены, сложенные из дикого камня, в отличие от рубленного, деревянного города или земляных валов.

Сооружение Тобольского кремля последовало спустя более столетия по основании Тобольска и относится ко времени пребывания в Сибири злополучного губернатора времен Петра I князя Матвея Петровича Гагарина, или точнее

к 1714—1716 гг. Строителями его были проживавшие тогда в Тобольске военнопленные шведы. Этот кремль, или вернее, массивные каменные стены окружали собою ту местность города, расположенную на двух возвышенных гористых мысах, которая занята в настоящее время зданиями присутственных мест, кафедрального собора, архиерейского дома, Никольской церкви, тюремного замка и сиропитательного заведения. Стены эти шли от берега Иртыша, начинаясь от громадного здания стоявшей там Приказной палаты в направлении от запада к востоку через все протяжение обоих мысов и круто поворачивая за зданиями архиерейского дома на север, тянулись вдоль Никольского взвоза, за подъемом которого, смыкаясь с зданиями гостиного двора, поворачивали в западную сторону и крутым берегом реки соединялись со своим начальным пунктом; на половине же занятого ими пространства последнее разделялось поперечною стеною на две почти одинаковые части. Стены были зубчатые, с бойницами и имели двои ворота, называвшиеся Троицкими и Воскресенскими; над спуском же в подгорную часть города, или над так называемым Прямым взвозом была сооружена массивная башня с тремя воротами, называвшимися Крепостными. В тех же стенах чрез известные промежутки возвышались круглые башни меньшего размера с фигурными куполообразными крышами и небольшими круглыми окнами.

К сожалению, знаменитые тобольские пожары, не щадившие ни города, ни кремля, не оставили в местных архивах никаких сведений о подробностях шведского сооружения. Благодаря этому мы не можем дать теперь точного описания внутренности кремля, а должны удовлетворять свое любопытство только тем, что оставил нам Миллер.

«Из нижнего города в верхний, — говорит историк в одной из своих рукописей, — всходят три дороги, которые называются взвозы. Первая и самая близкая именуется Прямой, Прямской, или Базарный взвоз, потому что он весьма прям и внизу под ним находится базар. Второй — Никольский, потому что над ним в верхнем городе из давних лет стояла церковь Николая Чудотворца, но понеже потом построена новая церковь во имя иное, то во имя Святителя и Чудотворца Николая, в память того придел по-

ставлен. Третий называется Казачий взвоз, потому что вверху одного судной двор тобольских казаков находился. С половины сего последнего взвоза пойдет на правую руку другой малый взвоз, который Малый Казачий взвоз называется. Первый взвоз весьма крут, чего ради с возами и на лошадях ездить по оному трудно. Второй несколько способнее, а третий из всех способнейший, чего ради по оному по большей части ездить и ходить.

По первому взвозу ходить наипаче в каменную крепость, которой одна сторона стоит почти на самом краю Иртышского берега, а другая к нижнему городу. Она положением своим с нижней стороны городу придает великолепное украшение. Сия крепость нерегулярна, п. ч. заложена она была по рассуждению обстоятельств тамошнего моста, но вместо бастионов и прочих, по правилам фортификационным бываемых укреплений по старинному обыкновению построены стрельницы или башни, которые стенам во украшение служат. С северной стороны к южной разделяется она поперешною стеною на две, почти равной величины, части, из которых в каждой, не считая небольших внутри и вне крепости стенных выступов, по 90 квадратных сажен содержится. Часть с западной стороны к Иртышу составляет подлинную крепость. Во второй, или в восточной части находится архиерейский дом с принадлежащими к тому покоями.

Каменная соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы одною половиною стоит в крепости, а другою в архиерейском доме с двумя приделами — святых апостолов Петра и Павла, Антония и Феодосия Печерских Чудотворцев. Вторая главная церковь Пресвятой и Живоначальной Троицы находится посреди крепости. Большой каменный дом о двух жильях стоит в ряд с крепостною стеною со стороны нижнего, а входят в него изнутри крепости. В верхнем жилье отправляются дела по губернской канцелярии, в нижнем — гарнизонная канцелярия, полицейская контора и рейтерея. Второй каменный дом находится при первом Прямом взвозе также рядом с городскою стеною, где губернские доходы, в мехах и других товарах состоящие, до отправления оных в Москву хранятся. Третий, который также в ряд со стеной на Иртыш для жительства губернаторов

построить надлежало, к окончанию еще не приведет, но в стене видны токмо полые места, которые на окна оставлены были. Между прочим, обретается в крепости еще следующее деревянное строение, а именно: дом под гауптвахтой или главным караулом, находящийся между канцелярией и Прямым взвозом, потом в ряд с городской стеною на берегу Иртыша находятся тюрьма, житной двор и сарай, в котором стоят ломовы пушки. Кроме ворот, от Прямого взвоза находятся еще в стене одне на Иртыш, а двои с сухого пути от первых ворот вниз на Иртыш, по которому берегу сделана деревянная лестница о 290 ступенях. А прочими двумя ходят в жилье верхнего города. В митропольский дом ходят двумя воротами: одне подле соборной церкви, над которыми находится каменная церковь Сергия Радонежского Чудотворца, и сей вход называется Святые ворота, а другие с сухого пути. Митропольские палаты, которые стоят посреди двора не в дальнем расстоянии от соборной церкви, о двух жильях и построены изрядно. При сих находится митропольская домовая церковь Четырехдесяти Мучеников. Высокий каменный дом, в котором отправляются епаршеские дела и притом же находится школа, стоит с сухого пути рядом со стеною подле других ворот. Сверх объявленного дома находится каменная острая башня. Прочие побочные строения также каменные, а именно: старая и новая ризница, дом, в котором учатся новокрещенные православному исповеданию веры, хлебня, погреб, устланный кирпичом, а над ним напогребница для сушения платья, два ледника деревянные, латинская школа, поварня, пивоварня, конюшня, баня, два амбара и притом еще несколько особливых покоев. Кроме сего вышеобъявленного, находится колодезь глубиною во столько сажен, во сколько вышина берега от поверхности Иртыша, також небольшой сад, который по тамошнему обыкновению весьма изрядно убран.

Каменный гостиный двор не в дальнем расстоянии позади архиерейского дома с сухого пути стоит лицом в крепость, и с взвозной стороны с углом его крепостная стена сомкнулась. Оный двор четвероугольный и в два яруса, длиною в 31 сажень, а шириною в 23. По углам находятся четыре круглые башни, а над воротами, которыми ходят из крепости на гостиный двор, стоит часовня. Лавки, как обык-

новенно, лицом стоят внутрь двора. В нижнем ярусе считается 35 лавок, а под ними 27 погребов, в верхнем — 32 лавки и притом 3 палатки с сенями, в которых находится таможня между гостиним двором и архиерейским домом.

«При заведении строения остался узкий проход, который потом покрыли лешадьё⁴² в сохранение амуниции и разных военных припасов для обретающегося в Тобольске гарнизону.

За крепостью в верхнем городе главнейшие церкви следующие, а именно: 1) церковь каменная Введения Пресвятой Богородицы с двумя приделами — Николая Чудотворца и Великомученика Димитрия, находящегося у Никольского взвозу, о которой уже упомянуто было; 2) Спаса Нерукотворенного образа с двумя приделами Пресвятой Богородицы всех скорбящих и святого Иоанна Предтечи, каменная же; 3) церковь деревянная святых апостолов Петра и Павла с приделом Нила Столбенского, а понеже она ветха, того ради ныне строится новая деревянная же; 4) Рождественский девичий монастырь, называемый по церкви Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, весь деревянный.

Прочие казенные строения находятся следующие, яко: губернаторский двор, который стоит подле крепости, и можно часть его видеть с Иртыша, а другую из нижнего города. Посольский двор, в котором прежде живали вице-губернаторы, а как за несколько лет перед сим определено оным в Тобольске не быть, то помянутый двор проезжим через Тобольск чужестранным послам для постою отводится. Острог, а в нем тюрьма и застенки. Другая тюрьма без острогу. Комисарский двор, учрежденный для сбора казенных доходов с деревень, находящихся в Тобольском дистрикте. Полковой двор обретающихся в Тобольске пехотных полков. Полковой казачий двор. Запасной двор. Канатный двор с принадлежащими к нему амбарами и с двумя пороховыми погребами.

Помянутые казенные строения, кроме пороховых погребов, стоят по разным местам между обывательскими дворами так, как и церкви. Места под оными находятся вниз по Иртышу на 250 сажен, а от Иртыша поперек до буерака, откуда течет Курдюмка на 350 сажен. За посадом, к полю от Иртыша до Курдюмки сделан земляной вал со рвом и притом поставлены рогатки. На помянутом валу находятся двои

ворота с поставленными на них небольшими редутами; первые ворота от Иртыша стоят на 50 сажен, а другие от первых на 150 сажен и от Курдюмки в таком же отстоянии».

Все строения Тобольского кремля были очень тонкой, искусной работы, из прочного кирпича, но от этих строений к нашим дням уцелела лишь одна, находящаяся теперь в полуразрушенном состоянии и закрытая для прохода по угрожающей от падения опасности, Шведская башня.

Куда же исчезло все остальное?

История исчезновения зданий Тобольского кремля тесно связана с теми разгромами, какие наносили старому Тобольску беспощадные пожары. Известно, что этими пожарами с лица земли стирались без остатка не только деревянные городские постройки, но и строения каменные. Можно бы думать, что старым тоболякам следовало уже научиться оберегать от разрушений хотя бы уцелевшую от пожаров старину, но, к сожалению, этой черты в общественной жизни наших предков незаметно. Благодаря этому некоторые из памятников прежнего каменного зодчества разбирались только по одной непрочности своих фундаментов. В числе таких памятников иногда уничтожались даже церкви, от которых не оставлялось не только камня на камне, но и следа, по которому бы теперь можно было знать хотя места, где существовала эта интересная старина.

Лучшим примером бесцеремонного отношения старых людей к таким памятникам прежнего каменного зодчества и полного отсутствия в соображениях их мысли о новом восстановлении разрушаемого могут служить подробности исчезновения шведских стен Тобольского кремля.

Со времени постройки этого массивного здания очень искусной фигурной работы прошло только около 130 лет. Не подлежит сомнению, что при прочности кирпича, употребленного на это сооружение, что подтверждает нам образец этого материала, сохранившийся до последних дней в остатках полуразрушенной теперь Шведской башни — шведские стены стояли бы без малейших признаков непрочности и до нашего времени, но их разломали. Задумав в начале сороковых годов настоящего столетия приступить к сооружению церкви в Загородной роще, тобольский преосвященный епископ Владимир, чтобы не тратить много денег на

заготовление кирпича для новой церкви, распорядился разобрать большую часть шведских стен и полученный, таким образом, кирпич перевезти в рошу. Разрешения на это от высшего правительства испрошено не было, и по донесению тогдашнего генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова за неправильные действия епископа Владимира Святейший Синод в указе 20 мая 1845 г. объявил ему строгий выговор, который и был будто бы причиной смерти его, вызванной апоплексическим ударом.

Время шло, и остатки Тобольского кремля от непогод и дождей мало-помалу все разрушались. Общую картину разрушения дополняло унылое состояние обгоревшего в большой пожар 1797 г. генерал-губернаторского дома. В воспоминаниях о тобольской жизни, известной Т.П. Пассек, между прочим, говорится, что «маленькие братья Вадим и Диомид Пассеки, иногда купаясь, выплывали к крутой горе, на которой стоял обгорелый дом бывших сибирских воевод, взлезали на гору, карабкались на окна и сквозь их железные решетки с любопытством рассматривали связки старинных ружей и сабель, или бросали камни в огромный барабан, обтянутый медью, и прислушивались, как он издает звук, похожий на стоны. Вслушиваясь в этот звук, Вадим думал о рассказах, как этот барабан своим страшным голосом сзывал дружину Ермака, заменяя вестовую пушку за недостатком пороха».

Из дальнейшей хроники разрушений Тобольского кремля мы знаем, что весной 1887 года рухнула одна из башен, уцелевшая от разрушения 1840-х годов, находившаяся в восточной стороне кремля к Никольскому взвозу. По распоряжению епархиального начальства башня эта была также окончательно разобрана, а кирпич продан. Та же участь постигла в весну 1888 года и остатки стены с бойницами, находившейся на той же восточной стороне кремля.

Но не касаясь более грустных подробностей по отношению к Тобольскому кремлю общего местного вандализма, мы посвятим остальную часть своей короткой заметки указанию на то, что до сего времени таится любопытного на месте этого кремля для современного археолога.

Существуют сведения, хотя и довольно отрывочные, что под кремлем находится подземный ход, начинавшийся буд-

то бы от бывшего прежде здания гостиного двора с разветвлениями к домам — архиерейскому и генерал-губернаторскому — и выходявший в одну из трех арок существующей и поныне Шведской башни над спуском с нагорной части города, или Прямым взвозом.

Здание не существующего уже ныне Тобольского гостиного двора было построено в 1703—1705 гг., стояло на южной стороне настоящей Соборной площади и представляло как бы преддверие кремля с северной стороны. Гостиный двор представлял в своем роде «подобие крепости» в миниатюре. По описанию летописца, он «обложен был квадратно: вдоль сажень на 50, поперек сажень на 40. На четырех углах того строения поставлены (были) круглые башни, а на двух стенах его как с восточной, так и с западной стороны, проезжие ворота доспеты; на западных воротах построена часовня, а на восточных палаты, в которых быть таможене назначено. Меж угольными башнями в стенах, которые на два апартамента подняты, в верхнем апартamente от часовни по полуденной стороне считается пятнадцать палат с наружными разборами, а по северную сторону в том же верхнем апартamente и также между часовнею и таможенею столько же пятнадцать палат, только без разборов. В нижнем апартamente от ворот западных и до восточных ворот по полуденную сторону восемнадцать, по северной — семнадцать палат, все с разборами. Да притом под каждой палатой построены такие же каменные, или лучше сказать, кирпичные погреба с такими же сводами. А дверьми и разборами все палаты устроены на внутреннюю сторону того строения».

Позднее, начиная с 1796—1798 гг., на месте гостиного двора учреждался артиллерийский арсенал. В это хранилище было собрано как по городам и уездам, так и в крепостях и форпостах, а частью и у частных лиц множество древних воинских принадлежностей. В числе таких принадлежностей, между многим другим, заключались и некоторые вещи от похода Ермака (кольчуги, пищажи и пр.). Но где все это теперь, мы не знаем. Некоторые из тоболяков недавно еще помнили, как из бывшего арсенала продавались с аукциона какие-то старые негодные орудия, как после того исчезали окружавшие арсенал чугунные солдаты в треугольных шляпах и обмундировке павловского времени, и как затем разламывалось само здание арсенала.

«Будучи в детстве, — писал покойный Н.А. Абрамов в статье своей «О старинных каменных строениях в Тобольске», — я слышал от стариков, что в некотором отделении нижнего этажа каменного гостиного двора от ветхости балок провалился пол, и под ним будто бы рабочие, исправляши его, видели в южной стороне железную дверь с очень большими крючьями, запертую тяжеловесным железным замком. На двери этой изображен во весь рост казак в синей форменной куртке, с пикою в руке, и будто бы за дверью был подземный ход в камеры с железными дверями. Выход из этого подземелья был в одну из каменных арок возле Прямого взвоза, поднявшись на него из-под горы, с правой стороны. Причем старики рассказывали мне некоторые сведения. Не ручаясь за верность этих сведений, не пишу об них».

Некоторое подтверждение приведенного предания о подземелье Тобольского кремля встречается и в малоизвестной теперь книге «Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйрие (Eyries) и украшенное гравюрами» (лрев. Е. Корша. Изд. А.С. Ширяева. Т. 1—6. Москва. 1839—1840. 8°), где в томе первом на странице 36 сделано такое замечание: «В Тобольске подъем на гору сделан между двух глубоко обрытых валов, которые соединяются вверху каменными воротами (арками). Боковые тропинки ведут к глубоким пещерам, которые заперты теперь железными решетками».

Тому же Н.А. Абрамову тобольские старики рассказывали, что эти две по сторонам арки в конце прошлого или в начале настоящего столетия засыпаны землею в отвращение будто бы того, что там, в глубине, скрывались воры, которые шедших ночью по Прямокому взвозу людей грабили. «Слышал я также от стариков тобольских, — писал тот же Абрамов, — будто бы из прежде бывшего губернаторского дома, на месте которого в 1780-х годах построен наместнический двор (что ныне присутственные места), был подземный ход в подземелье здания гостиного каменного двора».

Не хочется думать, чтоб эта тайна Тобольского кремля веками веков оставалась тайной.

**О хлебной торговле Тобольска
в 1744 голу
(По бумагам Полицмейстерской конторы)**

**I. Указ Сибирской губернской канцелярии
Тобольской полицмейстерской конторе
от 11 сентября 1744 г. № 11332
об уменьшении цен на хлебные припасы**

Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую полицмейстерскую контору капитану Ивану Новоселову. Понеже по объявленным из Тобольской таможни справкам показано: *в-первой*, что-де в летнее сего 744 году время в приплаве в Тобольск в барках, в дощаниках и на плотках хлебного припасу по досмотру от той таможни явилось муки ржаной 71046 пуд, муки пшенишной — 6477 пуд с полупудом, ржи — 9863 четверти московских, а по сказкам-де от мелочных целовальников оные хлебные припасы в продаже были в генваре, в феврале, марте и апреле месяцах настоящей ценою, а в мае, июне, июле и в августе весьма дорогою ценою, а *во второй*, показано ж по данным-де в реченную таможню из разных таможен выписях вышеявленному хлебному припасу показана цена, а имянно: мука ржаная по 5 и по 6 коп. пуд, рожь — по 40 коп. четверть и против объявленной цены чинится здесь продажа вышеписанному хлебному припасу ценою вдвое и свыше. Того ради в пресечение всех чинимых не порядков в силу губернаторской и полицмейстерской инструкции сего сентября 3 дня, по определению Сибирской губернской канцелярии для описи имеющихся в Тобольске в анбарах, в баржах и дощаниках хлебных припасов послан был сибирского гарнизона порутчик Ми-

хайло Редриков, и велено ему, Редрикову, объявленные хлебные припасы все, что есть, кои в продажу употребляются, описать и запечатать и до указу оной в продажу употреблять запретить, в чем тех хозяев обязать крепкими подписками, и сколько тех хлебных припасов у кого по описи явится, о том ему, Редрикову, в Сибирскую губернскую канцелярию подать ведомость в самой крайней скорости, и чтоб он в той описи показал имянно, у кого что тех припасов, имянно и те хозяева каких чинов люди, и по чем они ныне те хлебные припасы продают ценою, и ту опись подать ему, Редрикову, конечно, сентября 4 числа неотменно. А сего сентября 7 дня, в Сибирскую губернскую канцелярию при доношении вышеозначенный порутчик Редриков объявил ведомость, по которой у разных чинов людей хлебных припасов явилось, а имянно: муки ржаной 4030 пуд, муки ж пшенишной — 1065 пуд, ржи — 365 четвертей, а оные-де припасы в продажу употребляются разных чинов людям: мука ржаная по 13 коп. пуд, мука же пшенишная неравно — по 18 и по 20 коп. пуд, рож — по 64 и 72 коп. четверть. И тако по обстоятельству сего, следовательно, оказалось, что вышеобъявленные в продаже хлебных припасов непорядки происходят не от иного чего, точно от несмотрения Тобольской полицеместерской конторы. А понеже в губернаторской инструкции в 45 главе напечатано: понеже меру и вес содержать велено везде в лавках орленые, и того ради велеть ратуше смотреть и хранить с прилежанием, дабы была мера и вес по указу верные и равные, за орлом, а в незаорленые ничего бы не продавали, и в лавках, кроме орленых и равных, иных никаких не держали, также бы и цену хлебным и съестным товарам не возвышали, а ежели где по усмотрению явятся незаорленые или фальшивые вес и мера, таковых наказывать и штрафовать по указам управителем по важности тех товаров, которые на тот фальшивый вес продавать будут. Да в инструкции ж полицеместерской, в 24 пункте, написано: в указе-де прошлого, 725 году, генваря 16 дня, между прочим, напечатано: велено купецким и всякого чина людям, перекупщикам всякого хлеба, рогатой скотины и живности, рыбы, капусты и прочих всяких съестных мелочных припасов, которые обыкновенно привозят из тамошних ближних мест и продаются на рынках возами повседневно, отъезжая в уезды и на доро-

гах, кроме указных мест, у самих продавцов оных не перекупать и вязок, собрався компаниями не чинить, и согласия, как перекупщиком с продавцами, так и продавцом с перекупщиками, заранее к повышению цен не иметь, а тем продавцом и промышленником самим привозить на рынки и в другие указные места, где есть и впредь показаны будут, а сено — на сенную площадку, а в тех указных местах ставится им, продавцам, распорядочно линиями, а рыбе, которую обыкновенно привозится от промышленников в лодках и зимою возами, ставится при рыбных садках и в рядах, где от полиции, по сообщению с ратушею, показано будет, а продавать им выше означенное, как хлеб, так и прочее все, как вышепоказано, настоящею ценою, тамошним обывателем для их нужд до полудни, которым бы обывателем можно ниже перекупщиков цен удовольствоваться, а в лавки и перекупщиком до полудни отнюдь не перекупать, а после полудни в покупке вышеписанного на рынках дается воля всем невозбранно, чтоб приезжим людям в том простою не было, а буде оные перекупщики и промышленники в вышеозначенные неуказные часы покупать и с продавцами согласие и связки иметь будут, и у таких по поимке их взято будет все то, что купил, из которого половину на гошпиталь, а другая половина отдана будет доносителю, а буде же они еще того не купили, а учиня помешательство в том торгу купцам, которые будут покупать для своих домовых нужд, то таким помешателям учинено будет на рынках наказание: бить будут морскими кошками, смотря по вине, а сено, которое куплено будет от перекупщиков после тех указных часов для продажи врознь, складывать на сенных площадях и в полях для опасности от пожарных случаев, далее от жилья, и о том о всем публиковать в народе, чтоб в том городе обыватели и купецкие люди, покупщики и маркитанты ведали и чинили по вышеписанному непременно под такими штрафы, как и выше изображено, без всякого послабления; того ради, ежели в таковых продерзостях кто явится, таковых имать и, допрашивая, для учинения указау отсылать в ратушу, а самому полицеместеру не штрафовать. Того ради в пресечение всех тех чинимых непорядков в силу вышеупомянутой губернаторской и полицеместерской инструкции по указу Ее Императорского Величества в Сибирской губернской канце-

лярии по довольном рассуждении *определено*: в Тобольскую полицеместерскую кантору и вам, капитану Новоселову, послать сей Ее Императорского Величества указ с реплемантом, что вы, капитан Новоселов, не токмо в смотреии, чтоб хлебные и съестные припасы продаваны были порядочно, так как в инструкции полицеместерской имянно изображено настоящею ценою, без накладки, но и в прочем во всем, что по должности вашей чинить надлежит, поступаешь слабо и нерадетельно, не по силе упомянутой полицеместерской инструкции и Ее Императорского Величества указов. Того ради дабы вы, капитан Новоселов, оставя всю ту свою оплошность и нерадение, в должности своей поступали по силе Ее Императорского Величества указов и полицеместерской инструкции во всем непременно: если же впредь Сибирская губернская канцелярия таковые ж ваши непорядки усмотрит, то вы, яко неисполнитель Высочайших Ее Императорского Величества указов, всеконечно штрафован будете по государственным правам без всякого помилования. А вышеобъявленные описные порутчиком Редриковым хлебные припасы велеть вам, капитану Новоселову, распечатать и приказать тем хозяевам оные припасы продавать, а имянно: муку ржаную по 9 коп. пуд, муку пшенишную — по 15 коп. пуд, рожь — по 50 коп. четверть, от чего оным продавцам убытка никакого, а народу тягости не будет, ибо, как в справке из Тобольской таможни показано, что те хлебные припасы покупали они весьма низкою ценою, и для того, у кого по описи вышеобъявленного порутчика Редрикова хлебные припасы явились, о том по данной от одного порутчика Редрикова ведомости сообщена при сем указе точная копия. И в Тобольской полицеместерской канторе капитану Новоселову чинить о вышеписанном по сему Ее Императорского Величества указу. *Алексей Сухарев. Секретарь Алексей Соколов. За протоколиста Сергей Безсонов.*

II. Переписка Тобольских полицмейстерской канторы и таможни о ходе хлебной торговли

Из Тобольской таможни в Тобольскую полицеместерскую кантору потребно известие: сего 744 году в разных месяцах и числах коликое число в приплаве в Тобольск в до-

щаниках, барках и на плотях было хлебного припасу из разных городов и дистриктов, и по каким ценам оные хлебные припасы со всеми расходами в Тобольск в приплавле стали; тако ж и в прошедшем месяце, по каким ценам в продажу употреблялись, и из оных хлебных припасов колкое число в отпусках из оной таможни в разные места по выписям отпускано, о том подписать имянно. Сентября 17-го дня 1744 года. *Капитан Иван Новоселов.*

На сие требование от Тобольской таможни ответствие. По справке в Тобольской таможне сего 744 году в записной таможенной досмотренной книге показано: в приплавле в Тобольск по разным слободским выписям в барках, в дощаниках и на плотях хлебного припасу, которого и по досмотру от Тобольской таможни явилось, а имянно: муки ржаной 71046 пуд, муки пшеничной 6477 пуд с полупудом, ржи — 9863 четверти московских, а в разных слободских выписях означенным хлебным припасам показана цена: муке ржаной по 5, по 6, по $6V_2$ по 7 и по 8 коп. пуд; муке пшенишной — по 8, по 10, по 11 и по 12 коп. пуд, рже — по 25, по 30, по 35, по $37\frac{1}{2}$, по 40, по 45, по 50 и по 75 коп. четверть, а со всеми расходы до Тобольска, по чем оной хлеб им, крестьянам, становится, о том от Тобольской таможни показать не из чего, понеже о дорожных издержках в Тобольской таможне неизвестно. А в Тобольску во время их прибытия хлебной запас употреблялся в продажу, о котором показано сказками целовальническими, а именно: в мае мука ржаная по 10 и по 11, мука пшенишная добрая — по 20, средняя — по 16 и по 18, плохая — по 14 и по 15 коп. пуд; рожь — по 55, по 60 и по 74 коп. четверть; в июне мука ржаная по 9 и по 10, мука пшенишная добрая — по 17 и по 20, средняя — по 15, по 16 и по 17, плохая — по 13 и по 14 коп. пуд; рожь — по 52 и по 60 коп. четверть; в июле мука ржаная по 10 и по 11, мука пшенишная добрая — по 18 и по 20, средняя — по 15 и по 18, плохая — по 12 и по 15 коп. пуд; рожь — по 60 и по 64 коп. четверть, и с вышепомянутой продажной цены против слободской оценки надлежащий приценок во взятие пошлин в Тобольской таможне взыскивай и в приход записан без упущения. А из Тобольска оного хлебного припасу в отпуску по разным выписям до Демьянского и Самаровского ямов до Оби-реки,

до Березова и до Сургута, а имянно: муки ржаной 17878 пуд, муки пшенишной 357 пуд, ржи 3144 четверти московских. *Бурмистр Иван Осколков. Ларешной Петр Глазунов. Канцелярист Иван Перлов.*

**III. Указ Сибирской губернской канцелярии
Тобольской полицмейстерской канторе
от 26 сентября 1744 года № 11825 об описи,
секвестре и продаже хлебных припасов
от полиции**

Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской из Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую полицместерскую кантору капитану Новоселову. Сего сентября 21 дня, от Сибирской губернской канцелярии доношением вы, капитан, требовали Ее Императорского Величества указу, не соблаговолено ли-де будет ныне вновь у тобольских разных чинов обывателей хлебные припасы переписать, понеже-де ныне по объявлениям от купцов имеется у многих разных чинов людей хлебных припасов, сверх переписи порутчика Редрикова, немалое число, а ежели-де по переписи оных хлебных припасов оные хозяева продавать не будут, то б те анбары разломать и те припасы продавать. И по Ее Императорского Величества указу в Сибирской губернской канцелярии *определено*: в Тобольскую полицместерскую кантору и вам, капитану Новоселову, послав сей Ее Императорского Величества указ, велеть явлыниися в Тобольску, у тобольских разных чинов людей, сверх описи порутчика Редрикова, хлебные припасы все, без остатку, переписать и тем хозяевам приказать продавать указною ценою безотговорочно. Ежели же оные хозяева анбаров своих отпирать и хлебных припасов упрямством своим продавать не будут, то оные анбары велеть от Полицместерской канторы разломав, продавать, а с теми людьми за ослушание их поступать по силе Ее Императорского Величества указов неотменно и во всем в том поступать вам, капитану Новоселову, по прежде посланному к вам, капитану Новоселову, из Сибирской губернской канцелярии Ее Императорского Величества указу и по данной вам инструкции во всем непременно. И капитану Новоселову чинить в том по сему Ее Император-

ского Величества указу и по данной вам инструкции во всем непременно. *Алексей Сухарев. Секретарь Алексей Соколов. За протоколиста Сергей Безсонов.*

**IV. Донесение тобольского полицмейстера
Сибирской губернской канцелярии от 28 сентября
1744 года об упрямстве и насилии тоболяков
при требовании полициею
продажи хлебных припасов**

В указе Ее Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии, писанном сентября 26, а в Тобольской полицмейстерской канторе полученном того ж числа сего 744 года под № 11825, написано о переписи являвшихся в Тобольску, у тобольских разных чинов людей, сверх описи порутчика Редрикова, хлебных припасов и о продаже указною ценою безотговорочно; ежели же оные хозяева анбаров своих отпирать и хлебных припасов упрямством своим продавать не будут, то оные анбары велено от Полицеместерской канторы разломав, продавать, а с теми людьми за послушание их поступать по силе Ее Императорского Величества указов неотменно. А сего же сентября, 27 дня, определенный при Тобольской полицеместерской канторе пехотного батальона капрал за сержанта Ефтифей Филимонов во оной канторе объявил, что по силе-де присланного Ее Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии указу и по данному ему, Филимонову, наказу посылай он был со определенным от тобольского купечества и от оной полиции андерманом Матвеем Зелениным для отпору у тобольских разных чинов людей анбаров с хлебными припасы, которых анбаров оные люди, сверх публикованных указов, упрямством своим не отпирают, который андерман Матвей Зеленин, пришед в Тобольскую ратушу, и стал говорить тобольским купцам Ивану Налабардину и Авраму Сумкину, чтоб они имеющиеся свои с хлебом анбары отперли и тот хлеб продали указною ценою, за которые ево, Зеленина, слова оной Налабардин посадил его, Зеленина, в цепь. Того ради Сибирской губернской канцелярии сим объявляю и покорно прошу, чтоб указом Ее Императорского Величества повелено было оных послушников, ко-

торые имеющихся своих анбаров с хлебными припасы, а имянно Ивана Налабардина и Аврама Сумкина, сыскать и допросить, а оного андермана с Тобольской ратуши из-под караула освободить. *Капитан Иван Новоселов.*

**У. Два уцелевших документа
из заключительной переписки
о продаже хлебных припасов от полиции**

1) 1744 году, октября 24 дня. Из Тобольской полицмейстерской канторы отдано денег 16 руб. 44 коп., которые взяты за продажной хлеб Новосуерской слободы крестьянина Ивана Григорьева, сына Долгих, тобольскому посадскому человеку Семену Бронникову, понеже оной хлеб от него, Долгих, приказан был оному Бронникову. *Подпись Бронникова.*

2) 1744 году, ноября, 29 дня. Из Тобольской полицмейстерской канторы отдано денег 38 руб. 85 коп., которые взяты за продажной хлеб Ялуторовского дистрикта Устьсуерской слободы крестьянина Гаврила Косачева, которой был положен в анбаре у дворянина Василья Сыромятникова, а ныне достальные имеющиеся у него хлебные припасы продавать будет по указной цене, а ежели продавать не будет, то повинен по силе указов наижесточайшего штрафа, в том он, Косачев, и подписался, а цен на те припасы накладывать не будет. *Подпись Косачева.*

Тревога в Сургуте в 1745 г.

Из уцелевших от пожаров бумаг

Тобольской полицмейстерской конторы

Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую полицмейстерскую контору. Сего июля 4 дня, в присланных в Сибирскую губернскую канцелярию доношениях написано, а именно: в *первом* — от отправленных из Тобольска до Енисейска на двух дощаниках со ссыльными колодники капитана Хрушкова и порутчика Белянина. Его-де 745 году, июня, против 15 дня, будучи в пути от города Сургута, вверх по Оби-реке, отшел от Богоявленского села верстах в 15, а от помянутого города Сургута всего будет, например, во 100 в 15, по разное парусной погодой из протоки дощаники — один на правую, а другой по левую стороны — весьма в обширном месте в ночное время на судне капитана Хрушкова из арестантов воры и разбойники при посылке на бечеву, совокупясь 50 человек, разбоем, сильною рукою напали перво на часовых и тех часовых побросали в воду (однако ж после сами из воды вытаскали), а на его, капитана, и на протчих конвойных напали ж сильно и всех, бив смертельно, перевязали; солдат и казаков побросали в нос, его, капитана, бросили ж в дощаник и, связана, били всяким орудием. А при воровском своем от судна отвале били его, капитана, батоги смертельно и имеющееся у него, капитана, и у всех конвойных ружье и амуницию, порох и свинец, и у всех того дощаника конвойных собственные пожитки и деньги, обувь и одежду, печеные хлебы и харчевые припасы увезли с собой без остатку и оставили в одних рубашках, в том числе его, капитана, и без портков. Да при том же своем воровском разбойническом отвале дощаничные снасти обрубали, да увезли ж казенную лодку, два топора, кулей рогожных 10. А по прибытии их обратно в Богояв-

ленский погост уведомились, что тот погост весь разбили и разграбили все без остатку, да при том же воровском своем разбое, упоминая разорить и город Сургут — «мы-де и не эдаки города разбивали», — о чем-де от него, по уезде тех воров, тот же момент в город Сургут посланы с письменным известием на легкой лодке сорами и посторонними протоками два человека. Того ради оные капитан Хрушков и порутчик Белянин просили, дабы указом повелено было одного разграбленного дощаника вместо отбитого ружья и амуниции, пороху и свинцу, портупей и шпаг, тако ж и изрубленных судовых снастей, дву топоров и лодку прислать из Тобольска, или где повелено будет отпустить из городов; да для крепкой предосторожности прибавить конвою на каждое судно по рассмотрению Сибирской губернской канцелярии, дабы от оставших арестантов на малолюдный и безружейный конвой паки не воспоследовало (от чего Боже сохрани) какого бунту, а у кого какое казенное ружье и амуницию, порох и свинец, тако ж и собственные какие пожитки грабительски увезли и кто те воры бежали, тому сообщен при том доношении реестр. Во *втором* — из Сургутской воеводской канцелярии: сего-де 745 году, июня 5 дня, в Сургутскую воеводскую канцелярию следующий из Тобольска на дощанике порутчик Белянин ведением объявил: из посланных-де с ним арестантов бежали 14 человек. И потому его, порутчику Белянина, ведению о сыску тех арестантов в городе Сургуте во всенародное известие опубликовано и в пристойном месте выставлен публичный указ, в котором объявлено: ежели где оные беглецы явятся, таковых ловить и объявлять в Сургутскую воеводскую канцелярию без замедления; также и в Войсковую контору и сотнику Торопченинову с товарищи послан указ же, по которому велено предписанных беглецов сыскивать всякими сыски накрепко, и для того сыску командировать им на каждую ночь вкруг города ходить с ружьем из сургутских служилых людей человек по 10 и более, а буде по сыску явятся, то их, имая, объявлять в Сургутскую воеводскую канцелярию немедленно. И того ж июня, 9-го дня, в Сургутскую канцелярию в репорте сургутских казаков от пятидесятника Ильи Кайдалова объявлено: того-де июня 9 дня, по силе указу из Сургутской воеводской канцелярии командированы-де от них в обхождение вкруг города Сургута в ночное время для сыску ушедших с дощани-

ка от порутчика Беянина ссыльных колодников 14 человек сургутские казаки Петр Кушников и Иван Кляпиков с товарищи, всего 5 человек, с ружьем, которые вокруг города Сургута и ходили. И во обхождении-де в той ночи, на утренней заре шли вкруг города по пашне и увидели, что идет-де из города, от скотского пригону сургутского казака Якова Тверитинова незнаемый человек в лес, за которым-де они и побежали и, сбежавши в лес, увидели ж и других, более 10 человек, которые-де от них и побежали в лес же и уронили сделанное из дерева копье, обожженное огнем, да березовую дубину и худые портки; и за теми-де людьми гнались они бором, токмо-де достичь не могли. И по тому его, Кайдалова, репорту, того ж числа собраны были все сургутские служилые, отставные и казачьи дети с ружьем, у кого какое имеется, и для сыску вышеписанных беглецов ходили около города Сургута в бор, с которою командою ходил воевода, обще со обретающимся в городе Сургуте у свидетельства мужска полу душ капитаном Булатовым, сыскивая те беглецы всякими сыски накрепко, токмо сыскать их не могли. И того ж числа, пополудни в третьем часу, в репорте от него ж, пятидесятника Кайдалова, объявлено: ниже-де города Сургута, верст с 5, на здешней стороне Оби загорелся бор, а кто-де его зажег — неизвестно, и того ж де часа, приехав в город Сургут из Пядской волости, ясачный остяк Никита Еичин объявил, что-де встретил он от того зажженного бору плывут незнакомые люди утоплю⁴³ протокою на плоту, сделанном из бревен, человек с 10, или более вниз к Оби-реке, которая протока ниже города Сургута в 10 верстах, за которыми беглецами посланы были в погоню показанный пятидесятник Кайдалов и с ним сургутских служилых людей человек с 20 на легких лодках, и он, пятидесятник и служилые люди за теми беглецами и гонялись вниз по Оби верст с 30, токмо найти их нигде не могли. А июня-де 17 дня, поутру, поехал он, воевода Ерабкин, с людьми своими и денщиками выше города Сургута по Оби-реке на остров для рыбной ловли и имел при себе для птичьей стрельбы два ружья. И как он был на том острове, гребли сверх Оби на пяти лодках, в том же числе на двух лодках по два флага выбойчатые, незнаемо какие люди, человек с 50, из них в красных многи плащах и в немалом убранстве и со многим огненным ружьем и с луками. И увидя их на том острове,

погребли к берегу и стали по им стрелять из ружей и отбили их от лодок, и выскочили на берег с ружьем и с обнаженными палашами, и бросились на них, учили как его, воеводу Ерабкина, так и людей его, бить, с которыми они за малолюдством и за неимением ружья противиться никак не могли, к тому же не ведали таких злодеев и от них нечаянного нападения. Такого разбою, как Сибирь зачалась, не бывало. Ружья его лежали на лодке, и как его, воеводу, били и говорили: «ты то-де нам и надобен, нам-де про вас сказали вверху рыбаки, что-де ты здесь на острове», а о себе ж сказали, что-де «мы ссыльные колодники с судна от капитана Хрушкова и то-де судно разбили и его, капитана, убили и у солдат ружье и палаши отняли и, поехав от того судна, разбили ж купецкий дощаник и видите-де на нас какое платье», на которых надето на всех купеческое платье: богатого сукна кафтаны голевые и разных парчей камзолы, и штаны, и подпоясаны, также чрез плеча перевязаны разных цветов шелковыми парчами. И оные злодеи и разбойники говорили, что-де «за ними с судна от поручика Белянина сряжаются бежать человек 70». И бив его и людей, положили, стали над ними с ружьями, с обнаженными палашами и штыками, а его, воеводу, посадили и хотели расстреливать. И из них же артели человек с 6 или более, видя его, незаконно погибающа, стали свою братью разговаривать, чтоб его напрасно не губили и между тем много было у них прени, а протчие говорили: «За то-де его надо убить, что-де он отданных наших товарищей шесть человек от порутчика Белянина держал в крепких закрепках и послал в Тобольск; к тому же-де он нашу братью беглых колодников сыскивает и посылает в партии, в погони и высылки». Токмо едва склонились, чтоб его, воеводу, оставить жива и держали его на том острове часа три или четыре. Взяв у него вышеписанные две фузеи и лядунку⁴⁴, и мешочек кожаный с дробью и оставя его на том острове, погребли на тех же лодках вниз по Оби-реке к городу Сургуту, и как стали погребать мимо города, то за оными разбойники капитан Булатов с своей командой и сургутские обыватели бросились в лодки, чтоб их переловить, токмо оные воры и разбойники от них побежали. И гнались за ними вниз по Оби верст с 15, но токмо наститчи их не могли. А как они, воры, от него, воеводы Ерабкина, отъехали, то он сел в свои лодки и поехал в город, и как они

ехали мимо города — не застал. И у тех злодеев огненного ружья более 25 ружей и как их держали на острове, пальба у них была беспрестанная, и говорили, что- де «у нас взятого с дощаников от капитана Хрушкова и от купцов пороху и свинцу довольно». И при отъезде с острова снесли на берег из ограбленных купецких пожитков зеленого сукна аршин с 5 да свабшского полотна аршин с 10, чайник зеленой меди, крест серебряный на цепочке, а собственный его, воеводы, крест золотой сняли и бросили им и, пришед, сказали — «вот-де ему, воеводе, за терпенье»; тако ж и сметали с лодок мелочи несколько и сказали ж: «Вот-де людям твоим за терпенье», которое сукно и протчее все взяв, привезли в город, а к порутчику Белянину о намерении уйти с судна его ссыльных арестантов послано известие того ж часа. И того ж 17 июня от следующего из Тобольска на дощанике за ссыльными арестанты капитана Хрушкова получено известие, в котором написано: сего-де 745 году, июня 15 дня, команды его на дощанике присыльные арестанты, воры и разбойники поутру, посылке на бечеву караульными солдаты, от погосту Богоявленского в расстоянии, например, в 15 верстах, который погост выше города Сургута во 100 верстах, разбоем в 50 человеках напали безвременно сильною рукою, часовых с дощаника побросали в воду и потом как у тех часовых, так и у караульных солдат, ружье и амуницию, порох и свинец, шпаги и протчее отбили все без остатку, также и казенные лодки, и топор, к тому же и несколько печеных хлебов, сухарей, круп и соли пограбили ж, и прочий шкарб, и деньги и на лодках бежали. И в вышереченном Богоявленском приходе будучи, оные воры, по известию их, пограбили ж все без остатку и как-де будучи оные воры на тех дощаниках учинили разбой, и при битии как его, капитана, так и солдат, упоминали оные воры, что хотят город Сургут разорить и ограбить. Того-де ради дабы в городе Сургуте от тех воров быть во всякой опасности, чтоб граду и обывателям (от чего Боже сохрани) не учинили и паки разоренья, грабительства и протчего, а порутчик Белянин своим дощаником вверх уплыл по левой стороне Оби, а его-де, капитана, отшибло ветром на правую сторону Оби; тако ж де которые имеются при Сургуте купцы из Тобольска, чтоб были во всякой осторожности и у которых имеется ружье, чтоб было заправлено, а с товарами из доща-

ников для охранения как можно убрались. И того ж числа в вечеру, в первом часу ночи, прибыли в Сургут на дощанике сверх Оби, шедшие прежде мимо Сургута из Тобольска в низовые сибирские города купецкие люди, а именно: города Яренска Иван Серебренников, города Тулы Федор Юдин, города Тюмени Петр Зубарев, тюменского посадского Михаила Русинова работник его Степан Накаряков, тобольского купца Ивана Осколкова прикащик его Устюжанин Федор Суковатицын, тобольский посадский Афанасий Маремьянин, тобольский посадский же Сава Пленин с тайного действительного советника Демидова Невьянского его заводу житель Филат Самойлов, иркутского купца Алексея Братина работник его Максим Бобылев, тобольский посадский Иван Чювашев, города Яренска посадский Яков Тырин и по прибытии в Сургутской воеводской канцелярии доношением объявили: июня-де 15 дня, в вечеру, не дошед они Сургутского уезду до Богоявленского погосту верст за 10, который-де погост выше города Сургута в 100 верстах, шли завозом и внезапно-де к дощанику их наплыли сверх Оби неизвестные люди на пяти лодках, человек с 60, и, приплыв к дощанику, выпалили по ним из огненного ружья, также и из луков и от той пальбы ранили тюменского купца Петра Зубарева в правую руку, в завет, да одного из работников города Яренска жителя Матфея Елушакова убили до смерти, который привезен в Сургут и погребен. И потом скочили все на судно и били всех как купецких, так и работных людей шпагами и ефесами смертно, от которых-де побои имеют они многие язвы, и арестовали всех, и многих из них, связав, на дощанике поклали, а других выгнали на берег и содержали всех под своим караулом. И притом им сказались, что-де они утекшие с дощаника капитана Хрушкова ссыльные колодники и, вошедши в судно, у кого сколько имелось денег и из товару и платья ограбили, а именно: денег более 5000 рублей, также и товару тысячи на 3, огненного ружья 6 ружин, пороху 25 фунтов да свинцу пуда с 3, а у кого именно и по сколько числу денег, товару и платья, тому сообщили они вышеписанные купцы в Сургутскую воеводскую канцелярию за руками реестр. А по грабеже оные деньги и товары положили в свои лодки, также взяли и у них от дощаника две лодки и увезли с собою вниз по Оби. И при отъезде от судна оные воры им, купцам, говорили: «По-

едем-де мы в город Сургут и тот-де город Сургут разорим и воеводу с собою увезем; токмо-де нам Сургут не дорог, дорог-де нам воевода». А вставшее от показанных разбойников на острову и привезенное в город Сургут сукно зеленое, полотно, чайник, крест и протчая мелочь отданы им, купцам, по прибытии их в Сургут того ж числа по реестру с распискою. И о вышеписанном-де Сургутская воеводская канцелярия представляет, что в Сургуте имеет немалое опасение от таких воров и государственных злодеев, как оные совокупятся и с прежде ушедшими 14 человеками и тако ж (и от чего Боже сохрани) и от намеренных уйти с судна от порутчика Белянина 70 человек, чтоб не разорили городу до основания, понеже-де в том городе пороху не имеется и полуфунта, а пушек — ни одной пушки, но токмо имеются горелые и негодные три затинные пищали⁴⁵, а у служилых ружей, действительных к стрельбе, не имеется ни у десяти человек. Того ради Сургутская воеводская канцелярия требовала для охранения города от таких злодеев пороху и пушек, тако ж и конвою, понеже-де оные утекшие разбойники в немалом числе огненного ружья и многолюдстве и ежели (от чего Боже сохрани) учинят на город нападение, то, кроме стрел, обороняться нечем, и та защита против огненного ружья недействительна. И ныне-де в Сургуте от таких злодеев почти в осаде как день, так и ночь, не имеют покоя, и завсегда служилые люди стоят по бекетам, к тому же и служилых тех при городе малолюдство, многие из них в разных командировках и более имеют опасение, чтоб не зажгли города и в том зажжении не учинили какого нападения. В *третьем* — из Самаровской управительной канцелярии: июня-де 19 дня сего 745 году Самаровского яму ямщик Петр Спиридонов извещал словесно: бежало-де ссыльных каторжных 66 человек и едут-де они в Самаровский ям в 6 лодках; июня-де 25 дня, Самаровского присутствия Белогорской волости ясачные остяки про сих беглых каторжных сказали, что-де проехали они вниз по Оби к городу Березову. И ради того сего ж июля 4 дня, по указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии велено: в Тобольскую полицместерскую контору послать сей Ее Императорского Величества указ и велеть вышеявленных воров и разбойников всякими сыски везде сыскивать накрепко, и в том прилагать крайнее старание, дабы оные

воры и грабители всемерно были переловлены в самой крайней скорости. И в той поимке, и во искоренении оных воров и разбойников поступать так, как губернаторская инструкция 728 года и опубликованные Ее Императорского Величества печатные указы прошлого 744 году, сентября 8 дня и печатная ж инструкция, состоявшаяся и напечатанная в Правительствующем Сенате августа 28 числа и посланный из Сибирской губернской канцелярии ноября 1 числа того ж 744 году указ повелевают во всем неотменно, и как такие воры и разбойники пойманы будут, о них объявить в Сибирскую губернскую канцелярию за караулом в самой скорости. А для сыску и поимки, и искоренения оных воров и разбойников командирован из Тобольска Сибирского гарнизона секунд-майор Томилов с командою, с ружьем и амунициею, и дано им каждому человеку по 50 патронов, пули и картечи, и с ними послано из Тобольского цехауза 5 пушечек малых, разнокалиберных, чугунных на станках с порохом и с ядрами, и велено им на объявленных лодках следовать до Самаровского яму, а прибыв в тот ям, взять от управителя Суздальцева за его рукою письменное известие и чрез обывателей накрепко наведываться, где вышеявленные воры и разбойники, и по которым рекам имеют около ли города Сургута, или подлинно проехали к Березову, и наведався о том подлинно и достоверно, следовать за теми ворами и разбойниками со всею командою своею в те места того ж числа и всякими мерами стараться накрепко, и наведываться о тех ворах и разбойниках, и чинить за ними поиски, и как возможно, всех переловить, а в случае противления их стрелять по ним из ружья. И ежели при поимке оных воров и разбойников найдено будет пограбленное ими, ворами, ружье, порох и свинец, и амуниция, также деньги и товары, и протчие всякие вещи, и платье, все ему, майору, переписать и перепечатать, и сколько им воров и разбойников будет поймано за крепким и осторожным караулом, оковав их в крепкие кандалы или деревянные смыки, и с тем, что найдено у них будет, привезть в Тобольск и объявить в Сибирской губернской канцелярии. А в Сургутскую и Березовскую воеводские канцелярии посланы Ее Императорского Величества указы, и велено оным канцеляриям от вышеявленных воров и разбойников иметь как в городах, так и во всех уездах крепкую осторожность, и за сими ворами, где об

них уведают, чинить всевозможные поиски и как возможно старание иметь; ясачным инородцам накрепко приказывать, что их, воров и разбойников, всех переловить, и сколько когда будет переловлено, взять их за крепкий караул, и что при них найдено будет пограбленного, под крепким и осторожным караулом прислать в Сибирскую канцелярию. И для того означенные отправленные из Тобольска пушки, порох и ядра впредь до указа иметь в Сургуте. И Тобольской Полицеместерской конторе о вышеписанном ведать и чинить по сему Ее Императорского Величества указу. А кто именно вышеписанные ссыльные беглые воры и разбойники, тому при сем реестр. Июля 5 дня 1745 года. *Алесе́й Сухаре́в. Секретарь Алексе́й Соколов. Подканцелярист Василий Шишмолин.*

По реестру, приложенному к указу, бежавшими колодниками были: Андрей Москвин, Иван Кирилов, Петр Шишкин, Мелетий Грабцов, Марко Тюнин, Семен Смирнов, Роман Соловьев, Осип Черенцов, Еким Ларионов, Кирило Кулюков, Дмитрий Заморин, Алексей Соколов, Кирило Васильев, Степан Хардин, Афанасий Попов, Василий Иванов, Максим Коршенин, Марко Горев, Иван Мамонинов, Клементий Костин, Максим Корноухов, Терентий Коннев, Иван Драйнов, Илья Капарев, Петр Колмыков, Панкратий Максимов, Потап Кокаровцов, Степан Курочкин, Леонтий Пермяков, Никита Полянин, Захар Виноградов, Тимофей Пейкушев, Василий Кузнецов, Алексей Иванов, Максим Овчинников, Иван Безпалов, Василий Смирнов, Федор Кобяков, Иван Бубников, Яков Чепин, Козма Конев, Ерофей Скатышев, Семен Дмитриев, Филипп Костыгин, Филипп Купин, Тимофей Волков, Игнатий Бояндин, Евсей Кубанков, Павел Высоковский, Василий Шумков и Дарья Хардина.

Бытовые черты тоболяков

XVIII столетия

(По архивным документам)

«Для новости... морскими кошками»

В 1735 году по случаю возвышения в Тобольске цен на хлебные припасы, открытой за год пред тем (9 апреля 1734 г.) Полицмейстерской конторой с согласия Сибирской губернской канцелярии было установлено, чтобы «ржаной муки пуд выше пяти, а ржи четверть тридцати две копейки в продажу не употреблять». По обыкновению всякое нововведение объявлялось тогда обывателям «с барабанным боем», причем в удобных местах вывешиваемы были «публичные листы». То же было и в данном случае. Полиция зорко начала следить за торгующими хлебом и на первых же порах обнаружила нарушителей нового распоряжения. Это были посадские люди Роман Третьяков и Василий Черепанов, крестьянин Василий Бобылев и посадский же Иван Панов. Началось дознание. Ослушники взяты были «под караул». По дознанию оказалось, что Черепанов и Бобылев продавали скупаемую у приезжих крестьян рожь по 36 коп., Третьяков торговал по возвышенной цене мукой, а Панов, накупив муки с тою же целью, приступить к торговле не успел. По этому случаю полицмейстером Окуньковым 27 сентября того же года с разрешения губернской канцелярии дан был следующий приказ: «Для новости означенным Третьякову, Черепанову и Бобылеву вместо штрафа учинить наказание: бить публично морскими кошками⁴⁶, а Панова за начинание к повышению цены, хотя в народе от (него) продажи не было, однако ж, к тому намерен был, учинить наказание — бить же морскими кошками». Как велось тогда, названных обвиняемых для исполнения над ними наказания из Полицмейстерской конторы следовало препроводить в Тобольскую ратушу, но строгий полицмейстер от-

ступил от общего порядка. «Ратушские управители Смирных и Кузнецов с товарищи, — говорится в его приказе далее, — по многим указам из Полицыместерской канторы явились преслушны, о чем к ним из Сибирской губернской канцелярии, тако ж и из Полицыместерской канторы писано указами», а потому наказание обвиняемым исполнено было без ведома ратуши. Приказ полицмейстера закончен следующим предупреждением тоболяков: «и ежели впредь кто из тобольских обывателей учинит перекупку и к повышению цены согласие, или связки иметь будут, то будут штрафованы, у которых все будет взято — половина на гошпиталь, а другая доносителю, да и за то же биты будут морскими кошками, как в инструкции в 24-м пункте написано, безо всякого упущения мимо Тобольской ратуши».

Обиды и разорения «питухов»

На первых порах существования в Тобольске Полицейстерской канторы особенно за время полицмейстеров капитана Михаила Окунькова, прапорщика Ивана Строева и секунд-майора Петра Тарбеева, между канторой и Тобольской ратушей нередко возникали разные пререкания, оканчивавшиеся в большинстве случаев разбирательствами или Главной полицмейстерской канторы, или же Сибирской губернской канцелярии. За то же время под наблюдением ратуши состояла, между прочим, торговля вином, производившаяся от казны. Между многим другим ратуша 6 февраля 1736 г. жаловалась губернской канцелярии на обиды и разорения Полицейстерской канторой в ущерб виноторговле, «питухов». По донесению об этом ратуши, «736 году, генваря против 13 числа, в 5 часу ночи в означенную кантору определенный каптенармусом Федор Попов с товарищи привели с нижнего посаду, с кабака званьем «Притыка» посацкого Данила Бесова, да с кабака званьем «Кремлева» посацкого же Ивана Гаврилова, которых-де усмотрел он на вышеявленных кабаках, что сидят в ношное неуказное время». Лица эти из канторы отведены были в ратушу «для учинения наказания», но ратуша запротестовала. «Бесов, — по тому же донесению, — заходил в Притышной кабак, к брату своему двоюродному Максиму Романову, который

имеетца у питейной казенной продажи целовальником, ужинать», а по приводе в контору «взяли с него приводных денег тринадцать копеек, да сверх того, сержант Федор Кирилов взял, неведомо за что, пять копеек, да подьячие взяли семь копеек, к тому же опивали вином». Что же касается посадского Гаврилова, оказавшегося торговцем харчевых припасов, то последний в кабаке Кремлеве вовсе не сидел, а уведен оттуда в Полицмейстерскую контору в то время, когда заходил в кабак выпить чарку вина, после чего из конторы «тое ночи водили его, Гаврилова, неволею по разным кабакам и наглостию своею и из-за пристрастия опили рубли на два и, опивши, из-под караулу свободили»; перед отправкой же в ратушу «сего ж генваря 21 числа, ввечеру оной же Полицместерской канторы подьячеи Федор Прокопьев, пришед к лавке его, Гаврилова, и взял у него один руб(л)ь, показуя, якоб он об отпуске его Гаврилова из-под караулу имел старанье». Получив такие сведения, губернская канцелярия промемориею 27 февраля того же года внушила Полицмейстерской конторе «дабы в питейных домах ношным временем в питье казенного питья питухам, определенные от оной Полицместерской канторы для осмотра и взятыя в драках и прочих непотребных случаях, обид и разорения не чинили».

Побег покойника

Известно, что в царствование Анны Иоанновны раскольническими делами заведывали особые следственные комиссии, подчинявшиеся Кабинету министров и Тайной канцелярии, в которые, кроме назначаемых от духовенства лиц для деятельности против раскола с целью разведок и розысков раскольников, командировались местные команды. Этими командами частовременно приводимы были в епархиальные города целые раскольнические партии, размещавшиеся под караулом как при духовных консисториях, так и полковых дворах. В такой же партии, содержащейся в мае 1736 г. при Тобольском полковом дворе, находилась между другими раскольниками и присланная из Екатеринбурга раскольница девка Евпраксия Егорова. По какому обвинению Егорова прислана была в Тобольск, сведений не сохранилось, но уцелел документ, рассказывающий характерный эпизод

из пребывания ее на полковом дворе. Это — явка Полицмейстерской конторе адъютанта Сибирского гарнизона Матвея Иванова, сделанная 23 мая того года, в которой записано: «По репорту от Тобольского полку, с полкового двора, присыльная из Екатеринбургского раскольника девка Епраксия Егорова явилась мертва и положена во гроб, которая из того полкового двора колодниками за караульными солдаты и отнесена в убогой дом, и как те солдаты, положив в тот убогой дом, пошли возвратно на полковой двор и после их ухода вышеозначенная колодница, встав из гроба, и пошла в платье к р. Иртышу по лугу и по лесу, (но) в том лесу поймал оную девку Сибирской гарнизонной канцелярии школьник Никифор Лебедев». Явка, как видно из дальнейшего содержания ее, сделана была Полицмейстерской конторе не для преследования Егоровой за смерть и побег ее, что зависело от следственной комиссии, а по другому обстоятельству: на бежавшей при поимке ее «явилось платье екатеринбургского жителя Ивана Степанова сына Асенева», который, находясь в то время в Тобольске с товарным судном, сопровождал Егорову во время побега, но оставался непопавшим. По поводу последнего обстоятельства приказом полицмейстера Окунькова велено было в квартире Асенева, у посадского Мальцева «пожитки, что чего явитца, описать, запечатать и приставить караул до указа, також и на судне перевезенные с квартиры его товары, а самому Асеневу учинить сыски». Дальнейшее — неизвестно.

Тревога о дворе канцеляриста

Кроме важных распоряжений правительства, объявляемых «с барабанным боем», в старое время по такой же тревоге барабанами объявлялись в Тобольске и дела иного рода. Такая именно тревога была сделана на обоих посадах города в сентябре 1739 года. Канцелярист свидетельства счетов Сибирской губернии Осип Тишин, уезжая куда-то из Тобольска, задумал продать «свой двор», находившийся на верхнем посаде города, и обратился в губернскую канцелярию с «доношением» о содействии. Дело оказалось экстренным. «Доношение» подано 31 августа, а 2 сентября Полицмейстерская контора получила уже и даже за подписью самого губернатора П.И. Бутурлина такую промеморию: «Об

означенном его (Тишина) дворе для покупки тобольским обывателем от Сибирской губернской канцелярии публиковать с барабанным боем и в пристойном месте выставить листы, чтобы покупали оной его двор безо всякого опасения».

«Пять-сот рублевиков» и «мешок песку»

У ворот дома одного из старых богачей Тобольска, посадского человека А.Л. Сумкина, жившего вблизи Богоявленской церкви, 12 и 25 декабря 1739 г. подняты были два подметных письма. Первое письмо заключало в себе следующее: «Аврам Леонтьевич, друг наш! Триста рублевиков положи у Богороцкой церкви, по правой стороне по паперти, в уголку, затри снегом тайно, один ночью, сего декабря на 16 число, а не положишь и кому скажешь, то с домом и с родом скоро пропадешь не значай, и нигде не уйдешь. Верно! Чти про себя». Другое письмо увеличивало количество рублевиков и давало большие угрозы: «Аврам Сумкин, — говорилось там, — послано к тебе письмо и ты ничего не сделал, однако сего декабря на 26 число, в заутреню, в благовест у Богородицы, сполудни, по праву сторону с приходу деревянной паперти, против крылоса, сулицы подокно, вчепку, положи в одном мешке пять-сот рублевиков, а не положишь и кому про то скажешь, на нас не пеняй... будем тебе веки друзья, знаем как излучить и дожидай 6-го свиданья; да не уедешь и не уйдешь, мало пожалел и весь живот пропадет». После этого письма Сумкин 26 декабря в условленный час, во время благовеста к заутрени, положил на указанное место у Богоявленской церкви небольшой холщовый мешок, набив его вместо рублевиков песком; в отдалении же от мешка поставил караул. Во время заутрени к мешку явились два неизвестных человека, из которых один, взяв мешок и сомневаясь в подлинности содержимого, понес его для исследования к церковной паперти, а другой остался в ожидании возвращения товарища. Неизвестные были задержаны караульными Сумкина и по отводе в Плицмейстерскую контору оказались канцеляристом губернской канцелярии Филиппом Беликовым и присыльным человеком Иваном Гневышевым. Оба они с письмами и мешком Конторой при промемории 29 декабря того же года пред-

ставлены были в губернскую канцелярию, но решение последней неизвестно.

Прогулки мертвеца

В феврале 1740 года Полицмейстерской конторой было получено сведение, что на нижнем посаде Тобольска по ночам ходит мертвец. При дознании и розысках Конторы сведение подтвердилось: мертвец действительно разгуливал в белом саване и «пужал людей»; из последних нашлась даже и испытывшая от него страхи женка Афимья Иванова. По дальнейшим розыскам в мертвеце заподозрен был конный казак Лев Сумкин, квартировавший в доме солдатской женки Пелагеи Студенцовой. На допросе Сумкин в взводимом на него не сознавался, и дело, не заключавшее достаточных улик к обвинению, конторой представлено было в губернскую канцелярию. Но последняя расследованием конторы не удовлетворилась и, возвращая дело, промемориею 3 марта того же года обязывала контору: «об оном Сумкине, где он жил на подворье, обыскать окольными соседи в самую сущую правду в том, что оной Сумкин в белом платье по улице по ночам ходил ли и давно ль и кто из соседей его, Сумкина, в том платье видал ль и кто имянно». О дальнейшем неизвестно.

Как устраивались иллюминации

П.А. Словцов, заканчивая одну из глав своего «Исторического обозрения Сибири» (Кн. 1. С. 282), говорил: «Озарим эту главу приятным воспоминанием торжественности, с какою вестник замирения с Портою Оттоманскою⁴⁷, гвардии капитан Рахманов встречен был в Тобольске в Фомино воскресенье 1740 года высланными конными отрядами при стечении многочисленного народа. Вестник с кедровою ветвью в руке, ехавший мимо Знаменского монастыря, приветствован от черного духовенства хлебом и солью и продолжал церемониальное шествие до Софийского собора, где принесено Богу, подателю благ, благодарственное молебствие с пушечными выстрелами». Но историку не казался любопытным нижеследующий приказ полицмейстера Строева, данный в то время (31 марта) о том, что должны были выполнить тоболяки по случаю заключения мира с Турциею. Приказ этот указывает по-

рядок устройства недельной иллюминации. «В Тобольску, на верхнем и нижнем посадах, — говорится там, — публиковать с барабанным боем и в пристойном месте выставить публичные листы, а в сотни соцким и десяцким отдать приказы с крепким подтверждением, чтоб тобольские обыватели, всякого чина люди апреля 7 дня изготовили и поставили у дворов своих сосны и убрали фонарями, чтоб каждый столб с фонарем от фонаря был в десяти саженьях и с зажжением свечей, также и в окнах, чтоб были свечи по две и по три, и перед каждым двором чтоб никакого назему не было. И о том всем тобольским обывателем объявить с подпискою, и дабы она, люменация, с вышеписанного апреля 7 дня, чрез целые семь дней была неотменно, и для оного смотрения прислать с Тобольского и Енисейского полков в прибавок к полицейским солдатам с полку по четыре человека солдат; и о том в Тобольской и Енисейской полки послать промемории, также в Сибирскую губернскую канцелярию послать промеморию, а в Тобольскую ратушу послать указ, дабы по силе оного, как в Сибирской губернской канцелярии, так и в Тобольской ратуше были в каждом окне по три свечи и были поставлены сосны с фонарями и со свечами перед окошками». Приказ полицмейстера исполнялся во всех частях города, по крайней мере, при нем подшито более чем полтонны бумаги с расписками обывателей в исполнении требуемого.

Неосторожность с огнем и «кошки»

Несмотря на строгость мер против тайного винокурения, оно имело случаи даже в самой центральной части старого Тобольска. Один из случаев такого винокурения, обнаружившегося случайно по поводу пожара в апреле 1742 года вблизи дома губернатора И.А. Шилова, описан в следующем экстренном донесении последнему полицмейстера Булатова: «Его высокопревосходительству, господину генерал-маэору, гвардии маэору, сибирскому губернатору Ивану Афонасьевичу репорт. Понеже сего апреля, против 10 числа, пополудни в 3 часу, учинился пожар в Тобольску на верхнем посаде, близ казенного губернаторского дому, у тобольского служилого прядильщика Ивана Логинова от самовольного винного курения, а объявила жена его Ирина Иванова, дочь с роспросу под кошками, что-де курили оное вино для насту-

пающего праздника святой Пасхи, которого винокурного вина и обыскано в боченке с небольшим четверть ведра. И о вышешепоказанном от вашего высокопревосходительства что соблаговолено будет?». Из этого видно, что неосторожным с огнем, несмотря на пол обвиняемых, угрожали «кошки», что же «соблаговоляемо» было за обнаруживаемое при содействии тех «кошек» винокурение — указаний нет.

Переполох бородачей

Известно, что меры преследования, практикуемые за неисполнение какого-либо нововведения, нередко сохраняют применение только на первых порах и с переменой времени и взглядов, если не совершенно прекращаются, то значительно ослабевают. Не то, однако ж, было с нововведениями Петра Великого, или известным указом его «о бородачах». Несмотря на то, что со времени издания указа истекло сорок лет, в Тобольске преследования бородачей продолжались почти с первобытной строгостью. Однажды, как показывает приводимая ниже выдержка из указа Сибирской губернской канцелярии, посланного Полицмейстерской конторе 22 апреля 1745 года, тобольские бородачи должны были испытать следующий переполох. «Сего, 745 году, марта 14 дня, — говорится в указе, — в присутствии в Сибирской губернской канцелярии господина генерал-майора и сибирского губернатора Сухарева (и) господина прокурора Елисеева, пришед Тобольской ратуши выборной земской староста, посацкой человек Иван Васильев, сын Турин, у которого явилась в противность... борода не брита, и кафтан на нем верхней, суконной серой и шит порусски, а не немецкой, чего было ему, яко выбранному из купечества и поверенному в государственных сборах человеку... надлежало бороду брить и платье носить немецкое. Того ради по указу... велено: с помянутого Тобольской ратуши старосты посацкого человека Турина за презрение указов... и что он до сего числа бороды не брил и за неношение немецкого платья, не выпуская из Сибирской губернской канцелярии, доправить штрафу пятьдесят рублей без упущения, которые с него того ж числа, не выпуская из губернской канцелярии, и доправлены, и борода и усы выбриты, и с губернской канцелярии отпущен». Об этом случае Полицмейстерской конторой было объявлено на обоих посадах города и под «барабан-

ным боем» строго внушено обывателям об исполнении старого порядка, чтобы «всякого звания российского народа люди, кроме духовных персон и пашенных крестьян, носили платье, против чужестранных, немецкое, и бороды и усы брили как в тех указах изображено, неотложно».

Кулачные бои и «плети»

Кулачные бои были особенно преследуемы во времена Петра. Приводимый ниже указ Сибирской губернской канцелярии, данный Полицмейстерской конторе 19 августа 1741 г., показывает меры против кулачных боев за время царствования Елисаветы Петровны. По этому документу можно заключать, что приверженность к древнейшему обычаю была не чужда и тоболякам: в указанное время кулачные бои в Тобольске имели место даже во время крестовых ходов, позднее же особенно популярные кулачные бойцы, по местным преданиям, выходили из семинаристов. Упомянутый указ губернской канцелярии, между прочим, послужил для П.А. Словцова к замечанию, что «правительство и местное начальство, благоговей к уставам православия, строго наблюдали даже за внешними приличиями и преследовали прещениями всякий проступок, могший оскорбить деликатную набожность христианской души», как это едвально, например, с «разночинцами Бурундуковым и Соколовым за то, что во время крестного хода продолжали кулачный бой» («Историч. обоз. Сибири», кн. 2, стр. 19 и 300), но содержание самого указа остается неизвестным. «Сентября 745 году, июня 30 дня, — говорит этот документ, — приведены в Сибирскую губернскую канцелярию тобольский разночинец Петр Бурундуков да ялуторовского дистрикта разночинец же Лев Соколов, в учинении ими между собой во время крестного хода, кулашного бою, в чем они, Бурундуков и Соколов, в роспросах своих не заперлись, и ради того сего августа 9 дня, по указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии... предписанным Бурундукову и Соколову за объявленный их кулашной между собою бой, дабы им впредь того чинить было не повадно, также и в страх другим учинено публичное жестокое наказание — биты плетми на площади, на том месте где они тот кулашной бой чинили нещадно».

Наставления «батожьем»

Напомним выше о замечании историка в отношении старинных «прещений»⁴⁸ всего оскорблявшего «деликатную набожность», приведем случай таких же «прещений» из другой практики. Дело касается наставлений в вере новокрещеного остяка Григория Иванова и сообщается в указе губернской канцелярии Полицмейстерской конторе, посланном 13 мая 1745 г.: «Сего 745 году, апреля 29 дня, в Сибирскую губернскую канцелярию в промемории из консистории преосвященного Антония, митрополита Тобольского и Сибирского, написано: прошлого-де 744 году, сентября 27 дня, прислан был для наставления и утверждения в православно-восточной кафолической вере из Сибирской губернской канцелярии новокрещеной остяк Григорей Иванов и для того наставления и утверждения отослан был к николаевскому священнику Михаилу Яковлеву, а 10 числа из дому его бежал, чего для прислана была в Сибирскую губернскую канцелярию о сыску означенного беглеца Иванова промемория, и по той промемории он, Григорей Иванов, по сыску со учинением ему в оной губернской канцелярии наижесточайшего батожьем наказания, паки послан для совершенного вере православно-восточной утверждения и наставления при промемории, а в апреле месяце оной остяк Иванов неведомо куда бежал же безызвестно». Губернская канцелярия обязывала Полицмейстерскую контору «сыскивать (Иванова) всякими сыски накрепко и, сыскав, предъявить его (вканцелярию) под крепким караулом». Выходит, что применявшиеся к кулачным бойцам «плети» для новокрещеных заменяло «батожье».

Залог дочерей «в пятнадцати рублех»

В июне 1746 года Полицмейстерской конторой получен был от священника Пелымского заказа Михаила Степанова следующий «извет»: «В прошлом 741-м году Сатыгинской волости⁴⁹ роспоп Егор Миронов, сын Рычков, заложил мне, нижайшему, двух дочерей в пятнадцати рублех впредь до выкупу, а именно: Анну четырнадцати (и) Федосью четырехлетних, из которых послал я, нижайший, сюда, в Тобольск, во услужение к дочери моей родной, Знаменского монастыря пономарской жене Федосье Михайловой, Анну четырнадцатилетнюю, которая у оной дочери моей жила в услуге года с три, а потом от нее, не хотя ко отцу своему в дом

ехать, предшедшего мая месяца сего 746 году бежала, для того, что ныне отец их выкупает, и по побеге живет она, Анна, в Архангельском приходе, в доме салдацкой жены Гликерии Леонтиевой дочери Карагаевой. Того ради покорно прошу, чтоб соблаговолено было б по сему моему извету оную закладную ко мне девку для отдачи помянутому отцу ее, роспопу Егору Рычкову, на выкуп, учинить резолюцию». Характерны, вероятно, были и обязательства между заимодавцем и плательщиком, но как об этом, так и о распоряжении Полицмейстерской конторы по «извету» первого сведений не найдено.

Теленок и невзгода лекаря

Вдова сержанта Тобольского полка Елена Нефедова пода-ла в Полицмейстерскую контору «извет», жалуясь в нем на соседа своего, лекаря Антона Смерть, что он увел к себе из огорода ее с привязи принадлежащего ей теленка, а когда она «пошла к дому его лекарскому и стала ему говорить, то оной лекарь, ухватя палку свою камышевую, ее бил, которую (палку) об нее и изломал, и от того его бою значат у нее, Алены, на теле пятна, такс ж и на голове валдыри». Приглашенный в контору, Смерть отозвался, что прежде всего сама Нефедова самовольно отогнала привязанного им по соседству к огороду ее теленка его, чем и вынудила его взамен убежавшего увести к себе бывшего тут же ее теленка, но когда его теленок был приведен, а теленок Нефедовой возвращен, то, ведя последнего со двора, Нефедова «стала бранить его всячески и жену его»; он же, Смерть, «не стерпел тех ее бранных речей, вышел из двора своего на улицу и оную просительницу камышевою троскою небольшою бил». Дело происходило в июне 1746 г., и полицмейстер Бабановский, не считая лекарей себе подсудными, не замедлил донести о поступке Смерти губернатору Сухареву. Было ли сделано по «репорту» полицмейстера какое-либо распоряжение — неизвестно, но последовавший почти через полгода от губернской канцелярии Полицмейстерской конторе указ 19 декабря того же года показывает, что приведенное событие с теленком было как бы прологом ожидавшей Смерть невзгоды. Из указа канцелярии видно, что Смерть, будучи уроженцем Венгрии и служа на родине в лекарьских учениках, прибыл в Россию с целью поступить

полковым лекарем, но за неимением вакансий воспользовался предложением отбывавшего в 1744 г. из Москвы в Сибирь с пехотными и драгунскими полками генерал-майора Киндермана следовать при нем в качестве домашнего врача. Прибыв в Тобольск, Смерть обратился из католика в православного. Но при Киндермане привелось ему оставаться недолго. Вызванный вскоре после того на допросы в губернскую канцелярию Смерть, представив в удостоверение своей личности аттестат Киндермана и «три аттестата, данные на немецком языке из Прусской земли, с Кенигсбергу, в таковой силе, что будучи он в лекарских учениках к лекарству (был) искусен», отозвался, что «как из военной Коллегии, так и ни откуль указу и пашпорту не имеет». Поэтому канцелярия упомянутым указом обязала Полицмейстерскую контору «реченного венгерской нации бывшего лекаря Антона Смерть из Тобольска выслать на прежнее жилище, откуда он без указу и без пашпорту съехал, в самой скорости». Однако ж такой эпилог Смерти удалось обойти: с разрешения Антония, митрополита Тобольского и Сибирского, он «за искусством его в лечении находящихся при доме его преосвященства служителей и школьных студентов» от невольного путешествия в Венгрию был избавлен. Переписка тянулась до конца 1748 г., и 7 октября Полицмейстерской конторой была получена промемория той же губернской канцелярии, но уже с другим требованием: «помянутого Антона Смерть за восприятием его веры греческого исповедания из Тобольска на прежнее место в венгерскую землю не высылать для того, что она венгерская вера католическая, а не кафолическая, к тому ж оной Смерть православную веру восприял добровольно, и быть ему при доме его преосвященства по искусству его для пользования и лечения домовых служителей и школьных студентов».

Вылазка ширванцев

Кроме тех бед, какие волею судеб суждено было выносить Тобольску в прошлом своем от частых пожаров и наводнений, время прошедшего столетия иногда омрачалось здесь и другими не стихийными невзгодами. Таким временем были особенно сороковые и частью пятидесятые года того столетия, или губернаторство генерал-майора Сухарева — те именно года, в которые Тобольск был местом стоянки Ширванского полка.

Дерзости ширванцев распространялись не только на тоболяков, содержавших для этих постояльцев 633 квартиры, но даже и полицию. Однажды ширванцами устроена была вылазка и против тогдашнего полицмейстера, капитана Новопехотного батальона Бабановского, состоявшая, по донесению последнего в Главную полицмейстерскую канцелярию в следующем. В 1 число марта 1747 года, часа в четыре дня Бабановский, разъезжая по городу и встретившись вблизи Знаменского монастыря с знакомыми своими, поручиками полков лейб-гвардии Измайловского Иваном Толстых и Енисейского Петром Мякининым, секретарем губернской канцелярии Иваном Борисовым и дворянином Александром Нефедьевым, поехал с ними в гости к ратману Тобольского магистрата Дмитрию Крупеникову. В это время по случаю масленицы ширванцы были в полном разгуле. На перекрестках около Пятницкой и Рождественской церквей и вблизи домов посадского Романа Третьякова и упомянутого Крупеникова их столпилось человек по сто и более, так что, по словам Бабановского, он со своими знакомыми мог проехать к Крупеникову «с великою нуждою и опасностию». Но едва лишь гости зашли в дом ратмана, как с улицы послышался отчаянный крик. Оказалось, что ширванцы потащили от двора Крупеникова, пришедшего к Бабановскому с жалобой избитого ими же тобольского казака Григория Вишнякова и стоявшего у ворот человека Бабановского Родиона Иванова. На крик этот выскочил Бабановский с поручиком Мякининым заворота. Нотам, по упомянутому донесению, «многолюдственное число (ширванцев) скопом приступали к нему, Бабановскому, с великим невежеством и наглым криком и бранили всякою непотребною матерною бранью, из которых солдат некоторая часть, взявши из стоящих у двора реченного Крупеникова костровых сырых дров, кои рубятся на три полена, весьма умышленно бросалась на него, Бабановского, и хотела тем смертным орудием бить. И видя он, Бабановский, смертельный от них страх, принужден бежать во двор реченного Крупеникова, за коим оные солдаты к тому двору нагло гнались и к воротам усиленно приступали, которое все их наглое усиленное ко двору того Крупеникова приступание и крик, стоящий в том Крупеникова доме на квартире Нашебургского пехотного полку капитан Безналов, услышав, вышел из горницы на двор и тех солдат от того Крупеникова ворот отогнал прочь, кои тогда от

тех ворот и отошли невдалеку и остоялись близ двора одного же Крупеникова». Напуганный Бабановский послал известить о происшедшем майора Ширванского полка Меньшикова и мог выехать от Крупеникова только тогда, когда Меньшиковым послан был для охраны его сержант 8-й роты того полка Иван Голубятников. Однако ж, несмотря и на эту охрану, ширванцы, вооруженные стягами, погнались за Бабановским, но он успел от них скрыться. Описывая вылазку ширванцев, Бабановский в донесении своем приводит и решение по этому делу, состоявшееся в военно-походной канцелярии Ширванского полка, которое, умалчивая о поступке ширванцев, обвиняет его же, Бабановского, в нахальном освобождении взятых ширванцами под караул свой Вишнякова и Иванова. Решением было заключено: «В Сибирскую губернскую канцелярию послать промеморию и притом сообщить производимое в Ширванском пехотном полку того полку над служителями следствие и требовать, чтоб она Сибирская губернская канцелярия с показанным капитаном Бабановским, казаком Вишняковым и его, Бабановского, человеком Родионом Ивановым за вышепрописанные, как в том следствии имянно значатся, непорядочные поступки и порицания Ширванского полку солдат, учинить по силе Ее Императорского Величества указов и воинских регулов, дабы впредь таковых же непорядочных поступков чинить было не повадно».

Протеже полицмейстера

В упомянутом выше «Историческом обозрении Сибири» (кн. II, стр. 10) есть замечание, что «от тобольского полицмейстера Бабановского дважды приносились жалобы Сенату на губернатора Сухарева, которому и насылались из Сената выговоры». Но самих жалоб не приведено. Ниже передается выдержка одной из этих жалоб, представляющая характерную черту из быта тогдашней тобольской аристократии и объясняющая, между прочим, курьезное мнение Сухарева о том, кто был протеже, или виновниками полицмейстерства Бабановского. «1748 году, июня 30 дня, — говорится в жалобе, — приглашен был он (Бабановский) генерал-маэром и кавалером Киндерманом с протчими штап и обер-офицерами и протчими чинами в дом его, Киндермана, обедать, где был же генерал-маэор и сибирский губер-

натор Сухарев с фамилиею, и по окончании обеда оной губернатор, между протчими разговорами, озартно кричал на него с великою яростью и бранью, употребляя при том весьма непринадлежащие речи, яко бы он в тобольскую полицию написан за осетры и дядек всех, кем он в полицию определен, он знает, и будтобы он по следствию написан салатом, и притом неоднократно подтверждал, что он салдат, а не капитан и полицейместер». Жалоба была представлена Главной полицмейстерской канцелярией на рассмотрение Сената, откуда 20 марта 1749 г. последовал в Сибирскую губернскую канцелярию указ, чтобы «той (Сибирской) губернии губернатор впредь обретающемуся в той губернии полицместеру Бабановскому никаких обид и притеснений не чинил и ни в какие полицейские дела не вступал под опасением, ежели впредь о таких же одного губернатора поступках от Главной полицместерской канцелярии представления чинены будут, взятия штрафа».

Трехдневная тревога «о свиньях»

Известно, что первые города Сибири строились «без расколотки домов, без линий, без всякого понятия о градском зодчестве»; что их составляли «лачужки, землянки и избы, обнесенные тыном» и что «городские улицы были затоплены грязью, завалены навозом и падалью». Такие, по крайней мере, отзывы дают знатоки сибирской старины Словцов, Небольсин и Шашков. Нельзя, разумеется, сказать этого вполне о старом Тобольске как былой столице Сибири, но и здесь, даже еще в половине прошлого столетия, свободно разгуливали, превращая городские улицы в огородные гряды, целые табуны свиней. Однажды дошло до того, что в городе по три дня били тревогу барабанами, сзывая обывателей к угону тех табунов. Вот что говорит об этом промемория губернской канцелярии, посланная за подписом губернатора Сухарева в Полицмейстерскую контору 10 июля 1749 г.: «Понеже усмотрено ныне от губернской канцелярии, что в городе Тобольску не токмо по улицам, но и в самом каменном городе обывательские свиньи и прочий скот бродят, а паче свиньи весма роют на площади и на улицах землю и оттого делают рытвины и ямы, а обыватели того скота, а паче свиней, в домах не запирают и в удобных местах за

пасьбою оных не пасут. Того ради сего июля 5 дня, по указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии в Тобольску на верхнем и нижнем посадах опубликовано Ее Императорского Величества указами с барабанным боем по три дня, и в пристойных местах оные указы выставлены, в которых написано, дабы тобольские всякие чина обыватели сего числа всякой свой скот имели за пасьбою в удобных местах, а по пригоне табунов имел бы всякой хозяин свою скотину встречать и чрез город, дабы оные излишно по городу не шатались, препровождать до своих квартир, а паче свиней, дабы оные по улицам и по городу потому ж не бродили, а ежели оные свиньи с сего числа усмотрены будут, что бродят по городу, а обыватели оных запирают у себя в домах, или за пасьбою содержать не будут, и таких свиней определено будет караульным солдатам стрелять, и те застреленные свиньи отдаваны будут в лазарет для больных в пищу».

«Великое затруднение» полицмейстера

В 1749 году весенним разливом Иртыша в Тобольске был, между прочим, разрушен Абрамов мост, соединяющий с городом прибрежную часть его, расположенную за речкой Абрамовкой, или Монастырской, где (на Пиляцкой) улице в это время имел свой дом полицмейстер Бабановский. Немедленная постройка нового моста для горожан представлялась крайнею необходимостью, и Полицмейстерская контора принимала усиленные ходатайства о том пред губернской канцелярией, но последняя в этом случае совершенно бездействовала. Спустя более полугода, полицмейстер Бабановский решился возбудить ходатайство о мосте пред Главной полицмейстерской канцелярией и в «доношении» 15 июля 1750 года выяснил действительную причину молчания Губернской канцелярии на его ходатайства, «...Будет ли построен (мост), — писал он в этом «доношении», — о том неизвестно, ибо сибирский губернатор, господин генерал-маюр Сухарев на тобольского полицместера Бабановского имеет неукротимую злобу: первое — за поданную на него челобитную в брани и безчесьи и в протчем (и) второе — за представление на него о вступании им, губернатором, не по своей должности в полицейские дела, к которой злобе наипаче его

возбудили присланные запретительные о том из Правительствующего Сената Ее Императорского Величества указы, а более, как видно, он, губернатор, того мосту строить не определя(е)т за тем, что собственной мой дом имеетца за тою речкою Монастырскою, дабы мне и тем в повсядневных переездах причинить обиду». «И чинитца, — говорилось Бабановским далее, — великое затруднение, препятствие и сущая остановка, ибо приезжающие принуждены чрез тое речку переезжать в лодках и на сделанном собственном от полицмейстера Бабановского для крайней необходимости небольшом плоту и то пешие, а обыватели на лодках переезжают за плату». Ответ на жалобу не найден.

Что иногда бывало на «роспросах»

В ночь на 3 число, ноября 1749 г., у посадского Семена Украинцева из арендуемого на берегу Иртыша амбара украдено было разного имущества и денег на 860 р. 72 к., о чем потерпевшим и подан в Полицмейстерскую контору «извет», чрез день же после того другой посадский Трофим Романов заявил конторе, что в пустом погребу при своем доме им усмотрены неизвестно кому принадлежащие вещи. На предварительном дознании конторы упомянутые вещи Украинцев признал за покраденные у него, и в краже последних сознался сын Романова посадский Матвей Романов же, объяснив, что в том участвовали с ним драгун Сибирского драгунского полка Иван Коробейников, тобольский разночинец Иван Кытымов и туринский посадский Никита Окулов. Романов сознавался, что «разломав у анбара висячей замок, они то воровство учинили, и покравши, он, Романов, с драгуном Коробейниковым, разломав сундук на лугу, те пожитки привезли в дом к нему, Романову, и сложили в пустой погреб, а домашние-де о тех покраденных пожитках никто не знали». Вскоре сознались в краже и соучастники Романова, причем один из них, Кытымов, объяснил, что из числа покраденного пять лисиц он передал гатлангеру тобольской артиллерийской команды Алексею Красильникову. Все эти лица конторой представлены были в губернскую канцелярию, где «секретарскою пометою» было определено: «Записав, взять по повытью, а воров Романова с товарищи отдать под крепкой караул и в вышеписанном их причинимом воровстве

распрашивать накрепко с пристрастием». Дела по этому предмету в полном виде не сохранилось, но уцелело из него «предложение» губернского прокурора, данное губернской канцелярии 30 января 1750 г. Из этого интересного документа и видно, что иногда бывало на «роспросах» упомянутой канцелярии. В данном случае «роспросы» начались 15 ноября и, продолжаясь почти до конца декабря, в отношении определенного секретарем «пристрастия» дошли до того, что вынудили прокурора предложить канцелярии «производство и решение вышеписанного дела вести по Ее Императорского Величества указом и государственным правам», а не «противно соборному уложению». Из обвиняемых в краже у Украинцева лиц в канцелярии, как говорится в предложении прокурора, были «в разные числа при роспросах биты, Иван Кытымов батошьем дважды, Матвей Романов плетми дважды, батошьем троекратно, да палкою, драгун Иван Коробейников палкою по два дни, отчего и голова пробита, гатлангер Краенльников батошьем троекратно»; в отношении последнего прокурором дополнено, что он «бит в роспросе жестоко, от которых роспросов просил священника, и потом от тяжких побоев и язык отнялся». Но, кроме обвиняемых в краже и укрывательстве покраденного, губернской канцелярией по дальнейшему объяснению прокурора призвано было к следствию еще несколько лиц, к делу не причастных, как, например, обнаруживший покраденное посадский Трофим Романов с дочерью и жена гатлангера Красильникова. Последние, по словам прокурора, «распрашиваны же и притом Романов бит плетми дважды, дочь его девка Офимья бита ж плетми пять раз да батошьем дважды, от которых нестерпимых побоев, как видно, сидя под караулом, резалась ножом, (а) гатлангера Красильникова жена Авдотья Михайлова бита батошьем двоекратно и притом выбит из утробы младенец». Такие попытки допрашиваемых показывают, что ответы их должны были иметь в деле важное значение, но «что оные забранные, — говорит далее прокурор, — а особливо доноситель на воров Романов при таких роспросах и мучениях показали, того в деле ничего не явствует и были ли такие записки, о том я неизвестен». И только 23 декабря в губернской канцелярии состоялось определение «о допросах выше упомянутых всех, в чем принадлежит, а особливо девку Офи-

мью Романову, отчего она ножом резалась в присутствии», но по заявлению прокурора, что лица эти «в разные времена с немалым мучением уже распрашиваны, а Трофима Романова, яко на тех воров доносителя, забирать и под караулом держать и под битьем плетми распрашивать весьма не надлежало», упомянутое определение не состоялось, и дело, благодаря прокурору, получило более законное направление.

«Смертельный бой» полицмейстера

Чем далее продолжалось пребывание Ширванского полка в Тобольске, тем более дерзостей от ширванцев испытывали обыватели.

Пребывание здесь этого полка вызвано было слухами о намерении джунгарского владетеля Гайдан-Церена открыть против Сибири военные действия. По донесению об этом сенату Сибирской губернской канцелярии 17 сентября 1744 г. было постановлено немедленно перевести в Сибирь в дополнение к местным войскам три драгунских полка и 1000 яицких казаков и занять ими форпосты по рекам Тоболу и Ишиму. В мае 1745 г. под начальством генерал-майора Киндермана двинуты были в Сибирь из крепости св. Анны пехотные полки Нотебургский и Ширванский, из Казанской губернии драгунские полки Вологоцкий и Луцкий и из Нижегородской губернии драгунский же полк Олонекский. Между тем в начале следующего года до Тобольска дошло известие о смерти Галдан-Церена, и натянутые отношения к Джунгарии изменились. Однако ж командированные полки продолжали оставаться в Сибири по разным местам и оставаться без особой в том надобности. Для полной характеристики деяний ширванцев в Тобольске здесь приводится дословно объявление полицмейстера капитана Бабановского о «смертельном бое» его ширванцами, случившемся в апреле 1750 г. «Как сего апреля, 23 числа, — пишет Бабановский, — ездил я в городе Тобольску по улицам по должности моей в силу Ее Императорского Величества указов для розъезду и всякого смотрения, и во исходе шестого часа пополудни, будучи на нижнем посаде, в Христорожественском приходе, у Притышного мосту, где имеется рогатка и определенный при ней обывательский караул — четыре человека, притом же имевся в близости от команды Ширванского пехотного полку

пекет, и, не доезжая вышепоказанного пекета и рогатки, в пример, расстоянием саженьях двух, повстречався со мной означенного Ширванского полку солдат, а как его зовут и по прозвищу не знаю, токмо в лицо признать могу, и подошед к моей коляске, остановя, назвал меня именем и по отчеству и притом говорил: «Христос воскресе», против чего и я ему отвечивал, что «воистину воскресе», и по обычаю христианскому с ним поцеловался, а потом оной солдат пошел за коляскою моею. И минуя мало с того места, повстречался мне того ж полку еще солдат пьяной, а как его зовут и прозвищем, тако ж и в лицо — знать уже не могу, и незнаемо за что, стал меня бранить матерно и ругал всячески неподобными словами. И для того я бывшему на пекете часовому солдату стал говорить, за что меня такой солдат бранит безвинно, и, напротив того, означенной часовой, неведомо за что, избранил меня матерно ж и говорил: «У меня-де пекетных солдат никого нет». Притом же случилось быть реченного Ширванского полку солдат еще человек до пятидесят и более, в коем их собрании несколько тех солдат было пьяных, и многие из них бранили меня всякими же непотребными словами и, остановя коляску мою, не пропускали. И видя я их умышленное на меня злодейское нападение, выступя из коляски своей, усмотрел, что идет мне встречу того ж полку унтер-офицер без шпаги, который мне весьма знаем, точию об имени его и о прозвище сказать не могу, которому я стал говорить, что за что из предписанных солдат часовой и прочие напрасно бранят меня и поносят честь офицерскую неподобными словами, ибо таковых ругательных слов гнусно не токмо офицеру, но и рядовому солдату нестерпимо слышать, а я им никакого озлобления и обид не показал. И говорил я тому уряднику, чтобы их от злого намерения как возможно унял, на что оной унтер-офицер мне объявил: «Я-де нахожусь за болезнью в гошпитале», однако ж предписанным солдатам он воспрещал, говоря им, что-де «вы делаете нехорошо», токмо они от запальчивости сердца своего в немалом азарте (а за что — не знаю) наивяще меня бранили и порицали «вором». А я со вступления в службу Ее Императорского Величества от солдатства даже до обер-офицерства и нынешнего времени ни в каких штрафах и подозрениях не бывал и в роте ни по чему приличен не был же и продолжаю службу

Ее Императорского Величества по присяжной моей должности, как честному и верному офицеру подлежит. И в нашем, со упоминаемым ундер-офицером разговоре незапно вдруг наглым и разбойническим образом предписанные солдаты и напали на меня, и я было кинулся от них в коляску свою, хотя ускакать точию они, не допустя меня сесть, ниже лошадам моим итьтить вперед, вытаща меня из коляски злодейски и бросаю об землю, били смертельным боем, без всякия милости, яко тирански, поленьем и шпажными ефесами, в котором бою имеющей на мне кафтан зеленого сукна вдоль по спине разодрали и фалду прочь оторвали, и изодрали ж, и в грязи вымарали во многих местах. А бывшие при мне разъездные казаки, три человека, и собственный мой человек, который имелся в коляске на козлах, от их многолюдного самого сильного нападения, не токмо ко удержанью подать помочи, но сами тако ж жестоким боем уязвлены. А имевшие при рогатке караульные обыватели начинали в таком случае бить в трещетки тревогу, токмо от их усилия не допущены. И хотя я в то время несколько раз по крайней моей возможности, избегая себе от них еще нападения, и вставал на ноги вторично, и бросался в коляску свою, точию они, не удовольствуя свое злое умышление, паки сбивали меня с ног неоднократно и из коляски вытаскивали, и били ж смертно, и притом у меня голову просекли шпагою, в другом месте проломили ефесом, да пересекли шпагою ж левую руку взавити, и в левом боку переломили два ребра, и протчия тяжкия мне раны даны, в чем свидетельствуюсь на лекарское свидетельство. И оное их наглое и тиранское нападение находящийся здесь в Тобольске у ружейного дела цехвастер Прокопей Мячков, бывшей из квартиры своей на улице, коя имеется во близости того мосту, стал от того бою унимать и всячески отвращать, то предреченные солдаты меня отпустили прочь и бить перестали. И оной Мячков взял меня в свой двор замертва, едва жива, без всякого чувства, в чем реченным цехвастером Мячковым и свидетельствуюсь, тако ж и случившимися при мне тремя человеки казаками, а имянно: Степаном Ярковым, Степаном Ушаровым, Афанасием Смоляниновым и рогаточным караулом; в коем их напрасном на меня наглом нападении и злодейском бою чем я уязвлен, действительно явствует в помянутом лекарском сви-

детельстве. И по взятии меня к упоминаемому цехвастеру Мячкову в квартиру я положен был среди двора и исповедован церкви Рождества Христова священником Симеоном Афанасьевым, где принужден был и ночевать, а потом привезен в дом мой. А тех солдат, кои в том нападении и бою были, признать не могу и более ундер-офицеров и капралов не видал. К тому ж от такого их нападения пришел я тогда в немалую робость: точию предреченного солдата, который со мной христосовался, усмотрел в бою, что имелось у него в руках круглое березовое полено, а вышеупомянутого ундер-офицера, как то нападение на меня от тех солдат началось, более уже не видал, и куда он удалился — не знаю. И от такого их вышеописанного умышленно смертельного бою и разбойнического нападения нахожусь ныне весьма в тяжелой болезни, почти при смерти и на получение впредь своего здоровья безнадежен». Объявление Бабановского послано было «ко учрежденному следствию» 27 апреля, т. е. после случившегося с ним на пятый день, но чем кончилось это дело — неизвестно. Чьей-то нескромной рукой конец столбца бумаг Полицмейстерской конторы, из которого заимствован вышеизложенный документ, оборван. На последних уцелевших бумагах заключаются указания лишь на то, что делу не придавалось особого значения: оно тянулось, переходя от одного следователя к другому, а виновные содержась под арестом на частных квартирах, пьянствовали, сопровождая попойки свои пляской, картежными играми и проч.

Похороны раскольников

По требованию Тобольской духовной консистории, адресованному в октябре 1750 г. в губернскую канцелярию, Полицмейстерская контора должна была предать земле без христианского обряда двух раскольников, умерших в пути при следовании на суд консистории из Невьянской заводской конторы. Извещая об этом, губернская канцелярия промеморией 27 октября обязывала контору «погибельных раскольников девок Марфы и Дарьи Бархатовых мертвые нечестивые трупыща чрез полицейских служителей приказать обще при poslanном от реченной консистории разсыльщик выволочь за город и вринуть вне города в ров, или во иное какое отдаленное и безчестное место, где оную Полицместерскою конто-

рою разсудится без всякого погребения». Но исполнение этого требования чрез своих служителей Полицмейстерская контора нашла незаконным. Полицмейстер Бабановский в ответной промемории разъяснил губернской канцелярии, что «в военном артикуле, в девятой на десять главе, во сто шестьдесят четвертом артикуле напечатано: ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачю тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам, а раскольницы Бархатовы признаваютца наигоршее самоубийц», почему и необходимо «для выволочки нечестивых их мертвых трупищ прислать палачей и профосов». Указание полицмейстера губернской канцелярией найдено основательным: палачи и профосы были командированы, и 29 того же октября похороны раскольников закончились следующим донесением Полицмейстерской конторы губернской канцелярии: «Мертвые нечестивые трупища девок Марфы и Дарьи Бархатовых из дому демидовского дворника Боровицкого взяты и вышеписанными профосами и палачами от того двора демидовского волочены за ноги чрез город и брошены на верхнем посаде за городом в отдалении от убогова дому в ров, называемый Глубокий баерак, при присланном от консистории его преосвященства Сильвестра, митрополита Тобольского и Сибирского розсыльщике».

«Лакомство» караульных солдат

По поводу весьма частых побегов из тобольских тюрем колодников, розыски которых составляли тяжелое бремя для Полицмейстерской конторы, последняя однажды пришла к заключению, что одною из главных причин тех побегов следует признать частовременную перековку колодников, составляющую «лакомство» караульных. В посланной по этому предмету промемории 15 марта 1756 г. контора извещала Сибирскую гарнизонную канцелярию, что «колодников караульные солдаты каждедельно приводят в кузнешной ряд и того ряду старосту и кузнецов бьют по щекам и сильно велят перекавывать и перекавывают из своего лакомства: ежели у которого арестанта железа тесные, то велят делать тонкие и пространные, чтоб с ног снимались, и оттого те колодники побег чинят». Поэтому контора просила канцелярию «стоящим на гобвахте обер-офицерам подтвердить, чтобы они за караульными унтер-офицерами и солдатами смот-

рели накрепко, дабы те караульные из своего лакомства для перековки желез колодников в кузнешной ряд не приводили и кузнецов не принуждали, а заковывали бы в полковых кузницах». Ответ канцелярии неизвестен.

Строгости против «нечистоты»

Время губернаторства Д.И. Чичерина памятно для тоболяков теми ужасающими строгостями, какие применялись вообще для установления городского домостроя. Для примера приводим дословно объявление Полицмейстерской канторы о мерах против нечистоты, данное 27 января 1771 г.: «По присланному от его превосходительства, господина генерал-майора, лейб-гвардии пример-майора, сибирского губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина приказу велено за всеми учиненными от его превосходительства строжайшими подтверждениями, чтоб в городе нечистоты никакой не имели — навоз и прочее вывозить на реку, на пустыри, а на озерах и речках Курдюмке и Монастырской не класть во избежание тем заразительного весною воздуха. Но невзирая на то, что сие учреждено в пользу общую всем жителям, безрассудные и привыкшие к упрямству многие жители, хотя равный труд имеют, что на проезд вывозить, или на пустыри вываливать, но единственно по злонравию своему стремятся противоборствовать учреждениям и поныне вывозят в запрещенные места. Неудивительно, что злонравные бездельники, каков есть Шишмолин и тому подобные, которым все полезные учреждения противны, привыкли только к самолюбию и угождать своим нравам, но тем паче презрительно, что многие благородные, которым и самим того наблюдать и пресекать должно было, напротив, и сами тем бездельникам и послушникам последуют во вредность себе и всему обществу. И для того Тобольской полицместерской канторе сей приказ чрез десятских по всех командах объявить с подписками, чтоб никто неведением не отговаривался, с таким притом подтверждением: 1-е. Чтобы отныне никто в жиле навозу не клал и никакой нечистоты не метал, живущим под горою вывозить на Иртыш, и те собранные подписки представить в губернаторскую канцелярию при репорте. 2-е. В ведомство Полицместерской

канторы командировать 24 конных гусаров и 24 человека пеших гренадер, из которых учредить денной и ночной разъезд и дозоры с таким подтверждением, чтоб накрепчайше наблюдать таковых ослушников присматривать и ловить, а когда оные в Полицеместерскую кантору приведены будут, то таковым, не представляя, чинить публичное жестокое наказание плетьюми, записывая их имена в журнал. 3-е. Ежели кто в другой раз пойман будет, таковы в полиции наказания не чинить, а репортовать в губернаторскую канцелярию, которым наказание учинено будет кнутом, и эти ослушники посланы будут в Нерчинск в работу. Того ради в слышании во исполнение вышеписанного приказу всем живущим в городе Тобольске обывателям, объявить с подписками».

Применение «цепи»

В ряду многого, составлявшего своеобразный домострой Чичерина, было, между прочим, установление, по которому никто из обывателей Тобольска не должен был принимать к себе для квартирования приезжих лиц, не заявив об этом полиции, причем всякий хозяин обязывался представить в последнюю налицо и самого приезжего. В октябре 1773 года в дом одного из тобольских коммерсантов прибыл из Ялуторовского дистрикта канцелярист. Хозяин дома, быть может, и не знавший об этом госте, не заявил о приезде последней полиции, и сведение об этом дошло до губернатора. Коммерсант немедленно был схвачен, а обывателям пришлось давать подписки в объявлении следующего приказа Полицмейстерской канторы: «Многokrатно приказами его превосходительства, господина генерал-порутчика, лейб-гвардии пример-майора, сибирского губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина чрез Тобольскую полициймейстерскую кантору всем живущим в городе обывателям подтверждаемо было, дабы о приезжающих разного звания людях, коих без отводу в полицию хозяева сами собою в дом пускают — одни по знакомству, другие по найму — того ж часу давать знать в полицию, в чем все жители и подписками были обязаны. Но, к большому неудовольствию, его превосходительству ведомо, что приехав-

ший из Исецка канцелярист Василий Карагаев стал в доме у тобольского купца Григорья Мисаилова, который о приезде упомянутого канцеляриста не дал знать в полицию, за что приказать изволил его превосходительство купца Мисаилова, яко ослушника приказов и ненаблюдающего полезных распоряжений, взять в полицию под караул, посадить в (на) цепь на три дня и давать хлеб и воду, а по прошествии трех дней доложить, а дабы впредь никто того отважиться делать не смел, то о том наистрожайше в последний раз подтвердить приказами».

Меры к ремонту «мостовой»

За время строгостей Чичерина наряду с обычными мерами к исполнению тех или других распоряжений в виде плетей или кнута тоболякам приходилось иногда выносить более тяжкие взыскания при совершенно мало-важных случаях. Такие взыскания, как видно из объявления Полицмейстерской канторы, публиковавшегося по городу 29 апреля 1774 г., налагались и в случаях неисправности городской «мостовой». «Насланным его высокопревосходительством, — говорится в этом документе, — господин генерал-порутчик, лейб-гвардии пример-майор, сибирский губернатор и кавалер Денис Иванович Чичерин в Тобольскую Полицмейстерскую кантору приказом повелевать изволил, дабы отныне впредь живущие в городе Тобольске обыватели порядочным образом, где делаются на мостовой выбоины и скважины, то б вставлять в тех поврежденных местах целые доски, а не мелкими вставками, отчего проезжающим как людям, так и лошадям происходит вред, как и то и сего числа воспоследовало: во время проезду господина полковника Булгакова цуговая лошадь проломила ногу на мостовой и ногу в drobные части изломала, а сидящий на ней фарейтор, летя с нее стремглав, поднят полумертвый. Почему его высокопревосходительство, господин губернатор приказать изволил: хозяина того дому, против которого сие несчастие приключилось, высечь на рынке с барабанным боем нещадно плетями и, выбрив голову, употреблять два месяца в каторжную работу, а прочим всем обывателям

накрепко подтвердить, дабы против каждого дому мостовые были в хорошей исправности, и обязать всех подписками».

Приказ о «тараканах»

В то же памятное время по домам обоих посадов города разносился в копиях следующий приказ Полицмейстерской конторы, последовавший за собственноручной подписью Д.И. Чичерина 22 октября 1776 г. за № 1165: «Как ныне наступило время холодное, то за первое предлагаю во всех харчевнях и где хлеб и калачи пекут, вымораживать тараканов. Равным образом и во всех в Тобольске домах от полиции о том же объявить». Любопытно, какая кара ожидала неисполнителей этого распоряжения.

Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири

i

Начинающему говорить о чем-либо из сибирской жизни нередко приходится начинать дело от времен блаженной памяти Ермака, но для повествователя о сибирских кладах и кладоискании представляется необходимою более отдаленная экскурсия: в последнем случае в интересах полноты он должен остановить внимание читателя и на тех отголосках седой древности, которые касаются уже сферы чисто мифических представлений.

Известно, что вера простого народа в клады, как плод мифического мировоззрения, зародилась в наших предках с незапамятных времен. Переходя от темной народной массы в высшие сословия, она постепенно окрепла и развила в своих последователях ту любовь к кладоискательству, которая жива в русском народе до наших дней. Благодаря этому, в истории кладоискательства Древней Руси следует различать два периода — языческий и христианский. Материалом для ознакомления с первыми проявлениями верований в клады остаются пока одни упоминания русских былин и сказок о несметных богатствах, сокрытых в лесах, горах, пещерах, т.е. такой материал, полной оценки которого у нас еще не сделано. Называя охранителями этих богатств то бессмертных Кощеев, то разных Змеев Горынычей да Тугаринов Змеевичей*, народная фантазия довела сказания о кладах до пределов баснословия, в котором назван-

* В «Заметках о собственных именах в великорусских былинах» А. Соболевского сказано, что имя Кошей, как известно, из «Слова о полку Игореве» и летописей, в XII веке считалось за имя нарицательное, а позже означало «раб»; за собственное имя оно встречено в одном документе 1459 г.; имя же Тугарин не было редким в употреблении, как имя собственное в XVI—XVII вв. — Жив. старина. Вып. П. 1890. С. 105.

ные мифические существа, выступавшие обыкновенно в роли врагов старых богатырей, считались нередко ужасом целой земли: так, например, на мрачном лесистом Севере в одной из пещер отдаленных Печорских гор жила крылатая змея с птичьим носом и двумя хоботами, которая известна была под именем Аспиды, никогда не садилась на землю, а всегда на камень, и куда бы полетела, могла все опустошить; на пустынных же берегах Волги славилась Змиева гора; там обитал дракон с шестью головами, долго летавший на Русь и делавший опустошения, пока один из богатырей не убил его и он не превратился в камень*. Несмотря, однако ж, на страхи, внушаемые охранителями кладов, языческая теория в общем не отвергала возможности добычи клада, считая орудием к тому физическую силу своих богатырей. Этот взгляд изменило уже христианство. Вместо мифического существа обладателем клада, скрытого в земле, по понятиям христиан является дьявол и даровым богатством соблазняет неопытных и корыстолюбивых людей на погибель души, требуя от них за это или живой головы, или же какой-либо другой дани: «аще бо или серебро, или злато сокровенно будет под землею, — говорится в «Сказании о Борисе и Глебе», — то мнози видят огонь горящъ на том месте, то диаволу показующу сребролюбивых ради»**. Тем не менее в народных понятиях клад представляется как бы живым существом, легко поддающимся на освобождение себя от опеки дьявола и охотно отдающим свои богатства всякому, кто только сумеет найти для этого какие-либо средства. На отыскание таких средств выступило во всеоружии древнее колдовство. Колдуны доискались, что в добыче клада имеют большую силу разные травы. Благодаря этому, старые травники содержат немало указаний на средства для отыскания кладов. Более всего рекомендуются травы: плакун, петров крест, Иванова глава, спорынь, бел-кормалец, обьяр, шапец и другие. По записи одного из упомянутых травников премудрость разыскания клада рассказана так: «Если хочешь о кладе доподлинно изведать есть или нет, и где положен, и на что, и кем, и как его взять — возьми

* *Костомаров*. XXI. С. 266, 267.

** *Витевский*. Клады и кладоискание на Руси//Извест. общ. арх. ист. и этногр. при Казанском университете. Т. XI: Вып. 5. 1893. С. 411.

шапцев корень да (от) Воскресенской (свечи) воск и раздели надвое, и одное половину, очертя воском, положи на кладовое место, а с кладового места возьми земли и с оставшейся у тебя половиной опять раздели надвое и будет три части, одна в земле на кладе, а другую на ночь в головы клади, а третью под бок себе или чистым платом у сердца привязывай на ночь, то в то же ночь придет клад и будет во сне с тобой говорить, как положен и на что положен, на худо или добро, и сколь давно, и как лежит, в том ли месте, где свеча воскресенска да шапец или дале, и в которой стороне, и как взять, и доподлинно тебе все расскажет и взять велит. Сия трава и спорышева, и обьярева, и кормолцева испытаны. А сие делать по три ночи, то все изведать»*. В некоторых местностях убеждение народа в силу трав при добыче кладов создало удивительные рассказы. По одному из таких рассказов, записанному В.Н. Витевским в Симбирской губернии, крестьянка села Подвалья Сенгилеевского уезда Абрамова-Азовская, жившая в шестидесятых годах, узнав об одном кладе, скрытом в деревне Матюниной того же уезда, несколько лет разыскивала для добычи клада траву разрушевку. «На дворе Филипа Самсонова, — говорила Абрамова, — положен клад во 104 миллиона рублей. Там находится жестяная таблица, прибитая к матице из черного дуба. В выходе стоит стол, на столе лежит Евангельска книга, тут же стоит и блюдо, а на блюде лежит камень-самоцвет весом в полтора фунта. В углу выхода поставлены 42 ружья, вокруг их — медная шпонычка, или кольцо, блестящее, как золото. В выходе же находится часовня, а в ней стоит животворящий крест, да тут же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; пред их иконами горит большая неугасимая свеча. В кладу положено двойное золото, серебро все крестовики, жемчуг и медные деньги, все с конями. Около клада стоит пристав (черт) и никому не дает денег; внезапно, говорит, трава найдется с восхода, и казна туда пойдет; есть подвал, туда и пойдет казна. Кто возьмет этот клад, тому построить собор-церковь и поставить в ней животворящий крест, находящийся в выходе, а икону Арсидимы Божией Матери отнести в Соловецкий монастырь, где она была раньше и откуда вывез ее какой-то разбойник,

* Забелин. Истор. русск. жизни. Ч. II. 1879. С. 377, 513. Прим. 181.

побратавшийся с царем Иваном Васильевичем Грозным. Однажды, когда царь проходил по одной из московских улиц, навстречу ему попался разбойник. «Кто ты?» — спрашивает царь. «Разбойник», — отвечает тот. «А ты кто?» — любопытствует разбойник. «И я разбойник!» — отвечал Грозный и сказал: «Пойдем исхиживать царя!». Тогда разбойник ударил его в щеку и сказал: «Разве можно исхиживать⁵⁰ белого царя?». Узнав потом при содействии своей хитрой жены, что он ударил царя, разбойник закручинился, что царь прикажет снести ему голову за обиду, но жена успокоила его, что царь этого не сделает, потому что он не ведал, что бьет царя, а ударил разбойника и стоит за царя же. В другой раз тот же разбойник узнал, что царю хотят поднести после обедни просфору с ядом, он пришел к царю и сказал, чтобы он не брал просфоры. Иван Васильевич обнял разбойника, поцеловал и назвал его меньшим братом. Видя скупость своего брата, разбойник задумал пожить царской казной и стал молиться: «Помоги мне, Никола Милостивый, увезти у своего брата названного банк с казной и положить его на 42 человека бедных!». Никола Милостивый и помог ему: на семнадцати тройках разбойник увез царскую казну и зарыл ее в Митюнинском лесу. Огромный ларь с двойным золотом подперт железной рогатиной, вроде ухвата. Казна положена ни купцу, ни боярину, а на бедных 42 человека. Кто подымет этот клад, тот должен камень-самоцвет и камень невидимый отослать к царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а в зень (карман) его не класть. От невидимого камня много пользы: если белый царь объедет с ним Расею, она сделается невидимою для ее неприятелей; а кто найдет и достанет замочную траву, тому двойного золота гарнец. Траву нужна для того, чтобы сшибить замок у сундука, в коем хранятся планы, а замок весом 16 фунтов. В выходе слышится иной раз слабый женский голос: не усилийся, раб Божий, своей силой поднять казну, найди траву разрушку и выручи Божью Матерь из неволи, и тогда всему твоему роду и подродью будет царство небесное». Случайное созвучие слов «подвал», куда пойдет клад или казна, и Подвалье, где жила Абрамова, усиливали в ней уверенность, что клад должен достаться непременно кому-либо из жителей села Подвалья. Она

истратила все свое состояние на отыскание заветной травы, но не могла найти ее и умерла с глубоким убеждением в существование этого клада*. Иногда розыски трав легковерными представляли для хитрых людей легкий способ наживы: так, в сороковых годах в Орле жил крестьянин Милютин, который уверял, что у него под избою находится клад; он спаивал многих дурманом и уводил в подполье, где они в подробности видели клад и давали ему деньги, чтобы достать разрыв-траву, без которой клад не давался**.

Таким образом, представляясь в народных понятиях живым существом, клады вместе с тем кажутся как бы и одаренными волею и даже капризами. На это в любопытном труде покойного профессора Н.Я. Аристова «Предания о кладах», касающемся преимущественно Симбирской губернии, приводится несколько примеров. Так, в 1752 году священник села Помаева Буинского уезда Кирилл Михайлов решился во что бы то ни стало добыть клад, зарытый в овраге между селом Помаевым и деревней Атяшкиной. Вооружившись крестом и Евангелием от бесовского наваждения, о. Кирилл, отличавшийся необыкновенной смелостью, отправился на место клада и принялся отрывать его, но страшные привидения до того перепугали его, что он бежал со страху, оставив на месте крест и Евангелие. В селе Елшанке Сенгилеевского уезда дьячок стал рыть яму, чтобы поставить воротную веревку; вырыв яму не более аршина в глубину, он наткнулся на громадную корчагу, наполненную доверху серебряными деньгами. Пораженный неожиданной находкой, он от радости и удивления выронил из уст неприличное словцо, и корчага с деньгами провалилась в землю***.

Насколько была распространена у старых людей вера в клады, показывает приверженность к ней русских князей, царей, духовенства. Но и в высших сословиях дела о кладах не обходились без дьявола. Так, по свидетельству одной из рукописей Румянцевского музея, однажды бес, желая нанести неприятность Авраамии Ростовскому, преобразился в воина и, явившись к великому князю Владимирскому, доложил ему, что Авраамий «налезе в земли сосуд медян, в

* Витевский. Клады и кладоискание на Руси. С. 414-416.

** Труды Орловск. учен. архивы. Комиссии. 1889. С. 10-11.

*** Упомянутая статья Н.Я. Аристов. С. 718.

нем же множество сосудов златых и поясов златых» и что на это сокровище, которому «не мощно и цены уставити», Авраамий и монастырь устроил. Поверивши бесовской выдумке, князь приказал схватить подвижника, но у него оказалась лишь одна власяница⁵¹. В Печорском патерике приводится рассказ, как великий князь Мстислав мучил двух монахов, пытая, куда они спрятали клад, будто бы найденный ими в одной пещере*. Из русских царей кладоискательством занимался царь Иван Грозный. Одна из летописей половины XVI века передает рассказ о том, как Иван Васильевич открыл клад в новгородской Софийской церкви: «Приехав нощию и начать пытати про казну ключаря софейского и пономари и много мучив и не допытався, понеже не ведаху; и прииде... на всход, где восхождаху на церковныя палаты и на самом всходе, на правой стороне, повеле стену ломати, и просыпая велие сокровище, древняя слитки в гривну и в полтину и в рубль, и насыпав возы, посла к Москве!»**. Во времена Петра Великого кладоискательству страстно предана была одна из сестер Петра — Екатерина Алексеевна. Царевна завела сношения с костромским попом Григорьем Елисеевым и призналась брату, что поп Гришка был у нее для того, будто он по планетам клады узнает; последний же чистосердечно поведал, что говорил так царевне «обманом для взятку». Несмотря на это, из головы царевны не выходило кладоискательство, и она посылала своих слуг на кладбища разрывать могилы и вообще проводывать, нет ли где кладов. Узнав, что в 220 верстах от Москвы на дворе у мужика в хлеве под гнилыми досками стоит котел денег, царевна послала туда «для взятка кладу» дворцового сторожа, но клада не найдено; лица же, указывавшие на этот клад, по розыску Петра оказались также «обмадами»***.

* *Витевский*, Клады и кладоискание на Руси. С. 412.

** *Карамзин*. История государ. Российского. Т. VIII. Прим. 153. По другому известию, подобный же клад («сребра древних рублев новгородских литых 170, а полтин 44») найден был ранее, в 1524 году, в земле при подавлении новгородской Пятницкой церкви; чрез четыре года (в 1528 г.) летописец прибавил к этому известию такую подробность: «28 октября, в час обедни, в церкви Пятницы опустился помост у левого крылоса, где прежде нашли клад; народ бросился из церкви, и множество людей задавили, 80 женщин и 4 мужчин...» (*Карамзин*, VII. Прим. 383).

*** *Соловьев*. История России. Т. XV. С. 138-139. Т. XIV. С. 283-284.

Благодаря таким устоям народных верований в клады, первые русские насельники Сибири вслед за походами Ермака начали выдвигать на пространные дебри завоеванных земель целые партии кладоискателей. Баснословные сказания о сибирских богатствах вообще и особенное изобилие в Сибири древних городищ, могил и курганов на первых же порах русской колонизации обратили сибирское кладоискательство в особый промысел, заманчивость которого развивалась и усиливалась местными преданиями о кладах.

К сожалению, литература сибирского кладоискательства весьма бедна и отрывочна: сибирские летописи не дают по этому предмету никаких указаний, а труды двух-трех сибирских историков заключают весьма немногие, при том как бы случайные, замечания, вытекающие уже из популяризации других сторон сибирской жизни.

Не располагая вообще достаточным материалом, мы не можем обещать многого по исследованию сибирского кладоискательства и в предлагаемой статье. Задача ее — передать в одном цельном изложении те отрывки, какие дает для ознакомления с одной из любопытных сторон сибирской жизни общая история Сибири, и вместе представить по другим источникам такую же группировку народных преданий о кладах в отношении Западной Сибири*.

II

Первые сведения о сибирском кладоискательстве встречаются в замечаниях иностранцев, бывавших в старой Сибири в половине XVII и начале XVIII столетий. Весьма образованный по своему времени ученый серб Юрий Крижанич, проживший в Сибири пятнадцать лет (с 1659 г.) в одном из своих сочинений о сибирских царствах говорит: «В Сибири есть неизвестные могилы древних скифов, на которых уже выросли кустарники или лес, разыскать их можно не иначе,

* О кладах Восточной Сибири в свое время печатались статьи в «Северной Пчеле», 1857 г. (*Н.С. Шукин*. Клады Восточной Сибири//№ 222), «Записках Сибирского отдела Имп. Русск. геогр. общ.» 1864 г. (*П. Кельберг*. Клады за Вайкалом//Кн. 7. С. 89-91) и «Живописи. Обозрении» 1874 г. (Клады в Восточной Сибири//№ 22. С. 342—344); о кладах же Западной Сибири, если не считать найденной по смерти известного по разнородным сочинениям о Сибири С.И. Гуляева в рукописи любопытной статьи «Бугровщики», остающейся неизвестно почему до сего времени ненапечатанной, мы подобных трудов не знаем.

как при помощи колдовства. С этой целью некоторые люди отдаются чернокнижию и, найдя таковые могилы, иногда вырывают из них немного серебра. Я сам видел серебряные сосуды, вырытые таким образом»*. Известный географ Витзен, имевший в своем музее некоторые сибирские древности, в сочинении «Северная и Восточная Татария» (Noord en Oost-Tartarye), изданном в 1692 году в Амстердаме, говорит, что «недалеко от Тоболя встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых, кроме костей покойников, была находима металлическая утварь из серебра, меди и железа». Подобные сведения встречаются и в сочинениях других ученых, путешествовавших по Сибири и обращавших внимание на культурные остатки древних сибирских народов, как, например, Штраленберга (1730 г.), Гмелина⁵² (1751), Палласа⁵³ (1771—1776), Георги⁵⁴ (1772—1774), Сиверса (1796) и других. Но первым ученым, обратившим большое внимание на расхищение кладоискателями сибирских древностей, был доктор Мессершмидт⁵⁵, пробывший в Сибири по поручению Петра Великого около семи (1720—1727) лет. В обширном дневнике его о современных ему кладоискателях, или «бугровщиках»⁵⁶ встречаются, между прочими, следующие замечания.

«25 марта 1721 г. русские, живущие по верхнему течению Оби, называются ишимцами; они-то и отправляются на промыслы за откапыванием золота и серебра, находимого в могилах; впервые занялись этим русские, жившие на Ишиме, откуда они подвигались все далее и далее, пока в своих поисках таких могил не дошли до Оби; поэтому всех поселяющихся здесь, на Оби, пришельцев из Тары, Нарыма, Тобольска, Казани, Соликамска и других местностей, называют ишимцами и ишимскими. В этой Чаусской слободе около 150 жителей, занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами... Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются за 20—30 дней езды в степи, собираются со всех окрестных деревень в числе 200—300 и более человек и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расхо-

* История о Сибири//Сибирь в XVII веке: Сборник старинн. русских статей. Изд. Г. Юдина. 1890. С. 191.

дятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собой сообщение и в случае прихода калмыков или казаков быть в состоянии защищаться; им нередко приходится с ними драться, а иным и платиться жизнью. Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей — фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов».

«31 октября 1724 г. древние скифские могилы, какие я во множестве встретил 28 октября между Halakannah-chadda на реке Ylach и Baldshmah-amuth, забыв только отметить их в своем месте, были и здесь — при впадении Катанды в Туру, но в меньшем количестве. По-видимому, они уже давно были разграблены русскими, живущими на реке Ингоде и приходящими сюда отовсюду «гуляшниками» или бродягами, и древностей, требуемых его превосходительством г. президентом Блюментростом по высочайшему Его Величества повелению, здесь нельзя отыскать, потому что оне либо законно (по особому указу) сдаются бугровщиками в кассы и приказы, либо незаконно раздариваются воеводам и приказным за угощения пивом и водкой, устраиваемые с этою или подобною же целью под названием празднований тезоименитств и дней рождения, либо иногда продаются другим богатым русским. Сами же бугровщики или могильщики всегда бедняки и себе таких древностей не оставляют».

«28 ноября 1725 г. поручик Рудольфи сообщил мне, что несколько лет тому назад по берегам Оби находилось много языческих могил, наполненных множеством золота и серебра, но что в настоящее время оне разрыты русскими бугровщиками так, что нужно обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть еще на что-нибудь, да притом весьма неважное»*.

По словам первого историка Сибири Миллера, численность сибирских кладоискателей не уступала партиям охот-

* Материалы по археологии России. № 3; Сибирские древности. 1888. Т. I. Вып. I. Прилож. С. 10, 19.

ников на соболиный промысел, а этот промысел доходил в Сибири до того, что «языческие народы ходили в собольих шубах, да и лыжи подбивали соболями»*. Повторяя первое замечание историка, путешествовавшего по Сибири с 1732 года, известный любитель сибирской старины Спасский в статье «О сибирских древних курганах» говорит, что редкие из замечательных памятников давно прошедшего «до нынешнего времени (1812 г.) остались не разрытыми, золото и серебро побудило корыстолюбивых нарушить и в самых сих пустынях мирное убежище покойников»**.

Начальные отдельные случаи кладоискательства в старой Сибири следует относить к первым годам XVII столетия; с половины же столетия, когда русские насельники, считавшие в первоначальный звероловный и бродячий период колонизации края главной прибыльной статьей звероловство, с уменьшением улова пушного зверя и удалением инородцев в степи, горы и леса приступили к хлебопашеству и скотоводству, сибирское кладоискание дошло до размеров общего, весьма распространенного промысла. Видя на землях, отнятых у инородцев, множество курганов, бугров, могильных насыпей, целые артели так называемых «бугровщиков» устремили свою деятельность на разрытие их и добычу сокрытых в них сокровищ. Многие из этих могил или курганов были до того богаты находящимися в них золотыми вещами, что заслужили от кладоискателей название «золотарей». Находки в курганах и могилах золотых и других вещей были весьма нередки. Из множества примеров укажем на некоторые. В одном из курганов, находящихся на левом берегу реки Алея, впадающего в Иртыш, в два поиска*** кладоискателями найдено было в разных изделиях до 60 фунтов золота. Доктор Бел, бывший в свите посланника в Китай капитана гвардии Измайлова (1719—1720), между прочими редкостями, вырытыми из могил кузнецких, видел конного истукана, искусно отлитого из металла, и несколько зверьков из золота. По рассказу тому же Белю одного из кладоискателей, он дорылся однажды до свода, под которым лежал

* Ежемесячн. сочин. и изв. о учен. делах. 1764, март. С. 220.

** Сибирск. вест. 1818. Ч. 2. С. 28.

*** *Костров.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томск, губ. 1876. С. 42.

остов человека на серебряной доске с доспехами: луком, стрелами и колчаном*.

Развившееся кладоискательство и расспросы ученых путешественников о местных древностях возбудили к ним внимание и некоторых более образованных по тому времени сибиряков, особенно же из лиц, облеченных властью. Последние стали составлять у себя коллекции этих древностей, которые, несомненно, терялись для науки, так как собиратели смотрели на них, как на курьезы, и раздаривали их разным лицам, по смерти которых вещи мало-помалу совершенно исчезали. Существует предание, что много таких древностей, полученных от сибирских воевод, погибло в общем богатстве известного губернатора Гагарина. Не так давно (в 1883 г.) сибирские кладоискатели почему-то вообразили, что князь Гагарин, возвращаясь из Тобольска в Петербург, зарыл свои сокровища в одном древнем городке, следы которого находятся против татарской деревни Мулаши по правому берегу р. Пышмы, и принялись разрывать неповинный городок; немного же позднее тюменский купец Т. ради тех же воображаемых сокровищ, разнес, можно сказать, городок до основания и испортил лежащие близ него высочайшие курганы, не найдя, разумеется, княжеских сокровищ**. Что старые сибирские власти присваивали себе значительную часть вырываемых кладоискателями вещей, мы это видели уже из дневника Мессершмидта. В том же дневнике 4 мая 1723 г. рассказывается, что у красноярского воеводы Д.Б. Зубова, «могильного золота, по словам золотых дел мастеров, очищавших это золото, было более чем на несколько тысяч рублей», благодаря чему доктору «не удалось добыть там ничего курьезного»; тот же путешественник в другом месте дневника замечает, что из могильных древностей ему весьма хотелось приобрести красивого шайтана из желтой меди в виде полузверя и получеловека, бывшего во владении нарымского воеводы Ф.Е. Кашинского, но после разных отговорок воевода сказал, что «он сам хочет послать его в Тобольск к

* *Словцов*. Истор. обзор. Сибири. I. 1886. С. 304.

** Записки Зап.-сибир. отд. Русск. Геогр. общ. Кн. VII, 1885. С. 10-11. Вообще народная фантазия присваивает князю Гагарину владение огромными богатствами, о которых, между прочим, поется в одной из былевых песен, записанной в Камышловском уезде А.Я. Кокосовым (Чтен. в общ. истор. и древн. Кн. 3. 1877. С. 104-105).

князю Гагарину»*. По замечанию путешественника Гмелина (в 1735 г.), в числе могильных редкостей другого Красноярского воеводы был вырытый из кургана род подноса и небольшой горшок из серебра под золотом; на подносе были изображены разные фигуры**. В нашем столетии случаи обладания подобными могильными находками встречались между полицейскими чинами, которые иногда даже сами разрывали курганы. По рассказам покойного Н.А. Абрамова, один из бывших заседателей Кокбектинского округа (нынешней Семипалатинской области), разрывая древний курган, открыл в нем могилу, которая была выложена из глинистого сланцевого камня, покрыта внутри алой краской и закрыта плитами из того же камня; в могиле найдено было мелких золотых украшений 19 золотников. В 1853 г. в Туринском округе одним заседателем также в кургане найдено несколько серебряных вещей***. Подобные случаи обладания чинов полиции могильными находками, часто даже весьма значительными (как, например, целыми коллекциями вещей каменного века), были сравнительно и в недавнее время — 60—70-х годах****.

Многочисленные случаи кладоискательства подали правительству повод к некоторым особым распоряжениям относительно кладов. Случаи преследования сибирских кладоискателей встречаются еще за время царя Алексея Михайловича. Упоминаемый выше Крижанич из своего житья-бытья в Тобольске рассказывает такой случай: «У сибирских татар есть обычай погребать с знатными людьми их оружие, серебряные сосуды и конские украшения, а иногда и деньги. Во время моего (там) пребывания умер один бухарец по имени Мурат. Молва говорила, что с ним было зарыто восемь тысяч рублей золотом. Некоторые из московских стрельцов сделали попытку разрыть его могилу, но были уличены и наказаны кнутом*****. В 1669 году до Москвы дошло известие, что в Тобольском уезде около реки Исети и в окрестностях ее кладоискатели выкапывают из татарских могил золотые и серебряные вещи, почему правительство и задалось вопросом: от-

* Материалы по археол. России. С, 18, 10 и 12.

** *Словцов. I. С. 304.*

*** Извест. Археолог, общ. 1861. Т. II. Вып. 4. С. 225.

**** *Тоб. губ. вед. 1892. №№ 37, 42; Сиб. Лист. 1892. № 80.*

***** *История о Сибири. Изд. Юдина. С. 190-191.*

куда татары могли иметь золото и серебро? Ответом на вопрос послужил следующий любопытный, основанный будто бы на башкирских известиях, рассказ старца Далматовского монастыря Лота: «В уфимском-де дистрикте за каменными горами при устьях рек Уфы, Гадае и Яика в горах бесчисленное сокровище золотых и серебряных руд обретается, и в прежние-де времена старинные сибирские татары и калмыки из тех гор золотую и серебряную руду добывали и плавили, что-де и ныне те признаки плавильных печей и копанных ям видны, и об оных рудах те башкирцы нагайской нации у престарелой женщины, которая была в полону в улусе царевича Рючюка и оной от роду имелось более ста лет, уведомились, что в древних летах оные люди, которые в тех местах жили, означенную руду копали и плавили». По рассказу Лота, в указанные им местности были командированы из Тобольска «служилые люди», по расследованию которых приведенные сведения будто бы и подтвердились; оказалось, что вблизи горы, лежащей около реки Тасми, впадающей в Вай, находится башкирское кочевье, жители которого добывают в горе руду, выплавляют из нее золото и серебро и «тайным образом продают российскому народу по 12 рублей пуд»*.

Это темное дело разъясняет нам рассказ того же серба Крижанича, где упомянутый старец Лот является действующим лицом под именем Иова. По этому рассказу, проживая в одном монастыре, лежащем на реке Исети, Иов стал известен тем, что выплавлял из руды, добываемой им из соседней горы, серебро и продавал его по частям в слитках; в действительности же находил его при помощи колдовства в древних могилах. Прибывший в то время в Тобольск воевода, как говорят, носил кольцо, в котором заключалась дьявольская сила. Получив сведение о руде, добываемой Иовом, воевода не замедлил добыть из монашеской горы большое количество камней, которые действительно блестели, как серебро, но в сущности были простым «тальком». Дело дошло до царя, которому воевода донес, что в Сибири есть гора, где много камней, имеющих вид серебра, и что некоторый монах неоднократно выплавлял из них серебро. «Узнав об этом, — говорится далее в рассказе, — царь немедленно послал гонца в Саксонию и велел пригласить оттуда какого-нибудь искусного рудознатца. Таким образом,

* Известия Археолог, общ. Т. V. Вып. I. 1865. С. 38-40.

прибыл некоторый тайный чернокнижник из числа тех, которые называют себя братьями розенкрейцерами. Немного спустя был вызван в Москву и сам воевода; ему было приказано представить хваленый камень, чтобы рудознатец в присутствии царя испытал его доброкачественность. Воевода дал камень, тот взял его, положил в огонь, растолок, подверг действию огня и расплавил. При опыте присутствовали царь и первый из его советников; они, не спуская глаз, наблюдали за тем, чтобы не было никакого обмана. Когда расплавка была окончена, рудознатец представил им две-три, найденные на дне, унции серебра. Но все это произошло благодаря обману, заранее условленному между двумя вышесказанными чернокнижниками: воевода просверлил и продолбил этот мягкий камень буравчиком, а скважину наполнил серебряным песком и искусно прикрыл ее тем же камнем; рудознатец же, будучи соучастником в обмане (и ему было выгодно обмануть царя, чтобы таким образом далее пользоваться щедрым жалованием), нимало не осмотрев камня, поспешил его растолочь, чтобы нельзя было заметить скважины и обнаружить обман. Итак, царь послал этого самого рудознатца к вышеупомянутой сибирской горе, дав ему в помощь других товарищей того же ремесла и два отряда войска*. Пробыв там в течение года или более, они перекопали всю руду, плавили ее и переправляли, но не выплавили серебра ни капли. Итак, до смерти засекши плетью вышеупомянутого обманщика монаха (так как и он по приказанию находился при них), они возвратились в Москву. Воевода же вскоре погиб, убитый разбойниками, а рудознатец был лишен жалования и некоторое время во всеобщем презрении проживал в Немецкой слободе**.

* *И. Тыжнов.* Обзор иностран. известий о Сибири XVI в.//Сибир. Сбор. 1887. С. 116. — Автор предполагает, что этот рассказ касается неудачно окончившихся в 1672—1674 гг. разведок руды в Сибири посланным из Москвы думным дворянином Яковом Тим. Хитрово.

** История о Сибири (см. сноску * на С. 176 настоящего издания). С. 190-191, 193-194. Известный Спасский, помещая в свое время эту «историю» в «Сиб. вести.», отнесся к рассказу Крижанича скептически. По его словам, в отыскании древних сибирских могил (курганов) кладоискатели не могли встречать затруднений, так как на некоторых могилах находились высокие насыпи, на других были поставлены огромные камни, или наложены груды камней, на многих же росли деревья и кустарники, хотя последние могилы находились часто в бесплодных пустынях, не производивших ничего, кроме сухой солонечной травы. «Но в отличении богатых могил от бедных, гробокопатели имели осо-

Обращаясь к колдовству сибирских кладоискателей, мы должны, однако ж, заметить, что старая Сибирь была известна вообще за страну, сильно зараженную суеверием, тем не менее сведений о приемах, употреблявшихся сибирскими колдунами при отыскании кладов, до нас дошло весьма немногое. С этим, впрочем, мы еще познакомимся, а теперь продолжим перечисление тех мероприятий правительства, какие касались сокращения хищнического кладоискательства.

При Петре Первом правительство смотрело на клады, как на богатство, ему принадлежащее. В 1721 году, когда последовало от сибирского губернатора князя Черкасского донесение о золоте, находимом в могилах, издан был известный указ: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою и, не переплавляя, присылать в Берг и Мануфактур-коллегию»*. Сообразно взглядам великого преобразователя, принимала разные меры к уменьшению самовольного кладоискательства и местная сибирская администрация. В апреле 1727 года одна артель кладоискателей в числе восьми человек крестьян Малышевской слободы (Кузнецкого округа) «пошла на степь бугровать и бугровала до июня месяца, и пошла назад в оную слободу, и будучи у озера Горшкового, искала уток лесных и разошлась в рознь; и наехала на них на том озере казачья орда киргизы и взяла их в полон всех 8 человек, и повезла к Иртышу; и один из них ушел с дороги ночью, а четырех человек она казачья орда на станowie убила до смерти; и с того места разъехались, и их Ямышевской крепости солдаты и служилые люди отбили». По этому делу Сибирской губернской канцелярией 27 сентября того же года было определено: трем отбитым у киргизов кузнецким крестьянам, «которые были на бугрование, учинить наказанье, бить батоги нещадно за то, что они ездили в степь без отпуска, и по учинении наказания выслать в Кузнецк, а в Кузнецке и в уезде о том публиковать, дабы никто под жестоким наказанием в степь для бугрования не ездил»**. Позднее, за время императри-

бенный навык и искусство... Вообще заметно... что сочинитель верил чистосердечно чародейству...». — Сиб. вестн. 1822. Кн. 3. С. 55-56.

* Поли. Собр. Зак. VI, № 3738.

** Костров. Юридические обычаи... С. 42.

цы Екатерины II, 3 июля 1764 г. последовал особый указ сената о запрещении выходить за границу на степи для отыскания в древних могилах кладов*, но взгляды правительства на принадлежность ему кладов изменились: на клады, как и все богатства, сокрытые в недрах земли, распространяется право собственности владельца земли, что было особо подтверждено и жалованною грамотою дворянству**. В 1803 г. 7 октября был издан указ, в котором сенат изъяснял, что клад без позволения владельца земли не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может***. В десятом томе свода гражданских законов по изданию 1832 года сказано, что «клад принадлежит владельцу земли», и при том объяснено, что «клад есть сокрытое в земле или строении сокровище»****. В издании того же свода законов 1842 г., т.е. чрез десять лет, повторена снова эта статья о праве владения кладом, но из определения понятия «клад» опущены слова «или строении»*****. Этот же закон о праве владения кладом вошел и в издание свода 1857 года.

Но для сибирских кладоискателей, за редкими исключениями, приведенные распоряжения оставались, видимо, мертвыми; среди бесчисленного множества древних могил или курганов, разных городищ или древних укрепленных пунктов и, наконец, следов древних рудных разработок им казалось выгоднее прислушиваться к местным преданиям об этих богатых памятниках незапамятных времен, чем исполнять требования закона.

III

Народные предания Сибири за хранилища кладов считают больше всего «чудские могилы». Главное предание в этом случае сводится к тому, что в Сибири задолго до прихода русских жила белоглазая чуждь⁵⁷. Она занималась в горах добычею золота и серебра. Перед походом Ермака в чудской земле стала расти береза, которая до того времени была неизвестна. Шаманы объяснили это явление тем, что скоро придут воины белого царя и покорят чуждь. Она испугалась

* Поли. собр. зак. XVI. № 12199.

** Поли. собр. зак. XXI. № 15447.

*** Поли. собр. зак. XXVII. № 20958.

**** См. ст. 269.

***** См. ст. 398.

и зарыла себя заживо со всеми своими сокровищами*. Благодаря этому о некоторых сибирских курганах, имеющих наверху ямы, в народе существует убеждение, что такие курганы осели вследствие подгнивших внутри их стоек**. Приведенное предание особенно распространено в Западной Сибири, в Восточной же Сибири оно встречается между некоторыми племенами инородцев: тунгусы, например, рассказывая о покорении их русскими, прибавляют, что многие из предков их сделали род навеса, на который насыпали земли и камней, затем собрались под навес, подрубили столбы и заживо погребли себя***.

Несомненно, что рассказанное предание пережило несколько редакций, и две приведенные из них, по упоминаниям «Ермака» и «русских», можно относить к числу более поздних. В соседнем Пермском крае предание это варьируется несколько иначе, и пермские редакции его во всяком случае древнее редакций сибирских. Ни Ермака, ни березы в последних не упоминается. По записи А.Е. Теплоухова, князя и начальники чуди, жившей на западных предгорьях Урала, теснимые русскими миссионерами и поселенцами, предпочли, — чтобы спасти свою языческую религию и умереть, как мученикам в стране своих отцов, — прокопать подземные ходы, куда они скрылись со своими семействами и сокровищами, и, наконец, сняв деревянные подпорки, зарыли себя живыми****. По другому варианту предания, в чудских ямах при появлении в Пермской стране Степы-угодника (св. Стефана)⁵⁸ чужь погибла не вся: «много тоже ее в лес убежало, — говорят пермяки, — мы вот теперь от этой чуди и народились»*****. В чудских ямах, по другим рассказам, скрыты великие богатства, клады, так как в чуди все были большие разбойники, которые целыми ватагами нападали на деревни и города и грабили, а

* Костров. Юридические обычаи... С. 42. В «Записках об Енисейск, губернии» И. Пестова (1833. С. 294—297) помещена, между прочим, песня татарского башлыка о чудских могилах в Минусинском округе, передающая совет вещей шаманов чуди — закопаться в землю.

** На дачах, например, Суэтского участка Барнаульского округа. — В.М. Флоринский. Топограф, сведения о курганах Запад. Сибири. 1889. С. 51.

*** Известия Восточ.-Сибир. отд. Географическ. общества. Т. XXI. № 2. С. 10.

**** О доисторических жертвенных местах на Уральских горах. — Записки уральского общ. любителей естествозн. 1880. Т. VI. Вып. I. С. 29.

***** Вести. Европы. 1883, март. С. 235—236.

потому денег у них было видимо-невидимо. Многие обогатились от этих кладов*. В Чердынском уезде, например, находятся два огромных массива — Золотая гора у села Акчима и Говорливая скала у села Говорливого. Обе эти возвышенности являются доминирующими над окрестностями и служат предметами многих сказаний и легенд о чуде; в Золотой горе будто бы скрыты многие чудские клады и сокровища, и можно слушать даже, как звенит золото, которое пересыпают духи горы в часы полночной тишины**.

Сопоставляя приведенное предание с тем материалом, которым старается осветить туманный доисторический период древних народов Сибири наша историческая наука, и задаваясь вместе вопросом, кого именно разумеет то предание под именем чуди, мы встречаемся с массой разнохарактерных обобщений. Заметим, что чудь упоминается в наших летописях как многочисленный народ. По словам Миллера, «чудь знаменует на русском языке вообще первобытных жителей, ибо ежели вы на берегах Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрепление, могилу, древнее здание, спросите у жителей, кто соорудил их, то они вам отвечают: «Чудь — народ, который обитал здесь прежде русских». Но к этому замечанию относился скептически уже Карамзин***, а за ним и позднейшие историки. Не входя в оценку образовавшихся по этому поводу весьма разнородных теорий, как не относящуюся к задаче настоящей статьи, мы коснемся лишь того обобщения, которое, благодаря китайским указаниям, в связи с успехами современной археологии, представляется как бы канвой, в которой можно находить узор, послуживший зародышем упомянутого предания.

Известно, что древняя Сибирь, как и все восточно-азиатское плоскогорье, была великим, редко затихавшим трак-

* По замечанию Н. Добротворского, эти рассказы составляют, несомненно, намек на «разоренье», какое делали финские племена русским в XIII—XV стол. — Там же. С. 236.

** *А.В. Елисеев.* По белу свету. 1893. С. 122.

*** *Карамзин.* Истор. госуд. Российск. I. Прим. 73. Сибирский историк Фишер (Сибир. история. 1774. С. 79 и 80) слову «чудь» дает такое объяснение: «Заключаю под ним не токмо эстлянцов и финнов, но и всех народов, говорящих сродным финскому языком; во всеобщем смысле слово «чудь» значит у россиян неопределенным образом чужого, или человека, которого жилище никому неизвестно, почти так же, как прежде сего скиф и варвар, или ныне татарин».

том народных эмиграции, направлявшихся от востока к западу. По сведениям китайских историков, самыми отдаленными от нас по времени были перекочевки с востока разных народов тюркского происхождения, а именно: хунну, сделавшихся могущественными в III веке до Р.Х., затем жунжан, позднее Тукю, Хойхой и, наконец, Хагас. Начало таких перекочевок относится к IV веку после Р.Х. Направляясь к западу, эти народы в большей части своей, естественно, должны были сталкиваться с аборигенами Сибири, положение которых объясняется до некоторой степени теми же историками. В северной истории (Бэй-Шы) говорится, что в 492 году уйгурский царь Афуджило покинул с 100000 своего народа Селенгу, направился на запад и основал на верховьях Иртыша самостоятельное государство. Далее та же история сообщает, что Или-Хан-Тумын, царь восточных тукю, напал с севера (Алтая) на передвигавшихся к Иртышу телесов (уйгуров) и подчинил себе Аймак, состоявший из 50000 кибиток. Под влиянием победы Тумын отправил к Анахуану, главе народа жунжан, предложение брачного союза с его домом, но Анахуан, разгневанный такою дерзостью, отвечал: «Как осмеливаешься ты, мой плавильщик (т.е. занимающийся обработкой металлов), делать мне такое предложение?». Впоследствии Тумын, породнившись с китайской династией Вей, в 552 году послал войско против жунжан и одержал над ними победу. Затем, по другой истории (династии Тхан), между уйгурами и народом хагас велись продолжительные войны. Государство Хагас, жителей которого позднейшие китайские писатели называют киликиси (киргизы), было весьма могущественно, имело до 80000 строевого войска и простиралось от верховьев Иртыша до верховьев Енисея, занимая собственно Алтай.

Однако ж, владычество тюркских племен в Сибири, особенно процветавшее в IV—VII столетиях, вследствие внутренней борьбы насельников постепенно слабело, пока, наконец, в XIII веке не было низвергнуто стремившимися с востока народами монгольского происхождения под предводительством Чингисхана.

Таким образом, приведенные сведения указывают нам время, когда тюркские и монгольские народные волны попали в Северную Азию; по географическому же расположе-

нию туземцев на севере Сибири можно думать, что до этого времени две упомянутые волны таким же образом вторгнулись с юга на Алтай. Это племена енисейцев и угро-самоедов⁵⁹. «Так как последние, — говорит автор любопытной статьи «Аборигены Сибири» В.В. Радлов*, — принадлежат по языку к семейству урало-алтайских народов, то угро-самоеды в прежние времена жили, без сомнения, близко от тюрко-монголов, и не без основания можно полагать, что они принадлежали к тому племени, которое до тюркских племен удалилось с древнего местожительства урало-алтайцев. Из этого следует, что енисейцы, совершенно отличающиеся по языку от урало-алтайских племен, собственно самые древние жители Сибири. Это доказывает и малочисленность енисейцев, которые скоро совершенно исчезнут. За енисейцами же, может быть, во времена народа Хунну, т.е. до начала нашего летоисчисления, последовали племена угро-самоедские. Что самоеды действительно перешли через Алтайский хребет, доказывают нам камассинцы, живущие на правом берегу Енисея; койбалы, которые только в начале прошлого столетия переселились с Саянских гор в покинутую киргизами Абаканскую степь, и, наконец, некоторые племена саянцев, которые все, без сомнения, самоедского происхождения». Многочисленные археологические исследования, произведенные в Сибири в 1860-х годах и позднее, особенно же исследования тех копей, которые упрочили за собою название «чудских», остановили В.В. Радлова на мысли, что угро-самоеды во время переселения в упомянутые местности знали уже употребление металлов, благодаря чему этот же народ оставил нам и все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовому периоду, т.е. тому времени, когда еще не было известно употребление железа. «Разрабатывая копи, — говорит академик в другом месте упомянутой статьи, — рудокопы этого народа следовали за направлением металлоносных штоков, которые поднимаются из глубины к поверхности земли. Все штоки наверху шире чем внизу; недостаток в инструментах заставлял работать большею частью на поверхности земли. Глубина штоков нигде не превышает 7 сажен. Хотя угро-самоеды и умели подкреплять свои копи (во многих из них

* Живописная Россия. 1884. Т. XI. С. 7, 8 и 9.

находились деревянные крепи в потолках камер), но они все-таки, как кажется, не были опытны в искусстве установления крепей, так как нередко их штоки проваливались и работники погибали, что доказывают нам встречающиеся в коях скелеты и сумки с рудой. Громадное количество чудских копей свидетельствует о значительном распространении горного дела, так что угро-самоеды добывали не только необходимые для своего употребления металлы, но и вели ими обширную торговлю. Для расплавления медной и звонкой руды угро-самоеды имели в разных местах Алтая и Саянских гор плавильные печи. Следы таких печей приходилось встречать очень много, особенно при устье реки Шулбы, впадающей в Иртыш»*.

Легко может быть, что скелеты древних сибирских плавильщиков, мирно почивавших в своих случайных могилах на пластах богатой руды, послужили в приведенном выше предании олицетворением той белоглазой чуди, которая в испуге от неприятеля зарыла себя живою. Нелишне заметить, что по народным понятиям эта белоглазая чудь, или те «чудаки», которые хранят свои клады, внезапно оживают, лишь только кто-нибудь приблизится к их сокровищам. Последнею подробностью упомянутое предание дополняется в Томской губернии, там говорят еще, что вид этих чудаков до того ужасен, что некоторые смельчаки, разрывавшие могилы их, выходили оттуда совершенно помешанными и не могли поправиться во всю жизнь**.

Наряду с общераспространенным преданием о кладах, оставленных чудью, в Западной Сибири существует немало преданий о кладах, относящихся ко временам татарского владычества. Подобно «чудским могилам», большинство кур-

* Там же. С. 11 и 12. — По словам А.Е. Теплоухова (Записки Уральско-го общества любителей естествозн. Т. VI. Вып. I. С. 29), до сих пор в бассейне реки Камы не открыто ни одного кладбища с кладами, и вышеупомянутое предание о чуди, быть может, зиждется на том, что в Алтайских горах, а отчасти и на Уральских, найдены брошенные серебряные и медные рудники. Они были давно известны местным жителям под именем «чудских» копей и во время заселения страны русскими служили поводом к заложению правильных горных работ. В этом отношении особенно замечателен на Урале Гумешевский рудник, в 53 в. к югу от Екатеринбургa, описанный Чупиным (Географ, и статист, словарь Перм. губ. С. 417—433).

** Костров. Юридическ. обычаи. С. 43.

ганов, скрывающих эти клады, давным-давно и в некоторых местностях даже по несколько раз были разрываемы кладоискателями. Приведем из этих преданий более любопытные.

В восьми верстах от нынешнего г. Кургана на живописном левом берегу р. Тобола, там, где до города была первоначально, около 1663 года, основана слобода Царево городище, возвышается высокая местность, называемая татарами Алгинским, или Знаменитым яром. Здесь в древности имел свою юрту один знаменитый из татарских или нагайских ханов. В семействе отличалась необыкновенною красотою дочь. Судьбе угодно было прекратить ее жизнь в летах расцветающей молодости. По смерти родители похоронили милое дитя вблизи своего жилища и над могилой приказали насыпать высокий земляной курган. Курган этот известен под именем Царева. В первый раз русские кладоискатели разрыли его еще до водворения своего в Сибири, и в нем найдены были серебряные сосуды, дорогие украшения и разные вещи. При таких поисках будто бы погребенная под курганом царица, не могшая выносить нарушения покоя, принуждена была оставить свою могилу. В одну летнюю ночь, когда кладоискатели разрывали курган, вдруг из глубины его на окованной серебром колеснице, запряженной двумя белыми лошадьми, показалась юная девица-красавица с распущенными волосами, в блестящем разными камнями головном уборе и богачейшем татарском платье. Она мгновенно пронеслась к западу и вместе с колесницею утонула в глубине Чухломского озера, находящегося в недалеком расстоянии от кургана*. Есть сведения, что в XVIII столетии до открытия в Тобольске наместничества, когда Курганский округ подчинен был Оренбургской губернии, оренбургский комендант Мещерский, начиная с Царева кургана, разрыл еще несколько курганов, но что нашел в них — неизвестно**.

В двадцати верстах от Тюмени, кругом Андреевского озера (влево от тракта на Омск), до сего времени сохраня-

* Известия Археолог, общества. Т. П. Вып. 4. 1861. С. 224 и 226.

** Там же. С. 224; Тоб. губ. вед. 1860. № 5. — Курганский округ вообще изобилует курганами. Они описаны в ст. Р.Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе», помещенной в «Тоб. губ. вед.» (1873, №№ 18—22, 24 и 25). Царев-курган уже после раскопки Мещерского описан был и Далласом в его «Путешествии по России».

ются следы находившихся тут когда-то древних городков⁶⁰, где также хранятся клады. Местные татары относят эти городки к глубокой древности, а сооружения их приписывают каким-то девицам-фуриям. Счет ямок внутри каждого городка ведут по числу этих фурий. «Здесь жило сорок злых девок, — говорил И.Я. Словцову, осматривавшему следы одного из этих городков местный татарин Усман, — а вот на Пышме против Мулаши — там много, старики рассказывают, семьдесят семь». Воображение татар, вероятно, и в настоящее время населяет эти городища сонмом злых духов, так как после каждого посещения их они окуриваются. Окуривание делается женщинами с той целью, чтобы злой дух не прокрался в комнату вместе с хозяином*.

На месте старой татарской столицы Сибири Искера вблизи Тобольска сохраняются будто бы клады известного сибирского хана Кучума, бросившего здесь часть своего богатства. Миллер говорит, что «окольные российские жители, ищущие закопанных в земле пожитков, везде глубокие ямы покопали, из которых некоторые недаром трудились»**; то же подтверждает и другой сибирский историк Фишер***. Позднее любитель-археолог М.С. Знаменский между следами старого Кучумова жилья видел, между прочим, колодезь, который некоторые считают подземным ходом; тут-то, говорит предание, и спрятаны ханом некоторые из своих пожитков. По словам одного старика, этот колодезь сверху обложен был каменными плитами. «На моих памятях, — говорил этот старик в 1880 г., — эти плиты аламасовские крестьяне разобрали себе в печи, да, видно, зарок был у татар наложен: все перемерли, которые плиты-то взяли... не приведи Бог и богатство его искать»****.

По преданиям тобольских татар, немало дорогого имущества Кучума сокрыто в местах старых городков, находящихся в ближайших к Тобольску окрестностях, где жили некоторые из жен хана. На одном из этих городков, следы которого находятся на крутом обрывистом берегу Иртыша в 7 верстах от Тобольска, где жила царица-красавица Суз-

* Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ. Кн. VII. 1885. С. 32.

** Миллер. Опис. Сибир. царства. 1750. С. 135-136.

*** Фишер. Сибир. ист. 1774. С. 132.

**** М. Знаменский. Искер. Тоб., 1891. С. 8.

ге, в темные ночи нередко видится огонек; по другим же рассказам — над обрывом горы видали даже всадника на огненном коне*.

Но самая значительная часть богатств Кучума заключается в кладах, хранящихся в могиле его. Предание об этом записано в 1862 году в Кузнецком округе Томской губернии со слов крещеного татарина Алексея Малькова, считающего себя потомком Кучума. По словам предания, когда Кучума вытеснили из Искера, то хан поселился на реке, называемой ныне Кучу-Мында (Кузнецкого округа в Алтайском крае). Кучу-Мында течет из высокой горы Абат и впадает с правой стороны в реку Тайдан, а эта последняя с правой же стороны в реку Томь. Здесь-то и окончил свои тревожные дни побежденный русскими удальцами хан и похоронен с живой девицей, а над его могилой насыпаны три кургана (шихана). Средний шихан больше остальных: под ним находится самая могила Кучума, под двумя же боковыми зарыто его имущество. Эти курганы местные ясачные (Аильской инородной управы) инородцы хотели было разрыть, но побоялись**.

К северу Западной Сибири татарские предания о кладах сменяются русскими. Этих преданий немного. В большинстве случаев старые владельцы богатств, заключающихся в этих кладах, русскому человеку неизвестны; он знает одно, что клады эти есть, но добыть их нелегко — мешает «нечистая сила». Таково, например, предание о кладе, хранящемся на старом городище села Самаровского, в 500 верстах к северу от Тобольска.

«Давно это было, если верить старикам, очень давно. Плыл самаровец на однопалубке, кажись, с покоса. Глядит: на верху того, эвон, что белеет Городищенского мыса, горит матерая (большая) свеча. Испугался он. Что за напасть! Докуль (пока) живу, экого дива не видывал! Приехал в село, скликал народ, рассказал. Покачали головами самаровцы:

* Тоб. губ. вед. 1882. № 34. — Городки жен Кучума описаны в ст. Н. Абрамова «Алафейская гора», помещенной в «Тоб. губ. вед.» (1862. №№ 21-22). Один из вариантов упомянутых преданий о ночной экскурсии местных татар в городок царицы Сузге рассказан мною недавно в стихотворении «Утес Сузге», помещенном в газете «Енисей» (1895. № 138).

** Ф. Голубев. Могила Кучума. (Из рассказов старожилы)//Сибир. вест. 1889. № 79.

дивья бы (будь бы) он пьян был, баяют, а то мужик тверезый, основательный! Побежали на гору — там ничего нет; воротились назад, посмотрели с реки — в сам деле (действительно) свеча горит; опять на гору — там опять ничего, и так каждый раз. Прошло ни много ни мало, ден восемь, ехал другой самаровец с переметов (рыболовные ловушки), глядь — на Городищенском мысу, на том самом месте, где видели свечу, белая девка на золотом коне ездит. Он даже перекрестился со страху. Приехал в село: так и так, ребята! «Да ты не врешь, парень, взаболь (в самом деле)?» — «Что вы, братцы, зачем врать! Я не таковской». — «Эка вяха (беда)! Не к добру это... право слово, не к добру!». Поглядели с реки — и впрямь девка ездит, побежали на гору — ничего нет. Ну, прямо сказать, то же, что со свечой выходит. Смекнули они, что дело нечисто; думали да думали, судили да рядили и порешили миром: зарыт этта-ка (здесь) клад, и клад очень большой! Но клад, известно дело, просто не дается. Послали за знахарем: как быть, что делать? Тот погадал-поворожил. «Надо, — бает (говорит), — выкуп белой девке дать — али девичью голову, али кошачью». Самаровцы предпочли отделаться кошачьей головой. Убили на том самом месте под заклинания знахаря кошку и принялись отрывать клад. Много дней копали они яму (а копать, по словам знахаря, можно было только днем, до заката солнца) и выкопали яму глубокую-преглубокую. «Ну, — сказал однажды знахарь, — сегодня больше робить нельзя — пора и пошабашить (закончить). А завтра придете и кончите, теперь всего какой-нибудь аршин докопать осталось!». И попутай в эту ночь «нечистый» одного из копавших клад... «Если дождусь до утра, — подумал, — мне достанется одна только выть (пай, часть), а пойду сейчас — заполучу весь клад... неужто за ночь аршин земли не докопаю!». Пошел он на Городищенский мыс, спустился в яму и принялся за работу. Умаялся парень копать, но и отдыхать не думал, тем более что лопата уже звенела о что-то металлическое. В ту же минуту над головой его раздался громовой удар, он поднял голову и обомлел, выпустив из рук лопату: белая девка на золотом коне стояла над ямой, зловеще сверкая очами; конь ударил копытом в верхний край ямы, и на голову алчного ослушника обрушились глыбы земли... Когда наутро самаровцы пришли докапывать яму, она оказа-

лась засыпанной, и знахарь, рассказав о гибели товарища, заявил им, что белая девка теперь осерчала и потому вторично копать клад бесполезно: он не дастся в руки. Много спустя лет, почитай (пожалуй), шестьдесят тому назад пробовали самаровцы еще раз копать городищенский клад, но и на этот раз как-то не пофартило»*.

В Кетской волости Томского округа, саженях в 40 от выселка Куриногo, находится курган вышиною до $1\frac{1}{2}$ сажен, в окружности около 40 сажен. Местные крестьяне уверяют, что если ударить по кургану чем-либо тяжелым, то по звуку кажется, что внутри его существует пустота. Здесь будто бы похоронен был заколдованный богатырь и вместе с ним клад. Лет 30 тому назад они пробовали раскопать курган, но во время этой попытки у них выбило градом весь хлеб, после чего никто уже не решался снова приняться за раскопку из суеверного страха**.

Оставляя север Западной Сибири, послушаем преданий о кладах в южных степных ее окраинах. Это предания, которые сберегла нам память киргизов.

* Сибирск. вести. 1896. № 126 (статья «По Оби и по Иртышу»). — Некоторое сходство деталей, особенно в отношении выкупа самаровцами городищенского клада, встречается в одном литовском предании, записанном в Сувалк. губернии. Одному чернорабочему, шедшему поздно вечером вблизи пруда, в таком месте последнего, куда не может ступить человеческая нога по причине необыкновенно илистого дна, показался свет: подойдя ближе, он заметил на воде огромный плавающий сундук, крышка которого быстро открылась, и сундук оказался наполненным червонцами; на одном же конце сундука сидела дева с распущенными волосами и скоро принялась чесать их, а на другом конце сидел прекрасный юноша с мечом. Сундук подплыл к прохожему так близко, что он мог достать его бывшим у него совком. Оробев сначала, чернорабочий скоро, однако ж, оправился, захватил совком несколько червонцев и выбросил их на берег. Тут дева вступила с ним в разговоры и сказала, что можно завладеть и целым кладом, но надо достать для этого 12 голов. Исполнить это рабочему показалось невозможным и, не теряя времени, он снова протянул к сундуку совок, но юноша ударил по нему мечом и отрубил конец совка. «Глупый! — сказала дева. — Много ли труда стоило тебе поймать двенадцать кур, воробьев или даже мух, вот бы и завладел кладом, уже столько столетий мы бережем его, но ни одного не нашлось находчивого!». С этими словами стало темно, сундук с большим стуком закрылся и исчез в воде. Работник от испуга бежал и с рассветом вдвоем с женой снова отправился на это место. И что же? Пруд как был заросший травой, так и есть, на воде плавает отрубленный конец совка, а на берегу в траве лежит несколько червонцев. Место это литовцы считают заколдованным. — Жив. Стар. 1890. Вып. I: Смесь. С. 16-17.

** В.М. Флоринский. Топограф, свед. о курганах. С. 69.

По одному из таких преданий, в 10 верстах от устья реки Калжира, текущей большими водопадами из озера Марки, около вытекающей из нее речки Карамодона есть довольно обширное укрепление, обнесенное стеной, сложенной из нежженого кирпича. От этого укрепления в 20 верстах, в обрывистой высокими стремнинами каменной горе сохраняется закладенная в пещеру «калмыцкая поклажа», состоящая из дорогих металлов и камней на большую сумму, которая положена была калмыками в то время, когда по возмущении против китайского правительства джунгарского князя Амурсаны они бежали в русские пределы. Место это называется «кайма», т.е. поклажа*.

По другим преданиям, вблизи калмыцкого клада при речке Тарыке, впадающей справа в Иртыш, в высокой и крутой горе Боконбае находятся три пещеры, одна над другой. В нижней пещере когда-то найдена была каменная доска с высеченными на ней монгольскими буквами. По этим буквам догадались, что около тех мест в древности жил монгольский князь, по смерти которого тело сожжено, и прах его положен в чугунную большую чашу, причем тут же положено было на большую сумму из его имения дорогих металлов и камней. Впоследствии эта чаша занесена в верхнюю пещеру, до которой будто бы некоторые из смельчаков спускались по веревкам, желая воспользоваться кладом, но по суеверию и предрассудкам удерживались от похищения**.

Нелишне заметить, что киргизы так же, как и другие инородцы Сибири, преданы знахарству и чародейству. В преданиях о сибирских кладоискателях упоминаются, между прочим, и киргизские знахари. Так, в 1850 г. один из таких знахарей, оказавшийся киргизом Кокбектинского округа Манжором Елемесовым, проезжая по деревням Чарышской волости Бийского округа, вызвался пошаманить крестьянам деревень Пустынки, Чагырки и других, не скрыто ли клада в большом кургане, находящемся вблизи этих деревень. Местные крестьяне обрадовались, напоили киргиза вином, дали ему денег, и он стал шаманить. Невидимые духи передали

* Н. Абрамов. Озеро Нор-Зайсан с его окрестностями//Тобольск. губ. вед. 1860. № 21. С. 159.

** Там же.

шаману, что в кургане лежит несметное количество золота. Крестьяне оставили все домашние работы и принялись за разрытие кургана, но были остановлены местным начальством; их едва было не предали суду за преступление против веры, так как они участвовали в шаманстве*.

Любопытны также предания о кладах, существующие в Барабинской степи. Об одном (Маслихинском) кургане рассказывают, например, что какие-то приезжие люди копали его и откопали золотую телегу, но она ушла в землю. Передается также рассказ, что одному крестьянину-рыбаку во сне явился старец и приказал копать курган, где он за тремя чугунными дверями должен был увидеть красавицу и набрать золота и серебра сколько угодно. Когда рыбак начал копать курган, то действительно встретил в подземелье красавицу, окруженную сокровищами; красавица велела ему отыскать трех Иванов Ивановичей, детей одного отца, принести голову одного из Иванов**, и тогда только достанутся ему виденные им сокровища. Рассказывают еще и так: девицу-царевну, окружив сокровищами, схоронил ее отец-хан. Она сидит на богатом стуле с распущенными волосами и с золотым гребнем в руках. Она так прекрасна, что увидевший ее не может утерпеть, чтобы не поцеловать, а поцеловав, не может уже выйти из подземелья; в этом и заключается его гибель. А если он дотронется до гребня или до кольца, то раздастся гром, и кладоискатель по-прежнему очутится на поверхности кургана с заступом в руках***.

Но едва ли не самая большая коллекция преданий о сибирских кладах распространена на время походов в Сибирь старого разбойника Ермака и удалых его подвижников. Последние предания тем любопытнее, что находят себе подтверждение в трудах первых сибирских историков.

Послушаем и этих преданий.

* *Костров*. Юридические обычаи. С. 42-43.

** Иногда условия добычи клада бывали еще мудренее. Так, в Вологодской губернии (в Троицко-Енальской вол. Кадниковского уезда) в местечке «Большая осина» существует клад — целый котел денег исключительно золотой монеты, — для отыскания которого требуется «спеть 40 песен, не упоминая ни дружка, ни подружки, и, кроме того, во время пения надо быть на осине вверх ногами». Охотников, разумеется, не находится. — Жив. Стар. 1892. Вып. III. С. 119.

*** *Г.Н. Потанин*. Бараба//Живописн. Россия. Т. XI. С. 101.

IV

Раздольное Поволжье с его темными лесами, высокими горами и глубокими оврагами, где когда-то проходили свою науку шайки смелых русских разбойников, как известно, воспитало в той же среде разгульной вольницы и будущего завоевателя Сибири. Там, по многоводным притокам Волги, представлявшим удобные притоны беглецов, не довольных господствовавшим порядком дел старой Руси, жива и доселе еще память об атамане Ермаке Тимофеевиче и есауле его Иване Кольце: в нынешнем Сызранском уезде Симбирской губернии, при так называемой Самарской луке, память эта увековечена названиями двух сел — Ермакова и Кольцова, в других же местах ее передают потомству в прихотливо украшенной форме, народные предания о кладах Ермака.

Продолжение подобных преданий, служивших часто приманкой к местам кладов славного Ермака сибирских кладоискателей, мы находим как на местах стоянок удалого атамана во время передвижения его с ратью на Сибирь в нынешнем Пермском крае, так и в бывших владениях сибирского хана Кучума, или нынешней Западной Сибири.

По реке Чусовой, в 34-х верстах ниже Кыновского завода, при устье речки Ермаковки, возвышается и донныне известняковая скала около 25 сажен высотой и 30 сажен длиною. Эта скала называется «Ермак-камень» и заключает в себе обширную пещеру, разделенную на множество гротов. Предание говорит, что во время своего похода в Сибирь Ермак зимовал в этой пещере и похоронил в ней свои сокровища. По поводу этого предания в истории Миллера встречается такое замечание: «Ежели словесному преданию тамошних жителей верить, то Ермак до походу своего в Сибирь уже так богат был, что он запотребно не рассудил все свои сокровища с собою везти, но оные сохранил в пещере, которая в камне при реке Чусовой около половины вышины его находится, в том намерении, что он возьмет опять, когда из Сибири возвратится. Сей камень и поныне для памяти того дела называется Ермаков камень». Во времена Миллера в 7 верстах от этого камня была деревня Копчик, которую населяли крестьяне Строгановых и вогулы, приписанные к Верхотурскому уезду, между которыми нашлись

люди, бывавшие в упомянутой пещере. По расспросам историка оказалось, однако ж, что эти удальцы, «понеже камень стоит утесом, а отверстие пещеры есть от реки, то они сверху того камня до самого отверстия на веревках спустились и, вошедши, нашли пещеру весьма пространну, токмо следов находившегося там сокровища никаких не видали»*. Очевидно, рассказчики не были уже первыми посетителями заманчивой пещеры, скрывавшей в себе, по предположению Миллера, пожитки Ермака «от повольских разбоев» и частью «от первого зимнего похода».

Кроме «Ермак-камня», в Пермском крае находится несколько «Ермаковых городищ», из которых в двух народная фантазия считает также нахождение дорогих кладов.

Первое городище⁶¹ находится в северо-восточной части Кунгурского уезда, на реке Серебрянке, при впадении в нее р. Кокуя. Тут была стоянка Ермака с казаками в течение зимы 1579—1580 гг., по окончании которой с наступлением весны он перешел Урал и, идя далее берегом реки Журавлика, достиг до речки Баранчи, по которой плыл уже на плотях в реку Тагил. В екатеринбургском горном архиве имеется дело 1738 г. «о езде на Кушвинский завод бергмейстера Клеопина», горного офицера, из дневника которого видно, что упомянутая стоянка Ермака была «в крепком месте, между двух речек в мысу, и от свободной стороны было два рва, кои (и) ныне значат, шириною не меньше 3 аршин, глубиною 1½ аршина; внутри их и по всему мысу великий ельник и березник вырос, и тут же копаны бывали ямы, знатно для каких поклаж»**.

Второе городище⁶² находится в Верхотурском уезде, в 16 верстах от Нижнетагильского завода и в 4 верстах ниже впадения в Тагил реки Баранчи, при устье реки Медведки. Тут виден ров, который тянется параллельно с рекою на 36 аршин, а потом поворачивает под прямым углом и идет в том направлении на 24 аршина. Внутри находится пять ям. По преданию, тут было укрепление, построенное Ермаком с дружиною после того, как он, перешедши через Урал, поплыл на плотях по Баранче и достиг Тагила. Академик

* Миллер. Опис. Сибир. царства. 1750. С. 101.

** Чупин Н.К. Географ, и статистич. словарь Пермской губ. 1873. С. 481—486.

Паллас, осматривавший это городище в июле 1770 г., между прочим, говорит: «Внутри рва выкопана четырехугольная двухсаженная яма полтора аршина глубиною, а две, кажется, наподобие погребов или подземных жилищ, вырыты одна близ самого рва, а другая сажень в 25 от ручья Медведки и сажень в 40 от Тагила; последняя сажени три шириною и аршина три глубиною, конечно, кладовым погребом служила, в коем при отъезде прятали добычу и тяжелые припасы»*.

Из кладов, оставшихся после боевых схваток Ермака с татарами, предания считают более богатыми клады, зарытые около устья Туры и где-то вблизи Бегишевского озера.

Плывя весной 1581 г. устьем Туры, Ермак при впадении этой реки в Тобол имел жестокое сражение с шестью татарскими князьями, продолжавшееся несколько дней. Главными из этих князцов были Кашкара, Варвара и Майтмас⁶³, имена которых сохранились и до настоящего времени в названии трех татарских селений, расположенных в Ялуторовском округе по тракту на Тобольск. Здесь побито было множество татар, и, одержав полную победу, Ермак «столько получил добычи, что не можно было всего с собою в судах вести, но некоторую часть принужден был закопать в землю»**.

В злополучный поход из Искера вверх по Иртышу, окончившийся смертью Ермака, храбрый атаман имел кровопролитную битву с татарским князем Бегишем. Место это находится в нынешней Бегишевской волости Тобольского округа. Здесь Ермак также «получил в добычу множество богатства и великое число всяких съестных припасов, которые он до своего (несостоявшегося) возвращения приказал закопать в землю»***.

Подобные же предания не оставляют без кладов и некоторых других мест, иногда даже и таких, в которых Ермак вовсе не бывал. Так, около деревни Новофилатовой, в 52 верстах от Тобольска по тракту на Березов, на возвышенности до 5 сажен вышины видны следы укрепления, внутри

* Там же. См. также заметку П. Калашникова «Память о Ермаке в Пермском крае» (Истор. вестн. 1881, сент. С. 210—212).

** Миллер. Опис. Сибир. царства. С. 111; Фишер. Сибир. истор. С. 122-123.

*** Миллер. С. 183.

которого находится несколько ям, вблизи же укрепления видны два кургана. Последние не были оставлены без внимания со стороны кладоискателей, и в них находили жнитвенные серпы, уголья и кузничные слитки и другие вещи из чугуна с изображением человеческих и птичьих голов⁶⁴. Народ считает эти курганы чудскими, а укрепление татарским, сделанным для защиты от нападения Ермака. В 50 верстах от Тобольска, вверх по Иртышу к Омску, на бугре, близ так называемой «Ермаковой перекопи», также видны остатки укрепления, называемого Кысым-тура (девичий город)⁶⁵. Говорят, что место это названо так в воспоминание подвига тех татарок, которые во время поражения мужей их Ермаком наносили сюда земли и сделали вал, за которым и спасали себя и свое имущество. Ближе к Тобольску, в 25 верстах от него и в I¹/₂ версте от деревни Нижнеярковой, при речке Козловке видны следы валов и рвов; по преданию, здесь таилась со своими детьми и сокровищами во время приближения Ермака к Искеру жена сибирского хана Кучума Симбула. Такие же следы валов существуют в 29 верстах от Тобольска между речками Асланиной и Белкиной, вблизи деревни Загваздиной и во многих других местах, особенно в Тобольском округе*.

Кроме приведенных преданий, между простонародьем Западной Сибири существуют еще предания о так называемых «разбойничьих» кладях, отличающиеся часто полумифическим и легендарным характером, но имеющие в основе своей какой-либо действительный факт, осколок правды.

В Тутальской волости Томского округа, в версте расстояния от деревни Митрофановой, за рекою Томью, находится конусообразный курган с ямою на вершине. С северо-

* Сибир. вести. 1818. Ч. I. С. 30, 32 и др. — В статье Р.Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе», упомянутой выше (см. сноску ** на С. 190 настоящего издания), между прочим, описано несколько курганов, находящихся в Усть-суерской волости названного округа, между которыми проходит дорога, называемая Казачьей. Там, между прочим, сказано: «Здесь, по преданию, сражался Ермак с татарами, и курганы христианские перемешаны с татарскими». Есть подобные же указания на курганы, находящиеся на местах некоторых битв Ермака с кучумовцами, где должны храниться татарские сокровища, и в ст. г. Голодникова о сибирских курганах, помещенной в «Тоб. губ. вед.» 1878 г. (№№ 39-41, 44, 46-47) и 1879 г. (№№ 2 и 3). Приводить все эти указания нам не позволяют размеры настоящей статьи.

западной его стороны протекает река Томь, а с прочих сторон местность холмистая. По преданию, здесь жили двенадцать разбойников, которые зарыли в кургане два медных котла, наполненных золотом и серебром, покрыв их каменной плитой. Это же предание распространено и на другой подобный же курган, находящийся в гористой местности около той же деревни. Говорят, что крестьяне когда-то, очень давно, пробовали раскопать этот клад, но ничего не нашли*.

Из кладов алтайских разбойников, грабивших когда-то караваны, проходившие из Джунгарской Урги на Томск, народное предание называет клад разбойника Селезнева. Это был весьма популярный разбойник, часто укрывавшийся в вершинах небольшой речки, в 4 верстах от устья Бухтармы. В народе он известен был более под именем Селезня, так как, попадая часто в тюрьмы, всегда, лишь только наступала весна, доставал ложку воды и уголь, чертил последним на тюремном полу лодку, садился на нее и выплывал из тюрьмы на реку уже в настоящей лодке**, а то иногда и просто, превратившись в селезня, плыл открыто по реке, не стесняясь глазевшего с берегу народа. Предание, записанное в Бухтарминской станице, прибавляет, что яма, где стояла избушка Селезня, заметна еще и теперь. «Главный склад его имущества был на речке Черновой, впадающей в Иртыш против Бухтармы со степной стороны. Он хотел открыть его конвойным, которые в последний раз везли его в лодке по Иртышу в Устькаменогорскую крепость, прося их воротиться к Черновой, но конвойные не согласились. Так имущество его и доселе лежит неоткрытым и должно превратиться в клад»***.

Клады сибирских разбойников упоминаются даже и в отдаленных от Сибири русских губерниях. Так, например,

* В.М. Флоринский. Топограф, свед. о курганах. С. 69.

** Подобное искусство выплывать из тюрьмы на лодке, начерченной углем, народная фантазия приписывала позднее другому разбойнику — казаку Голенкову. Последний разбойничал около Омска и, скрывшись оттуда в Оренбургскую губернию, служил там на гражданской службе. (Тоб. губ. вед. 1858. № 15. С. 311). Такая же легенда существует и о другом сибирском разбойнике Кореневе, сидевшем в начале 50-х годов наст. столетия в тобольской тюрьме на цепи (С. Максимов. Сибирь и каторга. П. Спб., 1891. С. 20-21).

*** Афанасий Селезнев, разбойник//Тоб. губ. вед. 1858. № 16.

по преданию, записанному в Астраханской губернии, селе Ремонтном*, к одному пастуху явился как-то утром неизвестный старик и спросил, хочет ли он, пастух, сделаться богатым; последний, конечно, отвечал утвердительно, и старик ему признался, что он — вернувшийся теперь из Сибири разбойник и что из-за клятвы он сам не может воспользоваться кладом и при этом указал место, где находится клад — порядочный котелок с драгоценностями; пастух отправился и начал копать, но вдруг на него напал сильный страх, и он убежал, бросив все, а впоследствии даже и совсем удалился из этих мест; ходили потом туда же разрывать клад и другие, но ничего не находили.

Некоторые следы кладов в Западной Сибири, или точнее в юго-западных округах Тобольской губернии оставила и пугачевщина. В 1889 году некоторыми сибирскими газетами, об одном из таких кладов передавалась следующая мудреная история. В марте месяце этого года в Тобольске в числе вещественных доказательств по разным делам, хранившихся при местном окружном полицейском управлении, найден был «каменный крест, вершков шести» с следующей надписью: «Сей крест заветный кладенная сия поклажа сибирским пугачевским воинами двадцати пяти человеками, есаулом Змеюлановым свидетельствована казна и положена в сундук счетом, инпериалями сто тысяч, полуинпериалями пятьдесят тысяч, монетами тоже пятьдесят тысяч, да кто сей крест заветный счастливым рабом найдет тот и казну нашу возмет. — нашу казну возмите и посибе делите друг друга не обитте. — но вместо нашей казны по завету нашему положите в ту яму двух младенцев, то во избавлении их положите за каждую голову по двести монетов, но не звонкой, а бумажной царской для вечной потехи стражам нашим, а без исправного завета и к казне к нашей не приступайте, ибо наши стражи страшны и люты, чего делают рабам противно их не видно, а за свое будут стоять крепко; по вынятии сего заветного креста и завета готового ищите отговорщика, а отговорщик должен знать как показано на семи главах сего креста, как сделать завет, потом завещания, и как нашим сторожам управляться. по зделании завету к вынятию поклажи приступать в шестую пол-

* Жив. старина. 1891. Вып. III. С. 232.

ночь, а когда казну нашу вымите, то сей крест... и засыпте свой завет, сдушатся отговорщика как сказано выполните и казну нашу получите. Аминь». По дальнейшим сообщениям корреспондентов «на семи главах креста находится, должно быть, завет, следующие буквы со многими точками, поставленными то позади букв, то впереди, то по обеим сторонам; буквы следующие: К, Б, ТП, Н, ЦД, О, М. В тексте вместо буквы *я* пишется славянский малый *юс*, знаков препинания нет, за исключением точек, которые автор ставит где попало; буква *е* не употребляется». Загадочный крест передан был бывшему хранителю тобольского музея (Н.А. Лыткину). По рассказу одного из тобольских старожилов (М.С. Знаменского) оказалось, что крест этот найден был крестьянами какой-то деревни на меже, отделяющей ту деревню от деревни соседней, и что на право владения крестом предъявляли свои требования крестьяне этой последней деревни, но возник спор, дошедший до дубинок; по этому поводу возникло дело, вещественным доказательством к которому и был представлен упомянутый крест*. Несомненно, что спор и дубинки вызваны были желанием крестьян на завладение богатым кладом.

Но возвратимся к кладоискательству.

V

Старая Сибирь, как уже замечено нами, была известна вообще за страну, сильно зараженную суеверием, но справедливость требует заметить, что наш крестьянин-сибиряк далеко еще не так суеверен, как крестьянин-великоросс, и часто относится совершенно скептически к тому, что для последнего составляет неоспоримую истину. Этому скептицизму, несомненно, и должно быть приписано то обстоятельство, что колдуны и знахари в Сибири вообще явление редкое, и всякая деятельность их в сфере чудесного прекращается большею частью в самом начале. Тем не менее сибирское кладоискательство, исключая, разумеется, случаев, где оно являлось открытым промыслом, в котором принимали участие многочисленные артели, составлявшиеся,

* Делов. корреспондент. 1889. №№ 50 и 57; Тоб. губ. вед. № 43 и друг. газеты. — Любопытно бы было иметь более подробное сообщение по тому предмету от бывшего хранителя Тобольского музея Н.А. Лыткина: упомянутого креста мы в музее не нашли.

по замечанию Мессершмидта, в размере 200—300 и более человек*, не обходилось без участия колдовства. Практика колдунов касалась тех кладов, известность которых составляла каким-либо образом сокровенную тайну немногих лиц, или же кладов, места которых еще нужно было разыскивать. Последнее подтверждается и знакомым уже нам замечанием ученого серба Крижанича о том, что в Сибири «некоторые люди отдаются чернокнижию», при помощи которого находят и разрывают «неизвестные могилы древних скифов»**. В этом случае представляется особенно любопытным вопрос о средствах колдовства, но для разъяснения этих средств за отсутствием фактических указаний можно сделать лишь некоторые догадки, основу коих могут составить те же взгляды на клады, которые были исконной принадлежностью великороссов, явившихся главными колонизаторами Сибири.

Очутившись на сибирских пустырях, русские колонизаторы, разумеется, не забыли того, чему учили их на родине, и свято верили, что в деле освобождения клада от опеки дьявола и добычи скрытого в нем богатства имеют большую силу разные травы. Такая вера, по нашему мнению, могла развиться в новопокоренной стране еще более прочные устои, так как Сибирь того времени считалась страной, где произрастали и «всякие травы» и «всякие воровские коренья», чем особенно интересовалась Москва. Это подтверждают и некоторые из царских грамот. Так, из грамоты верхотурскому воеводе князю Пожарскому от 13 октября 1625 г. видно, что он, Пожарский, нашел у проезжего протопопа Якова в коробке «траву багрову, да трои корени, да комок пухчеват бел, и того протопопа расспрашивал:

* См. сноску ** на С. 178 наст. изд.

** См. сноску * на С. 176 наст. изд. Припомним приведенное выше замечание Крижанича (сноска * на С. 182 наст. изд.) о тобольском воеводе-колдуне, в кольцо которого заключена была будто бы дьявольская сила. В другом месте своей «Истории» этот же Крижанич говорит: «В Тобольске проживал один воинский начальник (которого назовем здесь Антонием), муж почтенной жены. Однажды к нему пришел другой начальник и рассказал, что у него есть книга малая величиною, но великая по достоинству. «Всякий раз — говорил он, — как я прочту ее, жизнь моя в течение тридцати дней бывает безопасна от всякого оружия, я пользуюсь расположением каких угодно начальствующих лиц и во всяком споре бываю победителем...». — История о Сибири. В изд. Юдина. С. 200.

какая трава и корень, и какое угодье». Оказалось, что протопопу дал эти любопытные и вместе подозрительные вещи тобольский казак Степанко Козьи-ноги, и воеводе предписывалось «того протопопу Якова и коробью, что у него вынята, с воровским корнем прислать к Москве с приставом»*. Другую грамотою (в октябре 1675 г.), не один раз повторявшуюся, требовалось из сибирских трав «строить лекарства и водки», присылая «к Москве»**. Из многих трав, рекомендовавшихся для отыскания кладов, у сибирских кладоискателей считалась лучшею разрыв-трава, называемая иначе — спрын-трава. Выше мы уже видели***, что для хитрых людей, попавших в круг кладоискателей, эта трава служила легким способом наживы. К сказанному ранее нелишне прибавить, что, пользуясь невежеством простого народа, такие мудрецы за чудесное действие сильной будто бы в добыче кладов разрыв-травы выдавали иногда действие известного «гремучего серебра» (*argentum oxidatum fulminans*). В.Н. Витевский, статья которого о кладах была уже цитирована выше, приводит, между прочим, следующий случай, имевший место в Орловской губернии. Крестьянин графа Шереметева Леонтий Ануфриев, имея только для виду какую-то травку в пузырьке, при помощи «гремучего серебра», производил в кузнице в присутствии кладоискателей опыт действия чудесной травы над железом, и опыт вполне удался; полоса железа почти в четверть аршина длиной и в ширину толщиной, положенная на наковальню, от одного прикосновения чудесной травы разлеталась на четыре части с треском наподобие выстрела, причем Ануфриев, производивший опыт своими руками, уверял, что без особенной сноровки и умения ничего не сделаешь, если даже и будешь иметь эту траву****. Сибирские знахари утверждают, что найти эту траву чрезвычайно трудно. Корень ее в отдельных его побегах представляет будто бы вполне человеческий образ, т.е. если собрать все отрывки

* История, акты. III. 1841. № 137.

** Историч. акты. IV. 1842. № 256. — Остальные документы, касающиеся сбора в Сибири трав и корней, помещены: Дополн. к историческ. актам. VI. 1857. С. 360-364; 375-376; VII. 1859. С. 329-330.

*** См. сноску ** на С. 173 наст. изд.

**** Клады... на Руси. С. 419: ссылка на «Журн. М. вн. дел» (1845. IX. С. 313 и след.), а также заметку к статье «Предания о кладах» Л. Майкова.

корня и сложить, то составит подобие человеческого тела в уменьшенном виде*. Между сибиряками недавно еще распространено было предание, что разрыв-траву умел находить известный разбойник Коренев, искал он ее «по крупным росам, по ярким звездам». С помощью этой чудодейственной травы ему никакие кандалы были не страшны, перед ним ни один замок не стоял, всякие двери и ворота отпирались**.

Упомянув выше о проделке с воображаемою разрыв-травой в Орловской губернии, считаем не лишним привести еще рассказ, показывающий, как простодушные кладоискатели попадались в обман, переноса напрасно значительные издержки, в соседнем нашем району Пермском крае.

Дело происходило в 1851 году в Оханском уезде, у крепостных людей гр. Строгановых. Один крестьянин рассказал секретно трем человекам из мастеровых, что он знает место, где скрыт клад на сумму до 70 тысяч рублей по старому курсу, и что к этому сокровищу приставлен караульным лесной, который за выдачу клада требует $1\frac{1}{2}$ тысячи рублей легкой монетой, ведро хлебного вина и рыбный пирог в 10 фунтов. Чтобы проверить этот рассказ, двое мастеровых отправились с указателем клада на место и действительно в лесном колке близ муравейника и большой ели увидели в земле на незначительной глубине окованный железом ящик, но в то самое время, когда хотели вскрыть его, они услышали из леса грозный голос, запрещающий им под опасением смерти делать это и вещавший, что если кто хочет получить клад, то приносил бы в полночь помянутое выше вознаграждение, а теперь ему, караульщику, выдавать клад некогда — он идет на войну. Чрез несколько времени кладоискатели со знатоком клада унесли и оставили около него 447 рублей ассигнациями, рыбный пирог и ведро вина и, отойдя от клада, услышали тот же голос: принесенное-де принято, но кла-

* Разрыв-трава сибирскими знахарками рекомендуется и в других случаях. Если беременная женщина будет пить настой ее, то плод в утробе ее разорвется на части и изойдет в виде кровей. Но так как разрыв-травы в действительности не существует, то под именем ее знахарки в нужных случаях дают земляничный корень, луковичные перья, цветочки ржи, крутой щелок, серу и порох, которые будто бы действуют с постоянным успехом, открывая весьма сильные регулы. — *Костров. Юридические обычаи...* С. 70.

** С. Максимов. Сибирь и каторга. П. С. 21.

да теперь они не получают: месяц молодой — будет им сильное увечье. Через две недели кладоискатели еще унесли 38 рублей, пирог и 1/2 в. вина, но неизвестный голос объявил, что клад выдаст тогда, когда получит остальную (до 1¹/₂ тысячи) сумму. Повременив немного, кладоискатели решились осмотреть место, где видели ящик, но последнего уже не нашли, и обман обнаружился.

Подобные обманы в Пермском крае повторялись не один раз. Случалось и так, что в вырытых из земли ящиках находили вместо денег мелкие камни или разбитые стекла. Обманы выполнялись столь хитро, что кладоискатели редко уверялись в них и чаще относили свои неудачи к тому, что при вскрытии клада не соблюли сами какого-либо условия: например, усумнились в действительности клада, или не выдержали испытания, и оттого деньги превратились в камни или стекла*.

В заключение своей статьи нам остается коснуться еще одного вопроса: в чем именно заключались те действительные причины, которые породили в нашем народе веру в клады вообще и развили в последователях ее любовь к кладоискательству? Причины эти, по нашему мнению, совершенно одинаковы как для различных местностей нашего обширного отечества, так и для взятого нами района — Западной Сибири.

В старину, как известно, ни банков, ни сберегательных касс не было, а держать дома трудом нажитое добро было рискованно, и еще более было опасно пускать капиталы в оборот при внутреннем неустройстве общества, при постоянных нападениях неприятелей. «Сильные притесняли слабых, — замечает по этому поводу Н.Я. Аристов, — и отнимали их собственность; вору и разбойнику нередко похищали имущество других, самовластие служителей правосудия доходило до того, что они вытягивали последнюю копейку с подсудимых. Поэтому умные люди старого времени считали самым практическим делом прятать деньги и ценные вещи как можно дальше от завистливого взгляда. Чтобы не подвергнуться неожиданному разорению, личным оскорблениям и преследованиям, чтобы обезопасить свое семейство на всякий случай и сохранить малую толику на черный день, они зарывали в землю имущество, нажитое потом и кровью.

* Пермский край. Т. III. Пермь, 1895. С. 215-216.

Припоминая постоянную борьбу русских с финскими, татарскими и немецкими племенами, затем внутренние междоусобия и неустройства общественных порядков, каждый теоретически может сделать вывод, что кладов, зарытых в древнее время, должно быть громадное количество*.

В Сибири поводы к сокрытию имуществ, кроме изложенных причин, усиливала еще и особенность юридических отношений между собой членов семьи. Здесь в имуществе, составляющем общее достояние семьи, полным его хозяином считается обыкновенно старший в семействе хозяин — неограниченный повелитель в доме. Он распоряжается всем общим достоянием семьи, как ему угодно. Отдельная собственность членов семьи, за исключением приданого жены, может существовать не иначе, как с согласия этого старшего члена. Всякий заработок того или другого младшего члена семьи идет в общую массу имущества — одно целое достояние семьи. При таких условиях семейного домостроя каждый член семьи старается скрыть часть своего приобретения или заработка на тот же черный день, а сам домохозяин прячет от домашних своих приобретаемые общими силами деньги то в чулок, то в перину, то в трубу, чтобы никто не знал. Иногда место сокрытия денег не объявляется даже при смерти, и спрятанное так и пропадает без всякой пользы для кого бы то ни было.

Несмотря на это, в Сибири весьма не редки случаи находок подобных кладов. Чаще всего такие клады обнаруживаются в подпольях, вышках и других темных местах жилых строений. Такие же клады встречаются иногда и на пашнях. Происхождение упомянутых кладов можно объяснить не чем другим, как приведенными семейными условиями сибирского простолюдинства. В большинстве случаев старые люди любили класть деньги в глиняные корчаги и зарывать их в землю. Подполья домов в этом случае представляли самые удобные места: так, например, в 1858 году в Пановской волости бывшего Омского округа крестьянин Василий Клепиков при перестройке дома вырыл под полом из земли две огромные корчаги, в которых оказалось 2505 пятикопеечных монет времен Екатерины и Павла. Клепи-

* Упомянутая выше (сноску *** на С. 173 наст. изд.) ст. профес. Аристова «Предания о кладах». С. 711.

ков был уверен, что клад этот зарыт его отцом*. Иногда же клад, находимый кем-либо из потомков спрятавшего и представлявший особую ценность, снова перепрятывался нашедшим в другое место. Подобный перепрятанный клад найден недавно (28 июня 1893 г.) в Логиновской волости Тарского округа. Крестьянка деревни Тереховой Акулина Полынская, спускаясь с горы вблизи деревни, заметила в склоне горы торчавший из земли черепок, потянула его и вытащила вместе с ним следующие серебряные вещи: 1) два сосуда в форме гладких полукруглых чаш или ковшей без ручек весом каждый в 34 золотника; 2) два сосуда в форме ковшей с рельефными на дне изображениями неизвестного зверя весом каждый сосуд по 33 золотника; 3) два слитка в виде продолговатых полос весом оба в 92 золотника и 4) двадцать мелких серебряных бухарских монет. Положение вещей, едва прикрытых землею, ясно намекало на то, что первоначальная находка их была сделана в другом месте**.

Таковы в общих чертах причины, вызвавшие в наших предках верования в клады и любовь к кладоискательству, так сказать, с житейской, обыденной стороны; с научной же точки зрения дело представляет некоторые другие особенности.

Если современные раскопки археологами сибирских курганов и сообщения о находимом в них дают для науки много богатого материала, то не менее ценного материала для нее может представлять и изучение местного кладоискательства. С этой точки зрения особый интерес сосредоточивается на народных преданиях. При изучении духовной жизни народа эти предания насколько ценны для историка, настолько же ценны и для психолога и поэта. Некоторые исследователи не без основания в преданиях о кладах видят политико-экономический смысл русского народа. «Предание, — по замечанию Т.Н. Грановского, — не заботится о верности, но в нем есть истина другого рода: в нем высказываются любовь и ненависть народа, его нравственные понятия, его взгляд на собственную старину». Мы знаем, что русское простонародье не может вспоминать своего прошедшего полной материальной обеспеченностью, и поэтому нет ничего странного в том, что Нані крестьянин и до последней поры мало верит, чтобы можно было

* Тобольск, губ. вед. 1858. № 32.

** Ежегодник Тоб. губ. музея. Вып. I. 1883. — (Зам. в текущ. хронике).

скоро разбогатеть своим трудом: «от трудов праведных не наживешь палат каменных», — говорит он в пословице своей. У сибиряка так же, как и у всякого российского человека, мнения о собрате своем, нажившем богатство, чаще всего сводятся к тому, что последнему посчастливилось найти клад; в других же случаях он относит это к какому-нибудь нечестному делу. В упомянутом нами труде «О кладах» В.Н. Витевского встречается, между прочим, такое замечание: «Особенно любопытно то обстоятельство, что все предания о кладах под влиянием христианства получили легендарный характер чисто в русском духе. Стенька Разин, Кудеяр, брат Разина Иван и другие разбойники, зарывая клад, оставляют в местах сокрытия клада или святые иконы, или милостыню нищим, и самый клад по большей части зарывают ни для купца, ни для боярина, а для людей бедных, простых, неопытных, для детей и тех, которые гонимы другими и претерпевают напрасно побои и притеснения, словом, в преданиях о кладах отразился тот же взгляд народа, что и в его бытовых сказках о богатстве и бедности, о правде и кривде, о трех братьях, о трех сестрах и снохах, о мачехе и падчерице и других, где бедные и правдивые, гонимые братьями и притесняемые криводушными, младшие, преследуемые старшими, слабые — сильными, в конце концов торжествуют и выходят победителями»*.

* *Витевский*. «Клады...». С. 422. — В «Живой старине» (1890. Вып. П. С. 139) Ив. Мамакиным рассказывается, между прочим, следующее предание о Стеньке Разине, записанное им в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. «В «Орловой кусте» обитала атаманша Марина-безбожница, а в «Чукалах» жил Стенька Разин. Местности эти в то время были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькою вела знакомство, и вот когда Марина вздумает со Стенькою повидаться, то кинет в стан к нему, верст за шесть, косырь, а он отвечает: «Иду-де», и кинет к ней топор. Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до 500 и триста жен. И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, выльет воду — и поминай как звали. Уже товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался на берегу между Окой и Волгой, и до сих пор там живет, весь оброс мохом, не знать ни губ, ни зубов. Не умирает же он от того, что его мать-земля не принимает. И оставил этот разбойник здесь клад, под корнями шести берез зарыл его. А узнали про это вот как: сидел один мужичок в остроге вместе с товарищем разбойника. Вот тот и говорит ему: «Послушай, брат, в таком-то месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берез, рой его в такое-то время». Стало быть, уж он не чаял, что его выпустят на вольный свет, а может быть, раскаялся и дал зарок. Вышел этот мужик из острога, пошел на

Любопытен также в этом отношении рассказ, записанный Н.Я. Аристовым. В одном доме была женщина в загоне, нелюбимая в семье; ей не позволяли даже участвовать в общем деревенском веселье и играх, и потому она больше сидела дома. Как только останется она наедине, вдруг завоет в трубе ветер и послышится голос: «Упаду — расшибусь!»... Когда она рассказала о том родным, те подняли ее на смех и обругали. Страх одолел несчастную женщину, и она рассказала о том своей соседке, которая научила ее, как пособить горю. «Ты возьми, — говорит, — белую скатерть, расстели около печки, поставь хлеба-соли, и как только заговорит в трубе голос, ты скажи: «Упади-расшибись на хлеб да на соль, да на добрые годы!»». Припасла все это молодуха, сидит одна-одинешенька по-прежнему, а клад не является, перестал совсем голосить в трубе, так что она о нем и забывать стала. Сидит она однажды вечером, задумавшись, вдруг завывло в трубе сильнее прежнего: «Упаду — расшибусь!»... Сначала молодуха оробела, потом оправилась и тотчас разостлала скатерть и проговорила по совету соседки немудрые слова. Клад рассыпался из трубы серебром прямо на скатерть*.

Нельзя, однако ж, не заметить, что в русском народе, особенно же в сибиряках, вера в клады начинает слабеть. Признаки этого мы видим в позднейших рассказах о находках кладов. Не далее, как в прошлом году, одна из сибирских газет передавала следующий случай.

«Недавно в селе Ладейках, около Красноярска, умер крестьянин, оставив большие деньги. О том, как достались они ему, рассказывают странную историю. Крестьянин этот несколько лет тому назад увидел во сне какого-то старика, который три раза снился мужику и каждый раз говорил ему, чтобы он шел в соседнюю деревню Ботой и там бы нанялся копать подвал, где найдет клад, который он советовал взять ночью. Мужик долго не верил этому и не поддавался на внушения сна, но после третьего появления загадочного старика он не выдержал и пошел в Ботой, где действительно ему удалось наняться за 2 рубля копать подвал.

указанное место, а березы уже срубили и корней не знать; рассказал он про это всему селу, поделали щупы, однако клада не нашли, а клад-то, говорят, все золото да серебро — целые бочки».

* Упомянутая выше ст. Аристова. С. 727.

Долго рыл мужик этот подвал, но никакого клада не нашел; наконец подвал был вырыт, оставалось только выбросить лопаты три земли, которая, как на грех, не поддавалась на лопату, но два-три усилия — и звук металла возвестил мужику, что здесь-то и лежит так долго ожидаемый клад. Мужик, конечно, бросил лопату и стал действовать руками и действительно обрел котелок с золотыми. Помня наставление старика, явившегося ему во сне, не брать клад днем, он снова зарыл его в землю, а ночью взял его и вот это-то золото послужило основанием к богатству мужика, который с тех пор и зажил со своею старухой в довольстве»*.

По времени это одно из преданий более позднего происхождения и, как видим, во многом уже лишено той мифической окраски, какая придавалась подобным преданиям нашими предками: в нем уже не упоминается ни приставника в виде дьявола, ни разрыв-травы, ни Воскресенской свечи, а дело обходится проще — одним только сновидением счастливица, которому клад отдается добровольно.

Очевидно, русский человек начинает доживать до той поры, когда и вера в клады, и предания о них будут считаться лишь характерной чертой былого времени...

* Тобольск, губ. вед. 1895. № 6. С. 91. — (Известие о кладе заимствовано из газеты «Енисей»).

Монахиня Прокла

**Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова
(Новые материалы для биографии)**

С именем монахини Проклы в прошедшем столетии томила в заточении при одном из старых сибирских монастырей дочь известного любимца Петра Великого, «генерал-аншефа, сенатора и первоначальствующего члена государственной военной коллегии», князя Григория Дмитриевича Юсупова, молодая княжна Прасковья Григорьевна.

Ссылка в Сибирь княжны не была, однако ж, прямой переменной для нее блеска и роскоши родимых палат на мрачную келью монастырской «колодницы»: судьба определила ей испытать прежде заключение в Тихвинском девичьем монастыре Новгородской епархии. Это заключение продолжалось более четырех лет и закончилось тем, что княжна увезена была в Петербург, чтобы чрез короткое время выслушать в Канцелярии тайных розыскных дел последнее грозное решение императрицы Анны о наказании ее «кошками», пострижении в монахини и новой отправке уже «в дальний, крепкий девичий монастырь до кончины жизни неисходно».

Таким монастырем избран был Введенский девичий монастырь, состоявший при Далматовском Успенском мужском монастыре Тобольской епархии.

Пребывание княжны Юсуповой в Тихвинском монастыре давно уже известно из очерка Г.В. Есипова*, но полной биографии ее до сего времени не существует**. В известном «Собрании жизнеописаний Юсуповых», изданном од-

* Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова//Русс. слово. 1862. № 3. С. 1—30; Люди старого века. СПб., 1880. С. 332—376.

** Кроме упомянутого очерка, известна еще статья: Д. Мордовцев. Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, в монахинях Прокла//Русские женщины нового времени. СПб., 1874. С. 299—318. — Этой статьи мы не видели.

ним из потомков этого рода*, судьба несчастной княжны передается всего двумя-тремя характерно-отрывочными замечаниями. Между прочим говорится:

«...Единственная дочь княгини Анны Никитичны, княжна Прасковья Григорьевна, некогда в детстве ласкаемая Петром Великим, увлекаясь пылкостью нрава, выказывала легкомыслие в разговорах, и в крутое Бироново время навлекла на себя негодование императрицы за несколько неосторожных слов, может быть, перетолкованных и преувеличенных наговорами...»**.

«...Княжна Прасковья Григорьевна по кончине матери (в 1735 г.) приняла пострижение в монастыре с именем Мавры и чрез три года скончалась, не дожив до царствования императрицы Елисаветы Петровны...»***.

Быть может, память несчастной княжны передается забвению родственным ей автором приведенных строк с невинным желанием не дать потомкам повода к смутным мыслям и тяжким воспоминаниям о своих предках, но история ко всем беспристрастна: род князей Юсуповых принимал участие в событиях, утверждавших Россию более трех веков, и имена их, несомненно, найдут для себя оценку как по замечательным подвигам мужества, так и по многим блистательным свидетельствам гражданской деятельности, которыми они знаменовали себя, но это не даст историку повода замалчивать прошлое тех лиц знаменитого рода, жизнь которых сложилась неудачно.

Благодаря, однако ж, очерку Г.В. Есипова, составленному по архивному делу Канцелярии розыскных дел, пребывание княжны Юсуповой в Тихвинском монастыре и поводы ссылки в Далматов монастырь раскрыты гораздо ранее издания упомянутых «жизнеописаний», но жизнь княж-

* О роде князей Юсуповых: Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей с XVI до половины XIX века и других фамильных бумаг с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XIV века. Ч. I. Спб., 1866. 191+2 прил.; Ч. II. Спб., 1867. XIII+421+IV с. — Это издание составляет теперь библиографическую редкость, и нам стоило больших хлопот добыть его у одного из московских антиквариев.

** О роде князей Юсуповых. I. С. 103, 104.

*** Там же. I. С. 106-107. — В другом месте (С. 112) временем смерти княжны означен 1740-й год, т.е. год, предшествовавший воцарению цесаревны Елизаветы Петровны (25 нояб. 1741).

ны в Сибири остается малоизвестною. Очерк Есипова, упоминая распоряжение Тайной канцелярии, последовавшее на первых порах далматовского заключения, о наказании княжны «шелепами»⁶⁶ и содержании «в ножных железах» заканчивается лишь одним замечанием: «кончила ли жизнь княжна Прасковья Григорьевна в том монастыре, или была освобождена — из следственного дела не видно».

Не раскрывает, к сожалению, этой тайны и сибирская архивная старина, сокращенная, как известно, в значительной степени беспощадными пожарами, но недавно в одном из тобольских архивов — именно архиве местной духовной консистории — нами найдено не лишенное высокого исторического интереса дело 1737 года, носящее заглавие: «О бывшей княжне Прасковье Юсуповой, которая в монашестве наречена Проклой и сослана в Долматовский монастырь за важное преступление».

Дело это не номеровано, но по архивной описи в нем показано 154 листа; то же число листов означено и на оторванной обложке его; в самом же деле сохранилось только 122 листа: середина и конец этой драгоценности утрачены, а с ними затеряны и следы многого из любопытных подробностей — как дальнейших страданий, так и последнего исхода, закончившего мучения несчастной княжны. Тем не менее и в настоящем виде дело дополняет грустную биографию невольной монахини новыми материалами, которые навсегда снимают с нее неправильно приданное и никогда не носимое ею имя Мавры, считая ее в живых, вопреки заверения «жизнеописаний» Юсуповых, более почти на двадцать лет — до последнего времени царствования императрицы Елисаветы.

Досадная неполнота дела лишает нас возможности дать полный очерк долговременного пребывания Юсуповой в Сибири*, а потому, напомним в общих чертах, что известно о родословной княжны и событиях, предшествовавших сибирской ссылке, мы приведем здесь эти отрывочные мате-

* Во время составления настоящей статьи известный исследователь пермского края А.А. Дмитриев любезно сообщил нам, что о ссыльной княжне Юсуповой, в монашестве Прокле, в «Пермских губерн. ведом.» давно была напечатана статья протоиер. Гр. Плотникова (покойного) — «Ссылные в Долматовском монастыре» (1869. №№ 33—35 и 39), где говорилось также и о ссыльном графе Петре Апраксине. «Но «Губерн. ведом.» за 1869-й год, — прибавил Алекс. Алекс., — в Перми

риалы в том неприкосновенном виде, какой дан им полтора века назад их жестокими авторами.

I

Род князей Юсуповых ведет начало от Юсуфа, владетельного князя Ногайской орды, отца казанской царицы Сумбеки или Сююнбеки, бывшего в постоянных дружеских сношениях с царем Иоанном Грозным.

По грамотам Иоанна к Юсуфу и Юсуфа к Иоанну, хранящимся в Московском государственном архиве, видно, что Юсуф был прямой потомок знаменитого Тамерланова полководца Эдигея Мангита — вождя и князя Ордынского. В одном древнем родословном свитке конца XVII века указание предков Юсуфа восходит до Абубекира, правившего после Магомета всем мусульманским родом, хотя по другим известиям* это был не Абубекир, тесть Магомета, а соименный ему чрез три века Абубекир бен-Райок, также правивший всеми мусульманами с титулом Эмира ель-Омра, князя князей и султана султанов. Потомки последнего были правителями, султанами с царской властью в разных местах: в Дамаске, Антиохии и др. Один из них Термес, теснимый враждебными обстоятельствами, переселился на север от Аравии к берегам Азовского и Каспийского морей, где, по преданию, между Волгой и Яиком была его родина, и был основателем сильной Ногайской орды. Что же касается прямого предка Юсуфа, полководца Эдигея, то последний при возникших междоусобиях в Большой Орде, сохраняя независимость, отклонился к югу и при Черном море занял земли, еще с XIII века заселенные ногайскими татарами, где и положил основание Крымской орды. Правнук Эдигея Муса-Мурза, сделавшись верховным правителем сильной Ногайской орды, начал постоянные сношения с российскими

достать невозможно. Я знаю об этой статье только по указателю Д.Д. Смышляева, из которого нельзя видеть даже времени ссылки упомянутых лиц, не говоря уже о каких-либо подробностях. Упомянутая статья теперь составляет большую редкость и известна лишь завзятым библиофилам, почему увидеть в печати найденные вами материалы об Юсуповой весьма интересно.

Кроме упомянутого выше издания «О роде князей Юсуповых», немало сведений для генеалогии их можно встретить в прекрасном труде нашего ориенталиста В.В. Вельяминова-Зернова «Исследование о Касимовских царях и царевичах» (Спб., 1864), в «Продолж. древней Российской. Вивлиоф.» (ЧЧ. VIII—X) и др. изд.

государями и был союзником Великого Князя Иоанна III. В 1481 году, поднявшись с ногайским ополчением вверх по Яику, он вспомоществовал шурина своему тюменскому князю Иваку*⁶⁷ разгромить Кипчатское государство и совершенно ослабить так называемую Золотую Орду. По восточному обычаю Муса-Мурза имел пять жен. От первой из них Конедозы, или Кондазы, именуемой в родословных царицею, Юсуф считается пятым сыном.

Юсуф был одним из могущественных ордынских владетелей. Ногайская орда кочевала тогда от южных берегов Яика до Волги и управлялась верховным князем и князьями, подвластными ему, над которыми Юсуф был верховным правителем. Двадцать лет Юсуф был постоянным союзником царя Иоанна Васильевича, которым по просьбе Юсуфа доставлялись последнему не только оружия, панцыри, шубы на мехах горностаях, но даже бумаги, краски и уборы для дочерей. Такие отношения существовали между ними до тех пор, пока Казань не послужила полем раздора, а взятие в плен русскими войсками дочери Юсуфа, казанской царицы Сумбеки** с малолетним сыном Утемиш-Гиреем и крещение последнего в Москве не поставили их совершенно в враждебные отношения, обострившиеся сильным родством Юсуфа с Астраханью, Крымом и Сибирью***. Раздраженный Юсуф писал Грозному, что с того дня, как царь отказал ему в возвращении внука и дочери, «дружба умерла!».

* Источники XVI в. нередко называют татар Сибири ногайцами. Упомянутый Ивак, главный хан Шибанской орды, владевший ранее в Средней Азии Туркестаном, утвердившись на рр. Ишиме и Иртыше, принудил более ранних насельников тех мест ограничиться р. Турой. Вскоре после этого он изгнал их и с берегов Туры, а сам засел в городе Чингиг-Туре, переименованном впоследствии русскими в Тюмень, и вошел отсюда в непосредственные сношения с ханами Ногайской орды, женившись на сестре Муса-Мурзы. — *Карамзин*. История госуд. Российского. Изд. Смирдина. Т. VI. Прим. 240. — Следовательно, жена тюменского хана Ивака была родною теткою родоначальника Юсуповых — Юсуфа.

** Перевороты судьбы красавицы Сумбеки, жены трех казанских царей и матери четвертого, плененного русскими вместе с нею, делают ее драматической личностью. При всех тревожнениях Сумбека была столь очаровательна, что в русской молве считалась волшебницей, чародейству которой приписывались и все неудачи русских при осаде Казани. Жизнь ее, переданная в истории, сделалась предметом поэзии: так, она является героинею в поэме Хераскова «Россияда», главным лицом в трагедии Грузинцева «Покоренная Казань», в трагедии Глинки «Сумбека, или Падение Казани» и т.п.

*** По Карамзину (Т. IX. Прим. 658) Ак-Мурза, сын Юсуфа, был женат на дочери популярного сибирского царя Кучума.

Негодование Юсуфа обрушилось на русского посла Петра Тургенева. Юсуф приказал наложить на него оковы и расхитить его имущество. Но в феврале 1555 года в Москве получено было известие о смерти Юсуфа. С того времени прерванные дружеские отношения с Москвою были снова возобновлены сначала предприимчивым братом Юсуфа Измаилом, а затем старшим сыном Юсуфа Юнусом. По смерти последнего, желая более упрочить свои отношения к Москве, Измаил в 1563 году отправил других сыновей Юсуфа — Иль-Мурзу и Ибрагима-Мурзу в Москву в виде заложников верности ногайцев. Царь Грозный принял их благосклонно и по степени рода их наделил обширными поместьями: им пожалованы были многие села и деревни в Романовском округе с подчинением поселенных в них служилых татар и казаков.

С того времени Россия навсегда уже стала отечеством для потомков славного Юсуфа.

Правнук Юсуфа и внук Иль-Мурзы Абдул-Мурза был известен в русских войсках за храброго полководца, особенно же в войны 1670-х годов с турецким султаном и крымским ханом. Будучи владельцем значительного богатства, Абдул-Мурза навлек на себя гнев царя за то, что накормил у себя в постный день гусем патриарха Иоакима, был бит кнутом и лишен имений*. Но вскоре после этого Абдул-Мурза просил крещения и, приняв христианство, получил имя Димитрия Сеюшевича (по отцу) с прозванием Юсупово-Княжево и титул князя вместо татарского мурзы**. Пожалованный в стольни-

* Об этом случае в царствование Екатерины вспомнил однажды, весьма кстати, правнук Абдул-Мурзы, кн. Н.Б. Юсупов. Обедая за столом императрицы, он неожиданно был спрошен: знает ли, как разрезать гуся? «Как не знать, ваше величество, — отвечал Юсупов, — эта птица давно нам знакома и дорого обошлась нашему роду: предок мой поплатился за нее половиною своего имения». — Юсуповы//Д.м. *Бантыш-Каменский*. Слов, достопам. людей. Ч. 2. Спб., 1847.

** В «Российском Гербовнике» (Ч. III: отд. 1. С. 2) помещено следующее описание герба рода князей Юсуповых, выданное сенатом д.т.с. кн. Н.Б. Юсупову 4 июня 1804 г.: «В щите, разделенном на шесть частей посредине, находится малый щиток, имеющий в верхней части в зеленом поле княжескую шапку и под нею, в красном поле, четыре шестиугольные серебряные звезды, окружающие серебряную луну, рогами обращенную в правую сторону. На поверхности сего щитка второй маленький щиток голубого цвета с изображением в нем шестиугольной серебряной звезды. В первой части большого щита, в зеленом поле, ездок с поднятою вверх шпагою и с золотым щитом, скачущий на белом коне в левую сторону. Во второй части, в золотом поле, муж,

ки, он женился на богатой вдове Катерине Яковлевне Сумароковой и чрез этот брак еще увеличил свое богатство. Князь Димитрий Сеюшевич скончался в 1694 году и оставил после себя трех сыновей.

Младший из сыновей Димитрия Сеюшевича князь Григорий Дмитриевич, в колыбели еще пожалованный от царя Феодора Алексеевича стольником, был товарищем игр Петра Великого, а впоследствии и ближайшим сподвижником славных деяний его. Числясь в регулярном войске, в драгунском полку, Григорий Дмитриевич неоднократно был в походах и на приступах. В замечательной надписи на гробнице его (в Московском Богоявленском монастыре), между прочим, говорится: «Известна стала служба его в разных походах, на боях полевых и городовых приступах; под Азовом дважды и дважды под Нарвою, под Канцем, под Митавою, под Лесным, под Полтавою и Переволочным, при взятии оставшегося по Полтавской баталии Шведского корпуса, под Выборгом, на Турецкой акции, под Штетинном, под Тоннингом, при взятии фельдмаршала Штейнбока с его войски на Наре, при взятии фрегата и галер и во всех нарвских походах, где лейб-гвардия была, и потом в Персидскую экспедицию не без характера же воинских подвигов пребыл; ранен в правую руку и в левую ногу под Лесным...»*. После взятия Азова, участвуя в торжественном въезде Петра в Москву, князь Г.Д. вступил там в брак со вдовою стольника князя Львова княжной Анной Никитичной и имел от этого брака сыновей Бориса, Григория и Сергея и дочь Прасковью Григорьевну.

Во все время царствования Петра I князь Г.Д. был ревностным исполнителем самых разнообразных поручений монарха в кораблестроении и мореплавании; кроме того, Г.Д. нередко поручалось управление розыскными комиссиями. При погребении Петра князь Юсупов был в числе трех мародетый в татарское платье, держит в правой руке молоток. В третьей части, в голубом поле, натянутый золотой лук с стрелой, летящею вверх. В четвертой части, в золотом поле, и в пятой части, в серебряном поле, изображены по одному льву натурального цвета. В шестой части, в голубом поле, серебряный елень, бегущий влево. Щит покрыт мантиею и шапкою, принадлежащими княжескому достоинству. Щитодержателями поставлены два льва, в сторону смотрящие» (О роде кн. Юсуповых. П. С. 412-413).

* О роде кн. Юсуповых. П. С. 369-370.

шалов, следовавших за гробом государя пред императрицею. По восшествии на престол Екатерины I, в самый день учреждения ордена св. Александра Невского, Г.Д. был одним из первых, пожалованных государынею, кавалеров. По кончине Екатерины Юсупов пользовался таким благоволением юного императора Петра Второго, что получил от него в подарок обширный дом в Москве, пожалован в подполковники Преображенского полка, в котором сам государь считался полковником, и получил же в потомственное владение многие из отписанных в казну деревень Меншикова в Бел огород ской губернии. При восшествии на престол императрицы Анны, князь Г.Д. исполнял многие важнейшие поручения императрицы, был пожалован в генерал-аншефы и утвержден сенатором, состоя с 1727 года первенствующим членом государственной военной коллегии.

Тем не менее биография преданного слуги Петра Великого и основателя колоссального впоследствии богатства рода князей Юсуповых наряду с подвигами не лишена и мрачных эпизодов, говорящих за то, что Григорий Дмитриевич был человеком сурового характера и заботился прежде всего о своем благосостоянии. Так, например, в 1717 году он обвинил в различных злоупотреблениях князя Кольцова-Масальского* и этим путем после казни последнего Петром получил себе часть имения князя; ведя же провиантские и интендантские дела, не упускал случаев увеличивать свое и без того огромное состояние, к которому при Петре II были добавлены еще многие из отписанных в казну имений князей Прозоровских**.

Князь Григорий Дмитриевич скончался 2 сентября 1730 года в Москве среди своего семейства: супруги Анны Никитичны, сыновей Бориса, Григория и Сергия Григорьевичей и дочери княжны Прасковьи Григорьевны. В духовном завещании своем, подписанном в самый день кончины, предоставляя трем сыновьям разделить недвижимое его имение по равной части и движимое полюбовно, он писал: «А жене моей княгине Анне Никитишне из недвижимого ж моего имения подмосковная вотчина сельцо Толбино да при-

* Родословие князей Кольцовых-Масальских//Всем. Иллюстр. 1880. Т. XXIV. № 609.

** Родословие князей Прозоровских//Всем. Иллюстр. 1877. Т. XVII. № 40.

данные ее вотчины, тако ж, которые по резолюции правительствующего сената отданы ей по наследству после племянника ее Федора Акинфова и которые на имя ее куплены, в котором недвижимом учинить ей наследницею дочь нашу княжну Прасковью, или кого она похочет... а ежели жена моя, или кто из детей моих завет мой презрит, и в чем-либо будет кто прекословить, да будет моя отеческая клятва»*.

Умиравший отец словно предвидел, что последнее завещание его в отношении единственной дочери не сбудется никогда: не прошло и сорока дней по смерти его, как княжна Прасковья Григорьевна увезена была за конвоем солдат в Тихвинский девичий монастырь и при посредстве тихвинского архимандрита Феодосия, под начальством которого состоял монастырь, сдана на руки игуменье Дорофее со строгим наказом держать накрепко и никого не допускать**.

Но родословная несчастной княжны выйдет неполною, если мы не коснемся сведений о других современных ей родственниках.

Старший брат княжны князь Борис Григорьевич, имея 22 года, по повелению Петра I был отправлен в 1717 году во Францию для обучения в Тулонском училище гардемарин, хотя приобретенное там образование и не открыло для него морской службы. По возвращении из-за границы князь Б.Г. в 1730 г., незадолго пред смертью отца, пожалован был императрицею Анною Иоановною «чином действительного камергера с рангом действительного генерал-майора», а в начале 1736 года назначен московским губернатором. В начале 1742 г. князь Б.Г. переселился в Петербург, где в 1744 г. был пожалован в действительные тайные советники и вскоре назначен президентом коммерц-коллегии. Вообще царствование Елизаветы Петровны было для князя порою быстрого служебного возвышения и вместе исполнения важнейших поручений***. В 1748 г., когда по случаю отъезда императрицы в Москву, поведено было следовать туда же сенату и синоду, а в Петербурге быть сенатской конторе, то главным начальником последней до возвращения императ-

* О роде кн. Юсуповых. II. Т. 367-368.

** Люди старого века. С. 332.

*** Арх. кн. Воронцова. Кн. 6. М., 1873. С. 103, 175, 272, 319.

рицы поручено быть князю Борису Григорьевичу. В 1750 г. на него возложено было главное начальство над сухопутным кадетским корпусом. Управление этим главнейшим рассадником военного образования, подготовившим России героев Кагула и Рымника, оставалось за Юсуповым почти до самой смерти (1 марта 1759 г.). Состоя в браке с дочерью стольника И.М. Зиновьевой, князь Б.Г. оставил после себя сына Николая Борисовича, дожившего до царствования императора Николая Павловича и бывшего одним из образованных людей своего времени*, и четырех дочерей, из которых младшая Евдокия Борисовна была в супружестве с Петром Бироном, владетельным герцогом Курляндским**.

Два других брата княжны жили недолго: младший брат Сергей Григорьевич скончался в цветущих летах в 1734 году, средний же брат Григорий Григорьевич, будучи полковни-

* Князь Н.Б. до службы по министерству иностр. дел много путешествовал по Европе, запасаясь обширными сведениями и знакомясь с тогдашними европейскими знаменитостями. Во времена Екатерины II он состоял посланником при многих иностр. дворах. В 1791 году ему поручено было управление театрами. В царствование императора Павла он состоял в чине дест. тайн, советника и был президентом мануфактур-коллегии и вместе министром департамента уделов. Замечательно, что князь Н.Б. назначаем был верховным маршалом при трех коронациях императоров: Павла, Александра I и Николая I. О деятельности Н.Б. по управлению театрами заключаются некоторые сведения в ст. «Историчес. вестника» за 1890 г. (XXXIX. С. 612—624). Князь был женат на одной из племянниц известного Потемкина-Таврического Татьяне Васильевне Энгельгардт, общество которой состояло из таких знаменитостей, какими были Державин, Крылов, Жуковский, Пушкин; в нем же нашла в свое время приют и дочь сибирского изгнанника Прасковья Лупалова, известная Параша-Сибирячка, прибывшая в 1804 году в Петербург для испрошения помилования своему отцу. (О роде кн. Юсуповых. I. С. 173—174). Известное стихотворение Пушкина «К вельможе» (1830) написано по адресу князя Н.Б. В «Записках кн. Н.С. Голицына», между прочим, говорится: «Во время коронации Николая Павловича, князь Н.Б. был одним из немногих тогда старинных русских вельмож, представителей времен Екатерины, и одним из первых богачей России. Сын его, князь Борис Николаевич, средних лет, в это время сватался, или был женихом 17-летней красавицы Зинаиды Нарышкиной, впоследствии по смерти его во втором браке графинею Шоводе-Серр. Бал, данный Н.Б. Юсуповым, был богат, как он, но и еще более — оригинален, как и сам он» (Русск. Стар. 1881. Т. XXX, янв. С. 38—39).

** Старшая княжна Елисавета Борисовна была в 1764 г. выдана в замужество за генерал-майора кн. Голицына вторая кн. Александра Борисовна в том же году — за генерала Измайлова и третья кн. Анна Борисовна в 1771 г. — за камергера Протасова.

ком Олонецкого полка и неся труды походной жизни, умер в 1734 году.

II

Никто не знал причины ссылки княжны; не было объяснено ее и в указе сената, при котором привезена княжна в Тихвинский монастырь. В Москве по этому поводу передавались разные сведения: одни говорили, что княжна, походившая суровостью характера на покойного отца, сослана за то, что открыто интриговала за возведение на престол цесаревны Елисаветы Петровны; другие же объясняли ссылку ее виною отца, который будто бы был в числе лиц, искавших ограничения самодержавия императрицы Анны Иоанновны. Но все это были слухи, к которым многие прибавляли еще семейную интригу старшего брата княжны Бориса Григорьевича, ненавидевшего сестру и хотевшего воспользоваться всем имением. Против первых сведений существуют, однако ж, опровержения: известно, что при восшествии на престол императрицы Анны некоторые из членов верховного совета замыслили ограничить самодержавие, но князь Г.Д. Юсупов не только не принадлежал к числу последних, но выступил, напротив, одним из главных защитников самодержавия; когда же всецельные князья Долгоруковы подверглись опале, князю Юсупову было поручено следствие о казенных вещах, захваченных бывшею невестою Петра Второго, вскоре после чего он по особенному благоволению к нему императрицы возведен был даже, как замечено выше, в звание генерал-аншефа*. Что же касается до интриг княжны за возведение на престол Елисаветы Петровны, то это сведение заслуживает большего вероятия, хотя по вступлении на престол Елисаветы, снявшей кару страданий в ссылке большинства жертв прошедших царствований, милости новой императрицы и не коснулись несчастной Прасковьи Григорьевны. Можно думать, что ненавидевший княжну брат Борис Григорьевич, достигший в царствование Елисаветы Петровны положения одного из знатнейших русских вельмож, имел полную возможность отстранить от своей сестры все возможные для нее со стороны императрицы милости.

В Тихвинском монастыре княжна принята была, как простая колодница. На первый раз игуменья Дорофея поме-

* О роде кн. Юсуповых. I. С. 94-95, 105.

стила ее у себя в келье, отведя угол за занавеской у д. Бедная кровать, деревянный стол и стул составляли в зательливую обстановку невольного новоселья княжны. В отсутствие же уродливой по наружности крепостной калмычки Марьи, привезенной с княжною для услуг в стыре, дополняло украшение ее нового жилья. Осмотрев убогую келью, княжна горько зарыдала и, не говоря ни слова, закуталась в одеяло, продолжая стонать и плакать. Но вскоре обстановка княжны несколько изменилась. Познакомившись ближе с игуменьей и узнав, что в монастыре есть отдельная келья, где жила ранее какая-то <...> княжна Калушкина, вызванная недавно императрицею в Петербург, княжна, чтобы избавиться от постоянного надзора игуменьи, стала просить последнюю поместить ее в ту келью, если можно, то и продать ей. Игуменья съездила для переговоров по этому вопросу с подьячими Архиерейского приказа в Новгород, и келья уступлена была за 30 рублей.

Уезжая в Новгород, игуменья приставила к княжне на присмотрщицей некую Анну Юленеву. По тем сведениям, какие рассказаны Г.В. Есиповым с подлинного дела в канцелярии*, этой Юленевой пришлось впоследствии иметь важную роль в дальнейшей участи княжны, а потому, говоря о жизни последней в Тихвинском монастыре, нельзя не ознакомиться и с биографией Юленевой.

Юленева была дочь кузнеца, проживавшего в Тихвинском посаде и умершего в 1700 году. Мать ее, по смерти оставшись владельницею дома и имущества, занялась заготовкою съестными припасами, приучив к тому же и свою Анну. В 1716 году вдова-кузнечиха умерла, и Анна Юленева осталась полною хозяйкою. Главный сбыт своих припасов Юленевой был в Введенском монастыре. Анна пользовалась особенным доверием монахинь. Игуменья монастыря, у которой бывали нередко тайные приемы, ки, весьма часто нуждалась в содействии Анны при устройстве пирушек, и благодаря этому Анна посвящена была во все тайны закулисной монастырской жизни; та же Анна приглашена была игуменьей и для присмотра за княж

— Не бойся, Аннушка, — говорила ей игуменья, — твои труды твои не пропадут: ссыльная — важная персона,

* Люди старого века. С. 334-337, 341, 344, 345 и др.

на Юсупова. Она послана к нам под начал, мне нужно смотреть за ней, ты девка верная... Потрудись для меня!

— Да как же, матушка, дом-то покинуть, чем кормиться-то? — возразила Анна.

— Ничего твоего, Аннушка, не пропадет; чем кормиться — не тужи! Княжна богата, у нее свои харчи, княжеские. Мать недавно послала ей целый дом всякой всячины: и муки, и круп, и миндальных ядер, изюму, черносливу, орехов, пряников, масла орехового, масла макового, да, не при ком будь сказано, и полотков гусиных и ветчины — всего не перескажешь, полон амбар навалили... Есть хорошо будешь... А сослужишь мне службу, я дам тебе десять рублей-

Бойкая и сметливая Юленева согласилась, перейдя на время отлучки игуменьи в Новгород в келью княжны и, как посторонний человек, в котором княжна не подозревала монастырской опеки, скоро сблизилась с Юсуповою. Будучи хитрою и пронырливою, Юленева скоро поняла, что княжна характера своенравного, гордая, вспыльчивая и любит женскую болтовню. Она познакомила княжну со всеми монастырскими тайнами; рассказала, как игуменья иногда кутит, как подчас попивают монахини, как принимают гостей, как и она сама, будучи молодою, одевалась мужчиною да ходила по кабакам.

В особой келье княжна устроилась, как в своем доме, хотя, к огорчению ее, игуменья для присмотра за ней все-таки приставила к ней старицу Иринаруху. Зато с ней перешла юркая, столь понравившаяся ей Юленева; кроме того, в ее распоряжении была данная ей при отправке из Москвы для услуг крепостная калмычка Марья, а потом вскоре прислано было и еще две служанки и повар. Келья княжны была меблирована. Мать ее княжна Анна Никитична беспрестанно посылала дочери всевозможных припасов в изобилии. Княжна устраивала обеды и ужины, на которых бывали игуменья Дорофея, тихвинский архимандрит Феодосии, монастырский стряпчий Шпилкин и монахини. Туалет княжны немногим уступал прежней роскоши. Игуменья и архимандрит смотрели на княжну, на наряды, пировали и слушали ее рассказы о дворцовом житье-бытье, хотя княжна никогда не договаривала, за что ее сослали. Откровеннее она была с Юленевой.

— Трясучий Ушаков, — говаривала она Юленевой, — напал на меня в саду... А я все-таки не повинилась!

— Для чего же не повинилась? — спрашивала Юленева, ничего не понимая в рассказываемом княжной.

— Не повинилась, жалея Дохтурову да Мельгунову. Они и ворожейку-то подвели... Сплошь делали...

Но этим откровенность заканчивалась.

Упоминание княжною ворожейки, а главное — сада, откуда, как видно, поверенным всех придворных тайн начальником Тайной канцелярии Андреем Ивановичем Ушаковым взята она была на неожиданный допрос, дает место предположению, что к числу причин постигшей княжну кары вряд ли не была примешана еще и какая-либо любовная интрига. Если тесные комнатки летнего, зимнего и других домов государевых были не всегда удобны для интимных встреч, то некоторые сады, например, сад летний, сад у инженерного замка и другие со своими гротами, беседками, рощами и аллеями, представляли в летние месяцы прекрасное место для интимных бесед. Существуют указания, что кроме несчастной фрейлины Гамильтон, устраивавшей свидания с любовником своим Орловым в первом саду, там же происходили встречи и известного В.И. Монса, тайные беседы красавца А.Я. Шубина и других.

В откровенных беседах с Юленевой княжна упоминала иногда и этого Шубина, оказавшегося жертвою любовных интриг*.

— Можно бы мне искать милости и у цесаревны Елисаветы, — говорила она, — да нет... нечего и об этом думать, на что уж Шубин, и тот сослан...

* Шубин, сержант Семеновского полка, первое лицо при дворе цесаревны Елисаветы Петровны, за то, что был любимцем цесаревны, был схвачен в 1731 году, пытан, заключен в каменный мешок, наказан кнутом и сослан в Камчатку; пред ссылкой ему вырезали язык, а в Камчатке принудили жениться на камчадалке. По смерти Анны Ивановны, Елисавета, будучи еще цесаревной, стала стараться об его освобождении, и по ее настоянию последовало о том два указа: один от курляндского герцога в короткое время его регентства, другой — от правительницы. Горемыку могли разыскать уже позднее по третьему указу, подписанному Минихом. За несколько лет житья в камчатской пустыне он одичал, хотя и сохранил еще следы прежней красоты. Но при дворе он оставался уже недолго и, щедро награжденный, поселился на покой в одном из пожалованных ему имений в Нижегородской губ. — *Костомаров*. Императ. Елисавета Петровна//Вестн. Евр. 1887, янв. С. 81-82; *С. Максимов*. Сибирь и каторга. Ч. 3. С. 119.

Но дни шли за днями. Игуменья, навещая княжну, старалась развлекать ее от грусти и однажды принесла с собой кости и гадала.

— А ведь скоро, княжна, о свободе твоей указ получим, — говорила она, смотря на разложенные кости.

Кроме игуменьи, к княжне ходили ворожить костями еще две монахини и также предрекали указ и скорую свободу, но желанного указа все-таки не получалось.

Княжна часто плакала, проклинала Ушакова и для развлечения поила и кормила своих монастырских приятелей.

На первых порах пребывания в монастыре ее посетили старые знакомые — два брата Корсаковых, а вскоре и еще один знакомый, Корсаков же, сержант Преображенского полка, проезжавший из своей деревни в Москву с зятем своим Скобельцыным. Последний, имевший свою деревню около Тихвина, нередко навещал княжну и в последующее время, заезжая в монастырь со своими родственниками. Княжна всегда была несказанно рада этим посетителям и однажды во время угощения их, показывая роспись своего приданого, дошла до откровенности...

— Было время, что я была над братьями большою... Отец любил меня и оставил мне много доброго... За это теперь и страдаю!

Прошел год. Знакомец княжны, тихвинский архимандрит Феодосии был ненадолго в Петербурге, с ним же ездил и монастырский стряпчий Шпилкин. Когда они возвратились в Тихвин, княжна послала за Шпилкиным и спросила, не виделся ли архимандрит с братом ее Борисом.

— Как же! Отец архимандрит нарочно к нему ездил на поклон с монастырским хлебом... — начал Шпилкин.

— Это к супостату-то? — вскричала, прерывая Шпилкина, княжна. — Из-за него я и привезена сюда! Вины я за собой никакой не знаю. Цесаревна Елисавета ко мне милостива. Милостива была и матушка государыня Екатерина Алексеевна. А нынешняя императрица до меня не милостива, без вины сослала! Брат с Остерманом меня и допрашивали. Я стала без памяти и не знаю, что говорила худоязыкому Остерману. «Сто ти сюдаряня! Будет играть нами. Ти сюдя пришла не на игранье, о чем спресим, то-де и отве-

ций!»*. Знаю, что спрашивали о письмах, о бабе, но что говорила им — не помню. Государыне бы можно было сослать меня в хороший монастырь, поближе к Москве, а не сюда!.. У вас ведь не монастырь, а шинок...

Шпилкин остолбенел от удивления. Как княжна знает о монастырских грешках — было первой его мыслью.

Княжна говорила далее, что в монастыре торгуют вином и в конце воскликнула:

— О, когда бы мне услышать, что цесаревна Елисавета императрицею!

Слова эти, означавшие, по тогдашним понятиям, ужасное «слово и дело», поразили Шпилкина, и он, как сумасшедший, выбежал из кельи. Княжна, увидев смешную фигуру его, расхохоталась и рассказала об этом Юленевой.

Этот случай, рассказанный Шпилкиным игуменье, сразу же охладил отношение последней к княжне. Игуменья начала намекать княжне, что у нее много прислуги, что Юленева для нее совершенно лишняя и заводит только сплетни. Княжна выходила из себя и не хотела слышать об уменьшении прислуги, а тем более о разлуке с Юленевой.

Вскоре после этого по случаю святок игуменья устроила у себя вечеринку, на которую приглашена была и княжна с Юленевой. Игуменья сидела с княжной за столом, а Юленева села между монахинями. Когда компания была уже навеселе, игуменья подала знак, и в келью вбежали три маски в страшных нарядах и с кнутами в руках. Вбежав с пронзительным свистом, они начали петь песни и плясать. В это время Юленева поднялась с места и хотела выйти, но одна из масок бросилась на нее и повалила на пол, а другие две, продолжая петь песни, нанесли ей несколько ударов кнутьями.

Сцена эта оскорбила княжну, и она оставила полупьяную компанию. Вскоре прибежала за ней и плачущая Юленева...

Княжна пожаловалась на игуменью архимандриту, и с этого дня между ними началась ожесточенная война. Кончилось тем, что по интригам игуменьи Юленева была выдворена из монастыря вместе с остальной прислугой, присланной

* Это был граф Андрей Иванович Остерман, который императрицею Елисаветою при воцарении был сослан с поста государственного канцлера в Березов. Измученный жестокой подагрой, старик Остерман привезен был в Березов с женой и чрез три года (в 1747 г.) умер. — Сибирь и каторга. Ч. 3. С. 137.

из Москвы. Несмотря на это, Юленева продолжала посещать княжну по ночам, но поймавший ее монастырский бобыль снял с нее шубу, посек плетью и вытолкнул из монастыря. После этого случая княжна решила жаловаться на игуменью и отправила Юленеву в Петербург к Скобельцыным, научив ее открыть пред митрополитом поведение игуменьи.

Не получая долго известий от Юленевой, княжна послала ей письмо, но игуменья перехватила его, сняла копию и написала в свою очередь письмо секретарю Феофана Прокоповича Бухвостову, прося защитить ее от клеветы княжны и Юленевой.

Это было в конце 1734 года, а в январе следующего года в Тайной канцелярии шло уже дело о тихвинской затворнице...

Начало дела было несложно.

23 января Юленева пришла к секретарю Феофана Прокоповича и подала жалобу на игуменью. По дружбе с игуменьей секретарь жалобу уничтожил, а Юленеву арестовал, доложив имевшееся уже у него письмо игуменьи* митрополиту. Последний** отвез письмо императрице, которая передала его для исследования А.И. Ушакову.

* Письмо это приведено в очерке Есипова. Игуменья, между прочим, писала: «Благородный и пречестнейший господин Козма Родионович, мой милостивой отец и древний благотворитель... Имеется у нас у обители княжна Юсупова по указам в подохранении и велено быть при ней одной бабе, а других сослужительниц не держать; того ради она княжна, риясь на меня, производит всякие непотребности и живет непостоянно и неблагочинно; созналася с похабною девкою Тихвинского посада кузнецкого ведения, зовется Шуня, а прямое имя ей Анна, и приходит оная девка к ней, княжне, тайным образом и согласуется, и наносит на обитель и на меня всякие непотребности, и советуют с нею не благо, но всякие коварства и ябеды; и в прошедшем декабре месяце оная девка по согласию с ней, княжною, отпущена в С.-Петербург неведомо с какими вымышленными ябедами...» и т.д. — Люди стар. века. С. 354.

** Существуют основательные данные, что во времена императрицы Анны деятельность Феофана Прокоповича была поглощена Тайной канцелярией, и этот митрополит содействовал низложению и гибели весьма многих лиц. Благодаря этой деятельности, ему оставалось выбирать одно из двух: или погибнуть самому, или обороняться тем же оружием, с которым стояли наготове его противники. Он выбрал последнее, и на этом основании неустанно запугивал государыню бунтами и революциями, указывая на своих врагов и держал в страхе и под своею властью всех министров. Благодаря его интригам, были сосланы архиерей Георгий Дашков (в Нерчинск), распопа Родион (в Охотский монастырь), братья Никитины с женами и детьми (туда же), Яковлев, печерский старец Исайя, распопа Васильев, Морозов (в Охотский порт), Горбунов (в серебряные заводы), грек Серафим Арион (в Охотский острог) и другие. — Сибирь и каторга. Ч. 3. С. 120—121.

Важность дела заключалась не в беспорядках по монастырю, а в поведении там княжны Юсуповой. Императрицу и Андрея Ивановича занимало более всего одно: не разболтала ли княжна каких-либо дворцовых тайн, которые ей могли быть известны.

На первом допросе Юленева старалась, как умела, обвинять игуменью в преследовании княжны и, несмотря на опытность Андрея Ивановича, ни в чем не проговорилась о болтовне княжны про императрицу, брата Бориса и проч.

Последствием показания Юленевой был арест некоторых из упомянутых ею лиц и в том числе бывавших у княжны в монастыре Скобельцыных. Скобельцыны проговорились, что княжна жаловалась им на братьев своих. Это дало Ушакову повод считать, что княжна болтала о своей ссылке.

30 января Юленева приведена была в застенок, где, по словам архивного документа, «с подлинной правды поднята на дыбу и расспрашивана с пристрастием». Но несмотря и на ужасы пытки, она объявила, что о ссылке княжны от нее ничего не слыхала, а приехала в Петербург жаловаться на игуменью.

Казалось бы, дело не могло принять для княжны дурного оборота, но странный случай изменил направление следствия. Содержавшаяся в Петропавловской крепости Юленева 10 марта объявила дежурному офицеру, что караульные солдаты устраивали ее, Анну, что ее казнят смертью и что она просит объявить о том генералу Ушакову. Дежурный донес об этом обстоятельстве Тайной канцелярии, и Юленева под страхом воображаемой казни рассказала Андрею Ивановичу во всей подробности о болтовне княжны архимандриту Тихвинскому, стряпчему Шпилкину и ей, Юленевой.

В тот же день об изменившемся ходе дела Ушаковым доложено было императрице, и княжну, и Шпилкина приказано немедленно привезти в Петербург; случай же ареста их держать в секрете и посланному за ними привезти их в Петербург, безусловно, «в ночных часах».

Привезенная в ночь на 19 марта прямо в Тайную канцелярию княжна наутро же увидела пред собой ненавистного ей Ушакова, пред которым должна была оправдываться в том, что показала на нее Юленева. Княжна отвергала выводимые на нее Юленевой разговоры с архимандритом и Шпилкиным, а если что из них и сознавала, то, как видно

из дела Тайной канцелярии, давала своим словам другое значение. Любопытны некоторые места показания княжны, передаваемые записью канцеляриста.

— Батюшка мой, — говорила, между прочим, княжна, — служил Ее Императорскому Величеству верою и правдою и о самодержавствии ей, государыне, трудился и челобитную подавал, и коли бы батюшка жив был, он бы стал просить у ее императорского величества, и хотя бы-де чести лишился, а я бы-де в ссылке не была.

В обвинениях Юленевой княжны были упомянуты дерзкие отзывы ее о власти при дворе иноземцев, и княжна продолжала:

— Ныне при дворе Ее Императорского Величества имеются многие иноземцы и русские мужского и женского пола, и то она говорила, ведая о том, что при дворе Ее Императорского Величества имеются обер-камергер господин фон-Бирон, да обер-гофмаршал господин фон-Левенвольд и другие, как иностранцы, так и русские мужского и женского пола, а не в другой какой силе.

В числе обвинений Юленевой особенное внимание предусмотрительного Ушакова остановили отзыв княжны своим монастырским знакомцам о первом аресте и допросе ее, а также упоминание Шубина, доходившее, быть может, и до неосторожной болтовни о дворцовых тайнах. Между тем по делу оказывалось, что княжна никому не говорила, за что она сослана в монастырь, иначе Юленева не скрыла бы этого важного сведения. В последнем случае, кроме загадочного упоминания сада, названного на этот раз «Измайловским», раскрытие тайны со стороны Юленевой далее не шло; княжна же говорила:

— Слова такие, что генерал Ушаков взял допрашивать меня в саду, я, Прасковья, архимандриту Феодосию и стряпчему Шпилкину говорила: когда они спрашивали меня о деле, за что-де в монастырь прислана, где была допрашивана? И на то-де сказала я, что-де не в Канцелярии допрашивана и притом-де объявила об означенном, имевшем мне, Прасковье, в саду допросе... И это я говорила потому, что действительно, когда я по известному делу, по которому сослана в означенный монастырь, из дому отца взята и отвезена в Измайлов сад и в том-де саду допрашивана была

генералом Ушаковым, да графом фон-Левенвольдом, а в какой-де материи прежнее мое, Прасковьи, дело имелось, в том архимандриту Феодосию и стряпчему Шпилкину и означенной девке и никому я, Прасковья, не говорила.

Таким образом, важная тайна осталась навсегда тайной — одною из тех неразгаданных дворцовых тайн, которыми обильно XVIII столетие.

Покончив с главным обвинением, княжна с той же уклончивостью объяснила Ушакову и свое упоминание о Шубине.

— Я говорила такие слова: что-де был в гвардии сержант Шубин и собою-де хорош и пригож был, и потом-де имелся у государыни цесаревны ездовым, и как-де еще в монастырь я прислана не была, то-де оный Шубин послан в ссылку; и эти слова я говорила так, запросто, зная того Шубина, что он лицом пригож был и что был он ездовым у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала я, а от кого, не упомяну, что оный Шубин послан в ссылку, а куда и за что, того я не знаю и ни от кого о том не слыхала.

На очной ставке княжны с Юленевой последняя прибавила еще несколько новых обвинений об оскорблении княжною во время разговоров с ней «чести и персоны ее величества».

Спустя дня четыре после допросов, Ушаков вошел к княжне в тюрьму в сопровождении секретаря и подьячего Тайной канцелярии и объявил следующее:

— Я докладывал о тебе, княжна Прасковья Григорьевна, императрице; она очень гневна, что ты болтала Анне Юленевой и другим. Императрица приказала объявить тебе, чтобы ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всем объявишь, то можешь ожидать всемилостивейшего от Ее Императорского Величества милосердия; буде же и ныне по объявлении тебе, Прасковье, Ее Императорского Величества высокого милосердия, о вышесказанном истины не покажешь, то впредь от Ее Императорского Величества милосердия к тебе, Прасковье, показано не будет, а поступлено будет с тобою, как по таким важным делам с другими поступается*.

После этой прелюдии секретарь Тайной канцелярии вновь прочел княжне показание Юленевой, а Ушаков приступил к новому допросу. Но на этот раз, вероятно, в страхе предстоящих пыток княжна изменила тон своих возраже-

* Люди старого века. С. 362—366.

ний против выводов Юленевой. Она сказала, что разговоров, о которых показывает Юленева, «не упомнит, а если, быть может, и говорила, то под влиянием горести и печали, от которых доходила до беспамятства».

В это самое время в Тайную канцелярию привезли в ручных и ножных железах стряпчего Шпилкина. Последний подтвердил буквально разговор княжны, и его заперли в крепость; на очной же ставке с ним княжна созналась, что действительно говорила Шпилкину все так, как он показал.

Дело шло к концу. Недоставало только тихвинского архимандрита. 17 апреля Феофан Прокопович прислал и его. Хотя допросы архимандрита не дали для дела ничего нового, но заперли в крепость и его.

На следующий день после доклада Ушаковым дела императрице княжне объявлено было в Канцелярии следующее грозное решение: «За злодейственные и непристойные слова по силе государственных прав, хотя княжна и подлежит смертной казни, но ее императорское величество, милосердуя к Юсуповой за службу ее отца, соизволила от смертной казни ее освободить и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силе государственных прав, только из особенной ее императорского величества милости».

Затем княжне велено «учинить наказание: бить кошками и постричь в монахини, а по пострижении из Тайной канцелярии послать княжну под караулом в дальний, крепкий девичий монастырь, который, по усмотрению Феофана, архиепископа новгородского, имеет быть изобретен, и быть оной, Юсуповой, в том монастыре до кончины жизни ее неисходно».

Избегая разглашения, императрица приказала постричь княжну в Тайной канцелярии. Это был первый случай пострижения там колодников, который поставил Ушакова в затруднение: в Петербурге женских монастырей не было, не было и готовой монашеской одежды, почему последняя чрез нарочного куплена в Новгороде*.

* Любопытен перечень этой одежды, а особенно стоимость ее: апостольник — 3 к., повязка по апостольнику — 10 к., крест — 4 к., парамон — 2 к., наметка флеровая — 50 к., ряса нижняя с узкими рукавами — 90 к., мантийка маленькая — 8 к., мантия большая, ряса верхняя с широкими рукавами — 3 р., ленты ременные с пряжкой — 3 к., четки — 1 р., свитка белого полотна — 10 к., всего на 5 р. 80 к. — Люди старого века. С. 372.

30 апреля княжна была наказана кошками, а вытребованный из синода архимандрит Чудова монастыря Аарон исполнил над нею пострижение в монашество, дав имя Проклы*.

Затем княжне было объявлено, что императрица приказала отобрать у нее все золотые, бриллиантовые и другие вещи и со всем оставшимся в монастыре имуществом отдать брату ее, камергеру Юсупову, а от него потребовать 300 рублей на дорогу княжны в Сибирь и пропитание ее до места ссылки. Вместе с тем княжне объявлено, чтобы она до смерти ни с кем ни тайно, ни явно и ни под каким видом не имела разговоров о производившемся в Тайной канцелярии деле ее, в противном случае угрожали смертной казнью.

Участь других лиц была решена позднее: Юленева отослана в какой-то девичий монастырь, Шпилкин бит плетью, архимандрит по старости прощен, а об игуменье передано на усмотрение Феофана.

4 мая 1735 года княжна отправлена в Сибирь.

Лишне говорить, что приглашенный по распоряжению императрицы к участию в отправке княжны из Петербурга в Сибирь старший брат ее, камергер Борис Григорьевич Юсупов прекрасно был осведомлен о подробностях нового злополучия ненавистной ему сестры. Но ничего этого не знала престарелая мать Прасковьи Григорьевны княгиня Анна Никитична, проживавшая в Москве и продолжавшая считать дочь свою в Тихвинском монастыре. За год до ссылки княжны в Сибирь княгине пришлось понести тяжелую потерю в лице меньшого своего сына Сергея Григорьевича, скон-

* В Третьяковской городской галерее в Москве, между прочими, есть картина художника Н.В. Неврева «Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова перед пострижением». Картина эта была недавно воспроизведена в «Ниве» (1896. № 3. С. 53) по гравюре Шюблера, причем ей предпослано такое объяснение: «Воспроизведенная нами картина изображает именно момент перед насильственным пострижением княжны Прасковьи Григорьевны. Унаследовав у отца суровый характер, она не плачет и не жалуется, стоя между двумя часовыми, и только с глухой ненавистью смотрит в упор на бесстрастное лицо главного исполнителя сурового приговора (Ушакова). Даже архимандрит, призванный совершить пострижение, находится в нерешительности и некотором смущении, едва ли слыша чтение акта, которым монастырю передается на вечные времена новая узница. Но решение императрицы твердо и бесповоротно — и это сознают все действующие лица изображенной трагедии...» (Там же. Л. 64).

чавшегося в чине подполковника Бутырского полка; 17 же мая 1735 года, т.е. когда княжна была уже в пути в Сибирь, княгиня оставила на имя ее и двух сыновей своих — Бориса и Григория Григорьевичей — подробное духовное завещание на свое громадное имение и вскоре скончалась. Любопытен этот акт в отношении княжны Прасковьи Григорьевны:

«...За благословением отца вашего и моим, ежели не пожелаете жить и содержать дом отца вашего вместе, то отца вашего вотчины и поместья родовые и выслуженные, и купленные в разных городах, все, кроме подмосковной моей вотчины Толбина, что куплена на имя отца вашего на мои деньги, которую и в духовной он, отец ваш, написал мне, также кроме приданных моих и данных мне деревень и людей, разделить все вам, сыновьям моим, пополам, такс ж и московские, и санктпетербургские дворы и в них святые иконы, и суды серебряные, и фарфоровые, и медную, и оловянную посуду, и конские уборы, и всякой домовой завод, и из того отца вашего движимого имения немало надлежало по указу мне и сестре вашей указные части, и я того указного себе движимого и недвижимого ничего у вас не емлю и не челобитчица, и дочери своей завещаю с прещением, дабы и она не дерзнула из того отцовского движимого и недвижимого у вас, братьев своих, имать; все вам оставляю, а ей, дочери своей, за благословением моим отдаю в наследие вместо указной из отцовского имения части купленную мною подмосковную вотчину село Толбино, да приданные мои и данные мне деревни все, в разных городах, с людьми и со крестьяны, и со всеми угоды, также ей, дочери моей, даю приданных людей своих, а именно: Федора Прокофьева, Василия Прокофьева, Михаилу Прокофьева и Никиту Прокофьева, Константина Прокофьева, Афанасья Щербачева, Емельяна Богданова, Герасима Калинина, Ивана Петрова, Ивана Зачетова, Андрея Курицына, Григорья Тарасова, Никиту Исаева, Михаилу Говядинова, Ивана Тарасычева с племянником и с женами, и с детьми, и вдову Аксиною Хохлачеву с ее детьми, вдову Софью, девку Наталью Прокофьеву, также что есть в готовности данное ей от отца вашего и от меня приданое, алмазные и яхонтовые, и изумрудные вещи, и жемчуг, и платья, и прочий убор, то все ее да будет; ей же, дочери моей, вам, сыновьям моим, донележе она в вышеписанное данное мною недвижимое во владение вступит,

давать ей, собирая с тех деревень определенно, что мне вы порекли, без негодования, а именно: с обоих в один год триста рублей, вина простого по сту ведр, шестьдесят баранов да девять быков на год, а как она, дочь моя, в то вышеписанное, определенное мной недвижимое во владение по милосердому Ее Императорского Величества указу самовластно вступит, то ей довольствоваться из того своего недвижимого самой, а с вас того уже не требовать...»*.

Бедная мать все еще ласкала себя надеждою на скорое возвращение дочери из Тихвина и не предвидела, что предложенные ей при завещании сыновьями («что мне вы порекли») 300 рублей были тогда потребны уже не для будущих расходов княжны, а для возврата издержек ее по невольному путешествию в далекую Сибирь, принятых Борисом Григорьевичем на свой счет. Из громадного капитала, оставляемого княгиней, камергер Юсупов не хотел пожертвовать для несчастной сестры даже и этой единственной подачкой, а постарался возратить ее, употребив пред умирающею матерью наглый обман; до того иногда доходит на белом свете братская злоба...

III

26 июня 1735 года к Далматову Успенскому монастырю, расположенному при живописной реке Исети, неожиданно подкатило пять подвод, на которых помещались четверо мужчин и две женщины.

Вошедший в настоятельские покои с первой подводы военный человек был сержант Измайловского полка Алексей Гурьев. Встретив настоятеля, архимандрита Сильвестра, он подал ему конверт Канцелярии тайных розыскных дел, при котором препровождалась в девичий монастырь, состоявший под управлением архимандрита, «колодница монахиня Прокла».

В жестокое старое время появление подобных Гурьеву посетителей повсюду внушало робость и страх, и лишне

* О роде кн. Юсуповых. И. С. 384—386; по поводу последнего распоряжения княгини об отпуске дочери ее вина, быков и баранов автор упомянутого издания, неизвестно на чем основываясь, делает такое примечание: «Завещание последовало 17 мая 1735 г., следовательно, княжна Прасковья Григорьевна не могла быть, по сказанию некоторых, монахиною в апреле того года. Такого отпуска монахиням никогда не производилось» (Там же. I. С. 105).

говорить, что приезд сержанта возбудил в монастыре смятение и суету... Спутникам Гурьева, в которых, кроме трех конвоиров-солдат, была под именем Проклы княжна Прасковья Григорьевна Юсупова и неразлучная с ней крепостная девка, калмычка Марья, не пришлось долго ожидать сержанта. Чрез несколько минут поезд в сопровождении архимандрита и монастырского стряпчего передвигался уже от кельи настоятеля в близлежащий девичий монастырь.

Смятение перешло туда. Неграмотной начальнице монастыря, монахине Тарсилле, архимандритом был прочитан и растолкован указ Канцелярии тайных розыскных дел, причем сержантом передано 130 руб. 94 коп., оставшихся от путевых расходов на издержки колодницы, «сверх монастырской пищи». Княжна Юсупова в сопровождении уродливой Марьи и приставленной к ней монахини Сусанны снова очутилась в мрачной убогой монастырской келье, но на этот раз уже далеко-далеко от родимой Москвы...

С этой-то поры и начинаются многолетние страдания княжны Юсуповой в Сибири, отрывочные эпизоды которых передают помещаемые ниже архивные документы.

Документы эти относятся к 1735, 1737, 1738, 1743, 1744, 1745, 1754, 1756 и 1757 годам и составляют один указ Святейшего синода, два указа Канцелярии тайных розыскных дел, три бумаги из переписки тобольского митрополита Антония и консистории его, четыре промемории Сибирской губернской канцелярии и пять донесений начальствующих лиц Далматовского монастыря.

В настоящей главе приводятся документы за первые восемь лет пребывания княжны Прасковьи Григорьевны в Далматовском монастыре (1735—1743 гг.). Передавая подробности тяжелых условий, которыми Тайная канцелярия умела обставить сибирское заточение княжны, документы эти дают наглядное свидетельство тех нравственных потрясений, до каких могло доводить это заточение несчастную колодницу.

Документы излагаются в хронологическом порядке.

1. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской из Санктпетербурха, из Канцелярии тайных розыскных дел, Тобольской епархии, Успенского Далматова монастыря архимандриту Сильвестру. По именному Е.И.В. указу велено: содержащуюся в Тайной канцелярии монахи-

ню Проклу, которая явилась в важной вине, из Тайной канцелярии послать под караулом в обретающийся при означенном Успенском Далматове монастыре* Введенский девичий монастырь и быть ей в том монастыре** до кончины жизни ее неисходно и того монастыря игуменье смотреть накрепко, чтоб она житительство имела благочинно и, кроме имеющейся в том монастыре церкви, никуда б она отпускана не была, такс ж посторонних не токмо до каких разговоров, но и ни для чего никого к ней допускано не было, и ни к кому ни о чем писать ей не давать, и содержать ее против протчих монахинь, а ежели, паче чаяния, она монахиня тайно станет писать к кому какие письма, или словесно чрез кого что сообщать, и об оном того монастыря игуменье всякими мерами неослабно смотреть и, проведав, каким способом оное чинится, писать о том, тако ж и письма, отыскав, прислать в Тайную канцелярию в самой скорости, а тех людей, кто в означенном со оною монахиною в согласии прили-

* Далматовский Успенский мужской монастырь основан в конце первой половины XVII века иноком Далматом, происходившим из тобольских дворян Мокринских. Инок Далмат, носивший в мире имя Дмитрия Ивановича, был ранее женат, имел детей и дом в Тобольске, но, овдовев, удалился в Невьянский Богоявленский монастырь (основан в 1621 г.), где и принял иночество. Здесь он оставался до 1644 г. В этом году он тайно удалился из монастыря и, выбрав красивую возвышенность на левом берегу реки Исети, выкопал у подошвы ее в овраге с северо-западной стороны пещеру и поселился. К нему начали стекаться ищущие спасения души и, когда пещера стала тесна, построили часовню. В 1651 г. во время набега калмыков пустынь Далмата с часовнею была сожжена, и многие пустыnnики убиты. Спасшийся же Далмат при помощи пришедшего к нему из Тобольска сына его инока же Исаака около 1655 г. на месте бывшей часовни построили деревянную монастырскую церковь во имя Успения Божией Матери. Пред тем же временем около монастыря появилось и первое поселение — Служная слобода, переименованная впоследствии в Никольское село, а затем в г. Далматов. — *В. Шишонко*. Пермс. летопись с 1263—1881 г. 1882. П. С. 427, 485 и 486 и др.

** Когда был учрежден при Далматовском монастыре женский монастырь, по неимению указаний, сказать не можем; причины же возникновения женских монастырей при монастырях мужских изложены в соборном определении 1681 года, где говорится: «А женска полу, которые безчинно постригались вне монастыря, в домех своих, и ныне ходят по мирским домам и садятся по улицам и по переулкам, просят милостыни, и на таких стариц, безчинно постриженных, коемуждо архиерею во своей епархии приискать мужеские монастыри с вотчинами по своему рассмотрению (потому что девических монастырей мало с вотчинами и прокормиться без вотчин в монастырех нечем) и устроить монастыри старицам». — *Акты историч.* Т. V. С. 113.

чится и могут быть в том монастыре сысканы, содержать под крепким караулом, а для услужения при оной монахине в том монастыре велено быть одной ее девке и никуда тое девку от оной монахини не отлучать, токмо смотреть за нею, дабы чрез ее каких письменных или словесных от той монахини к кому сообщений не могло происходить. И по силе вышеупомянутого Е.И.В. имянного указа как помянутая монахиня Прокла, так и имеющаяся при ней во услужении девка ее Мария, Иванова дочь, во оной монастырь посланы с лейб-гвардии Измайловского полку сержантом Алексеем Гурьевым и с солдаты тремя человеками, и при отправлении означенной монахини Проклы с девкой ее дано из Тайной канцелярии денег триста рублей; и для отвозу оной монахини Проклы с девкою ее велено от Санктпетербурха до означенного Введенского девичья монастыря давать ямских, а где ямских нет, то уездных, по пяти подвод, а на возвращение оному сержанту с солдаты до Санктпетербурха по три подводы и за ямские прогонные деньги, а за уездные подводы поверстные по плакату ж деньги давать оному сержанту из вышеобъявленных денег трехсот рублей с запискою; так ж, будучи в пути, оной монахине Прокле обще с означенною при ней девкою из оных же денег давать на пропитание по двадцати по пяти копеек на день с запискою*. А как оные монахиня и девка помянутым сержантом в объявленной монастырь привезены будут, то у оного сержанта принять их объявленной игуменье и о содержании их в том монастыре, и о протчем исполнении чинить против вышепомянутого Е.И.В. имянного указу неотменно. А по приеме оной монахини Проклы с девкою, вставшие за вышепоказанным расходом деньги у помянутого сержанта взять и из тех денег на возвращение оному сержанту от того монастыря до Санктпетербурха на три ямские, а где ямских нет, то на уездные подводы прогонные и поверстные деньги дать оной игуменье надлежащее число**, а затем оставшие хранить той игуменье и из них оной монахине Прокле с девкою ее давать, сверх

* История отпуска этих денег уже рассказана.

** Гурьев возвратился в Петербург 10 августа. Сохранилось донесение его в Тайную канцелярию о путешествии с княжкою, приводимое в очерке Есипова. В донесении говорится, что княжна сдана в монастырь благополучно, но «для своей предосторожности, дабы впредь ему, нижайшему, чего не пришлось», сержант рапортует: «Дорогою княж-

монастырской пищи, на пропитание по рассмотрению той игуменьи, без излишества, но токмо б не имела в пропитании какой нужды*, а коликое число у оного сержанта вышеписанных денег оною игуменьей принято и тому сержанту на возвращение на прогоны отдано будет, о том тако ж и о приеме в тот монастырь помянутых монахини и девки для ведома со оным же сержантом в Тайную канцелярию писать. И понеже, по сношению Тайной канцелярии с Святейшим Синодом в указе Е.И.В. из Святейшего Правительствующего Синода в Тайную канцелярию показано, чтоб о содержании оной монахини в том монастыре и о протчем чинить крепкое наблюдательство и вам, архимандриту Сильвестру, обще с помянутою игуменьей того ради для исполнения против вышеписанного сей Е.И.В. из Тайной канцелярии указ к вам посылается; тако ж об оном из Святейшего Синода Е.И.В. указы в пакетах за печатью к вам и к преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, для немедленной отсылки от вас посылаются при сем. И Успенского Долматовского монастыря архимандриту Сильвестру о вышеписанном о всем учинить по Е.И.В. указу, а означенного Введенского девича монастыря к игуменьей из Тайной канцелярии указ послан. Мая 4 дня, 1735 года. *Генерал Ушаков. Секретарь Николай Хрущев. Подканцелярист Степан Андреев.*

2. Великому господину преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. По Е.И.В.

на неоднократно бранила Ушакова и дочь его, а также и секретаря Тайной канцелярии Хрущева и не один раз просила его, Гурьева, дать ей жареную курицу, но сержант отсылался, что монахине мяса есть нельзя». — «Да я есть не стану, — говорила княжна, — посмотрю только и то сыта буду!». Но курицы он ей не дал. Тем донесение и заканчивается. — Люди стар. века. С. 374-375.

* Отчет в этих деньгах (130 р. 94 к.) был представлен настоятелем архимандритом Сильвестром митрополиту Антонию уже в 1743 году, по нему видно, что расходы княжны, производимые игуменью, были следующие: в 1735 г. — 11 р. 78 к., 1736 г. — 10 р. 46 к., 1737 г. — 18 р. 99 к., 1738 г. — 17 р. 98 к., 1739 г. — 18 р. 85 к., 1740 г. — 10 р. 94 к., 1741 г. — 18 р. 65 к., 1742 г. — 4 р. 74 к., 1743 г. — 18 р. 55 к. Приведем перечень этих расходов за первый и последний года: в 1735 г.: сахару 2 головы — 2р., канфа цветом коришневая — 6р., ягод, орехов — 1р. 13 к., девке Марье холста тонкого 24 ар. — 90 к., ей же башмаки — 25 к. и меду пуд — 1 р. 50 к.; в 1743 г.: сахару 6 ф. — 1 р. 13 к., кофе 4 ф. — 1 р. 8 к., изюму 3 ф. — 21 к., стерляди пуд — 78 к., пшены 4 ф. — 40 к., мыла цареградского — 20 к., холста тонкого 2 трубки — 2 р. 40 к., отласу черного 3 ар. — 3 р. и мех белий — 9 р. 35 к.

указу, присланному из Канцелярии тайных розыскных дел в Далматов Введенский девичь монастырь прошлого, 1735, года, июня 26 дня, поведено мне присланную во означенной девичь монастырь под караулом монахиню Проклу, которая-де явилась в важной вине, содержать до окончания жития ее неисходно и смотреть мне накрепко, чтоб она жителство имела благочинно, и, кроме имеющейся в том монастыре церкви, никуда б она отпущана не была, тако ж посторонних не токмо до каких разговоров, но и ни для чего никого к ней допускано не было, и ни к кому и ни о чем писать ей не давать, и содержать ее против протчих монахинь. А по приказу вашего преосвященства велено мне, ежеель, паче чаяния, оная монахиня Прокла будет житие свое препровождать неблагочинно, или в противность от оно-го Б.И.В. указу предерзко, что чинить начнет, то, не упуская времени, доносить вашему преосвященству письменно. Того ради, следуя вышереченному Е.И.В. присланному ко мне из Канцелярии тайных розыскных дел указу и приказанию преосвященства вашего, покорно доношу, что оная монахиня Прокла в житии своем стала являться весьма безчинна: первое — в церковь Божию ни на какое славословие Божие ходить не стала; второе — монашеское одеяние с себя сбросила и не носит; третье — монашеским именем, то есть Проклою, себя не называет и звать не велит, а называется и велит именовать Парасковьею Григорьевною; четвертое — развирепев, учинилась монашескому обыкновению противна и ни в чем по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемую к ней из келарской кельи пищу не приемлет, а временем и бросает на пол и, ругаяся, говорит: «У меня-де лучше того едали щи», — и просит себе в снедь излишних припасов, чтоб всегда было свежее и живое. Слезно прошу вашего преосвященства учинить по сему моему доношению милостивое решение, понеже не донести того весьма я, раба ваша, боюсь, дабы впредь мне не прийти от этого во истязание. О сем доносит вашему преосвященству всенижайшая раба Успенского Далматова монастыря начальница Тарсилла. 1737 года, декабря дня. *К сему доношению вместо начальницы Тарсиллы по ее прошению Успенского Далматова монастыря служитель Семен Васильев руку приложил.*

«Писать о сем в Святейший Правительствующий Синод немедленно, а монахиню Проклу велеть по силе объявленного Е.И.В. указу содержать во оном девиче монастыре под крепким караулом, в особливой келье, заковав в ножные железа. И быть тому караулу без перемены до указу, чтоб она, Прокла, по показанным своим продерзостям, паче чаяния, утечки из монастыря учинить не могла. И о том подтвердить указом А.М.Т.» (*Резолюция Антония, митрополита Тобольского*).

3. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской из Санктпитебурха, из Канцелярии тайных розыскных дел преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. По указу Е.И.В., по слушании указу Е.И.В., присланного из Святейшего Правительствующего Синода в Тайную канцелярию о ссыльной из Тайной канцелярии Тобольской епархии в Введенский девичь монастырь, за вины монахине Прокле определено: оной монахине Прокле за учиненные ею продерзости и неблагочинные поступки, о чем по доношению к вашему преосвященству помянутого монастыря от начальницы Тарсиллы, а от вашего преосвященства Святейшему Синоду в доношении показано, как о том о всем в вышеупомянутом Е.И.В. из Святейшего Синода указе явствует имянно: учинить в означенном монастыре наказание шелепами и объявить ей, монахине Прокле, ежели впредь таковые продерзости и неблагочинные поступки, неприличные к монашескому чину, происходить от нее будут, то жесточайше иметь быть наказана и содержать ее во всем против протчих оного монастыря монахинь неотменно, и поступать, как по силе Е.И.В. указу, в посланном из Тайной канцелярии в 1735 году, мая 4 дня, означенного монастыря к игуменье указе, показано непременно. И об оном к вашему преосвященству послать из Тайной канцелярии Е.И.В. указ, о чем и Святейшему Синоду из Тайной канцелярии сообщить. И преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, учинить о том по сему Е.И.В. указу, а о вышеозначенном Святейшему Правительствующему Синоду доношение подано. Марта 14 дня, 1738 года. *Генерал Ушаков. Секретарь Никита Хрущов. Канцелярист Федор Митрофанов.*

4. Великому господину, преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. Сего,

1743 года, во днех июля и августа месяцев, пришед ко мне, нижайшему, Далматова Введенского девичья монастыря начальница монахиня Тарсилла с сестрами объявляли словесно неоднократно, что содержащаяся-де у них в девиче монастыре под караулом монахиня Прокла является весьма им противна: к церкви Божией не ходит, монашеского по обычаю платья не носит и именем монахинским не зовется; и просила она, начальница Тарсилла с сестрами, чтоб об том предложить вашему преосвященству. Того ради, сим покорным доношением почтенно я, нижайший, репортую. Августа 25 дня, 1743 года. Вашего преосвященства *нижайший богомолец Успенского Далматова монастыря архимандрит Силвестр*.

5. 1743 года, сентября 30 дня. В Тобольской Архиерейской консистории присутствующие, слушав... из полученных Е.И.В. из Святейшего Правительствующего Синода 735 и из Канцелярии тайных розыскных дел 738-го годов указов о содержании в Далматове в Введенском девиче монастыре монахини Проклы выписки и доношения, присланного от архимандрита Сильвестра о предерзостных ее поступках, что она является весьма противна, к церкви Божией не ходит, монашеского по обыкновению платья не носит и именем монашеским не зовется, приговорили: писать о том в Святейший Правительствующий Синод доношением со внесением в оное всемилостивейшего Е.И.В. о генеральном отпущении вин указа, состоявшегося декабря 15 дня прошлого, 1741, года и указа ж о присылке в Святейший Правительствующий Синод ведомостей о неизвестно содержащихся колодниках и требовать от Святейшего Правительствующего Синода определения: оная монахиня Прокла, понеже вина ее, за что она в помянутой монастырь послана, закрыта по состоянию вышеобъявленных Е.И.В. всемилостивейших о генеральном отпущении вин указов, может ли сподоблена быть от помянутого Далматова девича монастыря свободною, или и впредь неотменно надлежит ее в монастыре содержать по указу, полученному из Тайной канцелярии в 735 году, а доколе резолюции из Святейшего Правительствующего Синода на оное не воспоследует, велеть ее, монахиню Проклу, содержать во оном девиче монастыре во всем против протчих оного монастыря монахинь неотменно и поступать, как по силе

имянного блаженные и вечнодостойные памяти Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы Всероссийской указу в посланном из Тайной канцелярии в оном 1744 году, мая 4 дня, означенного монастыря к игуменье указе показано непременно. И о том к архимандриту Сильвестру послать указ. И сей приговор предложить его преосвященству к слушанию. *Знаменский архимандрит Порфирий. Дому архиерейского эконома и казначей протопоп Иоанн Сергеев. Успенского собора протопоп Алексей Михайлов.*

Таким образом, после наложения «ножных желез» и наказания «шелепами» на восьмой год мучительного пребывания в Далматове для Прасковьи Григорьевны проглядывает светлый луч надежды на возвращение в милую Москву: Архиерейская консистория, как видно из последнего документа, возбуждает пред Святейшим Синодом вопрос о применении к именитой узнице тех милостей, которые были даны всем опальным людям прошлых царствований по манифесту 1741 года вступившей на престол цесаревны Елизаветы Петровны.

Не подлежало никакому сомнению, что милости новой императрицы должны были иметь безусловное применение и к княжне Юсуповой: наряду с важными государственными преступниками должна была возвратиться из ссылки и столь много настрадавшаяся бессильная жертва придворных интриг. Это сознала вполне Сибирская губернская канцелярия, деятельно занимавшаяся приведением в исполнение манифеста, и благодаря распоряжению ее, 14 марта 1744 года княжна привезена была в Тобольск с целью немедленной отправки ее в Москву, но духовные власти «страха ради», признали безопаснее прежде сождать распоряжение Святейшего Синода по возбужденному пред последним вопросу о применении к княжне «генерального отпущения вин». Кончилось, однако ж, тем, что бедная Прасковья Григорьевна в конце июня того же года за конвоем солдат Сибирского гарнизона снова увезена в Далматовский монастырь.

Следующие документы рассказывают нам тяжелую процедуру возбудившейся по этому поводу переписки.

6. Великому господину преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. Сего, 1744 года, февраля 11 дня, из Исецкой Провинциальной Канце-

мить. И сего же февраля 14 дня, — по силе изображенного из предреченной губернской канцелярии в промемории высочайшего всемилостивейшего Е.И.В. указу, как в том указе показано, где кто (кроме содержащихся в Сибири близ Тобольска и в Тобольске под смотрением Преображенского полка прапорщика Колобова людей) поныне еще неосвобожденные и неотпущенные содержатся, немедленно освободить и отпустить под опасением изображенного во оном Е.И.В. высочайшем указе губернаторам и воеводам, и протчим управителям осуждения и ссылки — вышеу помяну тую, содержащуюся в Далматовском Введенском девиче монастыре княжну Юсупову, которая в указе блаженные и вечнодостойные памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны из Санктпитебурха, из Канцелярии тайных розыскных дел от 4 мая 1735 года показана монахиней Проклой, послал я, низайший, к вашему преосвященству и со служащей ей девкой Марьей Ивановой для представления в Сибирскую губернскую канцелярию с монастырскими служители Савой Иванчиковым с товарищем; при ней же, княжне, для провожания до Тобольска послана Далматова девича монастыря одна монахиня Епихария, которая определена была при ней, княжне ее, для караула... И ваше преосвященство о вышеписанном что соблаговолит. Февраля 14 дня, 1744 года. Вашего преосвященства *низайший богомолец Успенского Далматова монастыря архимандрит Силвестр.*

7. Промемория. Из Сибирской губернской канцелярии преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. Сего марта, 13 числа в Сибирскую губернскую канцелярию промемориею от вашего преосвященства представлено: что-де о содержащейся в Далматове монастыре девиче монахине княжне Прокле Юсуповой прошедшего 743 года, октября, 11 дня, представлено от вашего преосвященства в Святейший Правительствующий Синод именно с требованием указной резолюции соблаговолено ли будет по силе Е.И.В. указов освободить ее, или ей быть в монашестве по-прежнему, на которое-де вашего преосвященства представление еще и доныне указной резолюции не получено; и по представлению-де Сибирской губернской канцелярии до получения указной резолюции отпустить собою ваше преосвященство имеете опасение, понеже-де удобнее бы было

вашему преосвященству то учинить без представления вашего преосвященства, нежели по представлении, хотя бы-де и опасность какая была, да не так бы могла быть сильна, какова состоит ныне; что же-де об ней Сибирская губернская канцелярия, когда и откуда и по какой вине она прислана — неизвестна, то о том для уведомления и лучшего рассмотрения сообщены при той промемории с указу из Святейшего Правительствующего Синода и из Канцелярии тайных розыскных дел, точные копии, которые-де рассмотря и обстоятельно о всем разсудя, может Сибирская губернская канцелярия удобнее признать: надлежит ли ныне оной монахине Юсуповой до получения на представление вашего преосвященства указной резолюции, учинить отпуск, или не надлежит, и буде по довольном разсуждении несумнительно признается, что отпустить ее, Юсупову, и до получения резолюции возможно, и оной отпуск Сибирская губернская канцелярия на себя воспримет и чрез промемориальное сношение от вашего преосвященства ее, Юсупову, к себе для того отпуску требовать соизволит, то-де по таковом сношении она монахиня Юсупова в Сибирскую губернскую канцелярию от вашего преосвященства отослана будет. А понеже по присланному Е.И.В. из Правительствующего Сената октября от 13-го, а в Сибирской губернской канцелярии полученному ноября, 2 чисел 742-го года указу, в котором объявлен имянной Е.И.В. высочайший указ, повелено неведомо содержащихся людей, которые сосланы в бывшее прежде Е.И.В. правление, прислать изо всех мест, где Е.И.В. обретаться будет, в Правительствующий Сенат; а генваря 3 числа сего, 1744 года по присланному же Е.И.В. из Правительствующего Сената вторичному указу, в котором объявлен имянной Е.И.В. высочайший указ, поведено объявленных, неведомо содержащихся людей с подробными ведомостями немедленно свободить и прислать в Правительствующий Сенат под опасением изображенного во оном Е.И.В. высочайшем указе губернаторам и воеводам, и прочим управителям осуждения в ссылки. И ради того по Е.И.В. указу в Сибирской губернской канцелярии определено: к вашему преосвященству послать сию промеморию, объявляя, что Сибирская губернская канцелярия, разсуждая объявленные именные Е.И.В. высочайшие всемиловитейшие ука-

зы, согласно определяет: оную княжну Юсупову послать из Тобольска за надлежащим присмотром в Москву в Правительствующий Сенат в немедленном времени, а за оными Е.И.В. высочайшими всемилостивейшими указами тое княжну Юсупову в Тобольске более удерживать весьма опасно. Того ради, ваше преосвященство, благоволите означенную монахиню княжну Юсупову для отсылки ее в Правительствующий Сенат прислать в Сибирскую губернскую канцелярию в немедленном времени, которая по присылке от вашего преосвященства в Правительствующий Сенат отправлена быть имеет немедленно. И преосвященный Антоний, митрополит Тобольский и Сибирский, да благоволит учинить по Е.И.В. указу. Марта 13 дня 1744 года. *Алексей Сухарев. Секретарь Алексей Соколов. Канцелярист Сергей Безносое.*

8. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Святейшего Правительствующего Синода преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. По указу Е.И.В. Святейший Правительствующий Синод по присланному вашего преосвященства прошлого, 1743 года октября от 11 дня доношению приказали: о содержащейся епархии вашего преосвященства в Далматове Введенском девичьем монастыре ссыльной монахини Прокле, что по содержанию Е.И.В. всемилостивейших указов может ли она сподоблена быть от того содержания свободною, или и впредь неотменно надлежит ее в том монастыре по-прежнему содержать для надлежащего о том рассмотрения в Канцелярию тайных розыскных дел послать указ (и послан), а что она же монахиня Прокла является весьма противна, к церкви Божией не ходит, монашеского по обыкновению платья не носит и именем монашеским не зовется, и за то смирить ее по монастырскому обыкновению и содержать до указа, никуда, кроме церкви и монастыря, отнюдь не исходну. И преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, о том ведать и чинить, как преждепосланным о ней, так и по сему Е.И.В. указом повелено во всем непременно. Апреля 17 дня 1744 года. *Обер-секретарь Савва Леванидов. Секретарь Никифор Слопцов. Канцелярист Евдоким Череповский.*

9. Промемория. Из Сибирской губернской канцелярии преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Си-

бирскому. Сего июня 1 дня присланною в Сибирскую губернскую канцелярию от вашего преосвященства промемориии требовано, чтоб по силе прописанного в той промемории Е.И.В. из Святейшего Правительствующего Синода указа монахиню княжну Проклу Юсупову послать от Сибирской губернской канцелярии за надлежащим караулом в Далматов Введенский девич монастырь. И на оное по указу Е.И.В. в Сибирской губернской канцелярии определено: вышеписанную княжну Проклу за караулом прежде определенных к ней для отвозу в Москву солдат Семена Шукина и Матвея Дуднева* послать из Тобольска в вышепоказанной Далматов Введенский девич монастырь в неисходное до указа содержание по-прежнему, которая Прокла сего же июня 5 числа и послана на ее коште. А чтоб она Прокла в объявленной Далматов Введенский девич монастырь везена была в монашеском платье непременно, о том, также и о содержании ее в пути, и об отдаче в показанном монастыре с распискою предписанным солдатам дана из Сибирской губернской канцелярии пристойная инструкция, а правящему ныне дежур-майорскую должность сибирского гарнизона капитану Нелидову дана инструкция же, по которой велено ему у вышеобъявленной Проклы Юсуповой имеющееся у нее немонашеское, но светское платье, все, что есть, отобрать и, описав каждую вещь порознь, запечатать и объявить при той описи с доношением в Сибирскую губернскую канцелярию в скорости, которое по объявлении имеет быть содержано во тобольской рентере до указа под охранением. И преосвященный Антоний, митрополит Тобольский и Сибирский, о вышереченном да благоволит быть известен. Июня 5 дня 1744 года. Алексей Сухарев. Секретарь Алексей Соколов. За протоколиста Сергей Безсонов.

Но на обратном пути в Далматов монастырь бедную княжну настигла новая беда...

IV

На одной из станций за Тюменью главный конвоир княжны солдат Енисейского полка Иван Парамонов между вещами Прасковьи Григорьевны увидел берестяной коробок.

* Первый, как видно из последующих документов, заменен был солдатом Енисейского полка Иваном Парамоновым.

— Коробейка-то с чем? — спросил он княжну.

— С сулемой... — сказала княжна.

— Да откуда у тебя взялась она?

— Да все от монахинь... Принимались лечить зубы да чуть и не отравили. Хотела, было, показать митрополиту, да не успела...

Последних слов убитой горем монастырской затворницы было вполне достаточно, чтобы дать Парамонову повод отобрать коробок и представить по начальству.

Из пустяка вышла целая история, усилившая раздражительность нервной Прасковьи Григорьевны до последнего предела; доехав до монастыря, она решительно заявила, что без военного караула не останется: монахини отравят ее... Подробности этой истории рассказывают три приводимых ниже документа.

10. Великому господину, преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому, доношение. По Е.И.В. указу из Консистории вашего преосвященства, пущенному от 5 июня под № 913, а здесь чрез тобольского гарнизона Енисейского полку, пятой роты солдата Ивана Парамонова июля 26 числа сего года полученному, велено мне, нижайшему, посланную при оном указе от Сибирской губернской канцелярии монахиню Проклу, которая наперед сего была в Далматове Введенском девиче монастыре в ссылке, паки принять у посланных за ней от помянутой губернской канцелярии солдат оного Ивана Парамонова с товарищем и содержать в реченном Введенском девиче монастыре до указа, никуда, кроме церкви, не исходну, и иметь мне над нею под лишением имения и чина, а по важности вин и смертной казни крепкое надсмотрение. А понеже того ж июля 26 числа вышеписанный солдат Парамонов по прибытии в Успенский Далматов монастырь и при подаче вышеозначенного Е.И.В. указа мне, нижайшему, при всей братии письменно предъявил, что сего-де 744 года, июня 5 дня, отправлен он, Парамонов, от Сибирской губернской канцелярии при подорожной за посланной от оной Канцелярии в Далматов Введенский девич монастырь арестанткой, предпомянутой монахиней Проклой и, едучи дорогою и проехав город Тюмень, на становке в деревне, а в которой имянно, того он не упомнит, обыскал у помянутой арестантки в ко-

робейке ее отравного зелья, сулемы кусок небольшой, например, близ золотника, которую сулему он, Парамонов, притом мне, нижайшему, и всей братии и объявил и по объявлении взял он, Парамонов, оную сулему к себе. А как-де оной, Парамонов, тое сулему сыскал, то оная арестантка сказывала ему: такое отравное зелье дали ей в бытность ее в помянутом Далматове девиче монастыре того монастыря монахини на лечение зубной болезни, а имянно Тарсилла большая прислала чрез Тарсиллу малую; и тою сулемою мазала во рту ее монахиня Сусанна, и хотела-де она, Прокла, то зелье сулему объявить вашему преосвященству при поезде своем в Москву, но ныне-де за скорою и нечаянною из Тобольска посылкою вашему преосвященству того зелья сулемы объявить ей время не допустило. И помянутая монахиня Прокла того ж 26 числа, пришед в церковь святую, говорила мне, нижайшему, и всему братству, что предпомянутая-де сулема оным солдатом Парамоновым подлинно у ней сыскана и за такую-де отравою в девич монастырь, дабы ее тамо монахини смертно не отравили, не едет и без солдатского караулу здесь не остается, «а ежели повезете сильно, то-де закричу государево дело», а что кричать хочет, того мы не знаем и в том имеем опасение немалое, дабы от того обители нашей напрасного разорения, так же и нам, нижайшим, истязания не учинилось. Того ради вашего преосвященства покорно просим, дабы помянутым солдатам Ивану Парамонову с товарищем или другим быть при ней, Прокле, для караула. Чего ради от них солдат Ивана Парамонова и с рук ее, Проклу, еще не принял, а обретаются они ныне при ней, Прокле, до указа вашего преосвященства. И о том, что ваше преосвященство соблаговолит? Июля 27 дня, 1744 года. Вашего преосвященства *нижайший богомолец Успенского Далматова монастыря архимандрит Силвестр*.

11. Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Консистории преосвященного Антония, митрополита Тобольского и Сибирского в Успенский Далматов монастырь архимандриту Сильвестру. Сего августа 20 дня, по указу Е.И.В. и по определению его преосвященства, а по сообщенной к его преосвященству из Сибирской губернской канцелярии промемории велено отправленную из оной губер-

некой канцелярии и ныне при оном Далматове монастыре за караулом сибирского гарнизона дву человек, солдат Ивана Парамонова с товарищем, содержащуюся колодницу, монахиню Проклу, за теми же солдаты и за нарочно-отправленным ныне из Тобольска оного Далматова монастыря служителем Савой Иванчиковым по силе, данной ему от Консистории его преосвященства инструкции, придав потребное число от монастыря служителей, послать в Далматов же Введенский девич монастырь в самой крайней скорости, невзирая ни на какие той колодницы отговорки и представления. И по привозе ее, колодницы монахини Проклы, во означенный девич монастырь, ежель, паче чаяния, находится она ныне не в монашеском платье, но в светском, оное от нее отобрать, а дать ей монашеское и содержать в том монастыре по-прежнему в всем непременно и без всякого послабления. А ежель она, Прокла, по привозе ее во оной девич монастырь по-прежнему монашеского платья на себя принять не похочет или употребит какие продерзостные слова и непорядочные поступки, то притом же, не откладая, учинить ей по монастырскому обыновению наказание шелепами неотменно. А какие продерзости от нее снова или сумасбродства произойдут, о том велеть нарочно отправленным за нею для охраны вышепомянутым солдатам Парамонову с товарищем объявить в Сибирскую губернскую канцелярию репортом. И тем солдатам в приеме оной колодницы в девич монастырь, когда они туда придут, дать расписку и о том о всем обстоятельно репортовать его преосвященству. А буде и впредь в каких продерзостях она колодница являться будет, поступать с нею против вышеписанного и, несмотря ни на какие ее представления, содержать ее по указам, понеже за слабое ее содержание показано тебе, архимандриту, лишение имения и чина и смертная казнь, из чего следует тебе крайнюю предосторожность иметь, или за неисполнение по указом опасение смертной казни, или продерзостных и беспутных колодницы слушать представлений, которым ежель впредь паче чаяния будешь последовать и слабо ее содержать, то неотменно попадешь, как выше написано, за слабое той колодницы содержание лишению имения и чина, а по важности вины и смертной казни. Буде же монастырские служители, коим приказано будет, с показанным Иванчиковым и солдаты означенную колодницу до девичья монастыря

проводить, явятся в том ослушны, то арестовать и, заковав в ножные железа, велеть везти к его преосвященству под крепким караулом, а вместо их дать другое потребное число служителей, а со оного Иванчикова в исполнении вышеповеленного взята подписка под жесточайшим за неисполнение наказанием. Что же по присланному в Сибирскую губернскую канцелярию от помянутого солдата Парамонова доношению явилось у оной монахини Проклы ядовитое зелье-сулема, о которой она показала, якоб дано ей во оном девиче монастыре монахинями, того для по отправлении оной колодницы ехать тебе, архимандриту, в тот девич монастырь немедленно самому, взяв в собою подьячего, и о том исследовать накрепко со всяким обстоятельством, и то подлинное следствие для сообщения в Сибирскую губернскую канцелярию прислать к его преосвященству в крайней скорости. И архимандриту Сильвестру о вышеписанном чинить по сему и по прежде посланным Е.И.В. указам неотложно. 1744 г., августа 20 дня. *Подписав нет.*

12. Святейшему Правительствующему Синоду доношение. Прошлого, 1744 года, ноября от 6 числа в посланном в Святейший Правительствующий Синод от моего смирения доношении о содержащейся в Далматове Введенском девиче монастыре монашине Прокле, между прочим, представлено о сысканной у нее посланным за нею караульным солдатом сулеме, о которой она, Прокла, сказывала, что дана ей та сулема оного девича монастыря монахинями, якоб на лечение зубной болезни, и от того-де лекарства едва она, Прокла, смерти не приняла, и хотя то ее показание за правильно причесть было невозможно, ибо как из всего ее состояния и непорядочного тогда жития оказывалось, что то затеяно напрасно, для единого только того, чтобы более не быть ей в помянутом Далматове девиче монастыре под началом, однако ж, об оном следовано, а по следствию в вышеявленном показании явилась она, Прокла, подлинно виновата. За которую ее вину, хотя по силе полученных Е.И.В. прошлого, 738 году, марта от 14 из Канцелярии тайных розыскных дел, 1744 году, апреля от 14 числа из Святейшего Правительствующего Синода о наказании за непорядочные ее поступки указов и надлежало учинить ей наказание шелепами по монастырскому обыкновению, однако ж,

в рассуждении того, что она монахиня Прокла, будучи обвинена, уже смирилась и в помянутом девичьем монастыре пребывает в монашеском одеянии и в надлежащей покорности и послушании, того для до усмотрения о ее впредь состоянии оное ей наказание ныне оставлено*. И с следствия о всем вышеписанном для известия Святейшему Правительствующему Синоду, приобщив при сем моем доношении краткий экстракт, остаюсь при всегдашней покорности моей. (30 марта 1745 года). Святейшего Правительствующего Синода *нижайший послушник Антоний, митрополит Тобольский и Сибирский.*

Ни в одном из приведенных выше документов о пребывании княжны Юсуповой в Далматовском монастыре не упоминается о том, в каком именно положении содержалась там Прасковья Григорьевна. В этом отношении можно сделать лишь одни догадки.

Известно, что до Петра I тюрьмами для государевых лиходеев в Сибири служили остроги и острожки, как, например, селенгинский и кузнецкий, где уже содержались малороссийский гетман Демьян Многогрешный, нежинский полковник Матвей Гвинтовка и другие. В начале XVII века таких острогов в Сибири было уже много: на «великой реке Лене» стоял острог якутский; в дальних Даурах — нерчинский и селенгинский и даже «на великой реке Амуре» — аблазинский, где пел первый молебен государственный ссыльный протопоп Аввакум Петрович⁶⁸. Сверх того, такие же сырые и темные тюрьмы стояли готовыми и в монастырях Тухаранском, Киренском, Иркутском, Селенгинском, Нерчинском и даже в Якутском. Для женщин выстроены были особые тюрьмы — с железными решетками в некоторых из женских монастырей, а именно: Тобольском и Енисейском Рождественских, Иркутском Знаменском и Далматовском Успенском**. При той строгости условий, какую придавали

* Чрез семь лет дело «о сулеме» еще не было забыто: Сибирская гарнизонная канцелярия, производя расследование по жалобе Сенату известного географа Василия Шишкова на сибирского губернатора Сухарева, промеморией от 3 сентября 1752 года требовала от консистории некоторые справки и «об обысканной у Юсуповой в коробейке сулеме». (О Шишкове см. в «Слов, русск. писателей» митр. Евгения. Т. 2. 1845. С. 250).

** Сибирь и каторга. Ч. 3. С. 106-107.

заточению Юсуповой, помещенные выше указы Тайной канцелярии и Синода, последней тюрьмы не могла, разумеется, миновать и княжна Прасковья Григорьевна.

V

Прошло около девяти лет. Что происходило с княжной за это долгое время монастырского заточения — неизвестно. Последующие документы рассмотренного нами дела заключают в себе сведения уже о новой, по счету третьей, ссылке Прасковьи Григорьевны в тот же Далматовский женский монастырь.

Это было в 1754 году. Оказывается, что тогда княжна снова пребывала в Тобольске, где обвинена была в сношениях с находившимся в ссылке по обвинению в числе других лиц в устранении от престола цесаревны Елисаветы, д.с.с. Иваном Темирязовым*. Дело дошло до Тайной канцелярии и по распоряжению ее** Прасковью Григорьевну снова увезли за конвоем в Далматовский монастырь. Документы говорят:

13. Промемория. Из Сибирской губернской канцелярии преосвященному Сильвестру, митрополиту Тобольскому и Сибирскому. В указе Е.И.В. из Канцелярии тайных розыскных дел марта от 28, а в Сибирской губернской канцелярии, полученном сего мая 16 числа, написано: по указу-де Е.И.В. и по определению Тайной канцелярии во оную Губернскую Канцелярию послать Е.И.В. указ, чтоб находящаяся в Тобольске ссыльная, бывшая княжна Прасковья Юсупова (которая с находящимся во оном же городе Тобольске в ссылке, бывшим статским действительным советником Иваном Темирязовым имела письменные переписку и сообщение), впредь таковых же с ссылочными переписок не чинила, велеть ее содержать по прежде посланным из Тайной канцелярии в Сибирскую губернскую канцелярию указам при Успенском Далматове монастыре, в Введенском

* Темирязов арестован был в ночь вступления на престол Елисаветы (25 ноября 1741 г.) вместе с Остерманом, Минихом, Менгденом и другими лицами и заключен в крепость, а затем сослан. Для упомянутых лиц, как уже и замечено выше (вын. 36), при ссылке в Сибирь были указаны определенные места, но для Тимирязова этого сделано не было. — *Костомаров*. Императрица Елисавета Петровна//Вест. Евр. 1887, янв. С. 78, 85.

** Нелишне заметить, что ненавистного князя А.И. Ушакова в это время уже не было на свете; он умер в 1746 г.; по Тайной же канцелярии он заменен был Александром Шуваловым.

девиче монастыре во всем непременно и ни до каких продерзостей ее отнюдь не допускать и писем нигде ни о чем писать ей не давать, тако ж и с посторонними ни с кем видеться ее отнюдь же не допускать. И на оное по Е.И.В. указу и по определению Сибирской губернской канцелярии вышеписанная княжна Прасковья Юсупова по силе оного Е.И.В. из Канцелярии тайных розыскных дел указа посылается из Тобольска для содержания в вышеписанный Далматов Введенский девич монастырь за караулом Сибирского гарнизона дву человек солдат на одной ямской и уездной подводе с выдачею указного числа прогонных денег. А каким образом объявленную Юсупову тем солдатам, будучи в пути, также и по привозе в Далматовом девичьем монастыре содержать и смотрение иметь, о сем дана им из Сибирской губернской канцелярии с должным наставлением секретная инструкция, по которой велено по прибытии в оной Далматов Введенский девич монастырь явиться им того монастыря архимандриту того же числа и, истребовав для содержания ее, Юсупову, в том Далматове девичьем монастыре удобные покои, где и содержать ее, Юсупову, против вышеписанного. И о том к вашему преосвященству определено послать сию промеморию и требовать, чтобы соблаговолено было в силу означенного Тайной канцелярии указу в реченной Далматов монастырь к архимандриту письменно предложить, дабы он, архимандрит, когда реченные солдаты с тою княжною Юсуповою в тот Далматов монастырь придут, то б по требованию их к содержанию ее, Юсуповой, определено было в том Далматове Введенском девичьем монастыре отвести удобные покои*, и что будет учинено, Сибирскую губернскую канцелярию уведомить. И преосвященный Сильвестр, митрополит Тобольский и Сибирский, о вышеписанном соблаговолит учинить по Е.И.В. указу. Мая 18 дня, 1754 года. *Василий Мятлев. Алексей Соколов. В должности секретаря с приписью Иван Борисов. Подканцелярист Степан Тецкой.*

* Из рапорта нового настоятеля монастыря архимандрита Митрофана от 20 сентября видно, что Юсупова привезена в Далматов девичий монастырь 27 августа 1754 г. и «к содержанию оной ссыльной удобные покои отведены»; уведомляя же об этом Сибирскую канцелярию, Консistorия просила, «чтоб для содержания оной ссыльной определены были караульные немолодые и состояния доброго и воздержные, богобоязненные и постоянные, ибо монастырь не мужеской, но девич...».

14. Промемория. Из Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую духовную консисторию. В указе Е.И.В. из Канцелярии тайных розыскных дел от 21 ноября 756 года, а в Сибирской губернской канцелярии, полученном генваря 3 чисел 757 года, написано: по указу-де Е.И.В. в Тайной канцелярии по слушании присланного в Тайную канцелярию из оной губернской канцелярии сентября от 17 числа 756 г. доношения о содержащейся по посланному из Тайной канцелярии в ту губернскую канцелярию мая от 18 числа прошлого, 754 года (указу) в Введенском Далматове монастыре бывшей княжне Прасковье Юсуповой определено: оной Юсуповой для пропитания из оной губернской канцелярии производить в день по 5 копеек, в церковь Божию для слушания литургии, утрени и вечерни допускать, токмо накрепко смотреть, чтоб она каким-либо образом из того монастыря не могла учинить утечки, чего ради в ту церковь ее отпускать за караулом, также исповедываться, и ежели по совету духовника ее достойна будет к приобщению святых тайн, то и в том ей позволить; кроме же церкви Божией, как из монастыря, так и никуда отнюдь не выпускать и в содержании ее поступать так, как означенным 754 года, мая, 18 числа указом повелено. И на оное по Е.И.В. указу в Сибирской губернской канцелярии определено: во оную Тобольскую духовную консисторию послать сию промеморию и требовать, чтоб она благоволила в силу того указа находящемуся в Введенском Далматове монастыре архимандриту предложить, чтоб оной упомянутой содержащейся там колоднице, бывшей княжне Юсуповой, кормовые деньги по пяти копеек на день имел отдавать в прием обретающемуся при ней на карауле солдату Кузнецову с товарищем по третям года, которые по требованиям Тобольской Духовной Консистории отдаваны быть имеют из Тобольской рентереи безудержно, о чем для ведома и исполнения к тому солдату Кузнецову с товарищем послан Е.И.В. указ, велено объявленной бывшей княжне Юсуповой кормовые деньги на каждый день по пяти копеек, что принадлежать будет по третям года требовать и принимать Далматова монастыря от архимандрита, и по приеме оные той Юсуповой производить без удержания, и сколько когда оных кормовых денег от монастыря принято будет, в скорости

репортовать. И Тобольская Духовная Консисто́рия о вышеписанном благово́лит чини́ть по Е.И.В. указам. Генваря 20 дня, 1757 года. *Иван Грабленое. Степан Угримов. Алексей Соколов. В должности секретаря с приписью Андрей Накаряков. Канцелярист Степан Тецкой.*

По этому и другим документам можно думать, что за все время заточения княжны в Сибири завещание покойной матери ее, княгини Анны Никитичны, об ежегодном отпуске Прасковье Григорьевне 300 рублей и хлебных припасов со стороны брата ее Бориса оставалось без всякого исполнения. Княжна все время пребывала на скудном монастырском пропитании. До назначения Тайной канцелярией отпуска кормовых денег в январе 1755 года далматовский архимандрит Митрофан доносил Консисто́рии, что княжна требует себе особого от монахинь отпуска «хлебных и харчевых всяких припасов, также и свеч». На это архимандриту предписано было «давать ей против соборной старицы вдвое порции в день, что в монастыре имеетца», «а чтоб давать мукою и другими припасами особого, — говорилось далее в консисторском указе, — то уже понадобится особливая поварня и другие к тому надобности, как то поваренные служители, посуда всякая, поваренная и хлебная, и прочее, чего в присланном об ней... указе чинить не объявлено, а повелено токмо дать удобные покой и житие...». Что же касается кормовых денег, то отпуск их Сибирской канцелярией производился крайне исправно; на побудительные требования Консисто́рии упомянутая Канцелярия отзывалась обыкновенно «неимением для пересылки их из Тобольска в Далматов монастырь okazji», почему и просила выдавать те деньги из монастырских сумм заимообразно. Но пока все это писалось и пересылалось, проходили целые месяцы томительного ожидания княжной этой убогой подачки.

Несмотря на все это, в последнюю ссылку в Далматовский монастырь положение Прасковьи Григорьевны было несколько улучшено: ни Сибирская канцелярия, ни Тобольская Консисто́рия ненавистным ей именем монахини Проклы ее уже не называли и в монастыре ей велено было дать «удобные покои». Зато бедная княжна должна была выносить постоянные оскорбления от приставленного к ней пья-

ного караула*, поведение которого рассказывают последние страницы консисторского дела.

15. В Тобольскую Духовную Консисторию. Покорнейший репорт. Сего, 1757 года, ноября 30 числа, поданным доношением мне, нижайшему, Далматова Введенского девича монастыря начальница монахиня Тарсилла с сестрами объявила: из находящихся-де во оном Далматове Введенском девичье монастыре при некоторой содержащейся по секрету колоднице караульных солдат Василий Кузнецов неведомо где напивается до великого пьянства и, ходя по тому монастырю, пляшет и в щелчки шелкает с непотребными и непристойными блядословными песнями, и такую-де его непотребность и сквернословие его, что-де в том их доношении и объявить им никак невозможно; и в том-де им есть обида немалая, и монахинскому их житию соблазн; да, однаж-де начальница монахиня Тарсилла с сестрами ходила по известию от них для просмотра в средневые кельи, кои, где они, солдаты, жительствоуют, построены прежде и в одной связи заключенной от входа их, солдат карауль-

* В старое время подобное поведение караульных солдат не было редкостью, и положение от них изгнанников было поистине печальное. Так, например, по заверению Пецольда, перемещенный из Пельма в Ярославль Бирон с женою и тремя детьми, помещаясь в скверном деревянном домишке, окружен был 40 чел. караульных. Солдаты спали с герцогом в одних комнатах и до того дерзко обращались с ним, что он снабжал их пищей, питьем и деньгами, чтобы только задобрить; на это шло у него каждый день 16 р., а между тем «ни у кого из семейства не было ни одной цельной сорочки на теле». Вообще великоважность преступников понималась приставами или так, что они поступали с заключенными круто и бессердечно, или опасливостью и великими затруднениями на крайние случаи болезни и при необходимости подать какую-либо помощь и оказать содействие. Так, например, из пребывания Долгоруковых в Березове рассказывается такой случай. Князя Алексея с его крепостным дядькой заключили в тесном холодном хлеве, и узники в темноте потеряли счет дням и ночам. Выпросив у караульных горсть гороху за последний бриллиантовый перстень, князь Алексей придумал с дядькою особую игру. Раз во время этой игры они оба, словно сговорившись, запели «Христос воскрес», и так как пение было строго запрещено, то на Фоминой неделе в среду караульная команда дала им обоим по 15 розог, записав в штрафной журнал «колдунами»: по гороху-де узнали о времени Пасхи. Когда пересылавшийся в Сибирь за дерзкие слова об императрице Елизавете прапорщик Преображенского полка Ивашкин на дороге заболел, врач Ваксман не решился ему помочь, хотя и нашел, что Ивашкин весь распух от внутренней болезни и имеет от кандалов язвы на руках и ногах. Подобных примеров бывало немало. — Сибирь и каторга. Ч. 3. С. 136, 148-149.

ных, в другую келью, где живут монахини, дверей, кои укреплены были железными гвоздями, и он-де, солдат Кузнецов, закричал на нее, начальницу, с матерною бранью и говорил так, что-де «я тебе руку и ногу переломлю», чего-де она по старости своей стала быть весьма опасна; оный-де солдат, ходя по тому монастырю, поет с пляскою и со щелчками песню такую: «хожу я по ограде, песенки попеваю и в щелчки щелкаю, и поплясываю, не боюсь никого». А тем доношением просила она, начальница Тарсилла, с сестрами, чтоб о вышеписанных солдата Кузнецова нападениях и пьянственных непотребных поступках в оборону и для защищения, чтобы-де он, солдат Кузнецов, будучи в том своем пьянстве, паче чаяния не мог какого кому из монахиньствующих, а паче по разным делам присыльным женкам дурна учинить и тому монастырю непотребного порицания нанести, представить в Тобольскую Духовную Консисторию*. Того ради о вышеписанных его, солдата, непотребных поступках Тобольской Духовной Консистории на рассмотрение почтенно и представляю. 1756 года, ноября, 28 дня. Тобольской Духовной Консистории послушник Успенского Далматова монастыря *архимандрит Митрофан*.

Этими сведениями архивные материалы для истории пребывания княжны Юсуповой в Далматовском монастыре в деле Тобольской Консистории прерываются, и нам остается только с сожалением повторить приведенное в начале статьи замечание Г.В. Есипова: «Кончила ли жизнь княжна Прасковья Григорьевна в том монастыре, или была освобождена, из дела не видно».

* В другом репорте от 13 февраля 1757 г. архимандрит Митрофан доносил Консистории, «что солдат Василий Кузнецов, приходя пьянственным случаем к себе в келью, между собою чинит с товарищем своим, солдатом же, драки с немалою матерною бранью, и сделал он, Кузнецов, себе гудок, и в той своей келье играет с плясовными песнями»; из промемории же Сибирской губернской канцелярии в консисторию от 6 мая 1757 г. видно, что вместо Кузнецова «для караула колодницы Юсуповой 20 марта послан из Сибирского гарнизона другой солдат Нефед Таушканов, а Кузнецова определено в таких не порядках судить военным судом».

Первые кабаки в Сибири

Небольшое число лиц, писавших о старинной Сибири, не исключая, к сожалению, и первых компетентных ее историков, некоторые отчасти справедливо называют сибирофилами. Из той массы архивных материалов, какими располагали основатели сибирской истории, у них во многом вышли лишь сухие параграфы сибирских событий и часто без малейшего освещения тех или других сторон начального быта русских насельников. В отношении, например, бывшего сибирского пьянства, подтверждаемого свидетельствами царских грамот и наказов, отписками воевод, а позднее и записками иностранцев-путешественников, вы не найдете у тех историков никаких упоминаний. Перейдете к более поздним трудам по истории Сибири, но и в них скорее ознакомитесь разве с той силой старой риторики, какая продолжала еще истощаться на ослабление мнения потомков о порочности предков, чем найдете сведения хотя бы только об общем ходе у предков тех винного дела. «Если употребление вина, — говорит, например, один историк тридцатых годов, ценность труда которого во всяком случае неоспорима, — есть народная необходимость для здоровья, для ободрения среди забот житейских и для льготы мыслей, если справедливо, что после чарки отдает от сердца, и язык катается, как по маслу, то необходимость сия тем ощутительнее в стране холодной и лишенной наслаждений жизни. Взгляните на труженика после осушения чепарухи — не шире ли, не смелее ли глаз его? Взгляните на отжигальницу — не пышет ли вино? Стихия вина поэтому — огонь и одушевление, что такое жизнь во времени, как не горение? Не награждайте голов кабацких за излишнюю продажу, преследуйте пьянство строгостью полицейскою, жалейте о пьянице, внимайте пастырским наставлениям о трезвости, но запасайте вино в своей стране, чтобы отрада народная, потребность физико-нравственная была

недорога. Вы слышите историю!». Только с наступлением шестидесятых годов, когда под общим освежением русской мысли несколько лиц, остановившись на тощей истории Сибири, в немногих очерках осветили некоторые стороны старого сибирского быта, сухие параграфы писателей-сибирофилов пополнились сведениями о тех былых насилии, взяточничестве, ябедничестве и других пороках, какие проходили почти чрез все фазисы укрепления на новой земле русского владычества. Тут только вы встретите упоминания и о той воспевавшейся ранее «потребности физико-нравственной», которая представляется едва ли уже не заурядным пьянством. Но нельзя не заметить, что некоторыми и из этих очерков русские насельники Сибири уже чрез меру, а часто без достаточных оснований низводятся на последние ступени потрясающей порочности, по которой существование в них каких-либо нравственных начал представляется уже маловероятным. А между тем все эти очерки тоже не представляют ни одного труда, который бы целно посвящен был ходу в Сибири винного дела собственно с исторической стороны. Хотя за последнее время несколько любопытных сведений по этому делу, извлеченных из сенатского архива, и помещено в «Исторических очерках Сибири» Андриевича (т. IV, гл. VIII, стр. 163—181), но сведения эти касаются исключительно уже второй половины XVIII столетия, или екатерининского периода. Поэтому для ознакомления с началом этого дела мы находим небесполезными предлагаемые заметки о первых сибирских кабаках.

I

До того времени, пока по следам Ермака в Сибирь не явились хозяевами русские, инородческое население ее ни кабаков, ни пагубного продукта последних не знало: между сибирскими татарами русскую водку заменяли свои одуряющие изделия, из которых более распространенным была *буза*, приготовлявшаяся из проса, а остяки, самоеды и другие северные племена употребляли любимый напиток из *мухомора**⁶⁹. Но по позднейшим исследованиям быта этих

* Буза в настоящее время у сибирских татар называется брагою и готовится весьма редко, при каких-либо особенных случаях, например, свадьбах; мухомор же, чрезмерное употребление которого оканчивается часто смертельными случаями, между северными инородцами входил даже в число предметов торговли, которая в Анадырске,

аборигенов Сибири весьма часто приходится встречать одни и те же упоминания, что русские кабак и водка сгубили судьбу этих жалких племен, вымирающих теперь на наших глазах. А между тем припомнив, что русский кабак, сменивший древнюю корчму, ведет свое происхождение от инородцев же, ближайший соседей сибирских татар — татар казанских, можно невольно остановиться на обратной ошибочной мысли о влиянии на развитие винного дела в старинной Сибири кабака татарского. Поэтому, не ознакомившись с ходом этого дела на Древней Руси, т.е. у предков сибирских завоевателей, трудно говорить и о развитии его по отношению к Сибири.

Древняя славянская Русь вынесла из своей арийской прародины и в течение длинного ряда веков пила истаринные ячные и медвяные питья: брагу, мед, пиво и квас; брага называлась хмельной, пиво бархатным, меды стоялыми, квасы медвяными. Среди этих питий летописи упоминают и вино, относя первое появление его к 907 году, когда Олег по возвращении из похода константинопольского пришел к Киеву, неся «злато, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье»⁷⁰. С этого времени упоминания об употреблении вина на Руси, по летописям, встречаются уже нередко: так, например, Ольга, замышляя расправу свою с древлянами за смерть Игоря, прежде напоила их пьяными; Святослав, намереваясь в 969 году перейти из Киева в Переяславец, говорил: «Тот город есть середина в моей земле, туда сходится все добро: от греков золото, паволоки⁷¹, вина...»; набожный Владимир в 986 году, когда послы болгар⁷², предлагавшие ему принять магометанство, объяснили учение Магомета не пить вина, изрек памятное слово: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти»*; князь Всеволод в 1128 году, пируя с боярами, приказал выставить для народа вина, меду, первару, овощей и всякого кушанья**. В слове XII века старинная зажиточная жизнь описывалась так: «Питие же многое, мед и квас, вино, мед пьпьяный, питья обношная с гуслями и свирельми, веселие многое». Но какое это было

например, для чукчей еще до 1866 г. оставалась в руках русского купца К. (Сибирск. вестн. 1866. № 13).

* Забелин. История русск. жизни. 1879. П. 121, 142, 173, 214 и 414.

** Терещенко. Быт русск. народа. 1848. I. 207.

вино — неизвестно; предполагают только, что вино виноградное — красное и белое, а более всего красное, упоминаемое в «Слове о полку Игореве» под цветом синего. Древний естествоиспытатель Плиний цвет красного вина тоже сравнивает с сине-багровым цветом дорогого камня аметиста, почему понятнее становится и русское обозначение — синее вино, как и синий виноград. В галицких народных песнях и наших былинах воспевается зеленое вино, по всему вероятно, белое виноградное*. В конце XV века упоминается уже вино белое и красное: новгородский архиепископ Феофил при прощании в 1476 г. с князем Иваном III подарил ему три бочки вина белого, две красного и две меду старого. В начале XVI века на Руси, кроме употреблявшегося при богослужении красного греческого вина, знали уже бургонское, привозимое немецкими купцами и называвшееся романею, вино Канарское, или бастр, и мальвазию**; позднее же — алкан, венгерское белое и красное французское и ренское***. Веком ранее Русь заимствовала от Европы вино хлебное. Это была в первоначальном виде снискавшая со временем столь широкое распространение русская водка****. Первоначально она составляла целительный напиток под именем «жизненной воды», продавалась по дорогой цене и считалась возможной для приема только капля-

* *Забелин.* II. С. 381 и 382.

** *Терещенко.* I. С. 212.

*** *Костомаров.* Очер. жиз. и нрав, великорус, нар. 1887. XIX. С. 130. — В старинных русских арифметиках конца XVI века винам показаны такие цены: «ронского вина стопа 11 денег, романеи 10, бастру 2 алтына и 2 деньги (14 денег), алкану по 7 денег, красного по алтыну». (*Карамзин.* Ист. госуд. рос. 1842. VII. Прим. 399).

**** Водка (араб, алкоголь, тур. рака, болг. ракия, серб, водица, малорос. горилка, рус.-народ, сивуха, сиволдай, сиротские слезы, подвздошная, крякун, горемычная, прильне, язык и т.п.) изобретена Рагезом, родившимся в 860 г. и бывшим потом врачом большого госпиталя в Багдаде; он первый указал способ приготовления алкоголя из очищенного от негашеной извести винного спирта. Привоз водки в Европу приписывают Раймунду Луллию, который в 1290 г., находясь на острове Майорка, бывшем во владении аравитян, узнал там от одного ученого мужа способ приговления ее; от Луллия этот способ выведал Арнольд де Виллан и распространил торговлю новым напитком между генуэзскими купцами, которые, владея приморскими местами Таврического полуострова, имели с русскими торговые сношения и в конце 1390-х годов ознакомили последних с тем напитком. — *Дрепер.* Ист. умет. разв. I. С. 340; *Терещенко.* I. 215.

ми. Но время ознакомило русский народ с простотой и дешевизной приготовления этого напитка, дозы приема его скоро изменились, и в половине XV века жизненная вода продавалась и пилась уже по всей Руси.

За всем тем пьянства на Древней Руси в домосковский ее период не было. Питье составляло веселье, удовольствие. Около питья братски сходилась человек с человеком, сходились мужчины и женщины, и скрепленная весельем и любовью двигалась вперед социальная жизнь народа. Питья, подкрепляя физические силы человека, оказывали благотворное влияние и на духовную природу его. Строй жизни проявлялся в том веселом единении народа и князя-государя, которое сопровождало, например, пиры Киевской Руси. Общины и миры, города и села сходились на игрища собирались на братчины, пиры и беседы, которые по старой народной памяти и доселе еще именуются почетными и честными. Питейные заведения тех времен, известные под именем корчем, служили местами общественных сборищ, куда народ сходилась для питья и еды, для бесед и игрищ, а иногда представляли места объявления народу княжеских распоряжений; в них часто творился даже суд и разбирательства дел между приезжими.

Но века чистоты нравов миновали. Жизненная вода, превратившись в водку, стала предметом широкой торговли и зародила в народе пьянство. Общественное значение корчем пало, и начались меры к сокращению их: так, по псковской грамоте, на псковском вече еще в 1397 году было решено: «княжим людем корчмы по дворам не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продавати»*. Корчмы сделались местами тайных сборищ, и звание корчемника стало постыдным: в одной, например, летописи под 1399 г. говорится: «Во дни убо княжения его (кн. Мих. тверского) разбойницы и тати исчезоша, и мытари и корчемники». Кирилл жебелозерский около 1408—1414 гг. писал можайскому князю Андрею: «И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы в твоей отчине не было, занеже, господине, то велика пагуба душам; крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут»**. С целью прекращения

* Карамзин. V. Прим. 404.

** Никон. Лет. IV. С. 288; Акты истор. I. 16.

пьянства, продажа водки, бывшая вольною Великим Князем Иваном III Васильевичем предоставляется одной казне; московскому народу дозволяется пить вино только в некоторые дни. Те же меры продолжаются и при князе Василии Ивановиче*. Но во второй четверти XVI века водка снова распространяется, и корчмы, переименованные корчемными дворами, умножаются. По одной летописи, в 1543 году на Введеньев день прислал Князь Великий Иван Васильевич в Великий Новгород Ивана Дмитриевича Кривого, и он поставил в городе «восемь корчемных дворов». С этого времени там началось страшное пьянство, и новгородский архиепископ Феодосии решился ходатайствовать за народ. «Бога ради, государь, — писал он царю, — потщися и помысли о своей отчине, о Великом Новгороде, что с ныне в ней чинит. В корчмах безпрестанно души погибают без покаяния и причастия, в домех и на путех и торжищех убийства и грабления в граде и погостом великия учинилися, прохода и проезда нет». По этому ходатайству корчемные дворы в Новгороде были закрыты, но вслед за тем пьянство нашло другие пути: появилась тайная продажа вина, и приехавшие из Москвы «дьяки опришные», как говорит другая летопись, «заповедали винщиком не торговати... а поймают винщика с вином, или пьяного человека, а ни (и они) велят бити кнутом, да и в воду мечют с великого мосту»**. Но в других местах корчемные дворы продолжали свое существование, и пьянство, не уменьшаясь в народе, появилось даже между духовенством и дворянами: в 1551 г. на церковном соборе царь подал святым списком беспорядков, где, между прочим, значилось, что «...старец на лесу келью поставит, или церковь срубит, до пойдет по миру с иконою просить на сооружение у царя земли и руги просить, а что соберет, то пропьет...»***; в выписи 1552 г., данной по приказу Ивана IV Берсенева и Хованскому, велено было строго наблюдать по всей Москве, чтоб «священнический и иноческий чины в корчмы не входили, в пьянстве не упивались, не празднословили и не лаяли»****; дворяне же и боярские дети спускали свои помес-

* *Карамзин*. VI. Прим. 614; VII. Прим. 112.

** *Поли. собр. летоп.* III. С. 200, 153, 166; *Допол. к акт. историч.* I. С. 41.

*** *Соловьев*. *Истор. Рос.* 1861. VII. С. 100-101.

**** *Акты историч.* I. С. 154.

тя и пропивались донага*. Почти одновременно с распоряжением, данным Берсеневу и Хованскому, воротившись из-под Казани, Иван Грозный совершенно воспретил в Москве продавать водку, позволив пить ее лишь одним опричникам, для попоек которых велел устроить на Балчуге особый дом, названный по-татарски кабаком**. Это был первый русский кабак, с появлением которого из Москвы вскоре же начали посылаться наместникам грамоты, приказывавшие уничтожать корчемные дворы и заводить «царевы кабаки». Разница корчмы от кабака состояла в том, что в первой народ и пил, и кормился, а в последнем дозволялось только пить. По некоторым местам корчемные дворы продолжали еще вольную торговлю вином, а с появлением кабаков торговля эта уже всецело принадлежала казне и только со временем была иногда отдаваема на откуп; нередко кабаками владели также духовенство и бояре.

Спустя после открытия первого кабака на Балчуге около тридцати лет, когда царевы кабаки появились уже на северо-восточной окраине Руси, Ермак покорил нашу Сибирь.

II

Первые вести о покорении Сибири, принесенные в Москву в 1583 году посланным Ермака атаманом Кольцо с товарищами, как известно, застали царя Ивана IV почти на краю могилы. Измученный болезнями, Грозный, проговорив прощение опальным завоевателям, не вникнул достаточно в трудность положения оставшейся в Сибири дружины Ермака, но не забыл послать последнему серебряный кубок***. Этот кубок был как бы прообразом сибирского виночерпия. Хотя покоритель Сибири, привыкший с юности к разгульной жизни на судах и обильно снабженный Строгановыми перед походом в Сибирь запасами всякого продовольствия, не мог не иметь и запасов вина и оставлять

* Костомаров. XIX. С. 197.

** Терещенко. I. С. 215. Кабаком у татар назывался постоянный двор, где продавались кушанья и напитки. В 1545 г. царское войско сожгло в Казани ханские кабаки, которые в летописи названы «царевыми», при взятии Казани Грозным там были между прочим, кабацкие врата.

*** Кубки того времени по величине были различны: кубок, например, самого Грозного, хранящийся в Оружейной Палате, имеет весу 1 п. 8 ф., а вышины — сажень. — Костомаров. XIX. С. 81.

поэтому царского подарка без употребления, но последнее во всяком случае не выходило за пределы той строгости нравов, какою отличались вообще первые сибирские завоеватели. По истории Сибири мы знаем, как дружиной Ермака преследовалось, например, прелюбодеяние: виновного садили в оковы и, наполняя песком платье, ставили по горло в воду и обмывали; знаем также, что перед некоторыми из битв Ермак полагал на дружину свою обеты воздержания, каким был, например, сорокадневный пост, исполненный перед битвой с Маметкулом в городке Карачи*. По этим примерам несомненно, что в дружине Ермака не могло быть допущено ничего подобного тому, что происходило в старорусской корчме, сменившейся новым кабаком. Но славный победитель погиб, и о строгости нравов времени его в нахлынувших в Сибирь отрядах ратных людей, набиравшихся второпях и большей частью из людей гулящих, не имевших определенных занятий и толпившихся с утра до ночи около попутных кабаков, остались лишь одни воспоминания. По всей неполноте исторических сказаний о быте первых сибирских насельников, там встречаются по местам упоминания, по которым нельзя не заключать, что употребление вина на новой земле началось одновременно с появлением первых рвов и стен русских городов. Не говоря уже о самих строителях этих городов, к употреблению вина на первых же порах приучались и сибирские инородцы, которых постоянно наказывалось из Москвы «поить и кормить, как мочно», приучались даже татарские князья, жены и дети их; так, например, вскоре по основании Тобольска летом 1588 г. строитель его письменный голова Чулков, намереваясь захватить в плен преемника Кучума Сейдяка с товарищами его Карачей и Уразмахметом, замышлял уже напоить их прежде пьяными, но хитрые татары, упирая на учение Магомета, не поддались**; зато по взятии в августе 1598 г. татарским воеводой Воейковым в плен семьи Кучума, состоявшей из 8 цариц, 5 царевичей, 8 царевен и 12 князей и мурз — дальних родственников Кучума, от царя Бориса Годунова получено было несколько указов, повелевавших поить пленников «вином и медом», а если бы во

* *Миллер*. Описан. Сибир. царства. 1750. (Гл. II. § 30, 75).

** *Там же*. (Гл. IV. §§ 12-13).

время следования их в Москву случилось, что по дороге не было кабаков, то брать эти припасы в монастырях. Чрезмерное употребление вина самими ратными людьми скоро дошло до того, что приставленные к той же семье Кучума царские пристава жаловались Годунову, что сибирские казаки «ходят всегда пьяни, берут неведомо откуда», вообще же, прибавляли пристава, «татарам чинят тесноту великую, да и нас-то, холопей твоих государевых, вовсе не слушают, говорят: мы-де вам не приказаны, таковы же-де и мы, что и вы!»*. Стало быть, недостатка в вине на новой земле уже не было, хотя виноторговли пока еще не открывалось. Но прошло немного лет со времени основания здесь первых русских городов, и появление в последних царевых кабаков не замедлило.

В 1598 году построено Верхотурье, первыми обитателями которого были жители закрытого города Лозвы: двое боярских детей, сорок шесть стрельцов и казаков, двое подьячих, вогульский толмач, мельник, кирпичник, банник и несколько сторожей, к ним тогда же из Перми Великой прислан поп Лаврентий, из Тобольска — казацкий атаман Пинай Степанов, а в двух следующих годах переселены из Вятки два торговых человека — Терентьев и Лашкин, 50 ямщиков и 80 плотников. Благодаря относительной близости этого сибирского города и положению его на большой тогдашней дороге, в нем появляется такое множество «охочих гулящих людей», что уже в 1604 году верхотурскому воеводе наказывается набрать из них 50 человек на службу в Сургут, а в следующем году такое же количество отправить в Томск**. Здесь-то вскоре по основании города вьет себе гнездо и первый сибирский кабак.

Сведений о времени постройки этого кабака не сохранилось, но в одном документе, относящемся к 1623 году, говорится, что он построен еще «до московского разоренья», т.е. при царе Борисе Годунове***; по грамоте же Годунова, данной верхотурскому воеводе Неудаче Плещееву 24 апреля 1604 г., постройку этого кабака можно точнее относить к 1602 или 1603 гг.: в последнем документе к данному ра-

* *Небольсин*. Покорение Сибири. 1849. XI. С. 128.

** *Буцинский*. Заселение Сибири. 1889. II. С. 21-22.

*** Акты истории. III. № 122.

нее распоряжению приводится наказ царя относительно приготовления в Верхотурье для местного винокурения хмелю*, а если шло винокурение, то представляется вероятным и существование кабака.

Кабаки, как и другие казенные здания того времени, имели постройку, приуроченную к их назначению. Во дворе возвышался деревянный дом, под которым был подвал для хранения вина и пива, а обок его омшанник с печью, где ставили питье, печь была, вероятно, для того, чтобы иметь горячую воду для разведения водки; на дворе же устраивались ледник, над которым делалось сушило, поварня, где производились работы и стояли инструменты, и стояльная изба со стойкой, за которою сидели продавцы вина**. Так как кабацкие питье готовились казною или на поварнях, находившихся при кабаках же, или поставлялись в последние от подрядчиков, или же шли от откупщика, взявшего кабак на откуп, то поэтому в одних кабаках его продавали верные целовальники, а в других — откупщики; главный же надзор и управление кабаками возлагались на кабацких голов. Головы и целовальники служили по выбору и при вступлении в управление кабаками выполняли известные условия: представляли записи о благонадежности за подписью избирателей, давали присягу, обязываясь собрать не только положенный кабацкий доход, но еще непременно и с прибылью, а затем уже принимали от своих предшественников по описи все кабацкие запасы: посуду, питье, поварню и самый кабак. В указах, посылаемых обыкновенно в конце года об отдаче кабацких сборов на следующий год, воеводам предоставлялась полная власть отдать кабаки на веру, или же на откуп, а потому и действовала то одна форма управления, то другая***.

* *Шишонко*. «Пермская летопись» 1881. I. С. 164. По этим сведениям известие, помещенное в «Древней российск. Вивлиофике» Новикова, (1788. Ч. III. С. 132) о том, что «в Сибири и Тобольску первые почали быть кружечные двory и продажа государского горячего вина» только с 1671 г., не имеет никакого основания; оно же, вероятно, ввело в ошибку и историка Словцова, утверждающего, что в Сибири казенного винокурения не было до 1698 г., и хлебное вино шло сюда из-за Урала (Историч. обозр. Сибири. 1886. I, VI. С. 161), а равно Щеглова, Лебединского и других, показывающих начало учреждения кабаков в Сибири в 1617 г. (Хронолог, переч. важнейших данных из истор. Сибири. 1883. С. 74; Тобол. губ. ведом. 1863. № 39. С. 317).

** *Костомаров*. XIX. С. 67.

*** *Прыжов*. Истор. кабаков в России. 1868. VII. С. 68, 73 и 75.

Таково было общее устройство царевых кабаков, современных появлению кабака верхотурского. Но в первое время существования этого кабака дела его от общих кабацких порядков представляли значительную разницу: поварни, например, — необходимой принадлежности всякого кабака, при нем не было; заготовление же вина представляло свои особенности. Одновременно с основанием Верхотурья правительство поселило около городского острога несколько крестьянских и посадских дворов, которые образовали так называемую «Жилецкую слободу», составившую вскоре особую подгородную волость пашенных крестьян. Кроме этой волости, распространившей свои небольшие поселки по берегам рек Туры, Салды и Пии, с 1612 года появились селения по рекам Тагилю и Невье, образовавшие другие две волости — Тагильскую и Невьянскую. Как служилые и посадские люди самого города, так и жители названных волостей, по большей части пашенные крестьяне, кроме главной своей обязанности обрабатывать государеву пашню, находившуюся под городом, должны были, по тогдашнему выражению, делать «разные изделия»: готовить муку, крупу, толокно, делать веники для бань, строить суда и проч.*. К числу таких же изделий отнесено было и приготовление запасов для вина и пива, т.е. муки, хмелю, солоду, дров и проч., а затем и самое винокурение и пивоварение, и доставка изделий в кабак. Так, по крайней мере, можно заключать о ходе этого дела по одному документу, относящемуся к 1629 г., из которого видно, что «в прошлых годах... на верхотурском кабаке вино курили и пиво варили уговорщики, верхотурские служилые люди и пашенные крестьяне, и ямские охотники, а сидели-де то вино на... кабак всякие люди в розни, у себя по домам, в деревнях и по селам на Тагиле и на Невье своими котлами»**.

Из указанных изделий царскою казною оплачиваемы были только некоторые, большая же часть входила в круг натуральных повинностей, ложившихся тяжелым бременем как на посадских, так и крестьян. Нелегко было выполнение разных воеводских требований и по винному делу. Тре-

* Буцинский. II. С. 27, 34 и 39.

** Акты историч. III. № 153.

бования эти с первых же пор открытия в Верхотурье кабака стали сопровождаться строгими принуждениями и насилием. Так, из упомянутой уже выше грамоты Годунова воеводе Плещееву от 24 апреля 1604 г. видно, что верхотурцы обращались к царю с челобитной, вызванной одним из таких требований воеводы о доставлении для винокурения хмелю. «Били нам челом, — говорит эта грамота, — верхотурского города служилые люди, казаки и стрельцы Ромашко Голенищев и во всех товарищов своих место, а сказали: по нашему-де указу велено им на наш обиход, на вино, хмель готовили и на Верхотурье, садового хмелю не родится, и по речкам-де добыть не мочно, и купить им негде и не на что, и ныне-де они в том хмелю стоят на правеже*; и нам бы им пожаловати, того на них хмелю правити не велети». Но челобитная осталась без удовлетворения: воеводе наказано было освободить просителей «от правежа» только до того времени, «как хмель поспеет и добыть будет мочно»**.

С 1621 года главное управление верхотурским кабаком по царскому указу поручено было тобольским воеводам боярину Матвею Годунову и князю Матвею Волконскому. Для надзора за виноторговлей и продажи вина и пива в Верхотурье из Tobольска посылаемы были боярские дети и подьячие, но вскоре управление кабаком передано было верхотурским воеводам по той причине, как говорит одна грамота, что «те дети боярские и подьячие с верхотурскими

* «Правеж», перешедший к русским от татар и вошедший в уложение 1649 года, распространен был на Руси задолго до появления кабаков и служил в разных случаях орудием казни и денежных взысканий. На правеже стаивали и головы, и целовальники, и выбиравшие их мирские люди, с которых правили недоборные по кабакам деньги; тут же бывали и самые жертвы кабаков — кабацкие пьяницы, с которых правили долговые напойные деньги. Как производил этот правеж верхотурский воевода — неизвестно, а в Москве он совершался так: являлось несколько стрельцов, брали несостоятельных должников и, поставив у приказа в ряды, били батогами поочередно по голым икрам, проходя ряды от одного края до другого; за расправой наблюдал судья, смотревший из окна. Каждый должник подвергался правежу по часу в день, а иногда и более, пока не выплачивал долга. По словам Олеария, бывшего в Москве в 1663 году, занимавшимся запрещенной продажей водки навешивали на шею фляжку с водкою и водили попарно от площади до Кремля и обратно в сопровождении помощников палача и все это время били кнутом.

** *Шишонко*. 1. С. 164.

воеводами были во вражде и в переживке», и Годунов, и Волконский присылали для этого дела из Тобольска «худых тамошних людей». После этого кабацких голов в Верхотурье начали присылать из Казани и Чебоксар «выборных лутчих людей»*. С этого же времени расходы вина по верхотурскому кабаку начали значительно увеличиваться, а с тем вместе стала возрастать и тягость винной повинности посадских и крестьян, продолжавшейся в прежнем порядке. Кроме продажи вина за деньги, из кабака велено было производить значительные отпуска вина в Тобольск и другие города; так, например, грамотою Михаила Федоровича от 15 февраля 1621 г. верхотурским воеводам Ивану Пушкину и Дмитрию Зубову наказывалось отправлять в Тобольск первому сибирскому архиепископу Киприану «жалованья, на его обиход, по сту ведр вина горячего на год»**.

По общим порядкам кабаков того времени на них полагался оклад, определяемый доходами предыдущих лет, откупными суммами и другими обстоятельствами. Непременным правилом было то, что головы и целовальники должны были собрать кабацкие деньги с прибылью против прошлых лет. Для этого целовальникам позволялось действовать «безстрашно», за прибыль ожидать «государевы милости», причем «никакого себе опасения не держать», а главное — «питухов не отгонять». Целовальники так и поступали. «Я, государь, — доносил, например, Михаилу Федоровичу Андрей Образцов, — никому не норовил, правил твои государевы доходы нещадно, побивал насмерть». При недоборах казна не принимала никаких оправданий ни того, что народ пить не хочет, ни того, что пить ему не на что, и настоятельно требовала недоборной суммы: «а о недоборе пишет воровством, хочешь воровать — велим недобор доправить вдвое»***.

Последние порядки оказались и на первом сибирском кабаке. Воеводы Никита Барятинский и Максим Языков 7 августа 1623 года доносили в Москву, что с тех пор, как устроен верхотурский кабак, многие из служилых людей, стрельцов, казаков, ямских охотников и пашенных крестьян

* Акты историч. III. № 122.

** Шишонко. П. С. 107.

*** Прыжов. VII. С. 79 и 80.

ян «пропились» — первые бросили службу и «разбрелись», а последние «одолжали, обнищали», но они, воеводы, боясь денежного кабацкого недобора, без царского указа унимать их от пьянства не смеют. Но на это донесение 20 того же августа, т.е. без малейшего по получении донесения замедления, отправлена воеводам строгая царская грамота. «И вы пишете к нам, — говорилось в этой грамоте, — не радея о нашем деле, что кабак хотите оставить, а кабак заведен в Верхотурье давно, до московского разоренья задолго, и преж вас многие наши воеводы на Верхотурье бывали, а о том кабаке к нам не писывали, а вам где было нам искати перед прежним во всем прибыли, а вы старое хотите растерять... На верхотурском кабаке не одни верхотурские служилые люди и ямские охотники, и пашенные крестьяне пьют, да много на Верхотурье и приезжих всяких людей ежегод живет, боляни всех сибирских городов, потому верхотурский кабак и заведен в прежних давних летех, а не вновь и ныне ему быти по-прежнему ж». Далее по обыкновению грамота наказывала, чтобы воеводы «презирали по часту, чтоб на верхотурском кабаке кабацких денежных доходов пред прежними годы собрати с прибылью»*.

Проходит несколько времени. Воевод, хлопотавших о закрытии кабака, сменяют князья Дмитрий Пожарский-Лопата и Никита Бярятинский, а этих князь же Семен Гагарин. Последний повел дело иначе и вместо закрытия кабака, отобрав от всех служилых людей и крестьян, занимавшихся приготовлением вина и пива, заведенные ими на свой счет котлы, кубы, трубы и проч., открыл поварню при самом кабаке. Это было в 1628 году. Устроив поварню, Гагарин 12 декабря доносил в Москву, что при существующих порядках винокурения для верхотурского кабака «уговорщиками» по своим домам происходили злоупотребления: винокуры эти, «сваря вино, выпивали сами, и в том-де вине многие служилые и посадские люди и ямские охотники, и пашенные крестьяне стоят на правеже»; с открытием же поварни при кабаке «казне будет прибыльнее». Распоряжения эти были одобрены, и новой грамотой воеводе велено за отобранные у прежних винокуров винные инструменты выдать им плату по местной «прямой» цене и затем продолжать дальнейшее отбирание тех инстру-

* Акты историч. III. № 122.

ментов по городу, селам и деревням, где они могут еще оказаться, чтоб верхотурскому кабаку «никакие порухи», а казне «недобору» не было. Грамота эта послана была с тобольским казаком Ивашком Куимовым, но казак этот куда-то исчез, и воевода, прождав ответа до июля следующего года, снова пишет в Москву об устройстве им поварни; оттуда же с повторением вышеприведенного, вновь наказывают «беречи накрепко, чтоб однолично... виновных судов ни у кого не было», напоминают о тех же «порухе» и «недоборе» и велят казака Ивашку «сыскав... бити батоги нещадно»*.

Получив последнюю грамоту, Гагарин немедленно принялся за дело; котлы везде отобраны, курить вино и варить пиво повсюду запрещено, а велено всем пить «на кабаке». Новоустроенная поварня легла новой тягостью на верхотурцев и в отправленной царю челобитной они жалуются, что от кабацкой поварни им невмочь стало жить. «Пашем мы, — говорила эта челобитная, — на казну десятинные пашни, ставим казенные анбары на свои деньги, возим дрова на винокурню по полтора рубля, а нам платят по 20 алтын, да нас еще выбирают в целовальники к винокурне, и мы в конец погибли и запустели»**.

С устройством поварни верхотурский кабак начал составлять очень важную статью казенных доходов. Из списка с сметных книг денежных доходов и расходов Верхотурья за 1628 г. видно, что в год же устройства поварни с «государева кабака» поступило 1071 руб. — сумма, по тогдашнему времени довольно значительная, свидетельствующая о таком же развитии и пьянства. Независимо этого кабака, в год открытия при нем поварни в Верхотурье появился и другой «откупной кабак», с которого на первый раз по тому же документу взято было годового оброка 13 руб.***.

III

Москва всегда избирала для кабаков места бойкие и торговые. Поэтому пока верхотурцы безуспешно испытывали средства к избавлению себя от кабацких невзгод, неожиданно появляется новый кабак уже в самом передовом городе

* Там же. № 153.

** Там же. № 184.

*** Буцинский. II. С. 58 и 59.

тогдашней Сибири. Это был второй сибирский кабак, открытый в Тобольске. К сожалению, сведений о времени появления этого кабака так же, как и дальнейшей истории его, при крайней скудости вообще материалов о тобольской старине до нас не сохранилось. Можно только полагать, что он открыт не ранее первых лет царствования Михаила Федоровича, так как в период смутного времени распространение кабаков должно было притихнуть. «Для смутного времени, писали в 1611 г. в Пермь казанские воеводы, — кабаки заперты были по многое время». Кончилось это время, земским собором в 1613 г. избран был новый царь и по городам снова пошли приказания, кроме государева кабака, питья никому не держать. Кабацкая прибыль сделалась источником для удовлетворения разных государственных нужд: по смерти, например, в 1615 г. в Суздале царицы старицы Александры указом царя велено было на погребение ее взять 50 рублей из кабацких доходов; в 1620 году, собрав московских гостей для переговоров о торговле с Джоном Мериком, царь и патриарх откровенно объявили, что нет других доходов, как от таможи и кабака: «Ведомо вам всем, что по грехам в Московском государстве от войны во всем скудость, и государственной казны нет нисколько; кроме таможенных пошлин и кабацких денег, государевым деньгам сбору нет»*. Немудрено поэтому, что в числе посылаемых в то время наказов об умножении царевых кабаков последовал наказ об открытии кабака и в Тобольске.

На таком предположении нельзя не остановиться потому, что в указываемое время Тобольск считался уже бойким и торговым городом. Хорошо понимая стратегическое значение этого города в новопокоренном крае, правительство с самого основания его содержало там всегда значительное войско и постепенно населяло его и посадскими, и пашенными людьми. Зависев короткое время от Тюмени, Тобольск скоро стал не только самостоятельным, но и главою сибирских городов. С 1590-х годов сюда назначались воеводами люди знатные — князья, стольники и даже бояре, имевшие широкие полномочия. Скоро город стал главным торговым центром русских, татар, бухарцев, коганцев, калмыков и ногайцев. Торговые обороты особенно бухар-

* *Прыжов.* XII. С. 126—128.

цев, заведших торговлю еще с «Ермакова взятъя», производились на значительные суммы: иногда в один месяц бухарцы распродавали своих товаров более чем на 10000 рублей — сумму по тому времени громадную. Несмотря на то, что самый город смотрел еще большой деревней, имевшей с небольшим 300 дворов, в нем по дозорной книге 1624 года был уже гостиный двор и 52 торговые лавки*. Торговля его процветала, а с нею увеличивались и денежные доходы города, так что в 1624 г. одних таможенных пошлин взято 3182 руб., в 1625 г. — 4118 руб. 91 коп. и в 1640 г. — 5692 руб.; общая же цифра всех пошлинных сборов за последний год, не считая сбора ясака с тобольских инородцев, полученного в этом году на 1997 руб., достигла почти 8000 рублей. По этим цифрам можно заключить, что к концу царствования Михаила Федоровича в Тобольске была торговля «миллионная», ибо тогдашняя ценность денег по крайней мере в десять раз превосходила нынешнюю**.

Но возвратимся к предмету статьи. Появившись в таком бойком месте, какое представлял собою Тобольск, новый кабак мог давать казне значительные доходы, но в то же время приносить как населению города, так и торговле его громадное зло. Выше мы видели, что еще в первые года царствования Годунова служилые люди Тобольска, не имевшего виноторговли, известны уже были царю своим пьянством. Теперь же, когда здесь раскрылись двери кабака, пьянство это должно было усилиться, тем более, что самый состав населения Тобольска, против всех сибирских городов, представлял самую разнохарактерную смесь нравов: кроме преобладающего элемента русских и татар, в состав населения его входили немцы, шведы, поляки, литовцы, мордва, черемисы и даже французы. Зло это вскоре же и обнаружилось, и дошло до таких размеров, что правительство решило кабак закрыть. Так, по крайней мере, свидетельствует одна из приводимых уже нами ранее грамот Михаила Федоровича, посланная 20 августа 1623 г. верхотурским воеводам Барятинскому и Языкову, в которой на донесение воевод о тягостях верхотурского кабака царь, между прочим, говорил: «И вы, делая ленью своею и не

* Материалы для истории Тобольска XVII и XVIII ст. 1885. С. 1-10.

** Буцинский. V. С. 105, 141 и 142.

хотя нам служить, пишите к нам не делом, или на то смотрите, что в Тобольску велено кабак снести и то вам не образец: в Тобольску кабак заведен был недавно, и Тобольск в Сибири первый город, а тобольские служилые и всякие жилецкие люди учили на кабаке пить беспрестанно, а иные и пропились... велено снести, чтоб от кабака тобольские служилые люди нашей службы, а торговые и всякие люди промыслов своих не отбыли»*.

С закрытием кабака тоболяки надолго лишены были винных запасов. Частное винокурение строго преследовалось, нового кабака не открывали, и завзятые питухи стали прибегать к особенному способу опьянения. Хотелось, чтобы хотя что-нибудь да заменило отнятый кабацкий продукт. На помощь явились приезжие калмыки. В числе калмыцких товаров нашлась подходящая для этого дела неизвестная трава, носившая название «шара» и семена этой травы. Какое назначение имела эта трава в действительности — неизвестно, но по одному документу оказывается следующее: в 1640 г. какой-то крестьянин заявил тобольскому воеводе на многих жителей, что траву эту они «пьют вместо табаку для пьянства дымом рогами», т.е. курят, ибо тогда и относительно курения выражались «пьют табак», «пьянствуют табачным дымом», а курящих называли «питухами» и «пропойщиками». По извету крестьянина были сделаны обыски: у одного боярского сына и нескольких казаков оказалось этой травы посеянной несколько гряд, а в одном доме трава найдена и сухой, и толченою. На допросе виновные утверждали, что травы этой они не пьют, а держат для лечения — присыпают в толченом виде к ранам. Очень может быть, что трава эта употреблялась как и лекарство, но шла и для курения вместо табаку, за который, как известно, при Михаиле Федоровиче резали носы. И, таким образом, за невозможностью иметь других развлечений, отуманивающих голову, тоболяки начали курить шар; если нельзя «пьянствовать вином» или «пьянствовать табаком», то им казалось, что, может быть, правительство будет снисходительнее к «пьянству шаром». Чем, однако ж, кончилось это дело по розыскам воеводы — неизвестно**.

* Акты истор. III. № 122.

** Буцинский. V. С. 140 и 141.

Само собой разумеется, что замена вина шаром могла иметь распространение только между завзятыми питухами — людьми гулящими, словом, беднотой; по некоторым же актам гораздо ранее появления этого шара Тобольск снискал уже себе известность тайною виноторговлей, главными деятелями которой были люди высшего служилого класса. Хотя запасы вина доставлялись сюда и из верхотурского кабака и с поварней зауральских городов*, но запасы эти всегда имели свое определенное назначение, как, например, для угощения ясачных инородцев**, на отпуски Тобольскому софийскому дому и других надобностей. Поэтому названный служилый класс в лице воевод и других начальствующих лиц, следуя на службу в Сибирь, или лично, или чрез своих агентов, и тайно, и явно привозил сюда вино целыми обозами. Об этом говорят многие из царских грамот того времени, из которых в одной, посланной тобольскому воеводе в 1636 году, царь писал: «Ведомо нам стало, что сибирские воеводы и дьяки, и письменные головы возят с Москвы и с иных городов многие меды и вина и всякие запасы, и товары сверх своих обиходов для торговли и для бездельных своих прибытков, а будучи в сибирских городах продают те товары на деньги или меняют на соболи, на лисицы и иную мягкую рухлядь»***. Тайная виноторговля, начинаясь в Тобольске, распространялась и на другие места: в хранящихся в одном московском архиве сибирских делах есть, например, одно дело, относящееся к 1634 году, с таким заглавием: «Сыскное дело Павла Хмелевского о том, что в 7138 году, едучи из Тобольска на Турухан, мед бочками, а вино в склянницы и в чарки продавал»****. Поэтому можно полагать, что вместо закрытого в Тобольске царева кабака тут нарождались и пускались в путешествия по далекой Сибири кабаки иного рода — воеводские и, так сказать, плавучие.

За все это время дальнейшего появления в Сибири государевых кабаков до начала царствования Алексея Михайловича, по крайней мере по тем скудным материалам, какими мы пользовались при составлении настоящей статьи,

* *Словцов*. I. VI. С. 161.

** *Там же*. I. С. 31 и 37.

*** *Буцинский*. VIII. С. 247.

**** *Пуццолло*. Указах, дел. и рукопис., относящ. до Сибири. 1879. С. 23.

не видно. Повсеместное появление кабаков в сибирских городах началось по указу нового царя 30 декабря 1651 года, когда велено было «во всех городах и в государевых больших селах быть по одному кружечному двору»*. В это время на помощь долговечному верхотурскому кабаку под новым наименованием появляются кабаки в Тюмени, Березове, Сургуте, Томске, Енисейске, Иркутске и других городах, но, не считая их первыми кабаками, мы не касаемся и истории их.

Представив в общих чертах появление первых сибирских кабаков, а по нему и начало винного дела старинной Сибири, мы сожалеем, что заглавие статьи не позволяет нам коснуться составных частей того, можно сказать, тяжелого тормоза, какой со временем создало это дело для замедления колонизаторов новопокоренной окраины на всех путях их к достижению своего благосостояния. Поэтому мы закончим свои заметки лишь несколькими словами о самой фундаментальной части того тормоза — сибирском чудовищном пьянстве. Выше мы уже видели, что вслед за появлением первых сибирских кабаков верхотурцы «пропились», «разбрелись», «одолжали» и «обнищали», а тоболяки «учали на кабаке пить беспрестанно». Тобольский кабак был закрыт и дальнейшее распространение кабаков приостановлено. Но это нисколько не повлияло на уменьшение развивавшегося пьянства, и уже в 1622 году в царских грамотах березовскому и верхотурскому воеводам говорилось: «В пьянствах у вас многие люди бьются и режутся до смерти»**. Порок развивался и креп. Известный Юрий Крижанич, превосходивший современников основательностью образования, живя с 1661 года в Тобольске, в одном из своих написанных здесь сочинений, считает причиной пьянства кабаки. По словам его, «нигде нельзя выпить пива или вина, как только в царском кабаке. А там посуда такая, что годится в свиной хлев. Питье премерзкое и продается по бешовской цене. Самые кабаки не везде под рукою у людей, только в большом городе по нескольку кабаков; иные мелкие люди чуть не всю жизнь лишены вина, а как придется им выпить, то они бросаются без стыда, как бешеные, ду-

* Поли. соб. зак. 1830. I. № 72.

** Акты историч. III. № 113; Дополн. к акт. II. № 264.

мают, что исполняют божью и царскую заповедь». Коснувшись далее дозволения, даваемого некоторым лицам на приготовление напитков по особым торжественным случаям, Крижанич видит в этом средство приучения народа к пьянству и продолжает: «Хозяин только о том и хлопочет, чтобы поскорее напоить гостей и обратить их в свиней. Посадит гостей около пустого стола, сидят три—четыре часа без хлеба и без всякой пищи, а между тем чарка идет кругом, и многие, выпивши натошак, опьянеют и уже не думают о пище. Нигде — ни у немцев, ни у других славян — нет такого гадкого пьянства, нигде не видно, чтобы в грязи по улицам валялись мужчины и женщины и умирали от пьянства»*. К сокращению пьянства принимались различные меры. Так, например, в 1698 г. сибирским воеводам дано было такое наставление: «а которые питухи, пришед, озадорятся и напьются пьянством безобразным, и учнут все при себе имеющие деньги, платье и товары или какую мягкую рухлядь своего промыслу в заклад или в мену пропивать... и таких унимать и, обрав его всего, в особый чулан, чтоб проспался, положить, и как проспится, во вине смотря, наказав его словами, или высечь батожем, все ему назад имянно отдать в целости, а взять только по правде, сколько он пропил»**. Но меры эти пьянства не уменьшали. По словам одного сибирского писателя, оно было «всеобщим пороком и имело самые огромные размеры. Пили все: старики и молодые, женщины и дети. Пили дома, пили в кабаке, пили в дороге, пили до положения риз в гостях, пили в поле, куда горожане еще до сих пор выезжают по праздникам для гулянья. Аббат Шапп свидетельствует о жестоким пьянстве по Тобольской губернии. Паллас замечает о Томске, что он еще не встречал в своей жизни такого места, в котором было бы такое всеобщее пьянство и в столь высокой степени, как здесь. Тот же Паллас свидетельствует о непрерывном пьянстве Кяхты и Иркутска. И не только европейских путешественников, но даже соседей-азиатцев возмущало это безмерное пьянство сибиряков. В XVIII веке сибирские купцы, торговавшие с Джунгарским ханством, забравшись туда, часто пропивали и проигрывали все свои

* *Костомаров*. Рус. ист. в жизнеопис. 1874. Вып. V. С. 443 и 444.

** Поли. собр. зак. III. № 1655.

товары и, пьянствуя там, и другие непотребные дела чинили. В то же время китайцы жаловались на безобразное пьянство русских купцов и однажды даже запретили им въезжать в Китай ради их безмерного пьянства. Китайцев также сильно беспокоило в XVIII веке пьянство пекинских миссионеров, проматывавших и свое жалованье, и церковную казну, и наносивших китайцам жестокие обиды. Один из них, священник Филимонов, затесался однажды пьяный даже во дворец богдыхана и поколотил там китайских министров, за что и был закован в кандалы и выслан в Селенгинск при письме такого содержания: «Великого Тайцын государства из посольского мунгальского приказа послано письмо в российское государство, в сенат на житье вашего государства попы и школьники подано на письмо нашего: поп именем Иван Антония попа наколол ножом, ваши попы и школьники промежу себя не в совете, супостатно, никак в одном месте жить невозможно, назад выслать, так подано; затем попа Ивана в ваше к пограничному правителю отвезли, того ради послали прохладное письмо». Филимонов долго после шатался по Иркутску под именем странника ханского государства и забавлял обывателей рассказами о своих пекинских похождениях»*. Но не лучшее для Сибири представляло и последующее время, особенно исход прошедшего и начало настоящего столетия. Времена искусственно созданного властелина, убитого новой системой питейного сбора, времена всесильных Походяшиных, Кремлевых, Передовщиковых и Полуяновых, создавших тип чванного сибирского кулака-монополиста, яснее — времен откупа живо еще памятны и напоминать об их по отношению к дальнейшему развитию сибирского пьянства излишне. Довольно заметить, что за это время ежедневная выручка одного кабака считалась часто тысячами. Кастрен, например, путешествуя по Сибири в сороковых годах, 5 марта 1846 года писал из Томска: «Масленицу я провел в деревне Молчановой, где меня поместили в верхнем этаже обыкновенного кабака. Здесь в продолжение всей разгульной недели я ни днем, ни ночью не имел покоя от шумливых пьяниц. Молчанова — небольшая деревня, окрестная страна бедна и редко заселена... но несмотря на то, продажа вина

* Отечественн., записки. 1867. X. С. 694 и 695.

производилась в таких огромных размерах, что кабак в один день выручал почти 1800 р. Поэтому можно составить себе понятие о пьянстве в Сибири». Прибавим к этому, что в некоторые года сибирские губернии в потреблении пагубного напитка превосходили даже губернии великороссийские: так, например, в последних губерниях вместо выпитого в 1862 г. 7218191 ведра безводного алкоголя в следующем, 1863 году, выпито было того же алкоголя 14681714 ведер, т.е. более на 101%; сторонка же наша за то время вместо 500000 ведер в 1862 г. выпила в 1863 г. того же алкоголя 1170000 ведер, т.е. более на 134%*. Недаром же поэтому сложилось и новое правило жизни: *не пить, так и на свете не жить*.

** Вести. Европы. 1867. П. — В хрон. 22.

Воздушные страхи Тобольска в старину

В старину отдаленные страны весьма часто служили для воображения местопребыванием фантастических существ и сценою чудесных событий. Говорили, что на печерских горах жила в пещере «змея-аспида» — змея крылатая, с птичьим носом и с двумя хоботами, что на берегу Волги, где-то около нынешнего Саратова, обитал «шестиглавый дракон»; что на низовьях этой реки росло животное-растение «баранец», приносившее плод, похожий на ягненка, и т.п. Такие известия по народной фантазии дополнялись и различными подробностями: печерская аспида могла, например, опустошить всю землю, а дракон на Волге, налетая на Русь, не раз делал погромы; о волжском же баранце уверяли, что стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди, ноги у него мохнатые, рогов нет, передняя часть, как у рака, а задняя — совершенное мясо, и что живет он, не сходя с места до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу.

Но едва ли столько фантастического и чудесного могло воспроизводить воображение, сколько того и другого порождали писания старых книжников и начетчиков. По отношению к нашей Сибири были времена, когда упомянутые писания не находили здесь никого, кроме людей зверообразных, замерзавших и оживавших, свирепых псиголовцев, ужасных великанов и т.п. Даже гораздо позднее, когда эти баснословия уже забывались и «страна мраков» покрывалась русским населением, старые грамотеи все еще продолжали придавать многому из описываемых событий характер таинственности.

Из рода таких писаний нельзя исключить и приводимые ниже записи тобольского книжника и начетчика Черепанова, заключающиеся в составленной им «Летописи Сибирской» и передающие сведения о разных физических яв-

лениях, бывших в Тобольске в старину. По той окраске, какая придается обыкновенным явлениям природы в этих записях, они представляют любопытный перечень воздушных страхов старого Тобольска.

Нелишне заметить, что по поводу появления в 1858 г. кометы, виденной и в Тобольске, покойный собиратель сибирской старины Н.А. Абрамов в одной из статей своих приводил уже упомянутые записи, но со значительными пропусками и изменениями подлинной редакции. Здесь эти записи приводятся дословно и согласно первобытной своей точности по списку названной Летописи, принадлежащему библиотеке Тобольского губернского музея. Для удобства при чтении мы позволили в этом памятнике старины означить только знаки препинания.

Е.К.

Лета: от сотворения мира 7164.

От Рожд. Христова 1656

1. § 4. Августа 2 дня явилась в Тобольску звезда погонная: стояла на полудни и вскочила с места своего, побежала по небу на запад и стала мала, и поблистала весма, и опять побежала по небу, и того ее бегу с полудни чрез запад было шесть раз, и после того потухла. Проявляла непостоянную войну.

7167 (1659)

2. § 4. Мая в 23 день в Тобольску под горою Знаменский монастырь ввечеру от молнии весь погорел.

7173 (1665)

3. § 4. В городе Тобольску и во всех окрестных местах Божиим попущением за грехи людские бывшу дождю многу и необычну, яко быти второму потопу. От наводнения и во отчаянии надежды спасения людие быша.

7185 (1677)

4. § 8. Месяца генваря, 8 дня, в Тобольску на последнем часу дни солнце стояло на самом западе в светлом столбе, тако ж и луна взошла на востоке, была уже в полноте и против солнца в таком же столбе. И велми свет их был блистателен и светел.

5. § 9. Месяца апреля 22 дня, со дни, на самом полудни сходила звезда с лучом копиевидным, вниз светящим, и стояла на месте три часа и потухла.

6. § 1. Месяца мая 29 дня, в Тобольску во вторник, в 13-м часу дни, неизреченными судьбами Божиими от молнии под горою в Знаменском монастыре сгорели три церкви, а на горе того ж часу от молнии ж сгорели четыре церкви, да церковь соборная и Софийский дом весь без остатку выгорели, тако ж и город — Приказная изба и гостиный двор, и боярской дом, а на посаде у житейских людей домов сот с пять и больше выгорело.

7188 (1680)

7. § 8. Месяца декабря 13 дня, в первый день рождения, в 1 часу нощи, явилась звезда-комета с великим лучом, вверх идущим, и ходила два месяца, и подымалась вверх даже до среди неба, и шествие свое с протчими вокруг не имела; ход ее — с самого западу даже до самого востоку, невидима стала. Сия же звезда сходила августа 15 числа, с полуночи, течение свое имела к северу до востоку, и видима была пять дней.

8. Месяца сентября, с 23 числа явились в шествии две звезды — звезда над звездою: нижняя велика и светла весма, луч от нее к верхней, а верхняя помене и потемнее; посреди их луч, яко с перевязкою, а от верхней тако ж вверх луч мал, склонностью на запад. И тако течение свое имели до лета 7189 и марта во 2-м числе невидимы стали быть.

7190 (1682)

9. § 6. Месяца августа, в 19 день, явилась комета, а течение ее было с самого севера до востока, глава ее к северу, а хвост или луч склонен весма к востоку; а луч был от главы широк, к концу же продолговат и собою светел тако ж. Являлась в апреле и мае по трои сутки. Прознаменованье китайского походу.

7191 (1683)

10. § 10. Месяца марта 1 числа, в седмый час нощи, луна меркнула: над нею была дуга, а на дуге крест четвероконечный по концам, под луною же венец и сквозь венец висящий меч; по обе же стороны луны два креста осмико-

нечные. Луна же темно меркнула, а кресты, дуга и меч были весма светлы, небо — чисто и светло, в звездах.

11. § 10. Месяца октября, в 4 день, явилась звезда двухвостовая, или с двойным лучом, немного покривленная на размете, то есть один луч к востоку, а другой к западу. Немного постояв, переменялась: оба луча на одну сторону к западу поворачивались. И так являлась ночей с двадцать и престала.

12. § 10. Месяца ноября 4 дня воздушное явление в Тобольску ж: на западе на воздухе внезапно, аки пещь великая затопилась, и светлость, и теплота, яко от солнца, зрящим людем лицо грели. И тако виделось с четвертого часа до шестого ночи. И вдруг разделилось надвое, и прежде полуденная половина меньше стала ставать да и исчезла, потом и северная невидима быть стала.

13. § 10. Ноября 20 числа, в Тобольском, в 7-м часу нощи явилось знамение на небеси: две звезды с лучами великими; едина главою на восток, а другая на запад; лучи же их простирахуся вверх и склонением друг друга пресекаху крестовидно.

14. § 10. Декабря 3 числа, на западе видение воздушное во звезде: взошла она весма светла, а посреди ее темно было; и нача растягиваться, как пояс, в длину, разстилаясь и свивался аки хобот; и по сем начало от нее брызгать, аки искры от кузницы, или когда лучиною с огнем машут, тако и она махала прежде на север, а потом к востоку, и паки начала пыхати вверх и вниз, как от печи пламя. И того видения было с 3 часа пополудни. И появилась на четверть часа будто рыба и вдруг на землю упала. И осталась на том месте аки звезда и вскоре ж за нею пала. И тако исчезли.

15. § 10. Того ж декабря 4 числа, нощи в 3 часу, воздушное явление было: над домом воеводским явился столб светел, а посреди его звезда, а от нее, висящи вниз концами, два меча по обе стороны столба того. И видимо было пять часов и потухло.

7204 (1696)

16. § 1. Месяца ноября 25 дня, в день недельный, в 2 часа дни, в Тобольску явилось знамение в солнце: оно яко разверсталось на четыре части, и лучи от солнца светлы, а в

середине темно было; и посреди оных частей в темноте видено подобие человека, распростерты руце имуща.

17. § 1. Того же ноября 28 числа в нощи, в пятом часу, было знамение воздушное на востоке: из темной тучи висяще яко лампад возженный огнем великим и весма светло сияющим, и спускающимся вниз даже до земли. И вскоре потухло.

7208 (1700)

18. § 2. Месяца сентября в 13 день, в Тобольску знамение в воздухе: в третий час дни внезапно с полудни нанесло тихим ветром мглу, как туман густой огненный, и солнце с небеси в тумане разлилось, и друг с другом людие во храминах будто в огне виделись; и той мглой все небо как померкло, а сажени в две человека видеть было, а подлинно распознать кто — не можно, отчего люди пришли в такой страх, думали, что конец свету наступил и все, как возможно, побегли в церковь на молитву ко всещедрому Богу. И по молитве не остави Господь, яко отец сирых детей в напасти, во исходе пятого часа прогнася оная солнечно пламенная мгла южным ветром на самый север, и бысть страх приемшим радость и благодарение Богу.

7209 (1701)

19. § 3. Месяца июня 8 числа в Тобольску воздушное явление: в седмом часу дни взошла громовая туча; стоящие люди при берегу реки Иртыша, где рыбой торгуют, и рыбные прасолы видели, летел оттуда же долгой и великой змей, весь черной, без крыл, будто великое бревно изгибался, и на пролете города на низ грянул великий гром с молниею — звук же аки бы посредствен — и отшибло у змия прежде главу, а потом и хобот пополам разшибло; и так пал хобот за рекою, пониже города, а голова пала по конец яру, в пяти верстах ниже города находится, а середку его бурю с ветром пронесло на Кугаевское озеро.

20. § 3. Того ж июня, в отдачу часов дневных, а в начале ночного часа, как бы небо вдруг растворилось, и явилась огненная густая туча посреди самого востока и меч велик кровавой, обоюду остр, висящ, отчего тобольские жители были в сомнении и немалом ужасе.

21. § 2. Месяца ноября с 8 числа явилась комета в Тобольску: на верхнем западе две звезды, будто с перевязкою, и вокруг с прочими звездами не ходили; исподняя велика и темна, простертый луч от себя имела к верхней, а верхняя звезда мала и светла, и свет ее был и ее луч вверх же; склонность была их лучей на запад. И являлась на одном месте два года.

7210 (1702)

22. § 3. Месяца февраля 18 дня знамение воздушное было в Тобольску: на среднем западе в самом перекрое луны, на воздухе в 3-м часу ночи будто крововидные люди бегающе от месяца и к месяцу и мимо его в части бродяще. И было сего видения с час. Во исходе же 4-го часу начало тонким облаком, аки жидким дымом, заносить и стало невидимо.

23. § 2. Месяца октября 6 дня видены в Тобольску две звезды, восходящие с зорницею вместе, на верхнем полудни, и поблизости друг с другом имелись: нижняя — велика, темная, а верхняя мала видом, а светлее, склонностью же на полдень; и вместе идущие до третьего часа ночи, а в четвертом между собою развивающиеся на нижнем полудни, то есть верхняя малая звезда на полуденную сторону вниз опрокидаясь, тако течение свое имела и до шестого часа к самому западу; малая уже будет наперед и внизу, а большая вверху — назад к полудню. И тако, дошедше до среднего запада, вдруг исчезла. Ходили до 20 числа генваря — малая угасла, а большая сгибла в марте.

7211 (1703)

24. § 1. Месяца генваря с 1-го числа являющиеся звезды две с перевязкою в Тобольску на верхнем западе изменились: темная и большая с лучом вверху стала лучом вниз, а малая светлая сверху вниз опрокинулась, склонностью стала к полдню.

7212 (1704)

25. § 2. Генваря 17 дня являющиеся звезды с перевязкою в Тобольску на верхнем западе стали быть невидимы.

7213 (1705)

26. § 4. Мая 8 числа, в день Иоанна Богослова, в Тобольску во время игrania комедии возста с тучею буря жестокая и сломило над олтарем Соборной церкви крест, также и с Сергиевской церкви верх весь с маковицею и крестом (подле оной церкви употребляли действие комедии), прознаменуя Всемогуший Господь Бог гнев свой на творящих игральща комедианския; в той же час на звезде базарном сажени с три горы сползло с места глади.

27. § 2. Месяца августа в 16 день в Тобольску явление звезды-кометы: в заре с вечера стояла между полуднем и верхним западом, блистала велми светло, и луч ее виден был копнем зело мал, а явствен, отпыхивая изтемна.

28. § 3. Сентября 6 числа видена была комета-звезда на нижнем востоке, копиевидна зраком, распыхивалась изподтиха.

29. § 3. Тако ж декабря 6 дня, которая уже во многие годы являлась звезда брызгальная, в заре, с вечера появилась, во все стороны растягивалась, так и потухла. Все сие прознаменовало в Сибири непостоянство и войну настоящую через полдень под верхним западом солнца со Скифами, при камени, у порубежной линии⁷³.

7214 (1706)

30. § 1. Месяца июля 8 дня, в Тобольску видена была гибель: затмение солнца и в нем подобие человека знаменовалось и велие воскурение воздуха издаде. И стояло сие видение часа с два, потом мглою покрылось, и стояла та мгла четыре дни. Являло в Тобольском уезде скотоуроние и вод нездравие.

31. § 2. Ноября 20 числа в Тобольску видено было: во исходе 4-го часа нощи посреди небеси на воздухе выпал будто свиток бел, растягивался, и вслух людям шустал, и пал посреди двора воеводского, вблизи крыльца; и внезапно явился человек, от него же четыре искры огненные вверх порознь возлетели и совокупилися в место, и чрез малую минуту все исчезло; в то же время нанесло тучу и гром велик скрежета часа с два. И бысть воеводскому дому пожар.

7217 (1709)

32. § 2. Месяца февраля 2 дня, в Тобольску горел в 7-м часу ночи дом купца Караваева на большой улице под горою. И видели с горы при том пожаре три столба световидные: два по сторонам мосту стояли, между собою сажень на десять, а третий столб посреди мосту, близ переулкa, к берегу. И горел тот пожар великим пламенем. Хоромы же соседа Ошуркова стена о стену с его, Караваевым, ничем остались невредимы, нимало затлели, а его, Караваева, другая стена находилась чрез две сажени и мало что затлела.

7218 (1710)

33. § 3. Месяца ноября 21 дня в нощи, перед заутренею, в Тобольску на берегу реки Иртыша горел анбар Петра Мелешкина с краденым хлебом, который он из казны государевой потаенным образом за себя переводил. И над этим огнем с востоку видна была комета-звезда, имела луч свой упором на оной огонь, и дотоль стояла, пока оный краденый хлеб: рожь, овес, мука, толокно — не сгорели. И сия комета явно объявляла ярость гнева Божия на обличение татем зле собирающим.

7219 (1711)

34. § 2. Месяца генваря 23 дня солнце в великом и необычном столбе стояло с четвертого часа до шестого; 22 числа месяца был в полноте, в толстом великом и необычном столбе стоял.

7221 (1713)

35. § 2. Месяца августа в 1 день в Тобольску видена была утренняя зарница на самом верхнем севере в отдачу ночного часа, и свет от нее был наподобие азбучной литеры. Таким же образом сходила и вечерняя зарница на самом верхнем востоке, немного разнилась.

7238 (1730)

36. § 3. В месяце генваре знамение воздушное было в Тобольску во втором часу нощи: прежде явилось с востоку на запад круга по два, потом между востоком и западом посредине подошло облако и из того облака на севере светлое с переменами сияние происходило.

7240 (1732)

37. § 1. В Тобольску было знамение в солнце: обложи-лось солнце светлым кругом, над кругом же дуги две вверх рогами, а другие две вниз, по кругу же по ветрам четыре полусолнца имелись; на самом же солнце два копия свет-лы, вверх простирающиеся, нарознь склонением, и просе-кающе круг, под копиями же подле солнца по обе стороны его, две звезды видены были. Стояло со второго часа до чет-вертого.

7244 (1736)

38. § 2. Видены были в Тобольску столбы огненные⁷⁴ с северу на восток, шли генваря с 30-го марта по 1-е число, по три ночи было.

7249 (1741)

39. § 1. Месяца июля 7 дня, в пятом часу дни, воздуш-ное знамение было в Тобольску: все небо было чисто и вне-запу как гром грянул, или из пушки выстрелило. Когда люди смотреть стали, виден был огонь пологий и наподобие молнии снизу вверх протянувшийся, и сверху как неболь-шой дымчатый облак стал, и из него так частою стрельбою палило, или так гремело чрез минуту. И по малом времени оного облака не стало.

7251 (1743)

40. § 1. Месяца июля 8 дня в Тобольску в час ночи нанесло с западу облаки темные с великим громом и дож-дем. И был вихрь столь велик, что поколебало все строения и с домов крыши снесло. И страх немалый был от прежес-токого грому и от молнии.

7260 (1752)

41. § 1. Месяца генваря 8 дня в Тобольску было воз-душное явление за час до свету: свет багровой с полосами белыми виден был на севере, склонно на запад. Стояло с час и потухло.

Тобольск в дни воцарения императора Николая Павловича (По архивным сведениям)

Известие о смерти императора Александра Павловича в Таганроге 19 ноября 1825 года получено было в Тобольске на двадцать второй день с нарочным курьером: указ сената об этом доставлен был губернатору Д.Н. Бантыш-Каменскому 10 декабря* в 5 часов утра, а чрез какой-нибудь час город уже знал о печальном событии.

Необходимо заметить, что Тобольск, епархия которого обнимала тогда весь громадный район Западной Сибири, оставался в это время без архиерея; назначенный вместо умершего в феврале 1825 года преосвященного Амвросия на тобольскую кафедру псковский архиепископ Евгений прибыть в место нового служения еще не успел, а потому руководство епархиальными делами сосредоточивалось всецело на духовной консистории**. Этим обстоятельством и объясняются те недоразумения, которые, как увидим, имели место при исполнении губернатором сенатского указа о кончине императора.

По случаю раннего времени в час получения указа занятия в присутственных местах еще не начинались, и губернатор Бантыш-Каменский, передав нужные к исполне-

* В Варшаве, где пребывал Великий Князь Константин Павлович, это известие получено было из Таганрога 25 ноября в 7 час. вечера; в Петербурге — 27-го, во время молебствия о здравии императора; в Москве — 29 ноября вечером. — Восшествие на престол императора Николая V/Сост. бар. Корф. Спб., 1857. С. 34, 47, 48, 65.

** В это же время в делах Тобольской консистории царило ужасающее запущение, довольно сказать, что «нераспечатанные конверты бросались в два или три короба, стоявших в зале присутствия, и таких конвертов к приезду преосвященного Евгения накопилось до 2000. — Прот. А. Сулоцкий. Архиепископ Евгений Казанцев как архипаст, тобольский//Странник. 1872, апр. С. 25.

нию указа распоряжения словесно полицмейстеру, поступил таким же образом и в отношении духовного ведомства, лично предложив благочинному городских церквей протоиерею Петру Карпинскому немедленно собрать в кафедральном соборе городское духовенство.

Несмотря на то, что это было в простой, не праздничный день (четверг), унылый одиночный звон колокола скоро привлек в собор массы народа. К 8 часам утра туда собралось уже городское духовенство, и явились все местные власти, в числе которых во главе с председателем губернского правления Жуковским были: председатель казенной палаты Пасынке, председатель губернского суда Кукуранов, губернский прокурор Криднер, инспектор врачебной управы Альберт, почт-директор Миллер, директор сухопутных сообщений Елин, начальник дивизии полковник Скерлетов и другие. Вскоре прибыл в собор и сам губернатор. С приездом последнего из круга чинов выделился губернский прокурор и начал чтение печального указа.

Содержание указа было весьма кратко и заключало в себе дословно следующее: «В общем собрании Правительствующего Сената С.-Петербургских департаментов г. министр юстиции объявил горестное известие, что Его Императорское Величество, Государь Император Александр Павлович, по власти Всевышнего после тяжелой болезни в Таганроге 19-го сего ноября скончался. Правительствующий Сенат, в общем собрании, учинив присягу на верность подданства законному наследнику Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу, приказали: о сем повсеместно обнародовать печатными указами»*.

После прочтения указа все бывшие в соборе чины кафедральным протоиереем В.Ф. Капустиным были приведены к присяге на верность подданства новому императору Константину Павловичу, а затем в соборе было отправлено торжественное молебствие.

* Далее следовали обыкновенные при каждой присяге распорядительные статьи. В приложенной к указу форме клятвенного обещания, несмотря на коренной закон 1797 года, определявший в точности порядок престолонаследия, оставалось выражение, которое включено было в форму присяги при императоре Александре: «И наследнику престола, который назначен будет».

Все это исполнялось по личному распоряжению Бантыш-Каменского и отзывалось чрезмерной спешностью, благодаря которой тот же губернатор, отбывая из собора, снова обратился к протоиерею Карпинскому, прося его распорядиться о производстве по церквам трехдневного звона. Но, не имея на это распоряжения своего непосредственного начальства, о. Карпинский затруднился исполнением требования губернатора и, отправившись из собора в консисторию, заявил о нем на усмотрение членов. Имея в виду, что по происшедшему событию не имелось еще распоряжений святейшего синода, а в объявленном прокурором указе о принятии сенатом присяги новому государю порядка торжества в данном случае не определялось, желание Бантыш-Каменского затруднились, разумеется, исполнить и члены консистории.

Чрез короткое время губернатор, не слыша звона, лично отправился в консисторию и, войдя в присутствие, повторил неисполненное благочинным требование.

— Затрудняемся в этом случае, — доложил ему старший из членов, — так как не имеем указа св. синода; кроме того, не получили же об этом письменного сообщения и от вашего превосходительства.

— Я сам здесь и об этом вам объявляю! — возразил с досадой Бантыш-Каменский.

— Но по важности предмета получение от вашего превосходительства письменного извещения представлялось бы в этом случае совершенно необходимым.

— Консистория, если нужно, может составить со слов моих журнал! — снова возразил не разделявший возражений губернатор и отбыл из присутствия.

Все это, однако ж, не рассеяло затруднения членов консистории. Распоряжения о производстве по церквам звона сделано не было и, как оказалось после, вполне основательно, с чем, видимо, согласился и сам губернатор.

Чрез час после этого консисторией получено было сообщение губернского правления (№ 23949), передававшее содержание сенатского указа, а несколько позднее — собственноручное письмо Бантыш-Каменского с двумя приложениями.

Не напоминая уже консистории о производстве звона, губернатор писал: «По случаю полученного мною сего числа горестного известия о кончине Всемилостивейшего Госу-

даря нашего, препровождая в оную консисторию печатный экземпляр указа Правительствующего Сената и присяги, покорнейше прошу распорядиться о приведении по церквям к присяге на верноподданство Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу здешних граждан и об отправлении в соборе панихиды по усопшем Государе 12 числа сего месяца».

По этим сообщениям консисториею в тот же день сделано было распоряжение о приводе к присяге городского населения и отправлении в 12-е число, приходившееся на субботу, панихиды по в бозе почившем государе. В указе консистории благочинному Карпинскому требовалось, чтобы привод к присяге был сделан при городских церквях «при чиновниках со светской стороны». От того же числа консисториею были разосланы указы и по епархии. Как даваемые до получения распоряжения св. синода, указы эти были довольно кратки, в них давалось лишь «знать к сведению и должному в потребном случае исполнению» о кончине государя, приводе к присяге населения Тобольска на верноподданство новому императору, а также и назначении при тобольских церквях панихид по усопшему государю, причем консистория рекомендовала духовным правлениям, монастырским настоятелям и благочинным, непосредственно в ведении ее состоящим, «до получения из св. синода распорядительного указа во всех соборах, церквях и монастырях, в священнослужениях на ектениях и в прочих местах, где следует по уставу возносить имя Государя Императора Константина Павловича».

Привод к присяге населения Тобольска на верноподданство новому государю продолжался с 11—13 числа декабря; 12-го же числа в кафедральном соборе, Знаменском монастыре и приходских церквях после литургии были отправлены панихиды по покойном государе, причем на панихиде в соборе были в полном составе все местные власти.

Наконец, с пришедшею утром 17 декабря, т.е. ровно чрез неделю после первого известия, московской почтою получен был и ожидаемый указ св. синода. Этим указом (27 ноября № 7784), адресованным на имя преосвященного архиепископа Евгения и вскрытым консисториею, требовалось «в день же получения, сделав сношение с светскими

правительствами и при собрании в церквях народа, отправить сугубую эктению с провозглашением Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу многолетия, а потом духовным всякого чина на верность подданства Его Императорскому Величеству присягу по приложенной форме учинить и прочих к ней приводить по тому распоряжению, какое о сем со стороны гражданского начальства последовало»*.

Исполнение указа синода в той части его, которая не была исполнена при первом известии о кончине императора, последовало в кафедральном соборе того же дня, от того же числа консисториею были разосланы указы, передавшие содержание распоряжения синода и по епархии, хотя все это по времени было уже и ненужным и лишним.

При старых путях сообщения и неимении в то время телеграфа в Тобольске никто, разумеется, не мог не только знать, но и предполагать, что день получения указа св. синода о восшествии на престол Великого Князя Константина Павловича был уже пятым днем царствования Государя Императора Николая Павловича. Известно, что после положительного отречения от престола Великого Князя Константина Павловича проект манифеста о вступлении на престол августейшего брата его Николая Павловича был изготовлен Сперанским к вечеру 12 декабря. Государь, одоблив его с некоторыми исправлениями, продолжал сохранять дело в тайне до ожидаемого приезда из Варшавы Великого Князя Михаила Павловича и потому переписку манифеста поручил личному надзору князя А.Н. Голицина. Проект был переписан в ночь с 12 на 13-е число доверенным чиновником князя Поповым в кабинете князя со строгим запрещением всякой огласки. Подписав манифест утром 13 декабря, государь поместил его 12-м числом, как днем, решившим дело окончательным отречением цесаревича Константина от престола**. По тем же причинам никто из сибиряков не мог знать и того, что ко времени получения указа синода была уже окончательно прекращена вспыхнувшая на Сенатской площади 14 декабря дерзкая вспышка бунта декабристов; что же касается Тобольска, то здесь об этих событиях узнали только в

* Дело архива Тобольской духовной консистории 1825 г. № 378.

** Корф. С. 105.

последние дни пред праздниками Рождества Христова, да и то по частным письмам о случившемся, полученным некоторыми начальствующими лицами от петербургских знакомых.

Истинное положение дела раскрылось уже на второй день праздника — 26 декабря; в 7 часов этого числа духовной консисторией получен был на имя преосвященного новый указ св. синода от 14 декабря (№ 8425) с известным манифестом о восшествии на престол государя императора Николая Павловича*.

В полученном манифесте, между прочим, говорилось:

«Когда известие о плачевном событии в 27 день ноября месяца до Нас достигло, в самый первый час скорби и рыдания Мы, укрепляясь духом для исполнения долга священного и следуя движению сердца, принесли присягу верности старейшему брату Нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, наследнику Престола Всероссийского.

По совершении сего священного долга известились Мы от Государственного Совета, что в 15 день октября 1823 года предъявлен оному за печатью покойного Государя Императора конверт с таковою на оном собственноручною Его Величества надписью: «Хранить в Государственном Совете до Моего востребования, а в случае Моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании»; что сие Высочайшее повеление Государственным Советом исполнено и в оном конверте найдено: 1) письмо Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича к покойному Государю Императору от 14 генваря 1822 года, в коем Его Высочество отрекается от наследия Престола по праву первородства ему принадлежавшего; 2) Манифест в 16 день августа 1823 года, собственноручным Его Императорского Величества подписанием утвержденный, в коем Государь Император, изъявляя Свое согласие на отречение Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, признает наследником Нас, яко по нем старейшего и по коренному закону к наследию ближайшего. Вместе с сим донесено Нам было, что таковые же акты с тою же надписью хранятся в Правительствующем Сенате, Святейшем Синоде и в Московском Успенском Соборе.

* То же архивное дело. № 378.

Сведения сии не могли переменить принятой Нами меры. Мы в актах сих видели отречение Его Высочества, при жизни Государя Императора учиненное и согласиём Его Величества утвержденное, но не желали и не имели права сие отречение, в свое время всенародно не объявленное и в закон не обращенное, признавать навсегда невозвратным. Сим желали Мы утвердить уважение Наше к первому коренному отечественному закону о непоколебимости в порядке наследия Престола. И вследствие того, пребывая верными присяге, Нами данной, Мы настояли, чтоб и все государство последовало Нашему примеру.

Между тем горестное известие о кончине Государя Императора достигло в Варшаву прямо из Таганрога 25 ноября, двумя днями прежде, нежели сюда. Пребывая непоколебимо в намерении своем, Государь Цесаревич и Великий Князь Константин Павлович на другой же день, от 26 ноября, признал за благо снова утвердить оное двумя актами».

Затем после объяснения существа этих актов и дальнейшего хода событий по окончательному изъяснению Великим Князем Константином Павловичем непоколебимой и невозвратной своей воли, манифест повелевал: 1) присягу в верности подданства учинить Государю Императору Николаю Павловичу и наследнику, Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Александру Николаевичу и 2) время вступления Его Величества на престол считать с 19 ноября 1825 года.

К манифесту было приложено несколько актов, объяснявшим обстоятельства дела по отречению от престола Великого Князя Константина Павловича*.

В Сибири, как известно, не появлялось и тени прикосновенности кого-либо к темному эпизоду декабристов, но когда начат был привод населения к присяге на верноподданство императору Николаю Павловичу, в народных массах, мало понимавших истинное значение и смысл подробного манифеста о добровольном отречении от престола цесаревича Константина Павловича, невольно возникали вопросы: «куда ж девался царь Константин?», «отчего он не хочет царствовать?» и т.п. Однако ж после обстоятельных толкований манифеста духовенством эти невинные вопро-

* Корф. С. 106—111.

сы затихали*. Общее же настроение умов за эти тревожные дни на нашей отдаленной окраине лучше всего рисует обмен между собою мыслями высших представителей тогдашней сибирской администрации — генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича и преосвященного Евгения, архиепископа Тобольского и Сибирского, прибывшего в Тобольск 30 декабря 1825 года**, чем мы и закончим свою краткую заметку.

«Сибирь наша молитвами вашими, преосвященный владыко, Богу благодарение, остается покойною, — писал генерал Капцевич 15 января 1826 года. — По сие время не слышу я никаких противу покорных толков от крамолы и по слабому заключению моему, кажется, их не будет. В Сибири нет дворянства, а без ево нет общего мнения, как это при теперешних обстоятельствах хорошо. Одно удивление между народом существует — это то, что скорая перемена с Императором сделалась. Мне бы казалось, что в сем разе ближе всего внушить и ясно вразумить крестьян почтенным священникам в деревнях и селах, растолковать просто акт отречения Цесаревича, вразумить ту сильную и святую дружбу между Царской Фамилией и проч., и проч.».

К рекомендуемой этим сообщением мере преосвященный архиепископ Евгений отнесся, однако ж, с крайней осторожностью.

«Почтеннейшее отношение вашего высокопревосходительства», — отвечал он Капцевичу 24-го того же января,

* Во всей Западной Сибири был один случай дерзкого упорства и отказа от присяги императору Николаю, оказанный рядовым Усть-каменогорского гарнизонного батальона Аксеном Семеновым. По докладе об этом государю было поведено: «Прогнать его сквозь строй чрез тысячу человек раз и оставить на службе с тем, если после сего он еще поупорствует, тогда донести». Но и после наказания Семенов остался в упорстве непреклонным. Во второй раз Государем было поведено: «Послать его прежде в монастырь, не пожелает ли раскаяться по духовному увещанию; буде же в продолжение полугода такового не окажет и по лекарскому свидетельству признан будет в полном уме, то отправить его в Нерчинские рудники». Однако ж отданный для увещания в Томский Алексеевский монастырь Семенов продолжал оставаться неизменным противником присяги новому Государю. Чем кончилась судьба его — неизвестно. — Дело архива Тоб. коне. 1827 г. № 104.

** На пути из Пскова в Тобольск преосвященный Евгений лично присягал новому императору два раза: 2 декабря в Москве — Константину Павловичу и 23 декабря в Перми — Николаю Павловичу. (Странник. 1822. С. 17, 18).

— чтобы чрез священников внушать народу совершенно добровольное Великого Князя Цесаревича отречение от престола и царствующее в Императорской Фамилии согласие, я имел честь 21 сего генваря получить с сердечным уважением и готовностью с моей стороны немедля разослать извлечения из тех приложений, кои присланы при Высочайшем о восшествии на престол манифесте, как объясняющие обстоятельно мирный ход дела. Но как незадолго пред сим из св. синода получен мною указ — разослать по всем церквам самые сии манифесты и приложения, кои каждую почту и получаютя нами печатные и рассылаются немедля по церквам: то уже нахожу себя в необходимости удержаться от каких-либо с моей стороны пояснений или извлечений, а только присовокупил, чтобы священники по сим документам объясняли и внушали недоумевающим прихожанам истинный ход сего дела»*.

* Дело архива Тоб. консистории 1826 г. № 431.

Находка ружья покорителя Сибири

Недавно в «Новом времени» помещено письмо А.В. Арсеньева, извещающее, что в Петербурге оказывается ружье, принадлежавшее будто бы нашему славному Ермаку. Хотя письмо это и довольно кратко, но достаточно для того, чтобы по сведениям его коснуться значения упомянутой достопримечательной находки с исторической стороны. Это и сделаем мы в настоящей заметке.

«На днях мне пришлось видеть древнее ружье, — пишет г. Арсеньев, — которое по надписям, сохранившимся на нем, и по году, вырезанному на тяжелом полторааршинном стволе должно было принадлежать знаменитому покорителю Сибири Ермаку Тимофеевичу. Надпись древнего начертания букв, полусъеденная ржавчиной, гласит: «Ермак Тимофеевич атаман казачей», год ЗПО, т.е. от сотворения мира 7089, а от Рожд. Христ. 1581. Сибирь была покорена год спустя, в 1582 году, следовательно, ружье с надписью могло быть подарено Ермаку или казаками, или именитыми людьми Строгановыми, снарядившими его на завоевание сибирского царя Кучума. Ружье, по словам настоящего владельца его, было куплено им несколько лет назад в Пермской губернии от лесника, который, приспособляя его для боя волков, варварски положил древний дальнобойный ствол на ложе новейшего образца и переменял кремневый курок на пистонный. В таком виде ружье сохраняется и теперь, хотя древний кремневый, весьма любопытный курок, тоже с надписями, сохранился и находится при ружье привязанным»*.

Описываемая г. Арсеньевым находка прежде всего вызывает на ознакомление с тем вооружением, какое имели Ермак и дружина его, отправляясь от Строгановых в поход

* Новое время. 1891. № 5430.

ды за Урал. Известно, что современное тем походам вооружение русского войска было самой слабой стороной его и состояло только из саадака и сабли, и что для военных действий тогда брались лишь лук со стрелами да меч и редко небольшие копья или кинжалы, а вооружение пищальями или самопалами было только в меньшинстве детей боярских среди массы, вовсе не имевшей огнестрельного оружия*. Между тем завоеватель Сибири, благодаря помощи Строгановых, располагал значительными запасами вооружения и имел достаточный по времени комплект воинских принадлежностей. У него были и пушки, и ружья, были знамена, были барабаны, сиповки, литавры и трубы, словом, полная полевая музыка. Так, по крайней мере, передают сибирские летописи** и история***; в бумагах же Строгановых сохранилось сведение, что данные ими Ермаку боевые и съестные припасы по тогдашним ценам простирались до 20000 руб.**** — цифры, составлявшей в конце XVI века большое богатство. Поэтому несомненно, что у Ермака был не мал запас и огнестрельного оружия, и нельзя думать, чтобы истекшие три века уничтожили его без остатка.

Таким образом, в принадлежности покорителю Сибири ружья, открытого г. Арсеньевым, ничего невероятного не представляется. Странно только то, что ружье это оказывается вдалеке от места подвигов храброго атамана. Но как кому, а нам, сибирякам, не странно и это. Дело в том, что равнодушная к своему прошлому Сибирь почти ничего не сберегла из тех достопримечательностей, которые напоминали бы краю о воинских доблестях завоевателя его. Не лишне сказать, что мы не имеем даже ни одного из тех успехов Ермака, которые даны были ему по взятии Сибири в подарок от царя Грозного⁷⁵. Знаем только, что после трагической кончины героя два массивных стальных панциря с золотыми орлами и разными украшениями стали собственностью татарского мурзы Кайдаулова и остяцкого князя Алачи, а дорогие кафтан и сабля с поясом достались

* *Середонина А. Н.* Известия о вооружен, силах Москов. государства. Спб., 1891. С. 32.

** Строгановская в прил. к «Покор. Сибири» Небольсина 1849 г., гл. XI; Сибирская (Кунгур.). Изд. Зоста, 1880. С. 6, 11 и др.

*** *Миллер.* Опис. Сибир. Царства. 1750. Гл. 2, §§ 33 и 35.

**** *Щитонко.* Пермск. летопись. 1881. Кн. 1. С. 76 и 79.

татарским же князю Сейдяку и мурзе Караче*. Хотя со временем, в 1651 году, по грамоте царя Алексея Михайловича один из панцирей и был отобран у Кайдаулова, но не для памяти о покорителе Сибири, а в подарок чжунгарскому тайше Аблаю**⁷⁶. Нельзя, однако ж, не заметить, что первые поколения сибиряков сравнительно с последующими к памяти достославного мужа были внимательнее. За это говорит цель учреждения в Тобольске в 1796—1798 гг. артиллерийского арсенала. «В этом арсенале, — писал в 1797 году строитель его подполковник фон Кремер тобольскому губернатору Толстому, — содержаться будет особой дирекции немалое число артиллерии и разного звания оружия, а дабы подлежащим распоряжением дать оному лучший вид, нужно по примеру с-петербургского и чужестранных арсеналов разного рода древних военно-действующих орудий, как то: пушек, панцирей, кольчуг, ружей, бердышей, сабель, шпаг и тому подобных, каковые уповательно в пространстве Сибири по владении хана Кучума и татарских князей еще находятся и, может быть, без всякого уважения в крепостях и городах ныне содержатся». По этому извещению, как по городам и уездам, так и в крепостях и форпостах, а частью и у частных лиц делались разыскания древних воинских принадлежностей***, и есть указания, что в новый арсенал между многим другим собраны были и «некоторые вещи от похода Ермака, как то: кольчуги, пищали и другие тогдашних времен военные снаряды»****; там же, между многим другим, хранились и два главных знамени, осенявшие Ермаку пути к Сибири*****. Но где все это теперь — мы не знаем. Некоторые из тоболяков помнят еще, как из бывшего арсенала продавались с аукциона какие-то старые негодные орудия, как после того исчезли окружавшие арсенал чугунные солдаты в треугольных шляпах и обмундировке павловского времени и как затем разламывалось по ветхости никогда не ремонтировавшееся каменное хранилище древностей, стоявшее в нагорной части города против Никольской церкви. Поэтому легко могло

* *Миллер.* 3, § 68.

** Тобол, губ. ведом. 1866. № 21.

*** Тобол, губ. ведом. 1861. № 1.

**** Сибирск. вестник. 1818. Ч. 1. С. 14.

***** Тобол, губ. ведом. 1866. № 19.

быть, что и открытое г. Арсеньевым ружье попало в бесцеремонную переделку пермского лесника, а затем выпущено на дальнейшие мытарства из той коллекции древних оружий, какая обречена была при упомянутом арсенале на жертву аукциона. Не подлежит, однако ж, сомнению, что многое из воинских принадлежностей Ермака цело и теперь, но остается в неизвестности; так, например, покойный Н.А. Абрамов в 1852 году видел в Тюмени при городовом волосатном правлении четыре затинные пищали, считающиеся принадлежностью Ермака*; в С.-Петербургском музее графа Строганова, по сообщениям А. Ефимова и Н. Воронихина, хранится пищаль, наводящая, впрочем, сомнение в древности своей годом современного летосчисления, с такой надписью: «При реке Каме в городе Кергедан я Максим сын Якова Аникиева Строгонов дарю тебе атаману Ермаку в лето от воплощения же Бога Слова f АФПА»**.

Само собой разумеется, что отзыв о подлинности ружья, открытого г. Арсеньевым, принадлежит археологам, хотя по приведенным данным о судьбе воинских принадлежностей Ермака и нет поводов сомневаться в той подлинности. Очень жаль, что г. Арсеньев не сообщает ни точного описания конструкции ружья, ни тех надписей, которые заключаются на кремневом курке его, и, наконец, ни того, вероятно, несложного обстоятельства, по которому владельцем ружья вместо знаменитого воина оказался пермский лесник. Все это в связи, во-первых, с древностью писания на стволе ружья, а во-вторых, с показанием года на нем по допетровскому летосчислению облегчило бы решающее слово об этой древности со стороны археологов. В пополнение сведений г. Арсеньева необходимо заметить еще и то, что, судя по году ружья, его вовсе нельзя считать личным подарком Строгановых Ермаку: в 1581 году, означенном на ружье, ни Ермака, ни дружины его в вотчинах именитых людей уже не было, да и Сибирь покорена была не в 1582 году, как думает г. Арсеньев, а годом ранее. Но это вероятность принадлежности Ермаку ружья не уменьшает. Едва ли кто будет отвергать, что с уходом в Сибирь покоритель ее, оставаясь там до смерти (5 августа 1584 г.), прекратил всякие

* Тобол, губ. ведом. 1864. № 45.

** Новое время. 1891. №№ 5431, 5433.

сношения с близкими ему Строгановыми, и что последние не продолжали снабжения его боевыми припасами и после оставления им вотчин их. Таким образом, вернее будет считать помянутое ружье уцелевшим из тех пособий, какие делались Строгановыми Ермаку во время завоевания Сибири. К этому нелишне прибавить, что ружейная фабрикация в вотчинах Строгановых началась задолго до появления Ермака. По крайней мере, в царской грамоте, данной Григорию Строганову в 1564 году об укреплении городков Канкора и Кергедана, уже говорилось: «...а в обеих городках велел еси ему собою ж наряд скорострелной, пушечки и пищали затинные и ручницы сделати незаписным мастером, которых себе Григорей приговорит из найму, и у себя тот наряд дрѣжати»*.

Но закончим сообщение г. Арсеньева. «Владелец ружья, скоро уезжающий из Петербурга, продает его, и если подлинность этого ружья подтвердится людьми, сведущими в археологии, то русским арсеналам и музеям представляется возможность приобрести русскую историческую драгоценность большой важности и интереса. Имя Ермака для России бессмертно, а его ружье, приобретшее нам обширную территорию азиатской России, должно занять в музеях почетное место. Ружье можно видеть на Пушкинской улице, д. № 1, у Н.П. Карева».

Нельзя не пожелать, чтобы наши археологи не замедлили утвердить подлинность ружья. Во всяком случае оно должно быть принадлежностью места боевых подвигов сибирского Пизарро. Юный Тобольский музей, воздвигнутый при памятнике герою и среди тех исторических утесов Алафейской горы, по которым разносился гул этого ружья и где знаменитый атаман решал судьбу Кучумова царства, несомненно имеет первое право на хранение этой древности.

* Допол. к акт. историч. 1846. Т. 1. Ст. 171.

Святые ворота в старом Тобольске 1686—1759

Над прошлым Сибири в отношении городов ее, словно меч Дамокла, тяготел какой-то неумолимый рок истребления всего создаваемого русскими колонизаторами. Беспощаднее всего это истребление шло в старом Тобольске. Пожары прадеда сибирских городов могут составить целую летопись огненных разгромов. С лица земли стирались без остатка не только деревянные городские постройки, но и появлявшиеся позднее строения каменные. Можно бы думать, что при стихийных разрушениях старым сибирякам следовало научиться берегать хотя бы уцелевшую от пожаров старину, но, к сожалению, этой черты в общественной жизни наших предков почти не проявлялось. Напротив, по записям летописцев мы знаем, что несмотря на частые пожары Тобольска, уничтожавшие не один раз его кремль и другие лучшие части города, здесь мало сберегаемо было и из того, что оставалось целым от огня. Благодаря этому, некоторые из памятников прежнего каменного зодчества разбирались только по одной непрочности своих фундаментов. В этих случаях бесцеремонных разрушителей мысль нового восстановления разрушаемого посещала весьма редко. В числе подобных памятников иногда уничтожались даже церкви, от которых не оставлялось не только камня на камне, но и следа, по которому бы теперь можно было знать хотя места, где существовала эта священная старина.

Благодаря сохранившемуся от пожаров архивному делу в связи с отрывочными сведениями сибирских летописей, мы имеем возможность дать в настоящей статье краткий очерк одного из упомянутых памятников старого каменного зодчества и ознакомиться с обстоятельствами его уничтожения.

Это — Святые ворота с бывшею на них церковью Сергия Радонежского, существовавшие в Тобольском кремле около здания Софийско-Успенского летнего собора.

По «Летописи Сибирской» Черепанова, Святые ворота с церковью их были заложены на софийском дворе Сибирским и Тобольским митрополитом Павлом I в 1686 году одновременно со стенами и башнями кругом всего двора архиерейского*; в более же поздних сведениях это известие передается с некоторыми дополнениями, первоисточников которых, однако ж, не указано: так, по словам протоиерея Сулоцкого, каменная Сергиевская церковь на Святых воротах заложена была вместо такой же (т.е. того же имени) деревянной одновременно со старым архиерейским домом, оградой вокруг него и с башнями**; по замечанию же другого исследователя Абрамова, сначала заложена была со всех сторон Софийского собора каменная ограда вышиною в 2 сажени, с шестью башнями и Святыми воротами, а впоследствии, по устройстве этих ворот, над ними сооружена церковь преподобного Сергия Радонежского***. Но приводя эти известия, мы не можем не сомневаться в полной их точности, особенно же в отношении одновременного строения Святых ворот с архиерейским домом. Существует другая летопись, значительно древнее летописи Черепанова, под названием «Сибирского летописца», не бывшая известною ни книжнику Черепанову, ни названным исследователям, по которой дело строения Святых ворот передается несколько иначе. Прежде всего из этой летописи видно, что первая деревянная Сергиевская церковь до времени заложения Святых ворот просуществовала немного более восьми лет. Она заложена была 6 июля 1678 года и освящена 23 сентября 1680 года****.

* Летопись Сибирская: Список Тобольск, музея. С. 294.

** Сулоцкий. Описание краткое всех церквей, существ, в г. Тобольске, и пространное Тобольского Софийского собора. М., 1852. С. 15.

*** Абрамов. Павел Первый митрополит Сибирский и Тобольский//Странник. 1867, окт. С. 28. См. также: Изв. Археологии, общества. 1868. Т. VI. С. 83.

**** Сибирский летописец. Тобольск, 1892. С. 27. — Эта летопись в первый раз была напечатана в «Север. Архиве» 1826 г. Т. XIX. № 12. С. 109—139; № 3. С. 221—251). Не без ошибок, однако ж, и эта летопись: открытие мощей св. Сергия Радонежского, в память которого заложена была деревянная Сергиевская церковь, воспоминается не 6, а 5 июля, представление же святого, ко дню которого должно было приурочиться освящение церкви, воспоминается не 23, а 25 сентября.

Далее по той же летописи архиерейский дом, или «палаты каменные» заложены были на софийском дворе в 1678 году, т.е. восемью же годами ранее заложения Святых ворот; окончательная же постройка архиерейского дома была совершена в 1681 г.*. Засим в той же летописи говорится, что Святые ворота с церковью их были освящены в 1688 г.** и, таким образом, строились два года. Из сказанного очевидно, что приведенные выше сведения Сулоцкого и Абрамова не будут сомнительны только при том условии, если считать, что одновременно с архиерейским домом была заложена не вторая каменная, а первая деревянная Сергиевская церковь.

По какому поводу состоялась постройка Святых ворот с церковью — неизвестно, но несомненно, что примером для своего существования это сооружение имело тот древний обычай устройства на воротах церквей, который встречался иногда в первых сооружениях храмов по введении христианства на Руси. В Киеве, например, в числе древнейших построек сохранились до настоящего времени Золотые ворота, сооруженные великим князем Ярославом в первой половине XI века. Заложив новый великий город к югу от первоначального старого Киева, Ярослав обвел его земляным валом с крепкими воротами, из которых главные назывались Золотыми. Они состояли из каменных высоких и толстых стен и имели вызолоченные медные двери. В верхнем ярусе этих ворот была устроена церковь Благовещения, увенчанная позолоченным куполом***. Подобные же церкви, сооруженные на воротах, существовали и в Новгороде (в Деревеницком и Бежецком монастырях****, и некоторых других городах.

По времени постройки Святые ворота Тобольского кремля принадлежат к числу первых каменных сибирских сооружений. Кстати, однако ж, заметим, что в определении времени начала каменного строительства в Сибири у нас до сего времени существуют разноречия. Некоторые из лиц,

* Там же. С. 27-28.

** Там же. С. 32.

*** Эти ворота были разрушены вместе с другими зданиями Киева во время нашествия Батыя; теперь же здание их представляет две развалины стен. — *В.М. Флоринский*. Первобытные славяне по памятникам их доисторическ. жизни//Изв. Томск, университет. Кн. 7. С. 330.

**** Извест. Археологическ. общ. 1865. Т. V. С. 43, 45.

занимавшихся исследованиями сибирских древностей, считают, что до прибытия в Тобольск 25 марта 1679 г. митрополита Павла I, известного вообще за опытного руководителя в архитектуре*, в Сибири сомневались даже в возможности строить каменные здания, но преосвященный Павел на первых же порах тобольского служения заложил вместо сгоревшего в 1677 году Софийского собора новый собор, и это сооружение было «первым каменным зданием по всей Сибири»**. Но к этому сведению, или точнее к тому, чтобы считать митрополита Павла первым вводителем в Сибири каменного строительства, а воздвигнутый им Тобольский собор первым для Сибири каменным зданием, нельзя не относиться недоверчиво. К такому заключению приводит нас другое сведение, передаваемое упомянутым же выше «Сибирским летописцем», по которому первая попытка введения в Сибири каменных построек была сделана почти за пять лет до прибытия в Тобольск митрополита Павла предместником его митрополитом Корнилием. По этому случаю одна из записей «летописца» под 1674 годом говорит: «Июля в 12 день преосвященнейший Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, поставил на своем святительском дворе палату первую каменную»***. Это первое сибирское каменное здание в большой пожар Тобольска 1687 года сгорело и вместо него на софийском дворе заложены были новые каменные палаты. Последняя постройка начата была в 1678 и окончена в 1681 году****, т.е. на два года ранее закладки митрополитом Павлом нового собора, состоявшейся 22 апреля 1683 года. Таким образом, если доверять «Сибирскому летописцу», а не доверять не находится основа-

* Есть указания, что до назначения сибирским митрополитом из архимандритов Чудовского монастыря преосвященный Павел состоял членом Патриаршего разряда и заведовал делами по постройкам церквей и монастырей. — Акты Археологическ. эксп. Т. IV. С. 290.

** Сулоцкий. Описание кратк. всех церквей... С. 11, 33. — То же говорится и в описании Тобольского собора свящ. Н. Скосырева (200-летие Тобольского кафедр. Софийско-Успенского собора. 1883. С. 4). Того же мнения, относя «начало каменного зодчества в Сибири к 1680 году», держались историк Словцов (Историч. обоз. Сибири. 2-е изд. Кн. I. С. 106, 107, 317). Щеглов (Хронолог, перечень данн. из истории Сибири. 1883. С. 128) и др. лица.

*** Сибирск. летописец. С. 23.

**** Там же. С. 27, 28.

ний, Тобольский каменный собор следует считать не первым, а уже третьим каменным зданием Сибири.

Где именно существовала первая деревянная церковь Сергия Радонежского, которую заменили Святые ворота с новой каменной церковью, сведений не сохранилось. Можно только сказать, что во время заложения Святых ворот она еще существовала и обновления или замены себя новым зданием требовать не могла. Кроме недавности постройки упомянутой церкви, это подтверждается еще и тем, что в первой Сергиевской церкви находились временно, или с пожара 1677 г., или же на время строения нового собора тела покойных сибирских архиереев Макария, Герасима и Корнилия и оставались там до освящения нового собора — 27 октября 1686 г., куда перенесены были при умиротворительных церемониях в 28—30 числах октября того же года*.

По последнему обстоятельству можно догадываться, что деревянная Сергиевская церковь существовала вблизи собора и была к нему приписною; при постройке же Святых ворот церковь эта несомненно была разобрана, чего требовала теснота места, на котором воздвигались Святые ворота.

По замечанию знатока сибирских древностей протоиерея Сулоцкого, из троих или четверых ворот архиерейского дома Святые ворота находились между нынешним летним собором, с северной стороны последнего, и старыми присутственными местами** и назывались святыми потому, что отворялись единственно для пронесения чрез них местной святыни — иконы абалакской Божией Матери***. Но это замечание верно лишь в отношении места или той небольшой площади, простиравшейся от летнего собора к Прямскому взвозу, пред которой находились Святые ворота и откуда путь к архиерейскому дому шел с западной стороны; в остальном же замечание о. Сулоцкого лишено вероятия ввиду положительного сведения историка-очевидца Миллера, заключающегося в его «Географическом описании Сибири

* Записная книга Тобольского собора//Древн. Росс. Вивлиофика. 1788. Ч. III: Записки к сибирск. истории служащие. С. 257.

** В последнее время в этом здании помещались сначала губернский архив, а позднее Тобольская экспедиция о ссыльных; теперь же оно ремонтируется для помещения в нем тюремного отделения местного губернского управления.

*** *Сулоцкий*. Описание краткое всех церквей... С. 15-16.

XVIII века», где сказано: «В митропольский дом ходят двумя воротами: одне подле соборной церкви, над которыми находится церковь Сергия Радонежского Чудотворца, и сей вход называется Святые ворота, а другие с сухого пути»*; последние же ворота, ведущие в архиерейский дом с северной стороны, назывались «Софийскими»**.

Миллер посетил Святые ворота и Сергиевскую церковь в последнее свое пребывание в Тобольске осенью 1740 г., незадолго пред возвращением в Петербург, и встретил в воротах ценную геологическую находку. К неожиданному изумлению академика в Святых воротах лежали громадные кости мамонта. Эти кости были найдены на глубине софийского двора около 1726 г., когда там по распоряжению митрополита Антония Стаховского был рыт колодезь и, вероятно, по распоряжению того же митрополита сложены были под Святыми воротами. Костей было четыре, по записи Черепанова: «одна кость видима была будто бы ножная, как берца или нижняя часть ноги, называемая голень, длиною около двух сажен, а толщиною в пропорцию ее длины, а последние три (кости) мерою меньше трех аршин и неравной длины». Ко времени осмотра Миллера кости эти отчасти уже «приодрябли». Несмотря на это, академик, испросив разрешение управления архиерейского дома (митрополита тогда не было), увез кости в Петербург и передал в Академию Наук***.

Но возвратимся к замечанию о Святых воротах о. Сулоцкого. Очень может быть, что эти ворота были пунктом исключительного следования чрез них и одной только иконы абалакской Божией Матери во время ежегодного приноса ее в Тобольск в июле месяце и за исключением этого времени, а также дней, когда в Сергиевской церкви было совершаемо богослужение, во все остальное время года стояли закрытыми, но это могло быть лишь временным установлением, и то разве в первые годы посещения Тобольска иконою, когда для процессии с нею не было еще одинаково-

* Рукопись московск. архива минист. иностр. дел, выдержки которой, касающиеся Тобольска, помещены были в «Тобол. губ. вед.» (1894. № 3; Статья *П. Бакая*. Тобольск во второй четверти XVIII в.).

** Летопись Сибирская. С. 265.

*** Там же. С. 438; См. также: *Н. Абрамов*. Антоний Стаховский, митр. Сибирский и Тобольский//Странник. 1863, янв. С. 18.

го, постоянно принятого пути*. Что же касается более поздних годов и особенно первой половины XVIII столетия, то в это время незначительная по пространству площадка между Святými воротами и Софийским собором к нынешнему Пряmsкому взвозу представляла в Тобольском кремле весьма оживленный и нередко многолюдный пункт. Площадка эта оживлялась тогда происходившими на ней первыми в Сибири театральными представлениями, начавшимися с прибытием в Тобольск 4 апреля 1702 года митрополита Филофея Лещинского. Опыты таких представлений в виде постановки на сцене древних русских мистерий, начавшихся в России со времен царя Алексея Михайловича, были вводимы митрополитом при содействии прибывших с ним из Киева духовных лиц из малороссов между учениками учрежденной тогда в Тобольске славяно-русской школы. По поводу упомянутых представлений в летописи Черепанова под 1727 годом, между прочим, говорится: «Филофей был охотник до театральных представлений, славные и богатые комедии делал, и когда должно на комедию зрителям собиратца, тогда он, владыко, в соборные колокола на собор благовест производил, а театры были между Соборною и Сергиевскою церквами к взвозу, куда народ собирался»**.

* Кстати заметить, что в первые годы принесения из Абалака в Тобольск иконы Божией Матери путь для процессии, против существующего ныне, избирался другой. В одной рукописи Абалакского монастыря между прочим говорится: 8 июля 1665 г. «пойде архиепископ со всем освященным собором... за град, за Воскресенские враты, и егда изыдоша вне града на поле... встретиша тот чудотворный образ... иде же ныне крест стоит»; о встрече же иконы в 1672 г. в той же рукописи сказано: «И стретоша архиереи и князь... за Воскресенскими враты... и проводоша ю честно со псалмы и пением до нареченного места на Крестопоклонную гору, иде же часовня стоит, якоже обычай бе». По заключению протоиерея Сулоцкого, Крестопоклонною горою, где была часовня, следует считать Панин бугор. К такому же заключению приводит и другая запись в той же рукописи под 1670 годом, когда икона по особому случаю принесена была в Тобольск 25 сентября и оставалась до 4 октября: «Посланныи изыдоша вне града Перскими враты (где ныне Никольский взвоз), за великий врат, за речку Курдюмку на поле и встретиша образ... идеже ныне крест стоит... и проидоша вышереченная градская врата и великий врат, и възыдоша на Крестопоклонную гору...» и т.д. (Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобол, епархии. Спб., 1861. С. 65). Есть указания о том же и в «Летописи Сибир.» (С. 265 и 267).

** Летоп. Сибирская. С. 418. — См. также статьи прот. Сулоцкого «Начало театра в Сибири» в «Тоб. губ. вед.» (1858. № 12) и «Семинарский

По этим сведениям, очевидно, нельзя и думать, чтобы Святые ворота, чрез которые только и возможно было пройти с западной стороны или с Прямого взвоза, где, прибавим, одновременно с театральными представлениями кипели работы пленных шведов по устройству над взвозом массивных стен с башнею и воротами, в окруженную стенами и другими зданиями ограду архиерейского дома, служили преградой для народного движения.

Начатые по инициативе преосвященного Филофея театральные представления шли с первых же лет по прибытии его в Тобольск и с этого же времени Святые ворота с их церковью начинают историю своего разрушения, несмотря на то, что ко времени Филофея (1702 г.) здание их просуществовало только шестнадцать лет. К сожалению, за неимением указаний мы не можем представить здесь перечисления всех случаев этого разрушения. Известно только то, что в первый раз церковь Святых ворот пострадала от бури. Это было в 1705 году. 8 мая этого года, в день Иоанна Богослова, как раз во время театрального представления, поднялась сильная буря и порывами ветра «сломила... с Сергиевской церкви верх весь с маковицею и крестом»; в то же время «сломило и над алтарем соборной церкви крест». Передавая это известие, летописец, видимо, не хотел отсту-

театр в старину в Тобольске» в «Чтен. в общ. истор. и Древн. Росс.» (1870. № 2). Нелишне сказать, что история сибирского театра до сего времени разработана мало. Зародыши театрального искусства, развитые митрополитом Филофеем в духовном юношестве, перешли впоследствии и в другие слои тобольского общества. Так, например, известная экспедиция Гмелина во время пребывания в Тобольске видела на Пасхе 1734 г. такое представление: на сцене были старый Адам, дьявол, выделявавший над ним разные шутики; змей-соблазнитель с яблоком; Христос с крестом и венцом, ожидавший Адама и уведший его на небо; далее представлено было получение десяти заповедей, наконец крещение, предметом которого был мнимый остяцкий князь; потом были комические выходы; наконец опять явились дьявол, старый Адам, смерть и Христос, как в начале... (Вест. Евр. 1888. № 4. С. 720 и 721. Очевидно, начало представления составляло мистерию под названием «Жалостной комедии» о грехопадении Адама, описанной в труде Пекарского «Наука и литература России при Петре Великом» (СПб., 1862. т. I. С. 402—405). Позднее в Тобольске существовал уже «оперный дом», сгоревший в последний большой пожар 1788 г. В воспоминаниях Т.П. Пассек, между прочим, упоминается, что развалины этого театра были в саду, и что около них стояло деревянное изваяние Ермака (Из дальних лет. СПб., 1879, Т. II. С. 214).

пить от понятий времени, видевших в представлениях мистерий, несмотря на то, что сюжеты их заимствовались большей частью из библейских событий, лишь одни греховные зрелища, и прибавляет: «прознаменовал Всемогуший Господь Бог гнев свой на творящих игральщища комедианская; в той же час на звозе базарном (Прямском), сажени с три горы сползло с места глади»*. Тем не менее в жизни Святых ворот нельзя не отметить одной черты, мало применимой к другим зданиям Тобольского кремля. За все время существования своего они щадились пожарами. Несмотря на то, что огонь нередко врвался в кремль внезапными ураганами и производил истребление соседних зданий, Святые ворота с их церковью оставались целыми. Из всех пожаров зданию Святых ворот были нанесены повреждения лишь одним пожаром, бывшим в сентябре 1733 года и начавшимся в архиерейском доме, когда на Софийском соборе и принадлежащих к нему зданиях сгорели главы и крыши**, но повреждения эти были незначительны.

Между тем в начале второй половины XVIII столетия, или ко времени прибытия в Тобольск последнего сибирско-

* Летопись Сибирская. С. 368. — См. также мою брошюру: Воздушные страхи Тобольска в старину. Тобольск, 1892. С. 10.

** Своеобразна была, по описанию летописца, причина этого пожара. Оказывается, что всю беду подняла мышь: «Первостатейной из певчих при архиерее служителем именем Анфим, а владыко называл его Паншею, жил близ его преосвященства в покое вместе с келейным чтецом из новокрещенных Савою Карпо-Трофимовым. И сентября на 17 число вечером, как уже во время розузки сапогов, взял он, Панша, свои туфли и, увидя, что они несколько чем-то попорчены, скликал своего товарища Саву со свечою, чтоб туфли оные осмотреть. Но как он к нем с огнем приближался, в то время из его туфля выскочила мышь и побежала чрез Крестовую палату в сени. И они за нею гнались, хотели ей ту обиду отомстить, что туфель изъела и попортила, а она, укрываясь от их поисков, по подлавки бегала и около некоторого судна пряталась, в котором находилось остального от схимонаха Феодора (митрополита Филофея) пороку более пуда. И они в таком были жару за мышью, что своею неосторожностью, с повреждением своего здоровья в порох заронили. И от того порох взорвало, и сквозь свод пламя прошиблось, в крышах учинился сильный пожар, а их, гонителей мышьих, оным сильным разом отбросило к другой стене в подлавку полумертвых и опалило им руки и лица так, что и по излечении знаки на тех местах лишаями остались. А огонь так распространился, что все крыши съедал, и оттоль на соборной церкви крышки и главы загорелись. Потом, как на ризнице и Сергиевской церкви, так и на теплом соборе, все главы и крышки пригорели». (Летопись Сибирская. С. 426-427).

го митрополита Павла Конюсевича, Святые ворота и церковь Сергия Радонежского казались уже близкими к полному разрушению.

Что же за причина?

То же самое, что отразилось вообще на многих из первых каменных сибирских строений, сооруженных за время митрополита Павла I, т.е. совершенная непрочность фундаментов, полная несоразмерность нижних сводов с тяжестью куполов и т.д., словом, неисполнение строителями самых элементарных требований архитектуры. Благодаря этим условиям некоторые здания разрушались даже во время самого строения. Так, Тобольский летний собор, сложенный довольно скоро (с небольшим в год), во всю высоту его 26 июля 1684 года обрушился. Начатые вновь работы окончены были уже чрез два года — 27 октября 1686 г. Но и это второе строение могло простоять в исправном виде только около ста лет, после чего дало осадку и потребовало исправлений, которые сделаны были в 1785 и 1786 гг. Наконец, около 1807 г. на северной стене собора образовалась трещина, начиная от фундамента вплоть до сводов, и вызвала новые исправления*. Такой же, если еще не более непрочной, постройки был и другой тобольский собор, известный под названием Троицкого, бывший в западной части кремля, в том месте, где в настоящее время находится здание сиропитательного заведения. Здание Троицкого собора, построенное при митрополите Павле I в 1690 году, за время своего существования стоило правительству очень дорого: оно было беспрестанно исправляемо то в стенах, то в сводах, то в крыше и полах, но несмотря на это, к половине XVIII столетия было уже в полуразрушении, пока после окончательных повреждений пожаром 1788 года не было совершенно разобрано**. Такой же непрочности было и здание Святых ворот с Сергиевскою церковью.

Чрез год с небольшим по прибытии в Тобольск митрополита Павла Конюсевича был возбужден вопрос о грозящей опасности от этого здания. Дело началось с «доклада»

* «Летопись Сибирская» Черепанова. С. 279, 283, 291, 292 и 293.

** Более подробная история разрушения этого собора рассказана по архивным делам в ст. *Гр. Варлакова* «Троицкий собор в Тобольске», помещенной в «Тоб. губ. вед.» (1858. № 36).

митрополиту ректора Тобольской семинарии архимандрита Михаила, эконома архиерейского дома архимандрита же Иакинфа и кафедрального протоиерея Василия Русановича. Упомянутый «доклад» сохраняется в архивном деле Тобольской духовной консистории*, и мы приводим его здесь дословно, как общую иллюстрацию старой небрежности в каменном строительстве и как документ, дающий некоторые дополнения к истории строений Тобольского собора.

В «докладе» говорилось: «Имеющиеся при тобольском архиерейском доме из давних лет каменного строения церковь во имя преподобного Сергия Чудотворца с ризничною палатою, да колокольня, от давности во многих местах весьма расселись, и из них: 1) церковь по той причине, что основана на вратах, в такой опасности состоит, что преклонна пасть, почему теми вратами и ходить крайне опасно, дабы кого в случае во оные врата преходящих падением повредить не могла; 2) в ризничной одной половине свод хотя уже напредь сего и неоднократно бывал поправляем, только зело повредился, а в другой половине ж подволоки и пол деревянные, да и те погнили, а 3) колокольня сверх же расселин низка и тесна, за которою теснотою и за невмещением большой тысячепудной колокол чрез двадцать лет стоит на столбах без звону. А все оное строение и паче к далыпему повреждению имеет следствие и впредь к большему вреду может иметь преклонность от того, что большой из-под горы взвоз и под гору выпуск в (1)751 году от светской команды для мостового строения подкопан и так близок ко оному и соборной церкви строению, что не далее дву сажен с половиной, к тому же тот подкоп дождями размывает и от поблизоного имеющееся строение во всегдашней вред приводит».

В конце «доклада» названные лица ходатайствовали пред митрополитом о перестройке тех зданий.

Несомненно, что все изложенное в приведенном «докладе» было вполне ясно и понятно как для составителей его, так и митрополита, но для нас в этом документе встречаются места, для понимания которых необходимо прибегать к догадкам. Этим «докладом» называются вопросы:

* Дело 1759 г. № 19: О разобрании при тобольском архиерейском доме обветшалых по давности строения Сергиевской церкви с ризничною палатою и колокольни каменных.

имела ли Сергиевская церковь свои особые здания ризницы и колокольни, и если не имела, то о каких зданиях под упомянутыми названиями толкует архивный документ?

Выше уже было замечено, что первая деревянная Сергиевская церковь, существовавшая около летнего собора, была к собору приписною. На том же положении, несомненно, существовала и вторая Сергиевская церковь. При таких условиях эта церковь была бесприходною, и в ней не могло быть особого причта, а совершение богослужений лежало на обязанности соборного причта. Стало быть, церковь эта могла не иметь и ни своей ризницы, и ни своей колокольни. Давая вероятие этой догадке, в связи с нею нельзя, разумеется, отвергать и того, что содержание приведенного документа, говоря об опасности, угрожающей для проходящих чрез Святые ворота близкой к падению Сергиевской церковью («по той причине, что она основана на вратах»), разумеет, безусловно, одно здание церкви. Объясняя далее о повреждениях ризничной палаты и колокольни, документ, очевидно, говорит уже о других, отдельных от Святых ворот, зданиях, принадлежащих не Сергиевской церкви, а стоящему в ряд с нею Софийскому собору; совокупное же ходатайство пред митрополитом о перестройке этих зданий вместе с Сергиевскою церковью показывает только то, что все эти здания составителями доклада считались одинаково принадлежащими собору.

Вероятность сказанного подтверждается и некоторыми другими обстоятельствами.

Во всех известных описаниях Тобольского собора не встречается никаких исторических сведений о времени постройки здания для ризницы собора, очевидно, потому, что составители описаний не имели для этого материала. Между тем здание ризницы существовало и от зданий собора и Сергиевской церкви представляло совершенно отдельное помещение. В подтверждение свидетельства на это, представляемого приведенным выше документом, существует одна запись и в летописи Черепанова, где летописец, отмечая пожар соборных зданий в 1733 г., упоминает о ризнице, как о самостоятельном здании, а именно: «как на ризнице и Сергиевской церкви, так и на теплом соборе все главы и крыши (от пожара) пригорели...»*. Все это, разумеется, следует от-

* См. сноску ** на С. 315 наст. изд.

носить не к настоящим зданиям соборной ризницы и тепло-го собора, построенным гораздо позднее к тем зданиям, кото-рые существовали во время упомянутого пожара.

Что же касается упоминаемой в «докладе» колоколь-ни, то в приведенном документе несомненно разумеется колокольня соборная, как находившаяся в весьма близ-ком расстоянии от Святых ворот. Тогдашняя колокольня собора, выстроенная годом ранее Святых ворот*, существо-вала на ограде архиерейского дома и стояла на северо-вос-ток от собора, почти подле самого старинного гостиного двора**. Она была невысокая, но широкая, так что коло-кола все висели на одном ярусе. Внизу под колоколами помещался Архиерейский приказ, переименованный при митрополите Антонии II (1742—1748) в духовную консис-торию. Так, по крайней мере, передает самое подробное из описаний Тобольского собора***. Между тем по приведен-ному «докладу» колокольня эта была так «низка и тес-на», что вовсе не могла вмещать в себе всех принадлежа-щих собору колоколов, и по этой причине самый большой колокол в 1011 п. 22 ф., привезенный в Тобольск после изготовления его на тагильских заводах Демидова 31 мая 1739 г., в течение 20 лет, или до времени возбуждения

* «Летопись Сибирская» Черепанова под 1683 и 1685 гг. С. 287, 293.

** Это здание, находившееся на южной стороне настоящей Соборной площади и представлявшее как бы преддверие Тобольского кремля с северной стороны, было построено в 1703—1705 гг. Тобольский гости-ный двор представлял в своем роде «подобие крепости» в миниатюре. По описанию летописца он «обложен был квадратно: вдоль саж. на 50, поперек саж. на 40. На четырех углах того строения поставлены (были) круглые башни, а на двух стенах его, как с восточной, так и с запад-ной стороны, проезжие ворота доспеты; на западных воротах построе-на часовня, а на восточных палаты, в которых быть Таможне назначе-но. Меж угольными башнями в стенах, которые на два апартамента подняты, в верхнем апартamente от часовни по полуденной стороне считается пятнадцать палат с наружными разборами, а по северную сторону в том же верхнем апартamente и также между часовнею и Таможною столько ж пятнадцать палат, только без разборов. В ниж-нем апартamente от ворот западных и до восточных ворот по полуден-ную сторону восемнадцать, по северной семнадцать палат, все с разбо-рами. Да притом под каждой палатой построены такие же каменные, или лучше сказать, кирпичные погреба с такими ж сводами. А дверь-ми и разборами все палаты устроены на внутреннюю сторону того стро-ения». — Там же. С. 365, 370 и 371.

*** Сулоцкий. Описание краткое всех церквей, существующих в г. То-больске... С. 70.

вопроса о перестройке колокольни, не мог быть поднят на нее и оставался «без звону»*.

Но возвратимся к судьбе приведенного выше «доклада», или тому распоряжению, какое было вызвано им со стороны митрополита Павла Конюсевича, хотя и в этом распоряжении трудно разобраться, касалось ли оно всецело здания Святых ворот с Сергиевской церковью, или же распространялось и на здания соборных ризницы и колокольни. В резолюции митрополита 7 февраля 1759 г. говорилось: «Для показанных и всем видимых опасностей, а ко укреплению нерозыскания отнюдь способности, вышеозначенное строение до основания надлежит снести. Каков под ним покажется фундамент глубиною, широтою и добротою, си есть диким ли камнем или каменною плитою, или кирпичом высовикою и безопасною известною заливкою утвержден, свидетельство под сим подписать со учинением чертежа тому бывшему фундаменту, а для предбудущего строения новой чертеж и модель устроить, и материал потребный заготовлять, дабы и впредь в лутчее безопасное и вместительное по порядку состояние было приведено».

Подробности исполнения этого распоряжения неизвестны. Архивное дело о Святых воротах и церкви их заканчивается актом, подписанным составителями первого «доклада» и «порутчиком архитектуры» Афанасием Соймоновым. Акт постановлен уже в сентябре месяце 1759 г. «по снесении вышеобъявленного ветхого строения», и в этом документе фундамент Святых ворот описан так: «глубины два аршина шесть вершков, ширины три аршина, стена два аршина с половиной, а бут непрочной затем, что сыпан самой мелкой мусор и без заливки, а битые спаи под ним все согнили»**.

Этим актом история разрушения Святых ворот с их церковью заканчивается. Вопрос о тех приготовлениях к постройке нового здания, ворот, какие указывались в резо-

* В ст. Н. Абрамова «Тобольская соборная колокольня» (Тоб. губ. вед. 1870. № 19) также неверно замечено, что колокол этот был на колокольне, куда поднимали его собравшимся народом 5 июня 1739 г. с 3-го до 9-го часа пополудни; последнее замечание летописцем изложено иначе: «На гору подымали собравшимся народом июня 5 числа с 3-го до 9-го, а как в кремль втащили, был для его звон во все колокола соборные» (Летопись Сибирская. С. 436).

** Упомянутое архив, дело (См. сноску * на С. 317 наст. изд.). С. 3.

люции митрополита Павла, скоро стал забытым. Мысль о возобновлении Сергиевской церкви была возбуждена снова уже при преемнике Павла преосвященном Варлааме I, когда началась постройка существующей ныне каменной колокольни собора. Около 1780 г., т.е. спустя 21 год по разобрании Святых врат и Сергиевской церкви, старая соборная колокольня от ветхости совершенно развалилась. Для постройки новой колокольни и особого здания для помещавшейся под ней консистории преосвященным Варлаамом исходатайствовано от казны 18000 рублей, и в 1791 году на эти деньги приступлено к постройке новой колокольни с церковью внизу во имя преподобных Афанасия Афонского и Сергия Радонежского*. Скоро этой колокольни было выкладено в вышину уже до 11 сажен, но от несоразмерности фундамента это новое массивное здание 10 июля 1792 г. во время архиерейского служения в соборе с ужаснейшим шумом и треском упало**.

При заложении новой колокольни, оконченной постройкою в 1797 году и существующей по настоящее время, проектировавшейся под нею церкви во имя Сергия Радонежского почему-то уже сооружено не было, и тогда, как в память многих из упразднившихся в Тобольске церквей, при церквях вновь строящихся были сооружаемы особые приделы; о церкви св. Сергия и своеобразном пьедестале ее — Святых воротах — не оставлено никакого воспоминания.

В заключение настоящей статьи нелишне прибавить, что Святые ворота Тобольского кремля нельзя считать единственным сооружением в этом роде в старом Тобольске. Подобные ворота и с тем же наименованием существовали и в числе зданий Тобольского Знаменского монастыря, с тою от ворот кремля разницею, что на них сооружена была не церковь, а колокольня. Монастырские ворота находились на западной стороне монастыря против Монастырской (ныне Абрамовской) речки. Когда они были воздвигнуты в

* В «Кратком показании о... воеводах и губернаторах», составленном при Тобольском архиерейском доме (Тобольск, 1792. С.27) под 1791 г., сказано: «Мая 28 начата строением каменная Софийская колокольня с церковью преподобных отец Афанасия Афонского и Сергия Радонежского».

** Сулоцкий. Описание... церквей, существующих в Тобольске... С. 16, 70, 71; Абрамов. Тобольск, соборная колокольня//Тоб. губ. вед. 1870. № 19.

первый раз — неизвестно, в течение же своего существования их два раза уничтожали пожары, после которых они снова были возобновляемы. По летописям это происходило в 1659 и 1674 годах: в первый раз, по словам одного летописца, «мая в 23 день, в вечерни... от молнии... загорелась церковь Знамения Пресвятыя Богородицы, и от тоя церкви и другая церковь теплая Трех Святителей, и колокольня на Святых вратах, и кельи, ограда, все погорели»; во второй же раз, по другой летописи, «апреля 18 дня, в 10 часу дни... Святые ворота сгорели вместе с архимандричьими кельями»*.

К сожалению, полная история этого сооружения неизвестна, знаем только, что в прошлом своем оно было пунктом некоторых важных тобольских церемоний: встречи, например, 14 августа 1711 г. высокочтимого Сибирского митрополита Иоанна Максимовича по прибытии его из Чернигова; приветствия в апреле 1740 г. монастырской братией дефилировавшего по городу в кругу гренадер при знамени, трубачах и литавщиках вестника мира с Оттоманскою портою капитана гвардии Рахманова** и т.п.

* Сибирск. летописец. С. 19; Летопись Сибирская. С. 269.

** Летопись Сибирская. С. 378 и 437.

Из тобольской старины

Нападение на полицмейстера Вабановского

Кроме тех бед, какие волею судеб суждено было выносить Тобольску в прошлом своем от частых пожаров и наводнений, старина этого города, особенно время прошедшего столетия омрачалось иногда другими, не стихийными невзгодами. Таким временем можно назвать сороковые и частью пятидесятые годы того столетия, или губернаторство генерал-майора Сухарева — те именно годы, в которые Тобольск был местом стоянки Ширванского полка.

Пребывание этого полка в Тобольске вызвано было распространявшимися слухами о намерении джунгарского владельца Гайдан-Царена открыть против Сибири военные действия. По донесению об этом сенату Сибирской губернской канцелярии 17 сентября 1744 г. было постановлено немедленно перевести в Сибирь в дополнение к местным войскам три драгунских полка и 1000 яицких казаков и занять ими форпосты по рекам Тоболу и Ишиму. В мае 1745 г. под начальством генерал-майора Киндермана двинуты были в Сибирь из крепости св. Анны пехотные полки Нотебургский и Ширванский, из Казанской губернии драгунские полки Вологоцкий и Луцкий и из Нижегородской губернии драгунский же полк Олонецкий. Между тем в начале следующего года до Тобольска дошло известие о смерти Галдан-Церена, и натянутые отношения к Джунгарии изменились. Однако ж командированные полки продолжали оставаться в Сибири по разным местам, из числа которых на долю Тобольска и выпало быть, как сказано, местом стоянки полка Ширванского.

Еще П.А. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири» оставил замечание, что «в губернаторство Сухарева тобольские жители оставались без всякой защиты от ежеднев-

ных бесчинств и наглостей, деланных нижними чинами Ширванского полка» и что «даже от тобольского полицмейстера Бабановского дважды приносилась жалоба сенату на губернатора Сухарева, которому и высылались из сената выговоры», но это замечание историка оставалось доселе полузабытым.

Изучая старину Тобольска по уцелевшим от пожаров остаткам архивных дел, мы нашли немало бумаг бывшей Тобольской полицмейстерской конторы, представляющих яркую иллюстрацию и тобольских порядков Сухаревского времени и тех невзгод, какие выносили от ширванцев не только бедные тоболяки, обязанные содержать для этих постояльцев в постоянной исправности 711 комнат, или 633 квартиры, но и сама полиция, во главе которой в то время стоял упомянутый Слозцовым капитан новопехотного батальона Марк Васильев Бабановский.

Для общей характеристики сказанного помещается ниже несколько сохранившихся бумаг полицмейстерской конторы, передающих эпизод открытого нападения тех ширванцев на полицмейстера Бабановского и некоторые подробности производившегося о том нападении следствия.

Вот эти интересные документы:

I. 1750 году, апреля 24 дня. В Тобольской полицместерской конторе стоящие в Тобольску на нижнем посаде, в рождественском приходе, близ званием Притышного мосту, у рогатки, тобольские обыватели ямщики Иван Иванов, сын Старостин, Максим Кирилов, сын Быков, Павел Софонов, Михаила Борисов, сын Кузнецов, сказали: сего-де апреля 23 числа стояли они все четыре человека по наряду определенных при оной полицы десятников к показанной рогатке для караулу и всякого смотрения, и того 23 числа пополудни, в шестом часу, ехал мимо той рогатки для разъезду и всякого смотрения и над ними, рогаточными караульщиками, тобольской полицы капитан и полицместер Марко Бабановский со определенными при оной полицы казацких полков казаками, с тремя человеками. И при той же рогатке поставлен был пикет в небытность господина генерал-майора и кавалера Киндермана — Ширванского пехотного полку солдаты, которые имелись команды капитанов Семена Колобового и Никиты Костяевского с офицерами. И в то ж время было у того пекета и у караула того Ширванского пехотного полку

солдат знатно подозрительно сборище — человек до пятидесяти и больше, из которых солдат многие были мертво пьяные. И оные солдаты напали на капитана и полицместера Марка Бабановского нагло, яко разбойники, и били смертельно. И видя они, Старостин с товарищи, что оного капитана и полицместера бьют насмерть, стали бить в трещотку и их караульных от той рогатки разгоняли и бросили в воду в речку Притыку⁷⁷ и одного из них рогаточного караульщика Кузнецова, схватя, бросили о землю и едва стал жив и помощи никакой учинить им тому полицместеру Бабановскому было невозможно. И в сей сказке сказали всю сущую правду и ничего не утаили. *К сей сказке вместо тобольских емищиков Ивана Старостина, Максима Быкова их прошением тобольский разночинец Яков Иванов, сын Улыбин, руку приложил. К сей сказке вместо ямщиков Павла Сафонова, Михала Кузнецова их прошением тобольский посадский Василий Толстихин подписался.*

П. Ко учрежденному следствию. Тобольской полицместерской конторы от полицместера капитана Марка Бабановского известие. Понеже в поданном в Сибирскую губернскую канцелярию сего апреля 24 числа прошении, жена моя Ирина, Иванова дочь, в наглом на меня нападении Ширванского пехотного полка солдат и в бое меня насмерть написала кратко, ибо я в то время от сильного смертельного бою был в беспмятстве, а ныне, чрез четыре дни после тех побои, пришел я в память и об оном наглом злодейском на меня нападении объявляю следующее. Как сего апреля 23 числа ездил я в городе Тобольску по улицам по должности моей в силу Ее Императорского Величества указов для разъезда и всякого смотрения, и во исходе шестого часа пополудни, будучи на нижнем посаде, в Христорождественском приходе, у Притышного мосту, где имеется рогатка и определенный при ней обывательский караул — четыре человека, притом же имелся в близости от команды Ширванского пехотного полка пикет, и, не доезжая вышепоказанного пикета и рогатки, впример, расстоянием саженьх двух, повстречався со мной означенного Ширванского полку солдат, а как его зовут и по прозванию, не знаю, токмо в лицо признать могу, и подошед к моей коляске, остановя, назвал меня именем и по отчеству и притом говорил: «Христос воскресе», против чего и я ему отвечивал, что «воистину воскресе», и

по обычаю христианскому с ним поцеловался, а потом оной солдат пошел за коляскою моею. И минуя мало с того места, повстречался мне того ж полку еще солдат пьяный, а как его зовут и прозванием, тако ж и в лицо — знать уже не могу, и, незнаемо за что, стал меня бранить матерно и ругал всячески неподобными словами. И для того я бывшему на пикете часовому солдату стал говорить, за что меня такой солдат бранит безвинно и, напротив того, и означенный часовой неведомо за что, избралил меня матерно ж, и говорил: «У меня-де пикетных солдат никого нет». Притом же случилось быть реченного Ширванского полку солдат еще человек до пятидесят и более, в коем их собрании несколько тех солдат было пьяных и многие из них бранили меня всякими ж непотребными словами и, остановя коляску мою, не пропускали. И видя я их умышленное на меня злодейское нападение, выступя из коляски своей, усмотрел, что идет мне встречу того ж полку унтер-офицер без шпаги, который мне весьма знаем, точию об имени его и о прозвании сказать не могу, которому я стал говорить, что за что из предписанных солдат часовой и протчие напрасно бранят меня и поносят честь офицерскую неподобными словами, ибо таковых ругательных слов гнусно не токмо офицеру, но и рядовому солдату нестерпимо слышать, а я им никакого озлобления и обид не показал. И говорил я тому уряднику, чтобы он от злого намерения как возможно унял, на что оный унтер-офицер мне объявил: «Я-де нахожусь за болезнью в госпитале», однако ж предписанным солдатам он воспрещал, говоря им, что-де «вы делаете нехорошо», токмо они от запальчивости сердца своего в немалом азарте (а за что — не знаю) наивяще меня бранили и порицали «вором». А я со вступления в службу Ее Императорского Величества от солдатства даже до обер-офицерства и нынешнего времени ни в каких штрафах и подзрениях не бывал и в роте ни по чему приличен не был же и продолжаю службу Ее Императорского Величества по присяжной моей должности, как честному и верному офицеру подлежит. И в нашем, со упоминаемым унтер-офицером разговоре незапно вдруг наглым и разбойническим образом предписанные солдаты и напали на меня, и я было кинулся от них в коляску свою, хотя ускакать точию они, не допустя меня сесть, ниже лошадям моим иттить вперед, вытаща меня из коляски злодейски и броса об землю, били смертельным боем, без вся-

кия милости, яко тирански, поленьем и шпажными ефесами, в котором бою имеющей на мне кафтан зеленого сукна вдоль по спине разодрали и фалду прочь оторвали и изодрали ж, и в грязи вымарали во многих местах. А бывшие при мне разбездные казаки, три человека, и собственный мой человек, который имелся в коляске на козлах, от их многолюдного самого сильного нападения, не токмо ко удержанью подать помочи, но сами тако ж жестоким боем уязвлены. А имевшие при рогатке караульные обыватели начинали в таком случае бить в трещотки тревогу, токмо от их усилия не допущены. И хотя я в то время несколько раз, по крайней моей возможности и избегая себе от них еще нападения, и вставал на ноги вторично, и бросался в коляску свою, точию они, не удовольствуя свое злое умышление, паки сбивали меня с ног неоднократно и из коляски вытаскивали, и били ж смертно, и притом у меня голову просекли шпагою, в другом месте проломили ефесом, да пересекли шпагою ж левую руку взавити, и в левом боку переломили два ребра, и протчие тяжкие мне раны даны, в чем свидетельствуюсь на лекарское свидетельство. И оное их наглое и тиранское нападение находящийся здесь в Тобольске у ружейного дела цехвастер Прокопей Мячков, бывший из квартиры своей на улице, коя имеется во близости того мосту, стал от того боя унимать и всячески отвращать, то предреченные солдаты меня отпустили прочь и бить перестали. И оной Мячков взял меня в свой двор замертва, едва жива, без всякого чувства, в чем реченным цехвастером Мячковым и свидетельствуюсь, тако ж и случившимися при мне тремя человеки казаками, а именно: Степаном Ярковым, Степаном Ушаровым, Афанасием Смоляниновым и рогаточным караулом; в коем их напрасном на меня наглom нападении и злодейском бою, чем я уязвлен, действительно явствуует в помянутом лекарском свидетельстве. И по взятии меня ко упоминаемому цехвастеру Мячкову в квартиру я положен был среди двора и исповедован церкви Рождества Христова священником Симеоном Афанасьевым, где принужден был и ночевать, а потом привезен в дом мой. А тех солдат, кои в том нападении и бою были, признать не могу и более ундер-офицеров и капралов не видал. К тому ж от такого их нападения пришел я тогда в немалую робость; точно предреченного солдата, который со мной христосовался, усмотрел в бою, что имелось у него в руках круглое березовое

полено, а вышеупоминаемого ундер-офицера, как то нападение на меня от тех солдат началось, более уже не видал и, куда он удалился, не знаю. И от такого их вышеписанного умышленно смертного бою и разбойнического нападения нахожусь ныне весьма в тяжкой болезни, почти при смерти и на получение впредь своего здоровья безнадежен. Апреля 27 дня, 1750 году. *Капитан Марко Бабановский.*

III. Тобольской полицеместерской конторы от капитана и полицеместера Марка Бабановского ко учрежденному военному следствию известие. Понеже от того следствия спрашивай я о удовольствии при том следствии презусом и ассессорами капитаном Ильею Костяевым и порутчиком Иваном Карандеевым и при том следствии быть им я доволен. А подпорутчиком Калугиным при том следствии быть не доволен того ради — по прибытии Ширванского пехотного полку в Тобольск в 746 году от Тобольской полицеместерской конторы одного полку с полковой канцелярией многие были мемориальные сношения в разбивании посланных от тобольской полиции ходящих дозором, некоторых в грабеже и по прочим делам и поныне тобольская полиция не удовлетворена, что с таковыми грабителями учинено, а те дела происходили чрез означенного подпорутчика Калугина руки, понеже он тогда был в Ширванском пехотном полку полковым писарем. И для того, уповая, что оной подпорутчик чинил тогда тем Ширванского полку солдатам по представлениям от полиции немалое в винах их закрытие и в тогдашнее время имел на меня из того злобу, что я по должности моей о непорядочных их поступках куда надлежит представлял писано за вышеписанными резонами на одного подпорутчика Калугина имею я сомнение. Апреля 30 дня, 1750 году. *Капитан Марко Бабановский.*

IV. К генеральному дежурству Ширванского пехотного полку от капитана Семена Колобового репорт. Сего числа от полицеместера Бабановского прислан ко мне из Тобольских казачьих полков казак Степан Черкашенин и словесно объявил: «Прислан-де я к вам от него, Бабановского, с тем объявлением, что он святых тайн приобщается и просит у тех солдат прощение: у Антошки да у Прокофья Рахманова, те-то-де его били». И по тому доносу сыскалось в команде моей, сверх поданного репорту, Антон Хлебников да АН-

тон Анохин и означенный Рахманов, которые ныне отданы под караул и содержатся с протчими. Точию который из оных Антонов виновен, учинить не можно, ибо все запираются. (Времени документа не означено). На подлинном подписано тако: *Капитан Семен Колобовой*.

V. От учрежденного военного следствия благородному и почтенному господину капитану Бабановскому предложение. По объявлению к здешнему следствию Ширванского полку от господина капитана Колобового, что апреля 24 числа присылали ему ваше благородие тобольского казака Афанасия Смолянинова, (который) объявил, что били вас солдаты Прокопей Рахманов да Антон, а чей прозванием тот Антон, того им не сказано. И потому сыскалось в команде его, господина капитана, наличной при Тобольску, два Антона, а именно: Антон Хлебников и Антон же Анохин, которые и содержатся под караулом. А по допросу здесь помянутого казака Смолянинова, что со оным приказанием он, Смолянинов, от вас к капитану Колобовому послан был, а каким-де образом ваше благородие о тех солдатах Рахманове и Антоне известились, что они при бое вас были, он, Смолянинов, не знает и не слышал. Того ради изволите, ваше благородие, прислать сюда обстоятельное ответствие, что о предписанных солдатах Рахманове и Антоне, что они вас били, чрез кого известились и который именно Антон — Хлебников или Анохин — вас бил и чем можете об оном Антоне доказать. Мая 17 дня, 1750 году. *Капитан Иван Колемин. Аудитор Григорей Шишкин*.

VI. Промемория от капитана и тобольской полиции от полицместера Марка Бабановского ко учрежденному следствию. Сего мая 17 дня, от одного следствия требовано предложением по объявлению к тому следствию Ширванского полку от господина капитана Колобового: «Апреля-де 24 числа прислан от вас был тобольский казак Афанасей Смолянинов и объявил, что-де били Бабановского солдаты Прокопей Рахманов да Антон, а чей прозванием тот Антон, того не сказано и потому-де оказалось в команде господина капитана в наличности при Тобольске два Антона, а именно: Антон Хлебников и Антон же Анохин, которые-де и содержатся под караулом». И на оное требование сим объявляю: Смолянинов казак посылай был от меня к капитану господину Колобово-

му с таковым требованием: как везли меня битого на санях от цехмастера Мячкова в дом мой и за мной шли жена моя и домашние мои прошедшего апреля 24 числа сего году, и, будучи на Рождественской улице, не доезжая двора Демидова, близ кабака, званием Веселого, было собрано солдат Ширванского полку многое число, при которых солдатах были ундер-офицеры и капралы. И оные солдаты стали кричать и свистать необычно, яко не имея над собой командира, и жена моя прошла с великим страхом, чтоб они не учинили какого злодейского нападения, и про между тем говорили многие солдаты: «Били-де полицеместера, да не до смерти», а другие про между тем говорили: «Бил-де его солдат Прокопей Рахманов», а про между собою говорили ж: «Болыпе-де его, Бабановского, бил Антошка», а чей оный Антошка прозванием, оные солдаты в то время не упоминали и за многолюдством тех солдат жене моей и людям моим познать было никак невозможно, понеже они тогда прошли весьма под великим страхом. А много ли у него, капитана Колобового, в команде Антонов, или Фалелеев, или Трифанов, сколько я знаю, столько бы их Бог знал. Да не безызвестно мне есть, будто бы я посылаю казака господину капитану Колобовому с таковым резонем, якобы которые злодеи меня били, я их простил и с чего то взято, точно мне весьма сумнительно, а написано во святом Евангелии от Иоанна, зачало 16-е, жена, егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея, егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир, — нежели я злодеев моих простил, которые меня едва не лишили сего света. Как бы я видел над ними какую экзекуцию, то б в то время болезнь моя отступила от сердца и в радость бы превратилась. И учрежденное военное следствие о вышеписанном благоволит быть известно. Мая 18 дня, 1750 года. *Капитан Марко Бабановский.*

Чем кончилось это характерное дело — неизвестно. Чьей-то нескромной рукой конец столбца бумаг полицмейстерской конторы, из которого заимствованы вышеизложенные документы, оборван. На последних уцелевших бумагах заключаются указания лишь на то, что делу этому не придавалось особого значения: оно тянулось, переходя от одного следователя к другому, а виновные, содержась под арестом при домах тобольских обывателей Оконешникова, Лагунова и Редикор-

цевой, пьянствовали, сопровождая попойки свои пляской, картежными играми и проч. В тех же бумагах сохранилось донесение потерпевшего Бабановского о подробностях нападения на него ширванцев, адресованное в главную полицмейстерскую контору, но и в этом важном документе многих листов нет. Из него, между прочим, видно, что нападение на Бабановского со стороны ширванцев было уже не первое, и что ранее тремя годами те же буяны производили на него вооруженную вылазку хотя и иного рода. В 1 число марта 1747 года, часа в четыре дня Бабановский, разъезжая по городу и встретившись вблизи Знаменского монастыря с знакомыми своими поручиками полков лейб-гвардии Измайловского Иваном Толстых и Енисейского Петром Мякининым, секретарем Сибирской губернской канцелярии Иваном Борисовым и дворянином Александром Нефедьевым, поехал с ними в гости к ратману тобольского магистрата Дмитрию Крупеникову. В это время по случаю масленицы ширванцы были в полном разгуле. На перекрестках около Пятницкой и Рождественской церквей и вблизи домов посадского Романа Третьякова и упомянутого ратмана Крупеникова их столпилось человек по сту и более, так что, по словам Бабановского, он с своими знакомыми мог проехать к Крупеникову «с великой нуждою и опасностью». Но едва лишь гости зашли в дом ратмана, как с улицы послышался отчаянный крик. Оказалось, что ширванцы потащили от двора Крупеникова, пришедшего к Бабановскому с жалобой избитого ими же тобольского казака Григория Вишнякова, и стоявшего у ворот человека Бабановского Родиона Иванова. На крик этот выскочили Бабановский с поручиком Мякининым за ворота, где по упомянутому донесению произошло следующее:

«Многочисленное число (ширванцев) скопом приступили к нему, Бабановскому, с великим невежеством и наглым криком и бранили всякою непотребною матерною бранью, из которых солдат некоторая часть, взявши из стоящих у двора реченного Крупеникова костровых сырых дров, кои рубятся на три полена, весьма умышленно бросалась на него, Бабановского, и хотела тем смертным орудием бить. И видя он, Бабановский, смертельный от них страх, принужден бежать во двор реченного Крупеникова, за коим оные солдаты к тому двору нагло гнались и к воротам уси-

ленно приступали, которое все их наглое, усиленное ко двору того Крупеникова приступание и крик, стоящий в том Крупеникова доме, на квартире Нашебургского пехотного полку капитан Безпалов, услышав, вышел из горницы на двор и тех солдат от того Крупеникова ворот отогнал прочь, кои тогда от тех ворот и отошли невдале и остоялись близ двора оного ж Крупеникова».

Напуганный Бабановский послал известить о происшедшем майора Ширванского полка Меньшикова и мог выехать от Крупеникова только тогда, когда Меньшиковым послан был для охраны его сержант 8-й роты того полка Иван Голубятников. Однако ж, несмотря и на эту охрану, ширванцы, вооруженные стягами, погнались за Бабановским, но он успел от них скрыться.

В упомянутом донесении Бабановский, описывая это нападение, приводит и решение по нему, состоявшееся в военно-походной канцелярии Ширванского полка, которое, умалчивая о поступке ширванцев, обвиняет его же, Бабановского, в нахальном освобождении взятых ширванцами под караул свой Вишнякова и Иванова. Решением этим было заключено: «В Сибирскую губернскую канцелярию послать промеморию и притом сообщить производимое в Ширванском пехотном полку того полку над служителями следствие и требовать, чтоб она Сибирская губернская канцелярия с показанным капитаном Бабановским, казаком Вишняковым и его, Бабановского, человеком Родионом Ивановым за вышепрописанные, как в том следствии именно значатся, непорядочные поступки и порицания Ширванского полку солдат учинить по силе Ее Императорского Величества указов и воинских регулов, дабы впредь таковых же непорядочных поступков чинить было неповадно, а что учинено будет, походную генерал-майора Киндермана канцелярию уведомить».

Быть может, столь же курьезно для тоболяков и поучительно для Бабановского закончено было дело и о подвиге ширванцев на Притычном мосте.

Тяжелая память прошлого **(Старые листки о старых людях)**

Каждая черта, самая малейшая,
времен былых — драгоценна.
Тут не может быть ничего не важного,
лишнего, бесполезного...
Белинский. I. 377.

Слово и дело **1743**

1743 года, июля 20 дня. В Консистории преосвященно-го Антония, митрополита Tobольского и Сибирского, присутствующие члены, слушав присланный из Сибирской губернской канцелярии промемории Ишимского дистрикта, Коркинской слободы, Николаевской церкви, о дьяконе Михаиле Самсонове, который предшедшего мая 10 дня сего, 1743, года, будучи в доме Коркинской слободы⁷⁸ у отставного драгуна Ивана Смагина со священником Михаилом Соболевым, бранил ево, священника Соболева, в безмерном своем пьянстве матерною бранью и притом говорил, что-де он покажет за ним, попом, слово и дело, разве-де хочет он, поп, с ним, дьяконом, съездить в Москву, а на очной ставке оной дьякон, что те слова употребил напрасно в безмерном своем пьянстве, принес повинную, приговорили: по силе состоявшегося Ее Императорского Величества за подписанием собственные Е.И.В. руки, апреля 16, а в печати изданного того ж апреля 17 числа прошлого, 1742, года указа, в котором напечатано: «которые из священного и монашеского чина люди от сего времени будут сказывать за собою или за другим кем слово и дело, а по расспросам в гражданских судах покажут, что они то слово и дело сказывали в пьянстве, в ссорах и драках, и отбывая от начальствующих над ними наказания, а другие сказывали просто

ложно, тех, для надлежащего им за то наказания, из светских команд отсылать, в Москве в Святейший правительствующий синод, а в прочих местах за те их продерзости, смотря по важности чина, наказывать их по духовному обыкновению, кто чему подлежать будет, без всякого упущения — учинить ему, дьякону Самсонову, за ложное его в безмерном пьянстве на помянутого попа Соболева показание в Консistorии архиерейской при собрании священноцерковнослужителей жестокое наказание плетью и по учинении наказания отдать его в домовую архиерейскую, в хлебную работу, в которой быть ему от сего числа шесть недель, никуда из дому архиерейского отнюдь неисходно; а объявленного попа Михаила Соболева, до которого никакого дела по тому ложному показанию не касается, отпустить во священноелужение в помянутую Коркину слободу к Николаевской церкви по-прежнему при пашпорте без задержания. И сей приговор предложить его преосвященству к слушанию, а когда шестинедельное время оной дьякон в доме архиерейском в хлебной работе выдержан будет, тогда, взяв его в Консistorию, объявить ему, чтоб он искал себе вид, где при церкви порозжего места, а в помянутой Коркинской слободе при церкви Николаевской ему, дьякону, быть не надлежит того ради, дабы впредь с вышепомянутым священником Соболевым, имеючи приказную ссору, вражды у него, дьякона, не происходило; а где сыщет себе порозжее место, тогда, с выбором от прихожан, явиться должен его преосвященству и просить об определении своем надлежащего рассмотрения. *Знаменского монастыря архимандрит Порфирий. Тобольского Успенского собора протопоп Алексей Михайлов.*

Несносные обиды

1756

Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня Императрица Елисавета Петровна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемиловитейшая! Бьет челом Томского Богородского Алексеевского монастыря крестьянский сын Михаиле Андреев, сын Шадрин, на архимандрита Исайю, а в чем мое прошение, тому следуют пункты: 1. С прошлого, 1750, году, с прибытия ево, архимандрита Исайя, в Томск держал меня, нижайшего, при себе келейником, а после того

и поныне нахожусь конюхом. 2. И в прошлом же, 1755 году, в июне месяце, то есть по прошествии Петропавловского поста, из имеющегося под ведением того монастыря из Паченского села велел выслать в Томск во оный Алексеевский монастырь крестьянскую вдову Ирину Пырсикову с дочерью ее, девкой Овдотьей Ивановой, кои тамошним паченским монастырским прикащиком Иваном Бардаковым под караулом и высланы. 3. И по высылке оных вдову Пырсикову с дочерью ее в тот монастырь, предписанный архимандрит Исайя призвал меня, нижайшего, к себе и стал увещевать, чтоб я взял за себя в замужество помянутую присланную из Паченского села девку Овдотью, Иванову дочь, на что я, нижайший, ево, архимандрита, слезно просил, дабы он меня от того уволил, однако ж, он, архимандрит, невзирая на тое мою слезную просьбу, стал паки принуждать из-за пристрастия плетей и батожьев, причем служка монастырский Иван Крылов меня и розболок, чего устрашась, я, нижайший, обещал оную девку Овдотью взять за себя в замужество. 4. И потом велел меня, нижайшего, отвезть в свою монастырскую каморку, а помянутую девку Овдотью с матерью ее, взяв пред себя в свою келью, и потому ж ее из-за пристрастия плетей принудил, чтоб она пошла в замужество за меня, нижайшего, однако ж, при том мать ее, реченная вдова Ирина Пырсикова, всемерно, со слезами ево, архимандрита, просила, дабы у нее усильно тое дочь не отнял и за принуждением в замужество за такого конюха не отдал, но он, архимандрит, невзирая на те вдовьины слезы, велел ее, вдову Арину, и с дочерью ее Овдотьей выслать вон и свести на монастырский дворец, куда оную вдову сведши, сковали на большой стул в чепь, а потом оную дочь ее Овдотью, тако ж меня, нижайшего, взяв усильно того монастыря крестьяне Иван Крылов и Алексей Тимофеев, привели в Благовещенскую церковь к венчанию, пред которым венчанием я, нижайший, и помянутая девка Овдотья, надпамятуя вседражайшего В.И.В. родителя блаженного и вечно достойного памяти Государя Императора Петра Великого, указы и присягу, со священником Иваном Безменовым дабы он нас, яко всепринужденных и с обеих сторон не соизволяющих, к тому ж не имея он у себя о взятъе с венечной памяти указных казенных и лазоретных пошлинных денег, не венчал бы, спорили,

но оный священник, не приняв в резон тех наших вопреки речей, венчал усиленно, и, по обвенчании, привели нас в тот же монастырский дворец и, положа нас, нижайших, на подклет в особую малую избу, куда, пришед помянутый архимандрит усиленно вломался, принес с собою водки и пива довольное число, видно, что хотел меня, нижайшего, спoitь, а с женою моею блудно учинить, но точию тогда я в осторожность себя, чтоб он, архимандрит, того над женою моею не учинил, выслал ево из той избы вон. 5. А поутру оный архимандрит, видя свой стыд, призвал меня, нижайшего, якоб к некоторой монастырской работе и, за то б осерчав, что ево, архимандрита, с подклета своего выслал вон, бил меня, нижайшего, плетью смертно и отослал на монастырский дворец на Киргизскую (?) в работу, где и поныне нахожуся безотлучно. 6. И по отлучении моем от жены мою Овдотью оный архимандрит поныне содержит во оном, в Томске, в монастырском дворце при себе безотлучно, которая объявляет мне, что прикажет с ним, архимандритом, к блудному деянию, для которого одевает и обувает ее достаточно и от работ монастырских уже уволена, а чтобы с ними, законными мужьями, по закону не совокуплятися, в том ей весьма запретил, да и не токмо-де ее, жену мою, но и другую такую же, оного же монастыря крестьянина Александра Степанова, сына Пырсикова, жену ж ево Парасковью содержит при себе в таком же блудодеянии, в чем он, архимандрит, чинил и ныне чинит несносные обиды. И дабы Высочайшим В.И.В. указом повелено было сие мое прошение в Сибирской губернской канцелярии принять и о том учинить милостивую резолюцию, как В.И.В. указы повелевают. Всемилостивейшая Государыня! Прошу В.И.В. о сем моем прошении решение учинить. К поданию надлежит в Сибирскую губернскую канцелярию. Сие прошение писал копейист Борис Лебедин 1756 г., ноября 9 дня. *К сей челобитной вместо Михаила Шадрина прошением ево Иван Захаров подписался.*

Запрещенный плод

1757

Из Шадринской канцелярии в Челябинское духовное правление. Сего мая 5 числа, присланною в реченную Шадринскую канцелярию из оного правления промеморию тре-

бовано: что в прошлых годах у бывшего тогда в Далматовском заказе служащего ныне Чебаркульской крепости при Преображенской церкви дьячка Семена Васильева еретические волшебные книги найдены были ль, и кем именно, и где, и оные на спине ево, дьячка Васильева, в бытность в городе Шадринску воеводою Федора Толбузина сожжены ль и по какому-де определению, и что по справке окажется о том из производимого об оном следственного дела прислать в реченное духовное правление при письменном сношении. А по справке в Шадринской канцелярии оказалось: прошлого, 1728 году, октября 25 дня, Успенского Далматова монастыря портной Осип Кучумов при объявлении в ТТТядринскую канцелярию взятую у псаломщика Семена Васильева маленькую письменную книжку объявил, а какая та книжка, того в деле не показано. И оный псаломщик Васильев в Шадринской канцелярии допрашивай и показал: в прошлом-де, 726 году, а которого месяца и числа не упомнит, нашел он, Васильев, одного Далматова монастыря Николаевской заимки у попа Петра Федосеева в предбанке книжку, а какая та книжка названием, не знает, а того-де числа в той бане парились русские проезжие торговые люди, а как-де их именами звали и чьи прозванием, не знает же, а он-де, Васильев, жил в то время у одного попа Федосеева на подворье и как ту книжку нашел, то объявлял попам, реченному Петру Федосееву да Михаилу Киприянову; по отъезде же означенных торговых людей и после того казал ее подьячему Льву Попову, и оные-де попы Федосеев и Киприянов и подьячий Попов ее смотрели и об ней, что какая она, не сказали, и оный-де подьячий Попов в той книжке писал: «За молитв святых отец наших» и отдал же обратно ему, Семену, а подлинно-де кто тое книжку писал, о том он неизвестен; да как же оную книжку нашел, то в ней были три листа ветхие, и с тех трех листов списал своею рукою в ту ж книжку, а что на тех листах писано было и какое по той книжке действо, того не знает; и держал-де он, Васильев, ее у себя долговременно с простоты своей и не под секретом. А того-де, 1728 году, ноября 27 дня, по посланной из Шадринска канцелярии в Успенский Далматов монастырь промемории вышеписанные попы Федосеев и Киприянов и подьячий Лев Попов в оном монастыре допрашиваны, и те

их подлинные допросы при промемории ж в Шадринскую канцелярию присланы, в которых показанный поп Петр Федосеев сказал: книжку-де псаломщик Семен Васильев ему объявлял, только-де он, Федосеев, ее не читал и какая та книжка, не знает; поп Михаиле Киприянов в прошлых-де годах, а в котором не упомнит, сказывал ему, Киприянову, на словах псаломщик Семен Васильев, что-де нашел он книжку, а какая-де книжка и где ее нашел, о том ему, Киприянову, он не сказал, и он, Киприянов, у него ее не видал; подьячий Лев Попов — книжку-де ему, Попову, реченный псаломщик Семен Васильев казал, и он-де, Попов, тое книжку посмотрел треть или больше того — не упомнит и нашел в ней простой лист и на том листу «за молитв святых отец наших» писал, а всю ли-де оную молитву написал — не упомнит же. И вышеписанного ж 1728 году, декабря 21 дня, по определению Шадринской канцелярии вышеписанная книжка сожжена, а показанному псаломщику Семену Васильеву за держание той у себя книжки долговременно учинено наказание батоги и по наказании отослан при указе в показанный Далматов монастырь по-прежнему. И Челябинское заказное духовное правление о предписанном благоволите ведать. Мая 14 дня, 1757 году. *В небытность управителя Выходцова в должности с приписью канцелярист Федор Мартынов.*

Преслушание приказов

1768

Из Сибирской губернской канцелярии в канцелярию Тобольской духовной консистории. Сего году, апреля 21 числа, господин генерал-майор, пример-майор сибирский губернатор и кавалер Чичерин в губернию предлагал, что наистрожайшими приказами от него, господина генерал-майора, губернатора и кавалера, подтверждено, чтоб в нынешнее сухое время в непристойные часы, особливо по вечерам, печей не топили, а ежели кому нужда топить, то бы топили по утрам и то с великою осторожностью, рассматривая, когда не ветрено. Но невзирая на то и на то, что теперь жесточайший ветер, которого силою со многих зданий крыши сорвало, и что в такое сухое и теплое время вновь построенный на устье Курдюмки-речки питейный дом стал меж-

ду знатнейшим и величайшим в городе деревянным строением, то есть гостиный двор, мясные и прочие ряды, провиантские амбары, наполненные провиантом, и цейхгаузы с пеньковыми снастями и смолье, оной же окружен и дощениками⁷⁹, изготовленными к походу, и к наступающему уже вечеру целовальник⁸⁰, сидящий на оном кабаке, так оный растопил, что весь город в опасность и тревогу привел, для чего посланным от него, господина генерал-майора, губернатора и кавалера, с гауптвахты офицером с командою велено огонь залить, и залит, а ему, целовальнику, за преслушание приказов и за подвержение всего города в опасность учинить наказание плетью, и учинено; и требовал от губернской канцелярии всем ведомства своего чинам наистрожайше подтвердить, чтоб в нынешнее сухое время, при таких жесточайших и страшных ветрах, отнюдь печей не топили, а ежели за кем усмотрено будет, то публично наказан будет. И на оное по Ее Императорскому Величества указу и по резолюции Сибирской губернской канцелярии велено в Тобольскую духовную консисторию, губернский магистрат, соляную контору сообщить промемории⁸¹, а в Полицейскую контору, в губернскую роту, подгородную канцелярию и к ямским управительным делам послать указы и велеть, а промемориями требовать, чтоб всех тех команд подчиненным наистрожайше подтвердить, дабы они отнюдь в нынешнее время, а особливо при жесточайших и страстных ветрах, печей не топили и от пожара имели бы крепкую предосторожность под опасением о противном тому случае жесточайшего публичного наказания, и в том, не обходя никого, обывателей от полиции обязать подписками. И Тобольская духовная консистория об оном благоволит учинить по Е.И.В. указом, а в прочие места о том же указы и промемории посланы. Мая 14 дня, 1768 г. *Петр Быков. Секретарь Е. Овсянников.*

До почвы 1776

По указу Ее Императорского Величества Тобольская духовная консистория, слушав сообщения к его преосвященству от господина генерал-порутчика, лейб-гвардии пример-майора, тобольского губернатора и орденов святого Алек-

сандра Невского и святой Анны кавалера Чичерина, в коем объявлено: что до сведения его высокопревосходительства дошло, что разного сорта люди живут в городе, нанимая себе у здешних жителей в кортомы дома, о которых никто не знает, а жители, не объявляя в полиции, пускают, между тем могут и скрываютца беглые; и для того плац-майору Мейбому ордером от его превосходительства предложено и велено чрез полицейских служителей, всех жителей, не оставляя ни одной хижины, обязать подписками, чтоб никто, не объявляя и не записав, кто таков в доме становитца, в полиции, отнюдь в дома не пускали, а ежели, засим, у кого стоящий окажется не записан, то тово дому хозяин наказан, а дом до почвы разбросан будет, а от его преосвященства требует приказать духовным чинам, чтоб и им без записки в полиции потому ж в дома не пускать, того ради с доклада его преосвященству в Тобольской духовной консистории определено: для непременно по оному его высокопревосходительства требования исполнения города Тобольска всех церквей священно и церковно, такс ж приказным дому архиерейского и Тобольского Знаменского монастыря служителям объявить сие определение с подписками. 1776 года, августа 13 дня. *Никита протопоп Софийский. Секретарь Василий Андроников.*

Прутьем 1776

Великому господину, преосвященнейшему Варлааму, епископу Тобольскому и Сибирскому. От Ишимского духовного правления покорнейшее доношение. Ноября 12 числа сего 1776 года в присланной из Ишимской управительской канцелярии промемории написано: ноября-де 12 ишимский управитель секунд-майор господин Кривоногов в присутствии объявил, что он дворового своего человека Садофа Андреева, будучи пьяного, сек прутьем и отдал под караул, где он и умер, почему в Ишимской канцелярии и свидетельствован, и стеганные знаки описаны, о чем-де к его высокопревосходительству, господину генерал-порутчику, лейб-гвардии пример-майору, тобольскому губернатору и разных орденов кавалеру Денису Ивановичу Чичерину и в Тобольскую губернскую канцелярию на рассмотрение представле-

но и требовано от Ишимской канцелярии, чтоб того Садофа мертвое тело похоронить; против которой резолюциею Ишимского духовного правления велено то мертвое тело Коркиной слободы Николаевской церкви священнику Тимофею Зудилову, при погребении освидетельствовав, похоронить, который по свидетельству и погребен; а ноября 15 помянутый священник Зудиллов в Ишимское духовное правление репортом объявил, что у того Садофа выше левого глаза на лбу три пятна кровавые, спина и холки, даже до шеи, все избиты тирански, а чем тот Садоф бит был — неизвестно, при котором-де свидетельстве были священники Коркиной слободы Федор Васильев, села Медведева Прокопий Вахрушев, села ж Ильинского Василий Рычков, дьякон Семен Чукмасов, дьячок Петр Райков и пономарь Петр Анцыферов. Того ради вашему преосвященству Ишимское духовное правление всенижайше и представляет на благорассмотрение. 15 ноября 1776 г. Вашего преосвященства всенижайший послушник *протопоп Афанасий Райков. Дьякон Семен Чукмасов.*

В заклепные кандалы

1785

1. В Тюменское духовное правление. Карматского села Успенской церкви от церковного старосты Петра Симахина репорт. Нашего Карматского села церкви Успенской священник Василий Космаков у меня, нижайшего, из церкви книгу старинное Евангелие толковое для чтения брал во время летнее, а которого числа — не упомяну. И сего года, февраля, 7 числа, как вспомнил, что мною ему, священнику, означенная книга была подлинно отдана, и я приходил к нему, Космакову, за книгой и просил ее, и он сказал, что у меня-де книги нет, отдана в церковь, и почему ныне оной книги по взятию им, священником, окромя ево, мне отыскать негде. И Тюменскому духовному правлению о потерянной книге покорно и репортую. 1785 года, февраля 7 дня. *Сей репорт писал и руку приложил церковный староста Петр Симахин.*

2. Из Тобольского наместнического правления в Тобольскую духовную консисторию. Репортом тюменский нижний земской суд изъясняет, что из производимого следствия

Тюменским нижним земским судом по сообщениям Тюменского духовного правления учинен экстракт о потерявшей-ся в селе Карматском из церкви книге, Толковом Евангелие, и о заковке священника Гобова и пономаря Анпенкова в железные кандалы, из которого оказалось: 1-е, хотя определенный от духовного правления следователь, священник Андрей Неводчиков, как по возвращении его в Тюмень словесно капитану-исправнику Калинину объявил, что будто самовольно крестьяне Гобова и Анпенкова заковали, а напоследок он же и сельский заседатель Важенин при следствии письменными своими объяснениями то же самое показали; но значащиеся по делу села Карматского жители, немалое число, на учиненных им допросах утвердились, что показанный Неводчиков объявил им Гобова вором и приказывал ево и Анпенкова заковать в кандалы, в чем ему и Важенин не только не препятствовал, но из некоторых крестьяне показывали, тоже приказывал, а потому они и заковывали; 2-е, в учиненном намерении к пристрастному стеганию пономаря Анпенкова; 3-е, в хождении по гостям, в питии вина, обще с Гобовым и в допрашивании ево в гостях он, Неводчиков, в объяснении своем и заперательства не учинил; 4-е, в устраивании Гобова и Анпенкова крестьянами, будто повесят их на жердь, или дня на три посадят под колокольню морить с голоду, крестьяна никем в том не доказаны; 5-е, дворянский заседатель Бекирев, который для того исследования по вторичному сообщению духовного правления нарочно отряжен был, в рапорте своем представил, что о заковании священника Гобова с пономарем самовольных и виновных никого он из жителей не находит, да и крестьянин Вахов будто в таскании им пономаря Анпенкова за волосы и в пинании ногами никаким свидетельством не обличен, и потому хотя Тюменское духовное правление по рапорту священника Неводчикова сообщением требовало в заковании показанных Гобова и Анпенкова не рассудительно и дерзостно по своевольтву чернию осужденных, како сущих злодеев обруганных, народ, яко не в свое дело вмешивающийся, от своевольства удержать, но по производимому следствию самовольных зачинщиков никого в том не оказалось, а единственно последовало оное, как из допросов большого числа крестьян, значит по приказанию священ-

ника Неводчикова. Однако ж нерассудно крестьяне учинили, что послушали того священника Неводчикова, приступив к закованию священника Гובהа и пономаря Анпенкова, да и сам он в чинимом над пономарем Анпенковым устрашении и пристрастных побоях, себя уже не оправдывает. И потому, чтоб требование от духовного правления не могло б иногда относиться без исполнения земским судом, учиненный из дела экстракт по силе высочайшего учреждения о должности земского исправника на рассмотрение в сие правление Тюменский земской суд при том репорте представляет. И по указу Ее Императорского Величества в Тобольском наместническом правлении определено: как Тюменский нижний земской суд репортом своим объясняет, что по производству оным о потерявшейся в Карматском селе из церкви книги следствию в утрате оной, равно о прочих происшедших непорядках, соучаствуют только одни написанные поименно священно- и церковнослужители, крестьяне ж виновными ни в чем не оказались, да и против показания на них священниками Неводчиковым, Гобовым и пономарем Анпенковым якоб во употреблении наглостей по разбирательству их не признались, да и никем в том посторонними не доказаны, то в таком случае и должно во оной покраже книги и в происшедших непорядках разбирательство учинить между священно- и церковнослужителями духовными властями и для того с прописанием одного репорта и с приложением экстракта в оную духовную консисторию сообщить с требованием таковым, дабы она благоволила во всем том учинить свое рассмотрение, и что учинено будет, сие правление уведомить. Сентября 19 дня, 1785 года. Князь Егор Ратиев. Регистратор Федор Колесников. Канцелярист Петр Забелин.

3. (Из «экстракта»): Во объяснении священника Алексея Гובהа и пономаря Антона Анпенкова значится: сего 785 году, февраля 27, по приезде в село Карматское священника Неводчикова и заседателя Важенина на другой день поутру призвали ево, Гובהа, к себе в квартиру, и, не взяв о потерявшейся из церкви книги объяснения, Неводчиков по зову ево приказал ему идти с собою в дом ко крестьянину Пушникову, где от угощения Пушниковых сделался Неводчиков пьян и в том образе допрашивал ево, Гובהа; а по взятии

допросу пошел к священнику ж Космакову для гулянья. И хотя Гобов говорил ему, что Космаков касательный по тому ж делу и не ходить к нему, а окончить следствие, однако ж, были у него, где Неводчиков пил же вино и оттуда пошел на квартиру свою к крестьянину Якову Курбатову, где и заседатель Важенин со обывателями были. И пономаря Анпенкова обыватели Иван Усолцов, Таврило Менщиков, Петр Усолцов, взяв в сени, уговаривали и кланялись, чтоб сказал о потерянной книге на священника Гобова, что она ему отдана для чтения. Однако ж, пономарь от того им отказался, и из тех обывателей Иван Усолцов, поклонясь ему в ноги, бил руками по щекам. А после того призвал Неводчиков ево, Анпенкова, в горницу и спрашивал добровольно, а потом, как он показал, что не бирает книги, то стоящий тут крестьянин Петр Вахов ударил ево рукою по лицу и окровенил. Да и священник Неводчиков, схватив за волосы, драл и приказал ямские кнуты принести, кои и принесены, и раздетого на пол ево, Анпенкова, раза три клали. Убоялся ж он страсти, что говорил, не знает. После ж того Неводчиков Гобова позвал в горницу и, сняв со стены образ Божией Матери и положи на стол, пал на колени и ему, Гобову, приказал пасть, почему он, Гобов пал и поцеловал тот образ и говорил, что та книга им не взята и где — не знает, и в потереии оной вины за собою не имеет, а Неводчиков стал на ноги и что обывателям сказал — в страсти и в крику он не помнит. И ево, Гобова, из обывателей Петр Вахов из горницы потащил на улицу и в спину кулаком бил, и с крыльца толкали, и привели запряженную лошадь с дровнями, бросили их на дровни. И на оных Филипп Вахов с ругательством по щекам бил же и пономаря Анпенкова, Козма Вахов за волосы таскал и ногами пинал, что видя заседатель Важенин велел привести их в горницу и крестьян уговаривал от битья, но обыватели сами собою, или с чьего повеления повели их в кузницу ко крестьянину Василию Кожину расстоянием в полуверсте, который заковал их в заклепные кандалы, и вели по селу с ругательством. А по приводе в тот же дом к Курбатову Неводчиков и Важенин у выборного и обывателей упрашивали, чтоб их расковать, но в том они не послушались. А как показанные Неводчиков и Важенин уехали, то распустили их в дома и ночевали закованные за караулами. А наутро, со-

бравшись обывателей весьма много к ему, Гобову, в дом, кричали с ругательством и устраивали мещанин Петр Усолцов, крестьяне Григорий Улыбин, Сила Курбатов и Гаврила Меншиков, чтоб повесить их против церкви Божией на жердь, или посадить под колокольню дня на три и морить голодом, а они со слезами просились отправить в Тюмень к команде. И их, закованных, отправили, а довезены были до деревни Ушаковой, из которой посланные из земского суда казаки обратили их в село Карматское и в доме ямщика Иова Рачковского расковали. *Капитан-исправник Николай Калинин. Дворянский заседатель Иван Бекирев. В должности секретаря канцелярист Стефан Загорской.*

Указатель литературных трудов Е.В. Кузнецова (1866—1896)*

12 ноября н. г. исполнится тридцатилетие литературной деятельности нашего сотрудника Е.В. Кузнецова. Евгений Васильевич, сын священника села Нового Тобольского округа, родился 25 февраля 1848 года и получил образование в Тобольской духовной семинарии. В семидесятых и начале девяностых годов Е.В. двукратно редактировал «Тобольские губернские ведомости» и деятельно занимался исследованиями местной старины, результатом которых было значительное число статей, помещенных им как в нашей газете, так и в других сибирских изданиях.

Ввиду этого мы и помещаем указатель литературных трудов Е.В. за истекающее тридцатилетие, представляющий несколько не лишенных интереса страниц к общей сибирской библиографии.

І. Археология

Археологическая находка//Тобольские губернские ведомости**. 1892. № 27.

Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири//ТГВ. 1896. №№ 23-24.

К сведениям о знаменах Ермака//ТГВ. 1892. № 43.

Находка ружья покорителя Сибири//ТГВ. 1891. № 22.

Новый взгляд на вопрос о древнем населении Сибири//ТГВ. 1895. № 12. — [Передов, ст.].

О двух археологических находках, относимых к принадлежностям буддийского культа, случайно приобретенных Г.Я. Маляревским в Курганском округе//ТГВ. 1894. № 37. — [Хрон.].

О значительном числе вещей каменного века, собранных в Тобольской губернии в 1870-х годах//ТГВ. 1892. №№ 37, 42.

* Печатается по: Тобольские губернские ведомости. 1896. №№ 24—26.

** Далее — ТГВ. — Прим. издателя.

О необходимости сбережения Искера, Чувашского мыса и друг, исторических мест от разрушения волнами Иртыша//ТГВ. 1892. № 43; 1894. № 41. — [Хрон.].

По вопросу об охране древностей от истребления//ТГВ. 1894. № 45. — [Передов, ст.].

II. История. Летописи

Воздушные страхи Тобольска в старину: Выдержка из «Летописи Сибирской» с предисловием//ТГВ. 1892. №№ 7-8; *То же*. — Тобольск: Тип. Губ. Прав., 1892. 13 с.

Летопись Щетининых. (1743—1777)//ТГВ. 1896. №№ 21-22.

О поступившей в библиотеку Тобольской духовной семинарии «Летописи Кондинского Троицкого монастыря»//ТГВ. 1892. № 41.

Сибирский Летописец: Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске. (С предисловием)//ТГВ. 1892. №№ 10-15. *То же*. — Тобольск: Тип. Губ. Прав., 1892. 45 с.

Указатель сибирским летописям//ТГВ. 1894. №№ 1, 2, 5-6, 9-10, 20-21, 26.

Что наделала однажды мышь: Выдержка из «Летописи Сибирской»//ТГВ. 1892. № 18.

Архивные документы

Абрамов мост — преграда полицмейстера//ТГВ. 1892. № 18.

Базарные цены в Ачинске сто лет назад//Справочный Листок Енисейской губернии. 1891. № 5.

Базарные цены Тюмени 1792 г.//Сибирский вестник. 1891. № 70.

Бюджет Томска сто лет назад//Сибирский вестник. 1891. № 69.

Верхотурская слезница об отмене школы. (1759)//ТГВ. 1896. № 7.

Винокурение: Из тобольской старины//ТГВ. 1891. № 43.

Вместо «пяти сот рубликов» — мешок песку//ТГВ. 1892. № 16.

Возвышение цен на хлеб и «морские кошки» (1735)//ТГВ. 1892. № 16. «В заклёпные кандалы». (1785)//ТГВ. 1896. № 8.

Два документа о бегунах тобольской бursы//ТГВ. 1896. № 7.

Два документа о возмущении томских монастырских крестьян в 1761 г.: К Истории крепостничества в Сибири//Сибирский вестник. 1896. № 54.

Два документа о школе в Барнауле. (1759 и 1760)//ТГВ. 1896. № 7.

Два письма, вызванные событиями 14 декабря 1825 г.//Русская старина. 1896, февр. С. 314-315.

«До почвы». (1776)//ТГВ. 1896. № 8.

Залог не по займу. (1746)//ТГВ. 1892. № 17.

Запрещенный плод. (1757)//ТГВ. 1896. № 8.

Из документов об открытии в Тобольске духовной семинарии. (1745)//ТГВ. 1893. № 27.

Из старых тобольских проектов. (1736): Неполнота городских переписи и плана. — Новый план с означением удобных мест для построек. — Скученность зданий и своеволие горожан в выборе мест для строений. — Предположение о гостинном дворе. — Ничтожность состава полиции. — Ежегодное число приезжающих из России и вызываемая им необходимость усиления полиции. — Предположение о выдаче паспортов купцам от полиции. — Бездействие Тобольской ратуши. — Квартирная воинская повинность города и тягости ее. — Предположение о постройке воинских казарм. — Ломка морозом базарных мер и образец нового безмена//ТГВ. 1891. №№ 33-34.

Из школьной старины//ТГВ. 1896. № 7.

Как устраивались иллюминации. (1740)//ТГВ. 1892. № 17.

К истории Обь-Енисейского канала. (1764)//Сибирский вестник. 1896. № 30.

К истории первых школ в Енисейской губернии: Три документа 1759 и 1760 гг.//ТГВ. 1896. № 17.

К истории сибирской канцелярщины//Сибирский вестник. 1891. № 71.

К истории устройства в Тобольске взвозов Прямского и Казачьего//ТГВ. 1891. № 25.

К образцам старых исправительных мер//Сибирский вестник. 1891. № 70.

К образцам старых смет и ремонтов Тобольска. (1745)//ТГВ. 1891. № 27.

Кулачные бои и «плети». (1745)//ТГВ. 1892. № 17.

К образцам старых школьных порядков//ТГВ. 1893. № 29.

К сведениям о пугачевщине в Сибири: Из бумаг Тобольского музея//ТГВ. 1893. № 30.

Меры против повышения хлебных цен. (1743)//ТГВ. 1891. № 42.

Неосторожность с огнем и «кошки». (1742)//ТГВ. 1892. № 17.

Несносные обиды. (1756)//ТГВ. 1896. № 8.

Обиды и разорения «питухов». (1736)//ТГВ. 1892. № 16.

Образцы исправительных мер. (1743 и 1745)//ТГВ. 1891. № 41.

Опыты обучения медицине. (1763, 1768 и 1769)//ТГВ. 1896. № 7.

О старом обучении лекарскому искусству: Три архивных документа//Енисей. 1896. № 54.

О хлебной торговле Тобольска в 1744 г.: По бумагах Полицмейстерской конторы//ТГВ. 1891. №№ 6-7.

Перековка колодников — лакомство караульных. (1750)//ТГВ. 1891. № 18.

Переполах бородачей. (1745)//ТГВ. 1892. № 17.

Побег покойника. (1736)//ТГВ. 1892. № 16.

Под батожьем и плетью: Архивные листки о суевериях//Сибирский вестник. 1896. № 12.

Похороны раскольниц. (1750)//ТГВ. 1892. № 18.

Предосторожности от пожаров//ТГВ. 1891. № 45.

Преслушание приказов. (1768)//ТГВ. 1896. № 8.

Прогулки мертвеца. (1740)//ТГВ. 1892. № 16.

Проект и открытие школы в Троице. (1759)//ТГВ. 1896. № 7.

- Протеже полицмейстера. (1748)//ТГВ. 1892. № 18.
 «Прутьем». (1776)//ТГВ. 1896. № 8.
 Роспись чиновных особ г. Тобольска сто лет назад. (1792)//ТГВ. 1892. №№ 4-5.
 Слово и дело. (1743)//ТГВ. 1896. № 8.
 «Снабдевание» студентов одеждою. (1750)//ТГВ. 1893. № 45.
 Старинный проект водоснабжения нагорной части Тобольска. (1823)//ТГВ. 1893. № 49.
 Старые меры к утверждению в правилах веры крещеных остяков. (1749). //ТГВ. 1893. № 31.
 Строгости Верхотурской таможни. (1750)//ТГВ. 1893. № 29.
 Теленок и невзгода лекаря. (1746)//ТГВ. 1892. № 17.
 Тревога в Сургуте в 1745 году: Из уцелевших от пожаров бумаг Тобольской полицмейстерской канторы//ТГВ. 1891. №№ 8-9.
 Тревога о дворе канцеляриста. (1739)//ТГВ. 1892. № 16.
 Трехдневная тревога «о свиньях». (1749)//ТГВ. 1892. № 18.
 Тяжелая память прошлого: Старые листки о старых людях//ТГВ. 1896. № 8.
 Что иногда бывало на расспросах. (1749)//ТГВ. 1892. № 18.

Исторические статьи

- Заметка о возмущении г. Тары в 1723 году//ТГВ. 1871. № 42.
 Заметка о волшебном камне//Сибирский вестник. 1890. № 10.
 Известие о кончине Государя Императора//ТГВ. 1894. № 43. — [Передов, ст.].
 Из тобольской старины: Нападение на полицмейстера Бабановского//ТГВ. 1891. №№ 30-32.
 Когда нам праздновать трехсотлетие Сибири?//Сибирь. 1878. № 38.
 Краткие воспоминания о первоначальном открытии в Тобольске городского самоуправления в 1870 году//ТГВ. 1893. № 10. — [Хрон.].
 К воспоминаниям о посещении Сибири в 1837 году Цесаревичем Александром Николаевичем//Сибирский вестник. 1891. № 76. *То же.* — ТГВ. 1891. № 29.
 К истории крепостничества в Сибири//Енисей. 1895. № 138.
 Материалы для истории заселения Тобольской губернии до покорения Сибири Ермаком//ТГВ. 1870. №№ 9-12.
 Накануне светлого дня. (Ожидание Тобольском посещения Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем)//ТГВ. 1891. № 27.
 Начало книгопечатания в Сибири//ТГВ. 1871. № 10.
 Начало сибирских городов. (Исторический набросок)//ТГВ. 1893. №№ 10, 11, 14, 21, 26.
 Несколько сведений о проявлениях холеры в пределах Тобольской губернии в 1871 ГОДУ//ТГВ. 1893. № 9. — [Хрон.].
 Об установлении в 1826 году в Тобольске ярмарки//ТГВ. 1892. № 24. — [Хрон.].

- О праздновании масленицы в старое время//ТГВ. 1895. № 13.
- О юбилее Тобольской духовной семинарии//ТГВ. 1893. № 38. — [Передов, ст.].
- Первые кабаки в Сибири//ТГВ. 1890. №№ 27, 28, 29.
- По поводу известия о начавшихся приготовлениях к св. коронованию Их Императорских Величеств//ТГВ. 1895. № 25. — [Передов, ст.].
- По поводу ирбитской ярмарки//ТГВ. 1893. № 5. — [Передов, ст.].
- По поводу пятидесятилетия сибирского пароходства//ТГВ. 1894. № 21.— [Передов, ст.].
- Тобольск в дни воцарения императора Николая Павловича. (По архивным сведениям)//Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 2.
- Тобольск, 11 июля 1891 г.: О пребывании Наследника Цесаревича Николая Александровича//ТГВ. 1891. № 28.
- Холерное время 1848 г. в Тобольске//ТГВ. 1892. №№ 30, 31, 35. *То же*. — Календарь Тобольской губернии на 1893 г. С. 56-64. [Прилож.].
- Царские сокольники в Сибири: Исторический очерк//Сибирский вестник. 1890. № 47. *То же*. — ТГВ. 1890. №№ 23-24.
- «Шествие на осляти» в Вербное воскресенье в старинном Тобольске. (1669—1677)//ТГВ. 1894. № 15.
- Эпидемии инфлуэнцы в Тобольске: Из сибирской старины//ТГВ. 1892. № 12.
- Николай Алексеевич Абрамов//ТГВ. 1870. №№ 32-34.
- Памяти Н.А. Абрамова. (3 мая 1870 г.)//ТГВ. 1895. № 35.
- Список статей Н.А. Абрамова, помещенных в «Тобольских губернских ведомостях»//ТГВ. 1895. № 35.
- Некролог: В.Н. Арзамазов//ТГВ. 1867. № 19.
- Заметка о роде первого сибирского воеводы Болховского//ТГВ. 1890. № 38.
- А.И. Деспот Братошинский Зенович. (24 апреля 1895 г.)//Путеводитель по Сибири и среднеазиат. влад. России. Томск, 1895. С. 19—32. [Прилож.].
- Памяти А.И. Деспот-Зеновича//ТГВ. 1895. №№ 37, 39.
- К сведениям о пребывании в ссылке князей Долгоруких//ТГВ. 1893. № 27.
- Начальная пиитика об Ермаке//ТГВ. 1890. №№ 33, 35.
- Сказания и догадки о христианском имени Ермака//ТГВ. 1890. №№ 40, 42, 44-45, 50. *То же*. — Календ. Тобольск, губери. на 1892 г. Тобольск, 1891. С. 107-139 [Прилож.]. *То же*. — Тобольск: Тип. Губ. Правл., 1891. 35 с.
- О дне двадцатипятилетней годовщины со дня смерти поэта-сибиряка Петра Павловича Ершова//ТГВ. 1894. № 34.
- У могилы автора «Конька-Горбунка»: Памяти П.П. Ершова. Стихотворение//ТГВ. 1894. № 34.
- К биографии декабриста Д.И. Завалишина//Енисей. 1896. №№ 5, 7.
- К биографии архимандрита Макария, основателя Алтайской миссии//Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 1.
- Пребывание Меншикова в Березове//ТГВ. 1871. № 1.
- К сведениям о пребывании в Тобольске историографа Миллера: Из бумаг Тобольской полицмейстерской конторы, хранящихся в Тобольском музее//ТГВ. 1892. № 15.

- И.И. Небольсин: Некролог//ТГВ. 1893. № 36.
- К биографиям Нектария, архиепископа Сибирского и Тобольского. (1636—1640)//ТГВ. 1892. № 36.
- Сказки 1750 года о семье ссыльного украинца Григорья Новицкого (автора «Крат, описания о народе остяцком», сочиненного в 1715 г.)//ТГВ. 1893. № 44.
- Арест воеводы: О енисейском воеводе, капитане Михаиле Полуктове//ТГВ. 1893. № 32.
- Некролог: Н.Н. Розанов//ТГВ. 1892. № 34.
- Некролог: В.А. Розелион-Сошальский/ДТВ. 1892. № 31.
- К сведениям о пугачевском полководце Салавате//ТГВ. 1893. № 31.
- У дорогой могилы: Памяти П.А. Словцова. Стихотворение//ТГВ. 1893. № 14.
- Указатель сочинений историка Сибири П.А. Словцова//ТГВ. 1893. № 12.
- Сибирский губернатор В.И. Суворов//ТГВ. 1892. №№ 38 и 39.
- Некролог: Мих. Вас. Филипов//ТГВ. 1870. № 29.
- К сведениям о летописце Черепанове//ТГВ. 1891. № 42.
- Памяти И.Д. Черского//ТГВ. 1892. № 39.
- Сибирский губернатор Д.И. Чичерин. (1773—1776)//Русская Старина. 1891, июль. С. 179-182.
- Сибирский губернатор Д.И. Чичерин в переписке с духовенством: Новые материалы//ТГВ. 1896. № 18.
- Несколько сведений об управлении Сибирью губернатора Чичерина//ТГВ. 1870. № 41.
- О распорядах Чичерина в Тобольске: Сорок архивных документов с предисловием//ТГВ. 1891. №№ 11-14. *То же*. — Тобольск: Губ. Тип., 1891. 25 с.
- Из распоряжков Д.И. Чичерина//ТГВ. 1893. № 32.
- К приказам сибирского губернатора Д.И. Чичерина: Из бумаг, хранящихся в Тобольском музее//ТГВ. 1892. № 19.
- Еще приказ Чичерина//ТГВ. 1891. № 41.
- К биографии Д.И. Чичерина//ТГВ. 1892. № 41.
- К портрету Д.И. Чичерина//ТГВ. 1892. № 17.
- У витрин музея: Памяти товарища И.Н. Юшкова. Стихотворение//ТГВ. 1893. № 16.
- Монахиня Прокла. Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова: Новые материалы для биографии//ТГВ. 1896. №К» 11-17. *То же*. — Тобольск: Губ. Тип., 1896. 57 с.
- Некролог: Феогност, бывший архиепископ Тобольский и Сибирский//ТГВ. 1869. № 22.

III. География, этнография, статистика

- Березовские самоеды//ТГВ. 1871. №№ 6-8.
- Бытовые черты тоболяков XVIII столетия: По архивным документам//Календ. Тоб. губ. на 1893-й г. С. 3—24. [Прилож.].
- Заметка об остяцком языке//ТГВ. 1870. № 27.

- К статистике Тобольска в 1736 году: Из приказов полицмейстера Окунькова//ТГВ. 1891. № 23.
- Материалы для статистики Тобольской епархии во второй половине XVIII столетия: Из переписки ученой экспедиции Фалька//Тобольские епархиальные ведомости. 1891. №№ 15-16.
- О верованиях и обрядах самоедов//ТГВ. 1868. №№ 4-5.
- О нуждах рыболовства//ТГВ. 1895. № 32.
- О производстве всеобщей переписи населения Российской империи//ТГВ. 1895. № 29.
- По вопросу об очищении русского языка от иностранных слов//ТГВ. 1895. №№ 19, 22.
- По Енисею: Из дневника//Сибирский вестник. 1890. №№ 22-23, 28.
- По поводу проектируемой однодневной всенародной переписи империи//ТГВ. 1893. № 31. — [Передов, ст.].
- Половицы и поговорки жителей Тобольского округа//ТГВ. 1866. № 49.
- Село Бронниковское//ТГВ. 1870. №№ 17-19.
- Село Новое//ТГВ. 1866. № 46.
- Сколько ловится ежегодно птицы в Тобольской губернии?//ТГВ. 1891. № 31.
- Старое сказание о вере и обрядах киргизов//Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 10.
- Статистические исследования о пространстве и народонаселении Тобольской губернии//ТГВ. 1870. №№ 23-25.
- Холерные итоги Тобольска//ТГВ. 1892. № 36.
- Ялуторовские ярмарки//ТГВ. 1870. № 22.

IV. Библиография

- Библиография Ермака: Опыт указания малоизвестных сочинений на русском и частью на иностранных языках о покорителе Сибири//Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск, 1891. С. 140-169. *То же.* — Тобольск: Тип. Губ. Прав., 1891. 32 с.
- Библиография железнодорожного вопроса Сибири: Указатель статей, корреспонденции и заметок, помещенных в сибирских периодических изданиях и сборниках за 1857—1894 гг./Сост. С.Н. Мамеев. 1895. IV+56 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1895. № 30.
- Описание празднования в Тобольске Кучук-Кайнарчжиского мира в 1774 году. Изд. Кузнецов-Красноярский. 1891. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1891. № 49.
- Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона в 1661 году: Очерк из жизни XVII в. Н.Н. Оглобина//Русская старина. 1893, окт. С. 162-184. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1893. № 42.
- Литература сибирских выставок: Библиографический указатель//Справочный Листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки. 1895. №№ 42, 44-46.
- Новые издания, касающиеся Сибири//ТГВ. 1893. №№ 1-3, 10, 13, 24, 27, 29-30, 35-36, 38, 40, 43, 45, 48, 50; 1895. №№ 3, 7, 18, 21, 24, 37, 43.

Новые издания, касающиеся Сибири и Приуралья//ТГВ. 1894. №№ 1, 5-11, 13, 16-17, 20, 24-25, 27, 31, 33, 36, 39, 42, 46, 50.

Об очерке А.В. Оксенова «Ермак в былинах русского народа»: Библиограф. извест.//ТГВ. 1892. № 35.

Первый русско-остяцкий словарь//ТГВ. 1867. № 51.

Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о пермском крае А. Дмитриева. Выпуск V. Пермь. 1894. ХП+220 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1894. № 19.

По поводу статьи К. Носилова «Моряки гор. Тобольска»//ТГВ. 1894. № 12.

Приходные окладные ясачные книги Томского уезда, 1706—1718 гг. с приложением карты ясачных волостей и снимка с рукописи. Издал Кузнецов-Красноярский. Томск. 1893. 14-117+7+3 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1894. № 2.

Самарово, село Тобольской губернии и округа: Материалы и воспоминания о его прошлом Хрисанфа Лопарева, секретаря Императорск. общ. любит, древней письменности (с картою, планом и тремя видами). Спб., 1892. IV+80 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1894. № 6.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 г. Ф.П. Романова. Томск., 1893. 110+6+IV+308+80 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1894. № 4.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 год: Год второй. Томск: Изд. Ф.П. Романова, 1895. 678 с. [Библиографическая заметка]//ТГВ. 1895. № 3.

Указатель статей по археологии, истории и этнографии Сибири, помещенных в сибирских областных и губернских ведомостях в 1891 г.//ТГВ. 1892. № 15.

Указатель статей по археологии, истории и этнографии Сибири, помещенных в тобольских газетах 1891—1892 гг.//Календарь Тобольской губернии на 1893 год. Тобольск, 1892. С. 126-133. [Прилож.].

Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» с начала издания их (27 апреля 1857 г.)//ТГВ. 1871. №№ 5-11, 15-17, 19.

V. Рассказы, были, стихотворения

Антипка-колодник: Страхи «слова и дела» в Сибири//Томский Листок. 1895. №№ 278-279 и 282.

Баю-баю!: Стихотворение//ТГВ. 1893. № 33.

Богатырь Яг: Из остяцкой былины//ТГВ. 1896. № 10.

Волчьи норы: Сибирская басня//ТГВ. 1894. № 50.

В светлую полночь: Сонет//ТГВ. 1893. № 13.

20 октября 1894 г. Стихотворение//ТГВ. 1894. № 43.

Избиение сорок: Сибирская басня//ТГВ. 1894. № 49.

Изгнаннику: Стихотворение//ТГВ. 1893. № 11.

Из весенних грез: Стихотворение//ТГВ. 1893. № 17.

Летопись мирного городка//Сибирская газета. 1883. № 44; 1884. №№ 16, 20, 23, 29, 42, 45.

- Об образовании особой комиссии под председательством товарища министра путей сообщения «для изучения вопросов, касающихся осуществления Сибирской железной дороги»//ТГВ. 1895. № 26.
- Новогоднее приветствие читателю: Надежды Сибири, связанные с окончанием Сибирской железной дороги//ТГВ. 1895. № 1.
- По вопросу о том, в каком именно направлении будет соединена великая Сибирская железная дорога с Европейской Россией//ТГВ. 1895. № 18.
- О пункте соединения Уральской железной дороги с сибирским рельсовым путем//ТГВ. 1894. № 11.
- О направлении соединительной ветви между Уральской и Сибирской железными дорогами//ТГВ. 1894. № 23.
- По поводу организации почтового дела в районе Сибирской железной дороги//ТГВ. 1895. № 34.
- Об открытии движения на первом звене Западносибирской железной дороги от Челябинска до Иркутска//ТГВ. 1893. № 41.
- Об открытии западного участка Сибирской железной дороги, закладке ветви между Сибирской и Уральской дорогами и посещении Сибири министром путей сообщения//ТГВ. 1894. № 35.
- По поводу проведения железной дороги на Тобольск//ТГВ. 1893. № 20.
- По вопросу о продолжении Уральской железной дороги до Тобольска//ТГВ. 1894. № 31.
- Еще о проведении железной дороги до Тобольска//ТГВ. 1894. № 19.
- О Волго-Двинском рельсовом пути в связи с ходатайством о проведении железной дороги на Тобольск//ТГВ. 1894. № 3.
- Еще о волго-двинском рельсовом пути в связи с ходатайством Тобольска о железной дороге//ТГВ. 1894. № 4.
- О новом случае для возбуждения ходатайства о постройке железной дороги на Тобольск//ТГВ. 1895. № 39.
- По поводу организации земледельческих артелей в Шадринском уезде Пермской губернии//ТГВ. 1893. № 50.
- О земских сметах и раскладках в Сибири на трехлетие 1894—1896 гг.//ТГВ. 1894. № 9.
- По вопросу об установлении предохранительных мер против инфлюэнцы//ТГВ. 1895. № 20.
- О мерах против кобылки в Курганском округе//ТГВ. 1893. № 12.
- К мерам об истреблении кобылки//ТГВ. 1893. № 17.
- К вопросу о колонизации Сибири//ТГВ. 1894. № 37.
- По поводу вопроса об организации в Тобольске кустарного производства//ТГВ. 1894. № 42.
- О значении для Сибири кустарной промышленности//ТГВ. 1894. № 20.
- О сибирском лесоистреблении//ТГВ. 1893. № 51.
- К вопросу о сибирском лесоистреблении//ТГВ. 1894. № 1.
- По поводу доклада капитана Виггинса о морском пути в Сибирь//ТГВ. 1895. № 6.
- Несколько слов о тобольской мостовой//ТГВ. 1894. № 38.

По поводу деятельности комитета и правления Тобольского музея//ТГВ. 1893. № 19.

По поводу открываемого в Тобольске добровольного пожарного общества//ТГВ. 1895. № 40.

Об открытии в Тобольске общества потребителей//ТГВ. 1893. № 50.

По поводу проектируемого в Тобольске общества правильной охоты//ТГВ. 1893. № 46.

Еще о проектируемом в Тобольске обществе правильной охоты в связи с деятельностью подобного общества в Перми//ТГВ. 1894. № 15.

О тобольском округе общества спасания на водах//ТГВ. 1892. № 35. — [Хрон.].

По поводу деятельности Тобольского правления общества спасания на водах//ТГВ. 1893. № 16.

О делах тобольского правления общества спасания на водах//ТГВ. 1893. № 40.

О мерах Тобольского общества трезвости к открытию народных чай-ных//ТГВ. 1893. № 30.

По делам Тобольского общества трезвости//ТГВ. 1893. № 37.

О делах Тобольского общественного собрания//ТГВ. 1894. № 8.

Об отмене циркуляра 1892 г. о приостановлении выдачи разрешений на переселения//ТГВ. 1893. № 15.

По поводу устройства санитарных станций и столовых для переселенцев//ТГВ. 1893. № 15.

Еще по переселенческому вопросу//ТГВ. 1894. № 6.

По поводу съезда деятелей по печатному делу//ТГВ. 1895. № 28.

О введении в Сибири податной инспекции//ТГВ. 1894. № 7.

По пожарному вопросу (Тобольска)//ТГВ. 1895. № 43.

По поводу известия о поземельном устройстве поселян в четырех сибирских губерниях//ТГВ. 1895. № 22.

По вопросу о вреде розги, как позорного наказания//ТГВ. 1895. № 15.

О правительственных сельских кассах//ТГВ. 1894. № 1.

О сельских приютах//ТГВ. 1894. № 5.

По вопросу о сельских потребительских товариществах//ТГВ. 1895. № 21.

По вопросу о применении метеорологии к задачам сельского хозяйства//ТГВ. 1895. № 16.

О мерах против слепоты и болезни глаз//ТГВ. 1894. № 29.

По вопросу об отмене ссылки в Сибирь//ТГВ. 1894. № 13.

О сокращении ссылки в Сибирь//ТГВ. 1895. № 42.

По вопросу об организации страхования посевов от града//ТГВ. 1895. № 14.

Еще о страховании посевов от града//ТГВ. 1895. № 20.

По вопросу о преобразовании судебных учреждений Сибири на началах уставов 1864 года//ТГВ. 1894. № 36.

По вопросу десятилетия «Временных правил о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской и Том-

- ской, Восточной Сибири и Приамурского края» 25 февраля 1885 г.//ТГВ. 1895. № 17.
- По поводу появления в Тобольской губернии холеры//ТГВ. 1893. № 29.
- По вопросу о церковностроительстве в Сибири//ТГВ. 1895. № 30.
- По вопросу о (школьном) народном образовании//ТГВ. 1895. № 41.
- О школах ремесленных учеников//ТГВ. 1894. № 10.
- По поводу ожидаемой инспекции народных школ Тобольской губернии//ТГВ. 1893. № 17.
- О мерах к улучшению народных школ Тобольской губернии//ТГВ. 1893. № 28.
- По вопросу об учреждении в Тобольске юридического бюро//ТГВ. 1894. № 41.
- О причинах упадка торговли на сибирских ярмарках//ТГВ. 1895. № 23.
- Еще о причинах упадка торговли на сибирских ярмарках//ТГВ. 1895. № 24.

Статьи по другим вопросам

- По поводу бракосочетания Их Императорских Высочеств Великого Князя Александра Михайловича и Великой Княжны Ксении Александровны//ТГВ. 1894. № 32.
- О закладке зданий всероссийской выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде//ТГВ. 1894. № 26.
- По поводу начавшейся войны между Китаем и Япониею//ТГВ. 1894. № 30.
- Итоги первого периода японско-китайской войны//ТГВ. 1894. № 52.
- Еще о войне между Китаем и Япониею//ТГВ. 1894. № 34.
- О той же войне. По поводу договора о мире Китая и Японии//ТГВ. 1895. № 33.
- О той же войне: По японскому вопросу//ТГВ. 1895. № 36.
- Итоги государственной росписи доходов и расходов на 1895 год//ТГВ. 1895. № 5.
- Об учреждении Инспекторского отдела. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии//ТГВ. 1894. № 22.
- По поводу известий об упразднении Инспекторского отдела Собственной Его Императорского Величества Канцелярии//ТГВ. 1895. № 37.
- О преобразовании Канцелярии прошений, приносимых на Высочайшее Имя//ТГВ. 1895. № 25.
- По вопросу об укреплении ценности кредитного рубля сравнительно с металлическим//ТГВ. 1895. № 31.
- По поводу введения в губерниях Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской положения о казенной продаже питей//ТГВ. 1895. № 4.
- По поводу гибели броненосца «Русалки»//ТГВ. 1893. № 40.
- По поводу посещения русскою эскадрою Франции//ТГВ. 1893. № 42.

Комментарии

- ¹ Востоков Александр Христофорович (1781—1864 гг.) — русский филолог-славяновед, заложивший основы сравнительной грамматики славянских языков. Среди его трудов имеется «Описание русских и славянских рукописей румянцевского музеума» с научным комментарием.
- ² Фальк Иоганн Петер (1725—1774 гг.) — шведский врач и естествоиспытатель. В 1763 году уехал в Россию. В 1768—1774 годах принял участие в экспедиции Санкт-Петербургской Академии наук по югу России и Сибири. Обширные материалы по географии, истории, этнографии и ботанике, собранные Фальком, были обработаны и опубликованы его соратником по экспедиции И.Г. Георги («Записки путешествия академика Фалька»).
- ³ Легенда о чувовской родине Ермака и его принадлежности к роду Аленых, якобы записанная со слов самого атамана, приведена в Бузуновском списке Есиповской летописи.
- ⁴ Буцинский П.Н. — историк, профессор Харьковского университета, автор ряда фундаментальных исследований по истории Сибири XVI—XVIII веков (в том числе «Заселение Сибири и быт ее первых насельников»).
- ⁵ Крижанич Юрий (ок. 1617—1683 гг.) — хорватский ученый, общественный деятель, сторонник сплочения славянских народов вокруг России. В 1659 г. приехал в Москву, откуда царь Алексей Михайлович сослал его в Тобольск. В 1681 году написал «Повествование о Сибири, в котором находятся заметки об этой провинции и о берегах Ледовитого и Восточного океанов от порта Св. Михаила Архангела до Китая...».
- ⁶ Витзен (Витсен) Николай — амстердамский бургомистр, предпринявший в 1664 году путешествие в Россию. В течение нескольких лет он собирал сведения по географии, истории и этнографии северных и восточных окраин России. В 1692 году Витзен издал в Амстердаме солидное сочинение «Северная и Восточная Татария».
- ~ Избранд Идес, приехавший в Москву из Германии по приглашению Петра I, возглавлял в 1692—1695 годах русское посольство в Китай. Путевые записки Идеса и его спутника Адама Бранда содержат подробные описания путешествия и разнообразные сведения по географии, этнографии, природе и истории азиатской России.
- ⁸ Страленберг Филипп Иоганн (1676—1747 гг.) — шведский офицер, попавший в русский плен после Полтавской битвы. С 1711 по 1722 годы находился в Тобольске, собрал богатые материалы по истории, природе и географии Сибири. Возвратившись в Швецию, он написал объемистый труд (более 450 страниц), вышедший в 1730 году в Стокгольме под названием «Северо-Восточная Европа и Азия» и получивший огромную популярность на Западе. В России эта работа не издавалась.

- ⁹ Миллер Герхард Фридрих — российский историк немецкого происхождения, путешествовавший по Сибири в 30–40-х годах XVIII века. За огромный вклад в изучение Сибири Г.Ф. Миллера позднее называли «отцом сибирской истории». Им были собраны и опубликованы уникальные документы из архивов первых русских городов Сибири.
- ¹⁰ Фишер Иоганн Эберхард — российский историк немецкого происхождения, работал по специальной инструкции, составленной Миллером. Известен своей «Сибирской историей с самого открытия и завоевания сей земли российским оружием».
- ¹¹ Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790 гг.) — князь, историк, экономист, публицист. Главный его труд — «История Российская от древнейших времен» в 7 томах.
- ¹² Ремезов Семен Ульянович (1660(?)—1715 гг.) — выдающийся русский историк, картограф, архитектор, живший в Тобольске. Создал знаменитый атлас — «Чертежную книгу Сибири». Автор капитального труда «История Сибири», куда им была включена неизвестная до того «Летопись Сибирская краткая Кунгурская».
- ¹³ Словцов Петр Андреевич (1767—1843 гг.) — историк, сибирский краевед. Итогом его научной деятельности стал двухтомный труд «Историческое обозрение Сибири» — второе обобщающее произведение о Сибири после «Описания Сибирского царства» Г.Ф. Миллера.
- ¹⁴ Абрамов Николай Алексеевич (1812—1870 гг.) — сибирский краевед, автор более 100 публикаций по истории, этнографии, археологии и статистике Западной Сибири.
- ¹⁵ Волжский атаман Иван Кольцо — ближайший помощник Ермака. Широко распространенная народная традиция, приписывающая ему роль главы казачьего посольства в Москве, является, очевидно, ошибочной. Весть о победах дружины Ермака до Ивана Грозного донесли казацкие атаманы Иван Александров по прозвищу Черкас и Савва Сазонов по прозвищу Волдыря. Иван Кольцо был вероломно убит бывшим визирем Кучума Карачой, пригласившим его с 40 казаками для переговоров о заключении союза против Кучума.
- ¹⁶ Обский городок (он же Мансуровский по Г.Ф. Миллеру — старый городок, или Руш-Ваш — «Русский городок» по-хантыйски) находился на правом берегу Оби, напротив среднего устья Иртыша. Его остатки осмотрел Г.Ф. Миллер, отметивший, что они почти незаметны на поверхности. Мнения историков по поводу судьбы Обского городка расходятся. Традиционно, начиная с Г.Ф. Миллера, принято считать, что после первой зимовки Мансуров со всем своим отрядом покинул городок и вернулся на Русь северным собским путем. Однако охранная грамота, выданная царем Федором Ивановичем лясинскому князю Лугую в августе 1586 года, согласно которой воеводам нового городка на Оби запрещалось «...дани на не и на его городках имати», свидетельствует о существовании этого городка после зимы 1585—1586 гг. Вероятнее всего, Мансуров оставил в городке часть своего отряда, так как царский указ 1593 года предписывал перевести гарнизон Обского городка в строящийся новый город Сургут, а сам городок разобрать и сжечь, дабы он не достался враждебно настроенным аборигенам. Последнее было обязательным требованием в подобных ситуациях, строго соблюдавшимся в первые годы русской колонизации Сибири. Подобная участь постигла, например, Лозьвинский городок в 1598 году и, вероятно, укрепления Ермаковского острога после того, как остатки его отряда ушли на Русь (местонахождение укрепленного лагеря дру-

жины точно неизвестно, но имеются основания считать, что он находился на Карачинском острове близ устья Тобола).

¹⁷ Лозьвинский город, или Лозва, основанный в 1589 году воеводой Иваном Григорьевичем Нагим в устье р. Ивдель при ее впадении в Лозьву, сыграл важную роль в колонизации Западной Сибири. Он имел огромное стратегическое значение, так как располагался в начале водного пути в Сибирь, у восточных склонов Урала (Лозьва—Тавда—Тобол—Иртыш—Обь). Через него проходили русские отряды для строительства новых городов, на Лозьвинской верфи строились суда. Площадь городка (с острогом?) достигала 10 гектаров. Вероятно, небольшой гарнизон располагался, собственно, в крепости, а сезонные караваны с грузами для первых русских городов в Сибири — в острожной части. В зимнее время здесь скапливалось большое количество людей и подвод, а по весне караваны продолжали свой путь уже на судах. В 1595 году городок должен был принять 2554 подводы и около трех тысяч людей. В 1598 году в связи с открытием новой, более короткой и удобной Бабиновской дороги по реке Туре, гарнизон во главе с воеводой Иваном Траханиотовым был переведен царским указом в строящийся город Верхотурье. «Городовое строение» (разнообразные бревенчатые укрепления, избы и амбары) было разобрано и сплавлено вниз по Лозьве и Тавде в Пельмский городок и использовалось для ремонта последнего. Остатки Лозьвинского городка были сожжены «за ненадобностью».

¹⁸ Русский город Пелым был основан в 1593 году воеводами Н. Траханиотовым и П. Горчаковым, возглавившими поход против Пельмского княжества. Вогульский князек Аблегирым со своим войском был разбит, а недалеко от его резиденции, на невысоком мысу при впадении р. Пелым, в Тавду был заложен городок. Вероятно, первоначально он был наспех обнесен острожной (тыновой) стеной, а позднее перестроен: появились рубленые стены — городни, башни, церковь и т.д. Возникший рядом с городком посад был также укреплен острожной стеной и башнями. Сохранился оригинальный план Пельма, выполненный знаменитым тобольским историком, картографом и зодчим Семеном Ремезовым в конце XVII века. На нем город показан как бы с высоты птичьего полета, а сами строения даны в аксонометрии.

Город являлся военно-административным центром Пельмского уезда, местом сбора ясака с местного населения и перевалочным пунктом на пути в Сибирь. Население городка было представлено, в основном, служилыми людьми: подъячими, целовальниками, стрельцами, ямщиками, приказчиками. Имелись частные и государственные торговые лавки. Занятия жителей — добыча пушнины, разведение домашнего скота, охота, рыболовство, выделка кож, торговля и земледелие. Начиная с 1598 года, в связи с переносом пути в Сибирь с Тавды на Туру, значение города упало. В 1780 году Пельмский уезд был упразднен, и город превратился в село.

¹⁹ Вывод — крепостное сооружение, выступающее наружу, за линию основной стены.

Кружало — опорная дуга из досок, по которой выкладывался каменный или кирпичный свод.

Облом (облам) — нависающий выступ сруба в верхней части городской стены или башни, устраивавшийся для ведения т.н. «подошвенного боя», т.е. обстрела осаждающего неприятеля из щелей и бойниц вблизи крепости, у «подошвы».

²⁰ Городня — элемент деревянных крепостей XV—XVII веков, звено внешней городской стены. Часто городки представляли собой линию из

примыкающих друг к другу срубов. Иногда такие срубы использовались как жилые помещения, перекрытые сверху бревенчатым накатом с полом («заборалом»).

- ²¹ Острог — первоначальное значение слова — частокол из заостренных вверх бревен, которым окружалась усадьба (поселение). Позднее название было перенесено и на самое поселение, укрепленное таким образом. Первые русские крепости в Сибири, как правило, окружались сначала острожной стеной, которая впоследствии заменялась более солидной «рубленной» стеной из горизонтально лежащих бревен или из срубов. Наличие «рубленной» стены — один из важнейших признаков русских городов XV—XVIII веков. Другой признак — присутствие церкви. Появление церкви в остроге было первым шагом к получению им статуса города. Поселения с острожными стенами, укрепленными несколькими башнями, именовались сначала острогами, а иногда, несмотря на отсутствие собственно городских (из городней) стен, городами (Туринск, Березов, Сургут).

Острогами называли также посады, примыкавшие к городской (кремлевской) стене и укрепленные острожным тыном и рвом. Такие поселения в XV—XVII веках называли «город с острогом» (например, Тюмень).

- ²² Речь идет о кодеком князе Онже Юрьеве, племяннике «князя болшова» Кодского княжества Алача. В 1593 году Онжа и его двоюродный брат Игичей Алачев возглавили отряд кодских остяков и вместе с березовскими служилыми людьми воевали против обдорских князей. За заслуги перед Русским государством в 1594 году царь Федор Иоаннович «пожаловал» братьев «волостью Васпалукук да волостью Колпукулук со всеми угоды и ясаком». После томского похода Онжа Юрьев начал борьбу с Игичеем за верховную власть в Кодеком княжестве. Он отправился в Москву с челобитной на имя царя, в которой добивался возвращения ему из березовской казны изъятых ранее идола «Палтыш-болвана» (вероятно, искаженное имя Калтась, верховной богини обских угров). В 1606 году он вернулся на родину с грамотой, в которой царь Василий Шуйский жаловал его «в Котцкой земле княженьем» и велел березовскому воеводе вернуть князю языческую святыню. В 1607 году Онжа принял участие в антирусском восстании сосвинско-ляпинских и обдорских остяков, но затем решил предать своих соратников: помог березовским служилым людям захватить в плен руководителей восстания — князей Василия Обдорского и Шатрова Лугуева. Прощенный за новые заслуги перед Москвой, Онжа некоторое время правил Кодским княжеством, но в конце концов уступил верховную власть племяннику Михаилу Игичееву, удалившись в «родовое поместье», городок Нангакар.

- ²³ «Свинья» — слиток свинца.

- ²⁴ Епанча, вероятнее всего, был татарским князем, так как источники XVII века упоминают туринских татар, но не остяков (ханты). В формировании этнической группы туринских татар, очевидно, приняли участие и аборигены края — южные манси, что подтверждается данными археологии и топонимики.

- ²⁵ Шерть, «рота крепкая» — клятва, присяга на верность государю.

- ²⁶ Воеводы — князья Семен Федорович Курбский (а не Курский), Петр Ушатый и Василий Иванович Гаврилов (он же Бражник Заболоцкий) — возглавляли зимний поход московской рати «в Югорскую землю, на Куду и на гогуличи (вогуличей)» в 1499 году. В походе принимали

участие вычегжане, вымичи и сысоличи (жители рек Вычегды, Выши и Сысолы, коми-зыряне) во главе с вымскими князьями Петром и Федором Васильевичами. Плененные обско-угорские князья присягнули на верность московскому государю, после чего Василий III (а возможно, и его отец Иван III) присвоил себе титул князя Обдорского и Кондинского (точнее — Кодского).

²⁷ Речь идет о ближайшем соратнике Ивана Грозного, князе Андрее Михайловиче Курбском, который в 1564 году, опасаясь царской опалы и казни, бежал к польскому королю Сигизмунду Августу. Сочинения А. Курбского, в том числе его знаменитые обличительные послания Ивану Грозному, дошли до нас в списках конца XVIII века и более поздних.

²⁸ Абалак (Абалацкое озеро) находится в 18 километрах выше по Иртышу от Тобольска. В 1637 году здесь, недалеко от погоста с церковью Спаса Преображения была срублена Знаменская церковь. В конце XVIII века в Абалакском погосте возник мужской монастырь.

²⁹ Письменный казачий голова Василий Поярков с отрядом в 150 казаков был послан летом 1643 года якутским воеводой Иваном Головиным на Амур. Ценой больших лишений и людских потерь Поярков достиг Охотского моря. Через три зимы, весной 1646 года, пройдя около 7,5 тысячи километров, Поярков с остатками отряда вернулся в Якутск. Год спустя по его следам на завоевание Приамурья отправился Ерофей Хабаров. Якутский острог был основан не в 1641, а в 1632 году группой казаков из 10 человек во главе с Василием Бугром, отправившихся на Лену из Енисейска.

³⁰ Новый кремль Тобольска с рублеными стенами был отстроен в 1644 году. Его площадь увеличилась, а на линии крепостной стены было сооружено девять башен.

³¹ Правильно «Курдюмку». Небольшая речка, впадающая в Иртыш в подгорной части Тобольска. Отделяла Троицкий мыс с кремлем от нижнего посада.

³² В 1672—1674 годах крупная экспедиция (более 500 человек) под руководством думного боярина и воеводы Якова Хитрово работала на Исети и ее притоках, Миассе, Нице, Нейве и Чусовой. Поиски серебряной руды не увенчались успехом. Временный острог, сооруженный где-то в верховьях Исети, по завершении экспедиции был уничтожен.

³³ Спафарий (Милеску) Николай Гаврилович (1636—1708 гг.) — ученый, государственный деятель. По происхождению грек, родом из Молдавии, где занимал пост великого спафария — командующего наемными войсками. Спасаясь от преследования молдавского господаря после неудачного дворцового переворота, в 1671 году бежал в Россию, где был принят на службу в Посольский приказ в качестве переводчика (знал несколько языков). В 1675 году во главе русского посольства отправился в Китай. Его путешествие в Китай и обратно длилось три года. Создал двухтомный труд «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии...». Первый том был посвящен описанию пути от Тобольска до китайской границы. В труде Спафария имеется множество ценных топографических сведений, данные о начальной истории русских городов Сибири. В тексте «Сибирского летописца» путаница: Спафарий прибыл в Тобольск в 1675 году не из Китая, а из Москвы по пути в Китай.

³⁴ «Осмина медная и четверик» — мерные емкости государственного стандарта для сыпучих товаров. Были присланы из Москвы в качестве образцов для унификации торговых мер в Тобольской губернии.

- ³⁵ Слобода Царева городища (острог) была основана в 1663 году и находилась на месте современного Кургана.
- ³⁶ Ялutorовский острог (слобода) и Суерский острог (слобода) были основаны на Тоболе в 50-х годах XVII века.
- ³⁷ Уткинская слобода (острог) находилась на реке Утка, левом притоке реки Чусовой, где проходил один из путей в Сибирь. Основана в 1651 году. Все военные, торговые и научные экспедиции, отправлявшиеся в середине XVII и XVIII веках за Урал из Соликамска, проходили через Уткинскую слободу, затем волоком через Урал добирались до реки Нейвы, притока Туры.
- ³⁸ Чумляцкая слобода была основана в 1684 году, находилась на территории современной Курганской области.
- ³⁹ «Мягкая рухлядь» — пушнина.
- ⁴⁰ Аманаты — заложники из знатных, чаще княжеских родов коренного населения Сибири. В конце XVII и XVIII веках практиковался захват аманатов как гарантов покорности их соплеменников и выплаты ясака (дани в государеву казну). Заложники содержались в острогах в течение необходимого времени, затем их отпускали.
- ⁴¹ Неточность: в 1714 году иеромонах Феодор (он же Филофей Лещинский) предпринял экспедицию на Нижнюю Обь для крещения остяков.
- ⁴² Лешадь — каменные плиты или тонкий квадратный кирпич.
- ⁴³ Речь идет о протоке Оби Утоплой, расположенной у подножия урочища Барсова гора близ Сургута. По хантыйскому преданию в протоке когда-то утонул остяцкий князь.
- ⁴⁴ Лядунка — сумка для патронов, пуль, надевавшаяся через плечо.
- ⁴⁵ Пищаль затинная — ручное огнестрельное оружие малого калибра (до 50 мм). Длина достигала 1,5 м. В XV—XVII веках такие орудия отливались, как правило, из меди или бронзы и были на вооружении у казаков и стрельцов. Служили для прицельной стрельбы свинцовыми или железными коваными ядрами.
- ⁴⁶ Кошка — ременная плеть с несколькими хвостами.
- ⁴⁷ Порта Оттоманская — официальное название Османской турецкой империи, употреблявшееся в XVIII веке. Название появилось в результате перевода на французский язык выражения «паша капысы» — канцелярия паши, дверь паши.
- ⁴⁸ «Прешение» — запрет.
- ⁴⁹ Сатыгинская волость находилась в среднем течении реки Конды, левого притока Иртыша. Селение Сатыга, названное по имени легендарного мансийского князя начала XVIII века Сатыги, располагалось на северном берегу одноименного тумана — проточного озера.
- ⁵⁰ Исхичивать — грабить, воровать (устарев.).
- ⁵¹ Власница — грубая шерстяная одежда монаха, отшельника.
- ⁵² Гмелин Иоганн Георг (1709—1755 гг.) — немецкий натуралист. В 1727 году Гмелин был приглашен в Россию, где он сначала составлял каталог минералов в Кунсткамере, затем (в 1730 г.) был принят на службу в Академию Наук в качестве адъюнкта натуральной истории. С 1733 по 1743 гг. Гмелин работал вместе с Г.Ф. Миллером в составе второй Камчатской экспедиции. В 1751—1752 годах он издал на немецком языке описание своего путешествия в нескольких томах, основанное на путевых записках. Описание содержит подробную характеристику природы Сибири, особенностей быта коренных народов края и русских переселенцев.

⁵³ Паллас Петр Симон (1741—1811) — немецкий естествоиспытатель, географ, с 1767 года работавший в России по приглашению Екатерины II. В 1768—1774 годах Паллас возглавлял академическую комплексную экспедицию по Центральной России, Уралу, Сибири и Забайкалью. В результате этой экспедиции появились два знаменитых труда Палласа: «Русско-азиатская зоография» и пятитомное «Путешествие по разным провинциям Российского государства».

⁵⁴ Георги Иоганн Готлиб (1729—1802 гг.) — немецкий натуралист, участвовавший в 1770—1772 годах в академической экспедиции под руководством И.П. Фалька. С 1772 по 1773 годы работал в Сибири в составе экспедиции П.С. Палласа. В 1776—1788 годах вышел в свет его монографический труд «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей». В монографии содержалось более 100 рисунков этнографического характера. Он же привел в порядок и опубликовал посмертное издание путевых записок И.П. Фалька.

⁵⁵ Мессершмидт Даниил Готлиб (1685—1735 гг.) — знаменитый немецкий натуралист и географ. В 1720—1727 годах по заданию Петра I возглавлял сибирскую академическую экспедицию. Его десяти томный труд «Обозрение Сибири, или Три таблицы простых царств природы», содержащий самые разнообразные материалы по истории, географии, этнографии, флоре и фауне Сибири, остался неизданным, но рукопись представляет научную ценность и сегодня.

⁵⁶ «Бугровщики» — грабители курганов («бугров»).

⁵⁷ Чудь — изначально этноним, название одного из «вымерших» западно-финских племен. Упоминается в Начальной летописи как одно из племен, обитавших по соседству со словенами в IX веке. Позднее, в X—XI вв. оно было ассимилировано славянским населением наряду с другими финноязычными племенами — *мешерой, муромой, а само название «чудь» приобрело легендарный характер. В фольклоре северорусского населения, коми-зырян, коми-пермяков и саамов чудь, или чудь «белоглазая» (со светлыми глазами) выступает в качестве аборигенов края.

Семантика самого термина осмысливается коми как «пугливый, боязливый» (ср. с русским «чудить» (чудак), т.е., совершать странные, непонятные поступки), что объясняется наиболее распространенными сюжетами преданий о чуди-язычниках, которые не желая принимать христианство, подрубали столбы своих землянок и все погибали, либо после недолгого сопротивления пришельцам убегали на север или за Урал. Гораздо реже встречаются предания о воинственной чуди, сражающейся с пришельцами или между собой. Чаще всего языческая чудь ассоциируется у русских и коми-зырян с дохристианским населением края. С чудью связываются археологические объекты X—XV вв. (городища и могильники) в Коми крае. Встречаются предания о чуди-разбойниках, оставивших заговоренные клады. Такие клады встречаются якобы около «чудских ям» (следы старых землянок, могильные ямы).

С переселением коми-зырян, коми-пермяков и северорусского населения в Сибирь в конце XVI—XIX вв. и здесь распространились поверья и предания о чуди и сам термин «чудь». Зауральские коми называют чудью древних ханты и манси. Около чудских ям, по их мнению, «водит».

Таким образом, представления о чуди в течение последнего тысячелетия претерпели значительную трансформацию: от имени конкретного за-

падно-финского народа — к названию аборигенов-язычников (предков коми, ханты, манси, ненцев и древнего населения без определенной этнической привязки). Кроме того, широко распространились представления иррационального характера, когда чужд выступает как невидимый народ, живущий в «параллельном» мире и обладающий чудодейственными способностями, или как духи-хозяева мест (домовые, банники, овинники и т.п.).

- ⁵⁸ Стефан Пермский (1339—1396 гг.) — уроженец г. Устюга, сын русского и зырянки. С 1365 по 1379 годы был монахом, затем отправился в пермскую землю на реку Вычегду обращать в православие язычников-зырян. Прославился как неистовый борец с идолопоклонничеством и креститель коми-зырян. Создал зырянскую азбуку. В 1383(1384?) году митрополит Пимен с одобрения князя Великого московского Дмитрия Донского возвел его в сан епископа Перми. После смерти Стефан был объявлен Русской православной церковью святым.

⁵⁹ Речь идет соответственно о кетах и селькупках.

- ⁶⁰ Вероятно, речь идет о городищах Андрюшином и «Жилье» — на южном берегу Андреевского озера, которые впервые были обследованы в 1883 году И.Я. Словцовым.

⁶¹ Городище Кокуй-городок на Серебрянке, где по преданию зимовала дружина Ермака, вероятнее всего, является исторической химерой. Найденный в 1962 году недалеко от устья р. Кокуй краеведом Л.Ф. Толмачевым «Городок» с легкой руки нижнетагильского археолога А.И. Росадович вошел в научную литературу как место зимовки Ермака. В то же время материалы, полученные при его раскопках, датируются более поздним временем (XVIII—XIX веками). Вероятно, «рвы» и ямы, обнаруженные на этом месте, являются остатками старательных канав и сооружений, связанных с кустарным железоплавильным производством. Неоднократные попытки разыскать в этом районе место зимовки Ермака, предпринимавшиеся нижнетагильскими археологами, окончились безрезультатно.

- ⁶² Ермакове городище на реке Тагиле при устье ручья Медведки, начиная с 1915 года, несколько раз подвергалось археологическим раскопкам. Сибирские летописи не содержат сведений об этом городище, но в народной песне «Ермак взял Сибирь», записанной в XVIII веке Киршей Даниловым, говорится о двухнедельной стоянке дружины на реке Тагиле, напротив Медведь-камня, т.е. именно там, где было обнаружено данное городище. Раскопки показали, что само городище возникло в раннем железном веке и из-за малой площади (20x30 м) не могло служить защитой для дружины. Стоянка ермаковцев располагалась рядом с городищем, что подтверждается обнаруженными следами кострищ, сапожными подковками XVI—начала XVII веков, судовыми крепежными скобками и четырьмя серебряными «денгами-московками» Ивана Грозного. Вероятно, на этом месте отдыхали и ремонтировали после трудного уральского перехода свои лодки не только казаки Ермака, но и следовавшие по его пути в конце XVI в. русские отряды.
- ⁶³ Имена татарских «князцов» не подтверждаются письменными источниками. Не исключено, что Кашкара, Варвара и Матмасы — не более, чем топонимы.

- ⁶⁴ Средневековые подвески, идолаы отливались не из чугуна, а из меди, бронзы.

⁶⁵ Речь идет о большом круглом холме естественного происхождения, расположенном недалеко от устья реки Вагай, на ее левом берегу, ря-

дом с деревней Старый Погост. Раскопки городища на вершине холма, предпринятые в 1980-х годах В.А. Могильниковым, показали, что оно было сооружено в начале новой эры населением т.н. саргатской археологической культуры.

⁶⁶ «Шелеп» — плеть, нагайка.

⁶⁷ Полное имя хана, именуемого в русских летописях и документах Ибаком (Иваком), — Сайид Ибрахим хан. Он принадлежал к династии сибирских шейбанидов и правил в 1469—1495 годах Шейбанидским Сибирским ханством. В 1481 году, после разгрома хана Большой Орды Ахмада, Сайид Ибрахим объявил себя верховным ханом Джучидского государства, наследником Золотоордынского престола.

⁶⁸ Протопоп Аввакум Петрович (1620—1682 гг.) — один из духовных лидеров раскольников движения. В 1653 году за резкие выступления против реформ патриарха Никона был сослан вместе с супругой в Сибирь. В 1666 году был предан церковному суду и лишен сана священника. В 1682 году вместе с другими раскольниками был сожжен в Пустозерском остроге. Аввакум — автор многих богословских сочинений, из которых наиболее значительным является «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».

⁶⁹ Мухомор, обладающий сильным галлюциногенным воздействием, употреблялся ханты, манси, селькупы и ненцы при совершении культовых обрядов, за что его называли «шаманский гриб».

⁷⁰ Узорочье — дорогие ткани, одежды, украшенные узорами.

⁷¹ Паволоки — дорогие «заморские» ткани.

⁷² Речь идет о посольстве волжских булгар.

⁷³ Имеются в виду кочевые воинственные племена башкир, калмыков, казахов.

⁷⁴ Вероятно, тоболяки наблюдали северное сияние.

⁷⁵ Популярное предание о кольчугах, подаренных Иваном Грозным Ермаку, письменными источниками не подтверждается. Принадлежность Ермаку предметов воинского снаряжения и реликвий, упоминаемых в статье, к сожалению, не доказана, а сами раритеты не сохранились.

⁷⁶ Джунгария — область на северо-западе Китая, граничащая с Восточным Казахстаном. Население — уйгуры, дунгане, китайцы, монголы и т.д. В данном случае речь идет о калмыцком тайше Аблае. В XVIII веке калмыки кочевали на обширном степном пространстве от Джунгарского Алатау до Южного Зауралья.

⁷⁷ Вероятно, следует читать «протоку».

⁷⁸ Коркинская слобода (Ишимский острог) была основана в 1631 году на месте современного г. Ишима.

⁷⁹ Дошаник — большая плоскодонная лодка, широко использовалась в XVII—XVIII вв. в Сибири для перевозки грузов.

⁸⁰ Целовальник — выборная должность в России XVI—XVIII веков. Целовальники ведали сбором различных пошлин, в том числе кабацких. Название произошло от выражения «целовать крест», то есть присягать на верность.

⁸¹ Промемория — официальное донесение, памятная записка (от латинского выражения *pro memoria* — «для памяти»).

Оглавление

Ю. Мандрика. Евгений Кузнецов считал себя пионером.....	6
Сказания и догадки о христианском имени Ермака.....	9
Начало сибирских городов: <i>Исторический набросок</i>	49
Сибирский летописец: <i>Летопись конца XVII</i> <i>и начала XVIII столетия, веденная в Тобольске</i>	71
Летопись Щетининых (1743-1777).....	109
Тобольский кремль и одна из тайн его.....	115
О хлебной торговле Тобольска в 1744 году (<i>По бумагам Полицмейстерской конторы</i>).....	125
Тревога в Сургуте в 1745 г.: <i>Из уцелевших</i> <i>от пожаров бумаг Тобольской</i> <i>полицмейстерской конторы</i>	133
Бытовые черты тоболяков XVIII столетия: (<i>По архивным документам</i>).....	142
Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири.....	169
Монахиня Прокла: Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова (<i>Новые материалы для биографии</i>).....	213
Первые кабаки в Сибири.....	261
Воздушные страхи Тобольска в старину.....	284
Тобольск в дни воцарения императора Николая Павловича (<i>По архивным сведениям</i>).....	293
Находка ружья покорителя Сибири.....	302
Святые ворота в старом Тобольске: 1686—1759.....	307
Нападение на полицмейстера Бабановского: <i>Из тобольской старины</i>	323
Тяжелая память прошлого: <i>Старые листки</i> <i>о старых людях</i>	333
Указатель литературных трудов Е.В. Кузнецова (1866—1896).....	346
С. Пархимович. Комментарии.....	358